Проверено

1960

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

Вп 26426				
	Мф к-1/10429			

Рег. 307/68

РУ № 20 на базе ТЛ-2. Зак. № 2012

Вп 2642 б

Bm 3
17.141.629
BPΠ 2642
2642a
2 ex
대기실
자료

Изданіе Н. О. Поповой.

9(с)15
Б-748
Вп 26428

В. Я. Богучарскій.

Три западника сороковыхъ годовъ

(П. Я. Чаадаевъ, В. Г. Бѣлинскій и А. И. Герценъ).

(ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОЧЕРКИ).

104835

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Пряжка, д. № 1—3.
1901.

K-3632 | 2

ПРЕДИСЛОВІЕ.

О литературныхъ дѣятеляхъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ писалось у насъ очень много, но предметъ этотъ не только далекъ еще отъ своей окончательной разработки, но нерѣдко страдаетъ даже отсутствіемъ необходимыхъ для этой цѣли матеріаловъ. Достаточно сказать, что даже біографіи такой замѣчательной личности той эпохи, какъ Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ, въ русской литературѣ совсѣмъ не существуетъ. О Чаадаевѣ имѣется нѣсколько воспоминаній (изъ нихъ наиболѣе полныя принадлежатъ Жихареву) и разборовъ его взглядовъ (наиболѣе цѣнные въ трудахъ гг. Пыпина и Милюкова), но это еще не біографіи, составлять которыя, конечно, и не имѣли въ виду оба почтенные ученые. Не далъ біографіи Чаадаева и извѣстный père-jésuite князь И. С. Гагаринъ, хотя въ предисловіи къ изданнымъ имъ въ Парижѣ «Oeuvres choisies de Pierre Tchadaïef» и писалъ такія строки: «у меня была мысль предпослать этой книгѣ очеркъ жизни и трудовъ Чаадаева, но послѣ нѣкотораго колебанія я отъ этого отказался. Мнѣ кажется, что моментъ для этого еще не наступилъ; можетъ быть, онъ наступитъ позже» *). Что остановило издавшаго

*) Oeuvres choisies de Pierre Thadaüief. Préface de l'éditeur, p. 7.

свою книгу въ Парижѣ на французскомъ языкѣ Гагарина осуществить свое намѣреніе хоты бы «позже» (онъ умеръ въ 1882 году), мы не знаемъ, но біографіи Чаадаева онъ такъ и не далъ. Помѣщенное въ «Телескопѣ» за 1836 годъ первое чаадаевское «философическое письмо» стало въ настоящее время величайшею библіографическою рѣдкостью, приводимыя изъ него цитаты нерѣдко или искажены или просто-таки фантастичны, а полнаго перевода втораго, третьяго, и четвертаго письма, равно какъ и «Апологіи Сумасшедшаго», помѣщенныхъ въ гагаринскомъ изданіи сочиненій Чаадаева, на русскомъ языкѣ до сихъ поръ совсѣмъ не было. Большія извлеченія изъ второго «письма» и «Апологіи Сумасшедшаго» и небольшое изъ третьяго сдѣланы въ трудѣ г. Пыпина, цитировалъ эти произведенія также г. Милюковъ, но полный переводъ «Писемъ» и «Апологіи» является въ первый разъ.

Мы не задаемся также цѣлью написать полную біографію Чаадаева, и имѣемъ лишь въ виду: 1) собрать воедино все цѣнное для такой біографіи, что́ разсѣяно въ статьяхъ и воспоминаніяхъ Жихарева, Лонгинова, Свербеева, Никитенко, Якушкина, Герцена, Смирновой и другихъ авторовъ, отдѣливши путемъ сопоставленія и критическаго разбора достовѣрное отъ недостовѣрнаго, существенное отъ неимѣющаго особеннаго значенія; 2) воспроизвести изъ «Телескопа» кетчеровскій переводъ перваго «философическаго письма» Чаадаева; 3) дать переводъ другихъ его «писемъ» и «Апологіи» изъ книги Гагарина.

Таковы наши цѣли по отношенію къ работѣ о Чаадаевѣ.

Что касается Бѣлинскаго, то, несмотря на огромное количество написанныхъ о немъ работъ, намъ кажется, что правильная точка зрѣнія на личность и дѣятельность знаменитаго писателя была указана въ русской литературѣ только одинъ разъ, именно, въ оставшихся, къ сожалѣнію, не оконченными статьяхъ г. Каменскаго «Судьбы русской

критики», печатавшихся въ «Новомъ Словѣ» за 1897 годъ Раздѣляя въ наиболѣе существенныхъ чертахъ взгляды на этотъ предметъ г. Каменскаго, но не соглашаясь съ нимъ въ нѣкоторыхъ, имѣющихъ, по нашему мнѣнію, большое значеніе для правильнаго пониманія воззрѣній и характера Бѣлинскаго, подробностяхъ, мы имѣемъ въ виду дать съ этой точки зрѣнія небольшой очеркъ жизни и дѣятельности незабвеннаго критика и *лучшаго* изъ русскихъ людей.

Наконецъ, относительно Герцена, полная біографія котораго, понятно, еще не возможна, мы имѣемъ въ виду дать также лишь очеркъ его жизни и дѣятельности, исходя изъ точки зрѣнія, изъ которой мы уже исходили въ краткой характеристикѣ нѣкоторыхъ воззрѣній высокоталантливаго писателя въ нашей статьѣ «Александръ Ивановичъ Герценъ», помѣщенной въ іюльской и августовской книжкахъ «Научнаго Обозрѣнія» за 1900 годъ.

В. Богучарскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе III

П. Я. Чаадаевъ 1

В. Г. Бѣлинскій 65

А. И. Герценъ 133

«Философическія письма» П. Я. Чаадаева и его «Апологія Сумасшедшаго» 301

Письмо второе 303

» третье 336

» четвертое 360

Апологія Сумасшедшаго 365

Петръ Яковлевичъ

ЧААДАЕВЪ.

Годъ рожденія Петра Яковлевича Чаадаева намъ въ точности неизвѣстенъ. Михаилъ Лонгиновъ говоритъ, что Чаадаевъ родился двадцать седьмаго мая 1793 года [1]), М. Жихаревъ считаетъ годомъ его рожденія 1796-й [2]), а Д. Свербеевъ лишь глухо относитъ его къ „первымъ годамъ послѣдняго десятилѣтія прошлаго вѣка“ [3]). Такимъ образомъ Чаадаевъ былъ старше своего знаменитаго друга Александра Сергѣевича Пушкина, вѣроятно, лѣтъ на пять—на шесть. По матери Чаадаевъ приходился племянникомъ князей Щербатовыхъ и внукомъ извѣстнаго русскаго историка. На рукахъ этой родни молодой Чаадаевъ получилъ первоначальное, весьма замѣчательное для того времени, образованіе, которое закончилъ слушаніемъ лекцій въ московскомъ университетѣ. По окончаніи образованія Чаадаевъ, по существовавшему тогда среди русской знати обычаю, поступилъ въ военную службу, зачислившись юнкеромъ въ гвардейскій семеновскій полкъ. Это былъ наканунѣ отечественной войны 1812 года, въ которой Чаадаевъ принялъ участіе, побывалъ за границей и по окончаніи войны возвратился въ Петербургъ, имѣя такимъ образомъ всѣ шансы сдѣлать блестящую карьеру. Къ этому времени относится сближеніе Чаадаева съ Пушкинымъ, на котораго молодой офицеръ имѣлъ очень сильное вліяніе. Вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, намъ представляется, что настроеніе Петра Яковлевича мало отли-

---

[1]) Михаилъ Лонгиновъ. «Воспоминанія о П. Я. Чаадаевѣ». Русскій Вѣстникъ 1862 г., ноябрь.

[2]) М. Жихаревъ. «П. Я. Чаадаевъ». Вѣстникъ Европы 1871. іюль.

[3]) Д. Свербеевъ. «Воспоминанія о П. Я. Чаадаевѣ». Русскій Архивъ. 1868 г. № 6.

чалось въ это время отъ настроенія всей передовой части гвардейскаго офицерства во второмъ десятилѣтіи девятнадцатаго вѣка. Въ своихъ „Воспоминаніяхъ о Чаадаевѣ“ Лонгиновъ говорилъ: „Чаадаевъ учился самъ и училъ вмѣстѣ съ тѣмъ своего молодого друга (Пушкина), способствуя его умственному развитію, вѣроятно, болѣе, чѣмъ всевозможные профессора своими лекціями“ [1]). Это очень интересное показаніе и на немъ слѣдуетъ остановиться. Жихаревъ утверждаетъ, что „декабрьское событіе сочувствіемъ и симпатіями Чаадаева *никогда* не пользовалось. Въ общемъ настроеніи его пониманія и въ общей связи его идей оно было движеніемъ даже неосновательнымъ, ошибочно задуманнымъ, несообразнымъ съ цѣлью, безплоднымъ, годнымъ только на задержаніе и отдаленіе всякаго рода преуспѣянія“ [2]). Очень можетъ быть, что впослѣдствіи Чаадаевъ относился къ „декабрьскому событію“ т.-е. къ 14 декабря 1825 года именно такъ, какъ разсказываетъ Жихаревъ, но несомнѣнно, что не таковы были его взгляды на все общественное движеніе, результатомъ котораго явилось „декабрьское событіе“. Между тѣмъ объ этомъ важномъ обстоятельствѣ Жихаревъ почти совсѣмъ не упоминаетъ. Мы не знаемъ точно по какимъ основаніямъ, но объ этомъ предметѣ Чаадаевъ, очевидно, не пожелалъ подѣлиться своими истинными мнѣніями съ Жихаревымъ, такъ какъ теперь изъ записокъ Ивана Дмитріевича Якушкина достовѣрно извѣстно, что Чаадаевъ самъ былъ членомъ тайнаго общества, принятаго въ него авторомъ „Записокъ“ [3]). Какими-то неясными указаніями на эту принадлежность Чаадаева къ тайному обществу объясняется безъ сомнѣнія и исторія съ временнымъ его арестомъ при возвращеніи изъ за границы, о чемъ болѣе или

---

[1]) Лонгиновъ, стр. 125.
[2]) Жихаревъ. Вѣстникъ Европы, сентябрь, 1871 г., стр. 13.
[3]) Якушкинъ. Записки, стр. 59.

менѣе темно разсказываютъ Жихаревъ и Свербеевъ. Послѣдній, впрочемъ, говоритъ, что „Чаадаевъ *раздѣлялъ мнѣнія* той (двадцатыхъ годовъ) эпохи, но былъ врагомъ всякаго потрясенія, требующаго крови“ [1]). Это, кажется, гораздо ближе къ истинѣ и болѣе вяжется съ разсказомъ такого не только очевидца, но и дѣйствующаго лица, какъ Якушкинъ. „Въ 1827 году на пути въ Россію,—разсказываетъ далѣе Свербеевъ,—Чаадаевъ былъ на короткое время задержанъ въ Брестѣ; у него взяты были бумаги и вскорѣ потомъ возвращены безъ всякихъ непріятностей“ [2]). Разсказывая о томъ же инцидентѣ, Жихаревъ обставляетъ его нѣкоторыми мало, конечно, вѣроятными подробностями: „если не ошибаюсь,—говоритъ онъ,—въ Ковно или въ Брестъ-Литовскѣ при возвращеніи изъ-за границы Чаадаевъ былъ задержанъ, и дальнѣйшее слѣдованіе было ему запрещено безъ изъясненія на то причинъ. Очень вѣроятно, что эти причины находились въ связи съ петербургскими событіями, и очень понятно, что Чаадаевъ вошелъ въ большой перепугъ и сильное безпокойство. Въ то время находился въ Ковно (или въ Брестѣ-Литовскѣ) проѣздомъ, не знаю куда, въ Москву или Петербургъ, великій князь Константинъ Павловичъ. Вечеромъ въ очень сильную грозу Чаадаевъ увѣдомилъ письмомъ одного изъ его адъютантовъ о своемъ положеніи, которое сію же минуту было доведено до великаго князя. Мнѣ неизвѣстно, имѣлъ ли тутъ Чаадаевъ свиданіе съ великимъ княземъ, или тутъ дѣло исполнялось черезъ третьихъ лицъ, только достовѣрно, что великій князь его принялъ къ самому участливому свѣдѣнію, всячески Чаадаева успокаивалъ, шутилъ, смѣялся, говорилъ, что онъ все обдѣлаетъ и уладитъ, и приказалъ ему, не трогаясь съ мѣста и не смущаясь, дожидаться въ Ковно (или въ Брестъ-Литовскѣ) своего возвращенія. Такъ, разумѣется, исполнилось. По возвращеніи уже онъ будто бы

[1]) Свербеевъ, стр. 984.
[2]) Ibid.

сказалъ Чаадаеву: „Maintenant vous avez le clef des champs". Послѣ чего они каждый въ свою сторону разъѣхались и никогда уже болѣе не видались" [1]).

Замѣчательна одна особенность характера Чаадаева: его біографы Лонгиновъ, Свербеевъ и Жихаревъ хвалятся своею къ нему близостью, но о самыхъ интересныхъ моментахъ своей жизни Чаадаевъ, очевидно, никогда и никому изъ нихъ сколько-нибудь откровенно не разсказывалъ. Такъ, осталось тайною для всѣхъ біографовъ, осталось бы безъ записокъ Якушкина тайною и для всей читающей публики, его истинное отношеніе къ событіямъ двадцатыхъ годовъ; не разсказывалъ онъ и о мотивахъ своего ареста въ Брестъ-Литовскѣ, не разсказывалъ никогда, какъ увидимъ ниже, и подробностей своего разговора въ Троппау съ Александромъ Первымъ, а разговоръ этотъ былъ, безъ сомнѣнія, важнымъ событіемъ, измѣнившимъ весь ходъ жизни Чаадаева и разрушившимъ открывавшуюся передъ нимъ блестящую карьеру. Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ былъ, видимо, человѣкомъ очень скрытнымъ, до того скрытнымъ, что черты этой даже не замѣчали его простодушные біографы, принимая его изысканную свѣтскую любезность съ ними за дружескую откровенность. Повторяемъ, лишь благодаря запискамъ Якушкина нѣсколько уясняется отношеніе Чаадаева къ общественному движенію двадцатыхъ годовъ. Не можемъ мы, съ другой стороны, согласиться и съ тѣми объясненіями, которыя даетъ объ отношеніяхъ Чаадаева къ общественному движенію двадцатыхъ годовъ и г. Милюковъ. Почтенный ученый пишетъ по этому поводу такія строки: „Племянникъ князей Щербатовыхъ, прекрасно подготовленный дома, располагавшій большими связями и чрезвычайно удачно начавшій, на виду у двора, свою служебную карьеру, Чаадаевъ стоялъ близко къ тѣмъ сферамъ, которыя дѣлаютъ политику и въ которыхъ непосредственнѣе всего ощущаются ея ре-

---

[1]) Жихаревъ, стр. 13—14.

зультаты. Можно думать, что эта *особенность положенія* (курсивъ нашъ) отразилась уже на характерѣ впечатлѣній, вынесенныхъ Чаадаевымъ изъ перваго знакомства съ Европой во время заграничныхъ походовъ 1813—1814 годовъ. Настроеніе *немногочисленнаго и немногимъ доступнаго круга, въ которомъ вращался Чаадаевъ*, не совсѣмъ соотвѣтствовало тому, которое вынесли изъ тѣхъ же заграничныхъ походовъ будущіе декабристы" [1]). О какой „особенности положенія", о какомъ „немногочисленномъ и немногимъ доступномъ кругѣ, въ которомъ вращался Чаадаевъ", этотъ тогда еще молодой и ничѣмъ особенно не выдѣлившійся сначала юнкеръ, а потомъ офицеръ, говоритъ г. Милюковъ? Развѣ „будущіе декабристы", т. е. князья Волконскій, Трубецкой, Оболенскій, Одоевскій, Барятинскій, Щепинъ-Ростовскій, Голицынъ, Шаховской, графы Булгари, Коновницинъ, Чернышовъ и многіе другіе принадлежали и по знатности происхожденія, и по связямъ не къ тому же кругу, „въ которомъ вращался Чаадаевъ?" Почему же произошла у него и у нихъ такая разница впечатлѣній? Такъ ли это? Намъ кажется, что нѣтъ, и, что возвратясь изъ походовъ 1813—1814 года, Чаадаевъ смотрѣлъ на свою будущую дѣятельность тѣми же глазами, которыми смотрѣли на все и декабристы въ періодъ дѣйствій, по крайней мѣрѣ, Союза Благоденствія. Что это именно такъ, о томъ, если даже заподозрить точность записокъ Якушкина, на что нѣтъ ни малѣйшихъ основаній, свидѣтельствуютъ всѣ отношенія Чаадаева къ Пушкину. Лейбъ-гусарскій полкъ, въ которомъ служилъ Чаадаевъ послѣ отечественной войны 1812 года, стоялъ въ Царскомъ Селѣ. Въ царскосельскомъ же лицеѣ учился въ то время будущій великій поэтъ земли русской. И вотъ въ ту еще раннюю для Пушкина пору между нимъ и Чаадаевымъ установились

---

[1]) П. Милюковъ. Главныя теченія русской исторической мысли, т. I, стр. 290.

самыя близкія, самыя дружескія отношенія. По словамъ Лонгинова, Чаадаевъ способствовалъ развитію Пушкина болѣе, чѣмъ всевозможные профессора своими лекціями; о характерѣ же бесѣдъ, происходившихъ между друзьями, можно судить, напр., по стихотворенію Пушкина „Петру Яковлевичу Чаадаеву", написанному въ 1818 году. Стихотвореніе это гласитъ:

Любви, надежды, гордой славы
Недолго тѣшилъ насъ обманъ:
Исчезли юныя забавы,
Какъ дымъ, какъ утренній туманъ.
Но въ насъ кипятъ еще желанья:
Подъ гнетомъ власти роковой
Нетерпѣливою душою
Отчизны внемлемъ мы призванья!
Мы ждемъ съ томленьемъ упованья
Минуты вольности святой,
Какъ ждетъ любовникъ молодой
Минуты сладкаго свиданья.
Пока свободою горимъ,
Пока сердца для чести живы,
Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
Души высокіе порывы!
Товарищъ, вѣрь, взойдетъ она:
Заря плѣнительнаго счастья.
Россія вспрянетъ ото сна
И на обломкахъ...
Напишетъ наши имена! [1])

Въ посланіи этомъ, какъ справедливо замѣчаетъ Лонгиновъ, „слышится отголосокъ мыслей, бывшихъ предметомъ ихъ задушевныхъ разговоровъ". Молодой Пушкинъ высоко цѣнилъ личность Петра Яковлевича, что̀ и выразилъ въ четверостишіи, называющемся „къ портрету Чаадаева":

Всевышней волею небесъ
Окованный на службѣ царской—
Онъ въ Римѣ былъ бы Брутъ, въ Аѳинахъ—Периклесъ,
У насъ—онъ офицеръ гусарскій [2]).

---

[1]) Соч. А. С. Пушкина. 4 изд. Ф. Павленкова, 1897 г., стр. 700.
[2]) Ibid., стр. 586.

Чаадаеву же выпало на долю спасти своего друга отъ грозившей ему ссылки въ Сибирь или заключенія въ Соловецкій монастырь. Узнавши о грозившей Пушкину бѣдѣ, Чаадаевъ, служившій тогда адъютантомъ у командира гвардейскаго корпуса князя Васильчикова, добился не въ урочный часъ свиданія съ Карамзинымъ и страстно увѣщевалъ пользовавшагося тогда большимъ вліяніемъ „исторіографа" спасти Пушкина отъ грозившей ему ужасной участи. Хлопоты Чаадаева увѣнчались успѣхомъ: Пушкинъ, вмѣсто холодныхъ странъ, очутился на благословенномъ югѣ, а потомъ и въ своемъ родномъ Михайловскомъ. „Вспомнимъ,—говоритъ Лонгиновъ,—что спасеніемъ величайшаго поэтическаго генія Россіи мы обязаны энергичному чувству Чаадаева" [1]). И Пушкинъ платилъ Чаадаеву теплою дружбою. Въ числѣ „самыхъ необходимыхъ предметовъ для жизни" онъ требуетъ отъ своего брата присылки ему въ Михайловское портрета Чаадаева. Чаадаеву посвящаетъ онъ первый экземпляръ „Бориса Годунова" и горячо интересуется его мнѣніемъ объ этомъ произведеніи; ему же шлетъ онъ изъ Михайловскаго цѣлое посланіе, въ которомъ заключаются такія строки:

Ты былъ цѣлителемъ моихъ душевныхъ силъ;
О неизмѣнный другъ, тебѣ я посвятилъ
И краткій вѣкъ, уже испытанный судьбою,
И чувства, можетъ быть, спасенныя тобою!
Ты сердце зналъ мое во цвѣтѣ юныхъ дней;
Ты видѣлъ, какъ потомъ въ волненіи страстей
Я тайно изнывалъ, страдалецъ утомленный;
Въ минуту гибели надъ бездной потаенной
Ты поддержалъ меня недремлющей рукой;
Ты другу замѣнилъ надежду и покой;
Во глубину души вникая строгимъ взоромъ,
Ты оживлялъ ее совѣтомъ иль укоромъ;
Твой жаръ воспламенялъ къ высокому любовь;
Терпѣнье смѣлое во мнѣ рождалось вновь;

---

[1]) Лонгиновъ, стр. 128.

Ужъ голосъ клеветы не могъ меня обидѣть:
Умѣлъ я презирать, умѣя ненавидѣть.
Что нужды было мнѣ въ торжественномъ судѣ
Холопа знатнаго, невѣжды при звѣздѣ,
Или философа, который въ прежни лѣта
Развратомъ изумилъ четыре части свѣта,
Но, просвѣтивъ себя, загладилъ свой позоръ,
Отвыкнувъ отъ вина и сталъ картежный воръ?
Ораторъ Лужниковъ, никѣмъ не замѣчаемъ,
Мнѣ мало досаждалъ своимъ невиннымъ лаемъ.
Мнѣ ль было сѣтовать о толкахъ шалуновъ,
О лепетаньи дамъ, зоиловъ и глупцовъ
И сплетней разбирать игривую затѣю,
Когда гордиться могъ я дружбою твоею?
Благодарю боговъ: прошелъ я мрачный путь,
Печали раннія мою тѣснили грудь:
Къ печалямъ я привыкъ, разсчелся я съ судьбою
И жизнь перенесу стоической душою.
Одно желаніе: останься ты со мною!
Небесъ я не томилъ молитвою другою.
О, скоро ли, мой другъ, настанетъ срокъ разлуки?
Когда соединимъ слова любви и руки?
Какъ обниму тебя! Увижу кабинетъ,
Гдѣ ты всегда мудрецъ, а иногда—мечтатель
И вѣтренной толпы безстрастный наблюдатель.
Приду, приду я вновь, мой милый домосѣдъ,
Съ тобою вспоминать бесѣды прежнихъ лѣтъ,
Младые вечера, пророческіе споры,
Знакомыхъ мертвецовъ живые разговоры:
Посмотримъ, перечтемъ, посудимъ, побранимъ,
Вольнолюбивыя надежды оживимъ,
И счастливъ буду я; но только, ради Бога,
Гони ты Шеппинга отъ нашего порога [1]).

Все это проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на отношенія Чаадаева къ общественному движенію второго десятилѣтія XIX вѣка, результатомъ котораго явилось „декабрьское событіе“.

---

[1]) Соч. А. С. Пушкина, 4 изд. Ф. Павленкова, стр. 711—712.

Въ предисловіи къ „Ouvres choisies de Pierre Tchadaïef“, князь Гагаринъ говоритъ слѣдующее:

„Въ молодости онъ (Чаадаевъ) былъ прикосновененъ къ либеральному движенію, завершившемуся кровавой катастрофой 14—26 декабря 1825 года. Онъ раздѣлялъ либеральныя идеи людей, которые принимали участіе въ этомъ движеніи, онъ соглашался съ ними о реальности того сильнаго зла, отъ котораго страдала и страдаетъ Россія, но расходился въ вопросѣ о причинахъ его и въ особенности въ вопросѣ о средствахъ къ его устраненію. Онъ не думалъ, что корень зла надо искать въ политическомъ устройствѣ страны и энергично отвергалъ мысль о революціи или насильственномъ измѣненіи образа правленія“ [1]).

Если принять такую характеристику возрѣній Чаадаева за вѣрную, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Петръ Яковлевичъ могъ вполнѣ искренно примыкать къ Союзу Благоденствія и столь же искренно не соглашаться съ тѣми тенденціями, которыя возоблагали впослѣдствіи въ сѣверномъ и въ особенности южномъ обществѣ.

Въ 1820 году въ Петербургѣ произошли извѣстные безпорядки въ Семеновскомъ полку. Императоръ Александръ I находился въ это время въ Троппау, куда Васильчиковъ и послалъ курьеромъ съ извѣстіемъ о происшедшемъ Чаадаева. Свербеевъ, Герценъ и другіе разсказываютъ въ своихъ воспоминаніяхъ и запискахъ, что австрійскій посолъ графъ Лебцельтернъ успѣлъ съ своей стороны отправить курьера въ Троппау, который будто бы и прибылъ туда ранѣе Чаадаева, разсказалъ о происшедшемъ въ Петербургѣ Метерниху, а послѣдній, искусно воспользовавшись сообщеніемъ, сказалъ о томъ въ удобную для себя минуту ничего не подозрѣвавшему Александру. Такимъ образомъ, когда прибылъ

---

[1]) Oeuvres choisies de Pierre Tchadaïef publiées pour la premiére fois rap le P. Gagarin. Prèface de l'éditeur, p. 2.

Чаадаевъ, Александръ уже будто бы зналъ о петербургскихъ событіяхъ, разбранилъ курьера за медленность, но потомъ какъ бы спохватившись, предложилъ ему званіе флигель-адьютанта. Оскорбленный Чаадаевъ просилъ съ своей стороны одной милости—отставки, и получилъ ее даже безъ обычнаго награжденія слѣдующимъ чиномъ. Таковъ ходячій разсказъ о причинахъ внезапной отставки Чаадаева. Лонгиновъ рѣшительно опровергаетъ его утверждая, что никакого курьера въ Троппау Лебцельтернъ не посылалъ, что еще до посылки Чаадаева при первыхъ же признакахъ неповиновенія солдатъ къ Александру былъ отправленъ другой фельдъегерь и что, такимъ образомъ, русскій императоръ, дѣйствительно, зналъ уже ко времени прибытія Чаадаева въ Троппау о петербургскихъ событіяхъ, но зналъ ихъ отъ русскаго фельдъегеря, а не отъ графа Меттерниха.

Какъ бы то ни было, но въ этотъ моментъ Чаадаевъ пострадалъ вдвое: его блестящая карьера разбилась въ дребезги, и, что главное, онъ сильно упалъ во мнѣніи товарищей-офицеровъ, среди которыхъ былъ весь цвѣтъ тогдашней интеллигенціи. О немъ говорили, что онъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ былъ брать на себя такого щекотливаго порученія, что ѣхать въ Троппау было ему тѣмъ болѣе неумѣстно, что онъ самъ началъ свою службу въ Семеновскомъ полку, что, зная о жалуемыхъ въ этихъ случаяхъ флигель-адъютантскихъ аксельбантахъ, онъ долженъ былъ бы чувствовать себя особенно неловко передъ своими бывшими товарищами, на которыхъ, какъ это и случилось въ дѣйствительности, обрушились чрезвычайно тяжелыя кары и что такимъ образомъ Чаадаевъ принесъ въ жертву своему честолюбію самое простое чувство порядочности. Весьма возможно, что отъ него отдалились въ это время и члены тайнаго общества, куда раньше онъ былъ принятъ Якушкинымъ, весьма возможно, что именно въ этой сторонѣ дѣла лежала и причина, почему Чаадаевъ не любилъ гово-

рить о своихъ отношеніяхъ къ декабристамъ, поѣздкѣ въ Троппау, разговорѣ съ Александромъ, арестѣ въ Брестъ-Литовскѣ и т. д. Одинъ неловкій шагъ повлекъ за собою очень серьезныя послѣдствія и этотъ шагъ остался, вѣроятно, больнымъ мѣстомъ Петра Яковлевича на всю его жизнь. Впрочемъ, какъ мы увидимъ дальше, и самый характеръ Чаадаева далеко не можетъ быть названъ рыцарскимъ.

Жихаревъ говоритъ, что, возвратясь въ Петербургъ, Чаадаевъ созналъ самъ сдѣланную имъ неловкость и, чтобы доказать, что въ своей поѣздкѣ въ Троппау онъ отнюдь не руководствовался честолюбіемъ, постарался не только отказаться отъ званія флигель-адъютанта, но и вовсе выйти въ отставку, разбивши такимъ образомъ собственными руками всю свою карьеру.

Если это было даже и такъ, то все же это не могло изгладить окончательно дурного впечатлѣнія въ обществѣ, и Чаадаевъ тутъ же понялъ, что самымъ лучшимъ для него выходомъ изъ создавшагося положенія являлось удаленіе на продолжительно время заграницу. Такъ онъ и поступилъ и съ этого момента его мысли направились въ другую сторону. Еще до поѣздки въ Троппау, Чаадаевъ заинтересовался идеями, пущенными въ обращеніе въ Петербургѣ де-Местромъ но, намъ кажется, что интересъ къ нимъ далеко не былъ такъ великъ, чтобы, какъ это думаетъ г. Милюковъ, уже „*замѣтно* отклонить его отъ общаго настроенія столичнаго офицера и можетъ быть подготовить тотъ кризисъ, который, немного лѣтъ спустя, перевернулъ всю дальнѣйшую судьбу Чаадаева“ [1]). Мы видѣли выше въ какихъ отношеніяхъ находились къ Чаадаеву И. Д. Якушкинъ и А. С. Пушкинъ. Близость эта имѣла своимъ основаніемъ солидарность воззрѣній и во всякомъ случаѣ „кризисъ“ т. е. имѣвшая мѣсто „немного лѣтъ спустя“ поѣздка въ Троппау и

---

[1]) Главныя теченія русской исторической мысли стр. 291.

ея послѣдствія для судьбы Чаадаева врядъ ли находился въ какой-либо связи съ вліяніемъ де Местра.

Въ 1821 году Чаадаевъ уѣхалъ заграницу и пробылъ тамъ цѣлыхъ шесть лѣтъ. Всѣ событія 1825—1826 годовъ произошли такимъ образомъ въ его отсутствіе. Эти событія снесли съ исторической арены Россіи весь цвѣтъ того поколѣнія, къ которому принадлежалъ Чаадаевъ и, возвратясь на родину, Петръ Яковлевичъ засталъ уже иное время и иныхъ людей. Между тѣмъ, давно заработавшая мысль жадно требовала отвѣта на многіе коренные вопросы жизни. И Чаадаевъ проявилъ при этомъ замѣчательную силу и глубину мысли. Конечно, здѣсь сказалось знакомство съ философіей Шиллинга и съ самимъ знаменитымъ философомъ [1]), но интересъ къ личности и взглядамъ Чаадаева отъ этого только возрастаетъ.

Чаадаевъ и Хомяковъ,—эти столпы и основоположники одинъ западническаго, другой славянофильскаго направленія,—были каждый въ своемъ родѣ очень сильными мыслителями. О Хомяковѣ намъ придется говорить еще не разъ на всемъ протяженіи нашей книги, а для характеристики Чаадаева приведемъ слѣдующій восторженный отзывъ о немъ Жихарева.

„Въ моихъ понятіяхъ Чаадаевъ былъ самый крѣпкій, самый глубокій и самый разнообразный мыслитель, когда-либо произведенный русской землею“ [2]).

„Ни одна изъ областей человѣческаго знанія не была ему (Чаадаеву) совершенно неизвѣстна,—говоритъ тотъ же Жихаревъ въ другомъ мѣстѣ. Огромное энциклопедическое образованіе нисколько не исключало нѣкоторыхъ весьма

---

[1]) Два письма Чаадаева къ Шеллингу одно отъ 1832, другое отъ 1842 года напечатаны въ ноябрской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за 1862 г. стр. 157—160.

[2]) Вѣстн. Евр. 1871 г., іюль, стр. стр. 195.

обширныхъ спеціальныхъ познаній въ чрезвычайно замѣчательной степени. Онъ владѣлъ четырьмя новыми языками, изъ которыхъ двумя въ совершенствѣ. Поверхностное знаніе латинскаго языка, тщательное изученіе греческихъ и римскихъ писателей, изъ которыхъ рѣдкій не былъ ему коротко извѣстенъ, примѣчательное знакомство съ древностями Греціи и Рима сообщили его умственности, хотя не полный, но очень дѣльный складъ и очень замѣтный оттѣнокъ классическаго настроенія, свойственный только высокопросвѣщенному человѣку. Его историческія и богословскія познанія равнялись однимъ познаніямъ спеціалистовъ. Въ Россіи, можетъ быть, за весьма сомнительнымъ исключеніемъ очень немногихъ духовныхъ лицъ, конечно, никогда не бывало человѣка столько разнообразно и глубоко изучившаго церковную исторію съ ея безчисленными колебаніями и развѣтвленіями. Область всемірной, гражданской политической исторіи положительно не заключала въ себѣ ничего для него сокровеннаго. Въ этомъ отношеніи его наука была столько обширна и взглядъ до того вѣренъ, что во время публичныхъ лекцій Грановскаго онъ при какой-нибудь важной эпохѣ, возбуждавшей общее любопытство, безошибочно предсказывалъ на какіе факты знаменитый профессоръ станетъ особенно указывать и какую мысль проводить. Его разумѣніе исторіи и пониманіе смысла событій были геніальны и глубоки. Естественныя и точныя науки составили предметъ его очень ранняго знакомства и юношескаго любопытства— печать и признакъ англійскаго перевѣса и англійскаго вліянія его первоначальнаго воспитанія. Эти свѣдѣнія, правда, были не очень обширны, но пріобрѣтены сознательно трудолюбивымъ образомъ и не мало способствовали къ развитію его умственности, склонности и стремленію къ обобщенію, къ единству, къ правильной, неуклонной послѣдовательности, къ разумному систематизированію, словомъ, къ тѣмъ свойствамъ, которыя всегда и вездѣ обличаютъ при-

сутствіе великаго ума. Изученіе исторіи философіи и замѣчательное знаніе философскихъ системъ обогатили его большой научной опытностью. Объ его свѣдѣніяхъ въ области чистой литературы собственно и понимать нечего. Онѣ были чрезвычайно разнообразны и можно утвердительно сказать, что изъ произведеній письменности какого бы то ни было народа, какой бы то ни было страны и какого бы то ни было времени, рѣдкое не было ему коротко извѣстно. Не разъ случалось, что кто-нибудь изъ весьма образованныхъ людей, свѣдавши про какое-нибудь давнишнее сочиненіе и сообщая ему свое открытіе, въ отвѣтъ получалъ обстоятельное историко-критическое его обозрѣніе“ [1]).

Приблизительно такими же чертами обрисовываютъ умственную физіономію Чаадаева и другіе его современники.

Общественные и философско-историческіе взгляды Чаадаева стали извѣстны публикѣ лишь съ 1836 года, когда появилось въ „Телескопѣ“ первое изъ его знаменитыхъ „философическихъ писемъ“, но въ средѣ кружка близкихъ Петру Яковлевичу людей взгляды эти были извѣстны гораздо раньше. Самыя „философическія письма“, о которыхъ мы еще будемъ говорить, были написаны въ 1829 году на французскомъ языкѣ въ формѣ писемъ къ дамѣ (по однимъ свѣдѣніямъ Пановой, урожденной Улыбышевой, по другимъ—къ женѣ декабриста М. Ф. Орлова, урожденной Раевской) и циркулировали въ нѣкоторыхъ кругахъ (объ этомъ произведеніи упоминаетъ, напр., Пушкинъ въ письмѣ къ Чаадаеву отъ шестаго іюля 1831 г. [2]), но и сверхъ того Чаадаевымъ была написана интересная „записка“ для представленія въ 1832 году Бенкендорфу въ защиту идей, пропогандировавшихся журналомъ „Европеецъ“. Дѣло было такъ: въ концѣ двадцатыхъ годовъ среди русскихъ интеллигент-

---

[1]) Вѣстникъ Европы, 1871, сентябрь, стр. 18.

[2]) Сочиненія А. С. Пушкина. 4 изд. Павленкова, стр. 1625.

ныхъ кружковъ еще не существовало раздѣленія на западниковъ и славянофиловъ. Одинъ изъ основателей впослѣдствіи славянофильства, И. В. Кирѣевскій принималъ участіе рядомъ съ „западниками“ въ „Обществѣ любомудрія“. Въ „Воспоминаніяхъ объ А. И. Герценѣ“ Д. Н. Свербеевъ говоритъ: „въ это время (концѣ двадцатыхъ и самомъ началѣ тридцатыхъ годовъ) мы всѣ безъ исключенія были еще европейцами, и потому и журналъ, который въ 1832 г. началъ издавать старшій Кирѣевскій былъ названъ „Европейцемъ“ [1]). То же самое говорятъ о Кирѣевскомъ и другія, близко знавшія его лица. „Названіе „Европеецъ“ достаточно указываетъ на тогдашній образъ мыслей Кирѣевскаго“, говоритъ его біографъ Кошелевъ [2]). „Европеецъ“, какъ извѣстно, былъ запрещенъ на второмъ же нумерѣ двадцать второго февраля 1832 года за статью Кирѣевскаго „XIX вѣкъ“, которую Хомяковъ называлъ впослѣдствіи „замѣчательнымъ, но незрѣлымъ произведеніемъ молодости Кирѣевскаго“ [3]). О причинахъ запрещенія „Европейца“ Кирѣевскій получилъ тогда же извѣщеніе, которое самъ справедливо называлъ „исторической бумагой“. Эта, сдѣлавшаяся уже давно достояніемъ литературы „историческая бумага“ гласитъ: „хотя сочинитель и говоритъ, что онъ говоритъ не о политикѣ, а о литературѣ, но разумѣетъ совсѣмъ иное; подъ словомъ „просвѣщеніе“ онъ разумѣетъ свободу, дѣятельность разума означаетъ у него революцію, *искусно отысканная середина* (курсивъ подлинника) ничто иное, какъ конституція; статья сія не долженствовала быть дозволенною въ журналѣ литературномъ, въ каковомъ запрещается помѣщать что-либо о политикѣ, и вся статья, не взирая на всю ея нелѣпость, писана въ духѣ самомъ не-

---

[1]) Русскій Архивъ, 1870, стр. 3, стр. 675.

[2]) Полное собраніе сочиненій И. В. Кирѣевскаго. 1861, т I, стр. 79.

[3]) «Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій». Полное собраніе сочиненій А. С. Хомякова. Изд. 2, стр. 587.

104835

благонамѣренномъ“ [1]). Кирѣевскій былъ отданъ подъ надзоръ полиціи, а цензоръ, извѣстный писатель С. Т. Аксаковъ, подвергнутъ взысканію и вскорѣ уволенъ отъ должности.

Въ это время и написалъ Чаадаевъ „Mémoire au comte Benkendorf rédigé par Tchadaïef pour Jean Kiréifsky“. Хотя рѣчь въ этой запискѣ идетъ отъ имени Кирѣевскаго, но, принимая во вниманіе „западническое“ направленіе въ это время самого издателя „Европейца“, можно считать изложенные въ запискѣ взгляды болѣе или менѣе близкими самому Чаадаеву. Между прочимъ онъ писалъ такія строки:

„Было время, когда молодое поколѣніе, къ которому принадлежу и я, мечтало о реформахъ для Россіи, о системахъ правленія, подобныхъ тѣмъ, которыя дѣйствуютъ въ европейскихъ странахъ, о порядкѣ вещей такомъ же, какъ и тамъ, словомъ, о конституціяхъ и обо всемъ, что̀ къ нимъ относится. Болѣе молодой, чѣмъ другіе, я послѣдовалъ за теченіемъ, *исповѣдовалъ тѣ же убѣжденія, желалъ тѣхъ же самыхъ преимуществъ* (*avantages*) *для Россіи.* Я счастливъ тѣмъ, что, раздѣляя эти идеи, я не старался осуществить ихъ въ жизни, какъ это хотѣли другіе, преступнымъ образомъ и не запачкалъ себя, какъ запачкали другіе, ужаснымъ возстаніемъ, наложившимъ неизгладимое пятно на нашу національную жизнь. Я признаюсь вамъ въ этомъ, генералъ, дабы заслужить ваше довѣріе; я не боюсь высказать передъ вами мои тогдашніе взгляды“.

Изложивши затѣмъ вкратцѣ воззрѣнія на исторію Россіи, весьма схожія съ тѣми, которыя развивалъ Чаадаевъ подробно въ „философическихъ письмахъ“, онъ говоритъ:

„Каковы бы ни были дѣйствительныя достоинства евро-

---

[1]) Полное собраніе сочиненій Кирѣевскаго, стр. 80, а также «Ив. Вас. Кирѣевскій, очеркъ его жизни и литературной дѣятельности». Рус. Архивъ. 1894, вып. 7, стр. 337.

[2]) Oeuvres choisies de Pietre Tchadaïef, стр. 154—158.

пейскихъ законодательствъ, но онѣ, какъ и всѣ формы соціальныхъ отношеній, явились тамъ необходимымъ результатомъ множества антецедентовъ, которыхъ у насъ нѣтъ; поэтому, законодательства эти у насъ ни въ какомъ случаѣ непримѣнимы... Мы должны позаботиться о томъ, чтобы извлечь изъ собственной почвы тѣ блага, которыми мы будемъ нѣкогда наслаждаться.“ Для этого необходимо „прежде всего серьезное классическое образованіе“, затѣмъ „освобожденіе нашихъ рабовъ“, являющееся „необходимымъ условіемъ всякого дальнѣйшаго прогресса и, въ особенности, прогресса нравственнаго“ и, наконецъ, „пробужденіе религіознаго чувства, дабы религія вышла изъ нѣкотораго рода летаргіи, въ которомъ она нынѣ находится“.

Была ли доставлена эта записка по назначенію или нѣтъ—неизвѣстно. Записка эта указываетъ на близость Чаадаева въ это время съ Кирѣевскимъ, воззрѣнія котораго, какъ и другихъ славянофиловъ, онъ такъ рѣзко осуждалъ впослѣдствіи въ своей „Апологіи сумасшедшаго“. Мы сказали, что „философическія письма“ Чаадаева были извѣстны въ литературныхъ кругахъ, но извѣстность эта была очень ограничена. Даже о первомъ письмѣ, до самого появленія его въ 1836 году въ „Телескопѣ“, рѣшительно ничего не зналъ, наприм., Герценъ. Появленіе этого письма въ печати, произвело странное, ошеломляющее впечатлѣніе на современниковъ. „Какъ только появилось оно, говоритъ Логиновъ, появилась грозная буря [1])“. „Послѣ „Горя отъ ума“ не было ни одного литературнаго проиведенія, которое сдѣлало бы такое сильное впечатлѣніе“, какъ чаадаевское „философическое письмо“,—разсказываетъ Герценъ [2]). „Журнальная статья Чаадаева,—вспоминаетъ Свербеевъ—произвела страшное негодованіе публики и потому не могла

---

[1]) Лонгиновъ стр. 144.
[2]) Сочиненія А. И. Герцена, т. IV, стр. 274.

не обратить на него преслѣдованія правительства. На автора возстало все и всѣ съ небывалымъ до того ожесточеніемъ въ нашемъ доволно апатическомъ обществѣ [1])". Ожесточеніе въ самомъ дѣлѣ было безпримѣрное. Вотъ что разсказываетъ по этому же поводу Жихаревъ: „никогда, съ тѣхъ поръ, какъ въ Россіи стали читать и писать, съ тѣхъ поръ, какъ завелась въ ней книжная и грамотная дѣятельность, никакое литераратурное и ученое событіе, не исключая даже смерти Пушкина, не производило такого огромнаго вліянія и такого обширнаго дѣйствія, не разносилось съ такою скоростью и съ такимъ шумомъ Около мѣсяца среди цѣлой Москвы почти не было дома, въ которомъ не говорили бы про чаадаевскую статью и про чаадаевскую исторію. Даже люди никогда не занимавшіеся никакимъ литературнымъ дѣломъ, круглые неучи, барыни по степени своего интеллектуальнаго развитія мало чѣмъ разнившіеся отъ своихъ кухарокъ и прихвостницъ, подъячіе и чиновники, потонувшіе въ казнокрадствѣ и взяточничествѣ, тупоумные, невѣжественные, полупомѣшанные святоши, изувѣры или ханжи, посѣдѣвшіе и одичавшіе въ пьянствѣ, распутствѣ и суевѣріи, молодые отчизнолюбцы и старые патріоты,—все соединилось въ одномъ общемъ воплѣ проклятія и презрѣнія къ человѣку, дерзнувшему оскорбить Россію. Не было такого низкопоставленнаго осла, который не считалъ за священный долгъ и пріятную обязанность лягнуть копытомъ въ спину льва историко-философической критики. Врядъ ли кому нибудь и когда нибудь выпадало на долю въ Россіи въ такой мѣрѣ и въ такой степени извѣдать волненія другой, оборотной стороны славы, всегда и вездѣ, кажется, болѣе значительной, непогрѣшимѣе рѣшающей и вѣрнѣе цѣнящей, нежели лицевая сторона, блистательная, громозвучная и лучезарная. Сверхъ того на чаадаевскую статью обратили вни-

---

[1]) Свербеевъ, стр. 986.

маніе не одни только русскіе: въ силу уже означеннаго мною обстоятельства, что статья была писана по французски и, вслѣдствіе большой извѣстности, которою Чаадаевъ пользовался въ московскомъ иностранномъ населеніи, весьма многочисленномъ и состоявшемъ изъ людей всякаго рода, всѣхъ занятій и всякаго образованія,—этимъ случаемъ занялись и иностранцы, живущіе у насъ, обыкновенно никогда никакого вниманія не обращающіе ни на какое ученое или литературное дѣло въ Россіи и только по слуху едва знающіе, что существуетъ русская письменность. Не говоря про нѣсколькихъ высокопоставленныхъ иностранцевъ, изъ за чаадаевской статьи выходили изъ себя въ различныхъ горячихъ спорахъ невѣжественные преподаватели французской грамматики и нѣмецкихъ правильныхъ и неправильныхъ глаголовъ, личный составъ московской французской труппы, иностранное торговое и мастеровое сословія, разные практикующіе и непрактикующіе врачи, музыканты въ уроками и безъ уроковъ, даже нѣмецкіе аптекари [1])". Жихаревъ приводитъ далѣе слова маркиза Кюстина, писавшаго въ 1839 г. о впечатлѣніи, произведенномъ чаадаевской статьей: „il n'y avait dans toutes les Russies pas assez de Sibérie, pas assez de mines, pas assez de knout pour punir un homme trâitre à son, Dieu et son pays." И далѣе: „Petersbourg et Moscou la sainte etaient en feu [2])". Наконецъ въ выноскѣ Жихаревъ прибавляетъ еще и такой фактъ: „въ это время я слышалъ, будто студенты московскаго университета приходили къ своему начальству съ изъявленіемъ желанія оружіемъ вступиться за оскорбленную Россію и переломить въ честь ея копье и что графъ, тогдашній попечитель, ихъ успокаивалъ."

Приведемъ кстати и разсказъ о томъ же предметѣ Гер-

---

[1]) Жихаревъ стр. 31—32.
[2]) Iid. стр. 33.

цена. Мы упоминали выше, что хотя письмо и было написано еще въ 1829 году, но о существованіи его и не подозрѣвали впредь до появленія его въ „Телескопѣ“ даже такіе люди, какъ Герценъ. Въ моментъ появленія письма Герценъ былъ въ ссылкѣ и жилъ въ Вяткѣ. Вотъ что разсказываетъ онъ объ этомъ въ „Быломъ и Думахъ“: „лѣтомъ 1836 года я спокойно сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ въ Вяткѣ, когда почтальонъ принесъ мнѣ послѣднюю книжку „Телескопа“. Надо быть въ ссылкѣ и въ глуши, чтобы оцѣнить, что значитъ новая книга. Я, разумѣется, бросилъ все и принялся разрѣзывать „Телескопъ“;—„философическія письма“, писанныя къ дамѣ, безъ подписи. Въ подстрочномъ замѣчаніи было сказано, что письма эти были писаны русскимъ по французски т. е. что это переводъ. Все это скорѣе предупреждало меня противъ статьи, чѣмъ въ ея пользу и я принялся читать критику и смѣсь. Наконецъ дошелъ чередъ и до письма. Со второй-третьей страницы меня остановилъ печально-серьезный тонъ: отъ каждаго слова вѣяло долгимъ страданіемъ, уже охлажденнымъ, но еще озлобленнымъ. Такъ пишутъ только люди долго думавшіе, много думавшіе и много испытавшіе жизнью, а не теоріей... Читаю далѣе, письмо растетъ, оно становится мрачнымъ обвинительнымъ актомъ противъ Россіи, протестомъ личности, которая за все вынесенное хочетъ вы сказать часть накопившагося на сердцѣ. Я раза два останавливался, чтобы отдохнуть и дать улечься мыслямъ и чувствамъ и потомъ снова читалъ и читалъ. И это напечатано по русски, неизвѣстнымъ авторомъ... Я боялся не сошелъ ли я съ ума. Потомъ я перечиталъ письмо Витбергу, потомъ С., молодому учителю Вятской гимназіи, потомъ опять себѣ [1]). Весьма вѣроятно, что тоже самое происходило въ разныхъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ,

---

[1]) Сочиненія т. VII. стр. 274—275.

въ столицахъ и господскихъ домахъ“ Далѣе Герценъ сравниваетъ „философическое письмо“ съ выстрѣломъ, раздавшимся среди темной ночи: „тонуло ли что и возвѣщало свою гибель, былъ ли это сигналъ, зовъ на помощь, вѣсть объ утрѣ или о томъ, что его не будетъ,—все равно надо было проснуться“.

Но такихъ людей, какъ авторъ „Былого и Душъ“, было въ то время только единицы. Самъ Герценъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ, что „апплодировавшихъ“ Чаадаеву было „человѣкъ десять“...

О впечатлѣніи, приведенномъ чаадаевской статьей, въ правящихъ сферахъ, мы находимъ слѣдующія указанія въ „Дневникѣ“ Никитенко:

„Ужасная суматоха въ цензурѣ и литературѣ. Въ пятнадцатомъ номерѣ „Телескопа„ напечатана статья подъ заглавіемъ „Философическія письма“. Статья написана прекрасно. Авторъ ея Чаадаевъ. Но въ ней весь нашъ русскій бытъ выставленъ въ самомъ мрачномъ видѣ. Политика, нравственность, даже религія представлены, какъ дикое, уродливое исключеніе изъ общихъ законовъ человѣчества. Разумѣется въ публикѣ поднялся шумъ. Журналъ запрещенъ. Болдыревъ, который одновременно былъ профессоромъ и ректоромъ московскаго университета, отрѣшенъ отъ всѣхъ должностей. Теперь его, вмѣстѣ съ Надеждинымъ, издателемъ „Телескопа“, вызываютъ сюда для отвѣта“.

Черезъ нѣсколько дней:

„Сегодня созваны были въ цензурный комитетъ всѣ издатели здѣшнихъ журналовъ. Тутъ были Смирдинъ, Гинце, издатель польскаго журнала и проч. Гречъ явился прежде. Они были созваны, чтобы выслушать высочайшее повелѣніе о запрещеніи „Телескопа“ и приказаніе беречься той же участи. Всѣ они вышли, согнувшись, со страхомъ на лицахъ, какъ школьники“ [1]).

---

[1]) А. В. Никитенко. Записки и дневникъ, т. I, стр. 374—375.

Петербургскія власти узнали „о чаадаевскомъ письмѣ и томъ шумѣ, которое оно произвело въ Москвѣ исключительно черезъ особаго рода „добровольцевъ“.

Запрещеніе „Телескопа“ послѣдовало не немедленно послѣ напечатанія въ немъ чаадаевскаго письма, а это значитъ, что безъ „добровольцевъ“ и все дѣло могло бы обойтись благополучно. Въ Петербургѣ могли просто таки не замѣтить еретическаго „письма“, но само собою разумѣется, что негодованіе на Чаадаева въ Москвѣ не ограничилось однимъ только, такъ сказать, платоническимъ характеромъ, а получило и болѣе реальное выраженіе Весьма извѣстный Ф. Ф. Вигель, авторъ шеститомныхъ „Воспоминаній“, печатавшихся сначала въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ а затѣмъ въ 1864—1865 г. вышедшихъ отдѣльными книгами („Воспоминанія Вигеля“) ничего не говоритъо своихъ заслугахъ передъ отечествомъ по части доносовъ, но извѣстно, что „нѣсть тайны, аще не явлена будетъ“, и теперь мы знаемъ, кто именно былъ авторомъ доноса на Чаадаева. Тридцать перваго октября 1836 года Ф. Ф. Вигель отправилъ петербургскому митрополиту Серафиму письмо слѣдующаго содержанія:

„Высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивѣйшій архипастырь! Проживъ болѣе полувѣка я никогда ничьимъ не былъ обвинителемъ. Но вчера чтеніе одного московскаго журнала возбудило во мнѣ негодованіе, которое, постепенно умножаясь, довело меня до отчаянія. Въ семъ положеніи не нахожу другого средства къ успокоенію своему, какъ прибѣгнуть къ вашему высокопреосвященству съ просьбою, обратить пастырское вниманіе ваше на то, что меня такъ сильно встревожило.

Иные скажутъ, можетъ быть, что я не въ правѣ сего дѣлать, но какъ вѣрный сынъ отечества и православной церкви, я считаю сіе обязанностью.

Самая первая статья представляемаго у сего журнала, подъ названіемъ „Телескопъ“, содержитъ въ себѣ такія

изрѣченія, которыя одно только безумство себѣ позволить можетъ. Читая оныя, я сначала не довѣрялъ своимъ глазамъ. Многочисленнѣйшій народъ въ мірѣ, въ теченіе вѣковъ существовавшій препрославленный, къ коему, по увѣренію автора статьи, онъ самъ принадлежитъ, поруганъ имъ, униженъ до невѣроятности. Если вашему преосвященству угодно будетъ прочитать хотя половину сей богомерзкой статьи, то усмотрѣть изволите, что нѣтъ строки, которая бы не была ужаснѣйшею клеветою на Россію, нѣтъ слова, кое бы не было жесточайшимъ оскорбленіемъ нашей народной чести. Меня утѣшала еще мысль, что сіе, такъ называемое философское письмо, писанное по французски, вѣроятно составленное какимъ нибудь иновѣрцемъ, иностранцемъ, который назвался русскимъ, чтобы удобнѣе насъ поносить. Увы! къ глубочайшему прискорбію, узналъ я, что сей извергъ, неистощимый хулитель нашъ, родился въ Россіи отъ православныхъ родителей и что имя его (впрочемъ мало доселѣ извѣстное) есть Чаадаевъ. Среди ужасовъ французской революціи, когда попираемо было величіе Бога и царей, подобнаго не было видано. Никогда, нигдѣ, ни въ какой странѣ, никто толикой дерзости себѣ не позволилъ.

Но безумной злобѣ сего несчастнаго противъ Россіи есть тайная причина, коей впрочемъ, онъ скрывать не старается: отступничество отъ вѣры отцовъ своихъ и переходъ въ латинское исповѣданіе. Вотъ новое доказательство того, что неоднократно позволялъ я себѣ говорить и писать: безопасность, цѣлость, благосостояніе и величіе Россіи неразрывно связаны съ Восточною вѣрою, болѣе осьми вѣковъ ею исповѣдаемою. Сею вѣрою просвѣтилась она въ дни своего младенчества, ею была защищена и утѣшаема въ дни уничиженія и страданій, ею спасена отъ татарскаго варварства и съ нею вмѣстѣ возстала во дни торжества надъ безчисленными врагами, ее окружавшими. Стоитъ только принять ее, чтобы сдѣлаться совершенно русскимъ, стоитъ

только покинуть ее, чтобы почувствовать не только охлажденіе, омерзеніе къ Россіи, но даже остервенѣніе противъ нея, подобно сему злосчастному, слѣпотствующему, неистовому ея гонителю. Разъединеніе съ западной церковію приписываетъ онъ совершенный недостатокъ въ умственныхъ способностяхъ, въ понятіяхъ о чести, о добродѣтели; отказываетъ намъ во всемъ, ставитъ насъ ниже дикарей Америки, говоритъ, что мы никогда не были христіанами и въ изступленіи своемъ, наконецъ, нападаетъ даже на самую нашу наружность, въ коей видитъ безцвѣтность и нѣмоту.

И всѣ сіи хулы на отечество и вѣру изрыгаются явно, и гдѣ же? въ Москвѣ, въ первопрестольномъ градѣ нашемъ, въ древней столицѣ православныхъ государей совершается сіе преступленіе. И есть издатель, который не довольствуется помѣстить статью сію въ журналѣ, но превозноситъ ее похвалами, какъ глубокомысленнѣйшее произведеніе высокаго ума, и онъ грозитъ еще другими подобными письмами! и есть цензура, которая все это пропускаетъ! Кто знаетъ, будутъ и люди, которые съ участіемъ и одобреніемъ будутъ читать оное. О, Боже! до чего мы дожили!

Самая святая и соборная апостольская церковь вопіетъ къ вамъ о защитѣ: при ея священномъ гласѣ моленія мои ничто! Вамъ, вамъ предстоитъ обязанность объяснить правительству пагубныя послѣдствія, которыя проистекутъ отъ дальнѣйшей снисходительности и указать на средства къ обузданію толикихъ дерзостей. Можетъ быть кто нибудь и предупредитъ меня: дай Всевышній, чтобы прежде моего тысячи голосовъ воззвали къ вашему преосвященству о скорой помощи.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ честь имѣю быть, милостивѣйшій архипастырь, вашего высокопреосвященства, всепокорный слуга *Филиппъ Вигель*“ [1]).

По полученіи этого то доноса начались репрессіи. По-

---

[1]) «Русская Старина», 1870 г. № 2, стр. 162—165.

мимо запрещенія „Телескопа, и отрѣшенія отъ всѣхъ должностей цензора Болдырева, кара обрушилась и на личности издателя „Телескопа“ Надеждина и автора „философическаго письма“ Чаадаева. Первый былъ сосланъ въ Усть-Сысольскъ, а второй понесъ уже совсѣмъ необыкновенное наказаніе: онъ былъ объявленъ офиціально сумасшедшимъ [1]). Жихаревъ приводитъ подлинный текстъ въ высокой степени интересной, присланной изъ Петербурга въ Москву, бумаги, въ которой Чаадаевъ объявлялся сошедшимъ съ ума. Эта бумага гласила слѣдующее: „появившаяся тогда-то и тогда-то такая-то статья выраженными въ ней мыслями возбудила во всѣхъ безъ исключенія русскихъ чувства гнѣва, и отвращенія и ужаса, въ скоромъ, впрочемъ, времени смѣнившаяся на чувство состраданія, когда узнали, что достойный сожалѣнія соотечественникъ, авторъ статьи, страдаетъ разстройствомъ и помѣшательствомъ разсудка. Принимая въ соображеніе болѣзненное состояніе несчастнаго, правительство въ своей заботливой и отеческой попечительности предписываетъ ему не выходить изъ дому и снабдить его даровымъ медицинскимъ пособіемъ, на который конецъ мѣстное начальство имѣетъ назначить особеннаго изъ подвѣдомственныхъ ему врача“ [2]).

Это распоряженіе приводилось въ исполненіе въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ: каждый день въ квартиру Чаадаева являлись врачи и полицейместеръ якобы для оказанія ему медицинской помощи, составляли свидѣтельства о состояніи его здоровья и отправляли ихъ по назначенію. По свидѣ-

---

[1]) Этотъ фактъ, хотя необыкновенный, не былъ, впрочемъ, единственнымъ въ своемъ родѣ. Въ 1839 году, замѣшанные въ дѣло Канарскаго, офицеры Караваевъ, Огонь-Догоновскій и др. были также объявлены сумасшедшими и затѣмъ сосланы. (См. Максимовъ.—«Сибирь и каторга», т. III). Подобный же случай былъ въ 1843 году съ княземъ Петромъ Долгорукимъ, описавшимъ его въ книгѣ «La Verité sur la Russie».

[2]) Жихаревъ, стр. 34.

тельству Герцена, ни доктора, ни полицеймейстеръ никогда и не заикались, зачѣмъ пріѣзжали, а Чаадаевъ съ нескрываемымъ презрѣніемъ смотрѣлъ на въ самомъ дѣлѣ поврежденное общество, въ которомъ были возможны подобные факты. Разсказу о делекатности докторовъ противорѣчитъ одно изъ писемъ Чаадаева къ его брату, въ которомъ находятся, между прочимъ, такія строки: „что касается до моего положенія, то оно теперь состоитъ въ томъ, что я долженъ довольствоваться одною прогулкою въ день и видѣть у себя *ежедневно* господъ медиковъ, ex-officio меня навѣщающихъ. Одинъ изъ нихъ пьяный частный штабъ-лѣкарь, долго ругался надо мною самымъ наглымъ образомъ, но теперь прекратилъ свои посѣщенія, вѣроятно, по предписанію начальства“ [1]).

Сущность преступленія Чаадаева великолѣпно выразилъ въ это время графъ Бенкендорфъ въ отвѣтъ на просьбу М. Ф. Орлова сдѣлать что-нибудь для опальнаго Петра Яковлевича, который „суровъ къ прошедщему Россіи, но чрезвычайно много ждетъ отъ ея будущности“. Le passé de, la Russie a été admirable,—отвѣчалъ на то Бенкендорфъ,—son présent est plus due magnifique, quant à son avenir il est au dela de tout que l'imagination le plus hardie se peut figurer; voilà, mon cher, le point de vue, sous lequel l'hîstoire russe doit être concue et écrite“ [2]).

Чаадаевъ позволилъ себѣ взглянуть на „l'histoire russe“ съ нѣсколько иной „point de vue“, чѣмъ съ той, которую считалъ непогрѣшимою Бенкендорфъ, а не соглашаться съ мнѣніемъ могущественнаго графа и всей его компанія—значило, разумѣется, проявлять „разстройство и помѣшательство разсудка“...

Что же это за статья, произведшая въ 1836 году такое

---

[1]) Неизданныя рукописи П. Я. Чаадаева. «Вѣстн. Евр.». 1871 г. ноябрь, стр. 327.

[2]) Жихаревъ, стр. 52.

потрясающее впечатлѣніе и вызвавшая столько непривычнаго въ русскомъ обществѣ шума?

Хотя содержаніе, какъ перваго чаадаевскаго „письма", такъ и послѣдующихъ, и изложены въ „Характеристикахъ" г. Пыпина [1]) и „Главныхъ теченіяхъ русской исторической мысли" г. Милюкова [2]), но намъ кажется, что этого недостаточно и что давно уже слѣдовало бы воспроизвести „философическія письма" Чаадаева полностью [3]). Не говоря уже о гагаринскомъ изданіи сочиненій Чаадаева, но и русскій переводъ его перваго „философическаго письма", составляетъ въ настоящее время величайшую библіографическую рѣдкость, и мы беремъ его съ экземпляра „Телескопа", хранящагося въ Императорской Петербургской Публичной Библіотекѣ. Сдѣлать это, тѣмъ болѣе, слѣдуетъ, что, за небольшимъ исключеніемъ, какъ напр., г. Пыпина, приводившаго безъ сомнѣнія цитаты изъ перваго письма, имѣя въ рукахъ надлежащую книжку „Телескопа" и г. Милюкова, цитировавшаго соотвѣтствующія мѣста по гагаринскому изданію сочиненій Чаадаева, многіе русскіе писатели заслуживаютъ въ этомъ дѣлѣ, болѣе, чѣмъ упрека. Приводимыя изъ „философическаго письма" Чаадаева цитаты, напр., у Лонгинова отличаются большою неточностію [4]), а знаменитой, приписываемой Чаадаеву, фигурирующей у многихъ нашихъ писателей отъ г. Скабичевскаго до г. Вѣтринскаго фразы о Россіи, какъ о „грозномъ урокѣ, данномъ народамъ, до чего отчужденіе и рабство могутъ довести", въ письмѣ,

---

[1]) «Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ», печатавшіяся первоначально въ «Вѣстникѣ Европы» 1871 года, декабрь, стр. 474—501.

[2]) Главныя теченія русской исторической мысли, стр. 292—299.

[3]) Кромѣ «Телескопа» письмо Чаадаева было напечатано въ VI кн. «П. З.» за 1861 г. стр. 141—162.

[4]) Воспоминанія о П. Я. Чаадаевѣ. «Рус. Вѣстн.», 1862 г., ноябрь, стр. 145—149.

какъ увидитъ читатель, *вовсе нѣтъ.* Фраза эта часто приводится, между тѣмъ, какъ самая характерная для чаадаевскаго письма...

Мы знаемъ, что, утверждая подобную вещь, мы должны ее доказать. Мы это и сдѣлаемъ немедленно.

„Чаадаевъ замѣчаетъ,—говоритъ г. Скабичевскій,—что въ то время, какъ у каждаго народа есть осѣдлое, свое, родное, къ чему онъ привыкъ, чѣмъ онъ дорожитъ... мы же словно какое нибудь кочевое племя, живемъ настоящей минутой и вѣчно какъ будто все ѣдемъ и находимся въ дорогѣ, на станціи, въ распутьи, готовые тотчасъ же покинуть то мѣсто, въ которомъ въ настоящую минуту находимся. *Прошедшее Россіи пусто, настоящее невыносимо, а будущаго для него вовсе нѣтъ и Россія—это пробѣлъ разумѣнія, грозный урокъ, данный народамъ, до чего отчужденіе и рабство могутъ довести*“ [1]). Этого въ чаадаевскомъ письмѣ *несуществуетъ.*

Г. Вѣтринскій также приводитъ несуществующую чаадаевскую фразу о „*грозномъ примѣрѣ до чего отчужденіе и рабство могутъ привести націю*“ [2]).

Откуда произошли всѣ такія неточности, добраться очень нетрудно. Дѣло въ томъ, что въ воспоминаніяхъ Герцена между прочимъ сказано:

„въ письмѣ (Чаадаева) говорилось, что „*прошедшее Россіи пусто, настоящее невыносимо, а будущаго для нея вовсе нѣтъ, что это пробѣлъ разумѣнія, грозный урокъ данный народамъ, до чего отчужденіе и рабство могутъ довести*“ [3]).

Г. Скабичевскій, не обративши вниманія на то что Герценъ, видимо, цитировалъ чаадаевское письмо *по памяти* и не потрудившись свѣриться съ подлинникомъ, взялъ, какъ

---

[1]) Сочиненія А. М. Скабичевскаго, т I, «Сорокъ лѣтъ русской критики», стр. 354.

[2]) Ч. Вѣтринскій. Т. Н. Грановскій и его время, стр. 68.

[3]) Сочиненія А. И. Герцена, т. IV, стр. 276.

читатель видитъ, *слово въ слово* фразу, о которой идетъ рѣчь, не изъ подлинника, а у Герцена. Что же касается г. Вѣтринскаго, то его цитата составляетъ лишь легкій перефразъ словъ того же Герцена или, можетъ быть, г. Скабичевскаго. По всѣмъ этимъ основаніямъ мы и рѣшили перепечатать изъ „Телескопа“ чаадаевское письмо и дать затѣмъ въ приложеніи къ настоящей книгѣ переводъ его другихъ писемъ и „Апологію сумасшедшаго“.

Помѣщаая чаадаевское письмо, подъ заглавіемъ „философическія письма къ г-жѣ ***“, издатель „Телескопа“ Надеждинъ снадбилъ его слѣдующимъ примѣчаніемъ:

„Письма эти писаны однимъ изъ нашихъ соотечественниковъ. Рядъ ихъ составляетъ цѣлое, проникнутое однимъ духомъ, развивающее одну главную мысль. Возвышенность предмета, глубина и обширность взглядовъ, строгая послѣдовательность выводовъ и энергическая искренность выраженія даютъ имъ особенное право на вниманіе мыслящихъ читателей. Въ подлинникѣ онѣ писаны на французскомъ языкѣ. Предлагаемый переводъ не имѣетъ всѣхъ достоинствъ оригинала относительно наружной отдѣлки [1]). Мы съ удовольствіемъ извѣщаемъ читателей, что имѣемъ дозволеніе украсить нашъ журналъ и другими изъ этого рода писемъ“.

Самое „письмо первое“ гласитъ слѣдующее:

«Я уважаю, я люблю въ васъ болѣе всего ваше чистосердечіе вашу искренность. Эти прелестныя качества очаровали меня съ первыхъ минутъ нашего знакомства и навели на разговоръ о религіи, тогда какъ все васъ окружавшее налагало на меня молчаніе. Представьте же

---

[1]) Г. Скабичевскій говоритъ, что переводъ письма Чаадаева сдѣланъ Бѣлинскимъ? (см. «Очерки по исторіи русской цензуры». «Отечественныя Записки», т. CCLXII, отд. 1, стр. 121). Въ дѣйствительности переводъ этотъ сдѣланъ Н. Х. Кетчеромъ (см. «Воспоминанія объ Н. Х. Кетчерѣ» А. В. Станкевича въ «Русскомъ Архивѣ» 1887 г., кн. 3, стр. 365, а также статью «Н. Х. Кетчеръ» въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» Брокгауза и Эфрона, т. XV, стр. 32).

мое удивленіе, когда я получилъ ваше письмо. Вотъ все, что могу сказать о мнѣніи, которое, по вашему предположенію, долженъ составить о вашемъ характерѣ. Но перейдемъ къ важнѣйшей части вашего письма.

Отчего это возмущеніе въ вашихъ мысляхъ, которое, какъ вы говорите, волнуетъ, утомляетъ васъ до того, что разстраиваетъ самое здоровье? Неужели это слѣдствіе нашихъ разговоровъ? Вмѣсто спокойствія мира, которое должно было воцарить новое чувство, возбужденное въ вашемъ сердцѣ, оно пробудило томленіе, сомнѣнія, почти угрызенія совѣсти. Впрочемъ, чтòжъ тутъ удивительнаго? Это естественное слѣдствіе настоящаго порядка вещей, которому покорены всѣ сердца, всѣ умы. Вы уступили только вліянію причинъ, движущихъ всѣми, начиная съ самыхъ высшихъ членовъ общества до самыхъ нисшихъ. И вы не могли воспротивиться ихъ вліянію. Самыя качества, которыми вы отличаетесь отъ толпы дѣлаютъ васъ еще воспріимчивѣе къ вредному вліянію воздуха, которымъ вы дышете. Немногое, что я могъ сказать вамъ, не могло дать должнаго направленія вашимъ мыслямъ посреди всего васъ окружающаго. Могъ-ли я очистить атмосферу, въ которой мы живемъ? Я долженъ былъ предвидѣть послѣдствія, и въ самомъ дѣлѣ я ихъ предвидѣлъ. Вотъ причина частыхъ моихъ умолчаній, которыя не только не могли проникнуть въ вашу душу убѣжденіемъ, напротивъ должны были привести васъ въ недоумѣніе. Еслибъ я не былъ увѣренъ, что страданія, которыя можетъ возбудить религіозное чувство не вполнѣ развитое, всегда лучше совершеннаго равнодушія, я раскаявался бы въ своей излишней ревнительности. Но облака, которыя затемняютъ теперь ваше небо, преобратятся въ благотворную росу, которая возраститъ сѣмена, запавшія въ ваше сердце. Дѣйствіе на васъ немногихъ словъ служитъ мнѣ вѣрнымъ ручательствомъ, что ваше собственное разумѣніе доведетъ васъ впослѣдствіи до полнѣйшаго развитія. Предавайтесь безбоязненно религіознымъ чувствованіямъ: изъ этого чистаго источника не могутъ родиться чувства нечистыя.

Чтòжъ касается до предметовъ внѣшнихъ, то на этотъ разъ вамъ довольно знать, что ученіе, основанное на высшемъ началѣ единства и на прямой передачѣ истины священнослужителями безпрерывно слѣдующими одинъ за другимъ, совершенно согласно съ истиннымъ духомъ религіи; потому что вполнѣ соотвѣтствуетъ идеѣ слитія всѣхъ нравственныхъ силъ въ одну мысль, въ одно чувство и постепеннаго образованія въ обществѣ духовнаго единства, или церкви, которая должна воцарять истину между людьми. Всякое другое ученіе, однимъ уже отдѣленіемъ отъ ученія первоначальнаго, уничтожаетъ значеніе высокаго воззванія Спасителя: «Отче да будутъ едино, якоже и мы!» и противодѣйствуетъ осуществленію на землѣ царствія Божія. Но изъ

этого не слѣдуетъ, чтобы васъ обязывали проявлять эту истину на землѣ; нѣтъ не въ томъ состоитъ ваше призваніе. Напротивъ, по вашему положенію въ свѣтѣ, самое начало, изъ котораго истекаетъ эта истина, обязываетъ васъ почитать ее не болѣе, какъ внутреннимъ свѣтильникомъ вашего вѣрованія. Я счастливъ, что могъ содѣйствовать религіозному направленію вашихъ мыслей; но почелъ бы себя несчастнымъ, еслибъ въ тоже время, возбудилъ укоры совѣсти, которые впослѣдствіи могли бы охладить вашу вѣру. Кажется я говорилъ вамъ однажды, что религіозное чувство поддерживается лучше всего выполненіемъ постановленій церкви. Это упражненіе въ покорности, которое заключаетъ въ себѣ гораздо больше нежели предполагаютъ, которое налагали на себя величайшіе умы, по зрѣломъ разсужденіи, съ полнымъ сознаніемъ, есть настоящее чествованіе Бога. Ничто такъ не укрѣпляетъ ума въ его вѣрованіяхъ, какъ строгое выполненіе всѣхъ налагаемыхъ ими обязанностей. Кромѣ того большая часть обрядовъ христіанской религіи, постановленные самимъ Верховнымъ Умомъ, существенно дѣйствительны для каждаго, кто умѣетъ проникнуться истинами, которыя онѣ выражаютъ. Горе тому, кто приметъ обольстительные призраки своего тщеславія, суемудрствованія своего разсудка за высшее просвѣтленіе и возмечтаетъ, что оно освобождаетъ его отъ общаго закона! И для васъ, сударыня, что̀ можетъ быть приличнѣе одежды смиренія? Обликитесь въ нее: она такъ идетъ вашему полу. Повѣрьте это средство всего скорѣе укротитъ волненія вашего ума, разольетъ сладостное спокойствіе по всему существу вашему.

Для женщины, которой образованный умъ находитъ прелесть въ ученіи и въ важныхъ занятіяхъ созерцанія, что можетъ быть естественнѣе и даже по свѣтскимъ понятіямъ, какъ жизнь нѣсколько серьезная, посвященная преимущественно благочестивымъ помысламъ и выполненію обязанностей, налагаемыхъ религіей? Вы пишете, что ничто не говоритъ вашему воображенію такъ сильно, какъ описанія тѣхъ мирныхъ, ясныхъ существованій, взглядъ на которыя, какъ взглядъ на прелестное сельское мѣстоположеніе, озаренное послѣдними лучами солнца, успокоиваетъ душу и уноситъ ее на мгновеніе изъ міра нашей болѣзненной и безцвѣтной существенности. Чтожъ мѣшаетъ вамъ осуществить одно изъ этѣхъ прелестныхъ созданій фантазіи? Вы одарены всѣмъ, что для этого нужно. Вы видите, какъ я снисходителенъ: я отъискиваю успокоивающія средства въ собственныхъ вашихъ вкусахъ, въ пріятнѣйшихъ мечтахъ вашего воображенія.

Въ жизни есть сторона совершенно не вещественная, относящаяся собственно къ разумной стихіи нашего бытія: этой стороной никакъ не должно пренебрегать. Для души есть діэтетическое содержаніе, точно такъ же какъ и для тѣла; умѣнье подчинять ее этому содержанію необходимо. Знаю, что повторяю старую поговорку; но въ нашемъ

отечествѣ она имѣетъ всѣ достоинства новости. Это одна изъ самыхъ жалкихъ странностей нашего общественнаго образованія, что истины, давно извѣстныя въ другихъ странахъ, и даже у народовъ, во многихъ отношеніяхъ, менѣе насъ образованныхъ, у насъ только что открываются. И это оттого, что мы никогда не шли вмѣстѣ съ другими народами; мы не принадлежимъ ни къ одному изъ великихъ семействъ человѣчества, ни къ Западу, ни къ Востоку, не имѣемъ преданій ни того, ни другого.

Мы существуемъ, какъ бы внѣ времени, и всемірное образованіе человѣческаго рода не коснулось насъ. Эта дивная связь человѣческихъ идей въ теченіе вѣковъ, эта исторія человѣческаго разумѣнія, доведшая его въ другихъ странахъ міра до настоящаго положенія, не имѣли на насъ никакого вліянія. То̀, что у другихъ народовъ давно вошло въ жизнь, для насъ до сихъ поръ есть только умствованіе, теорія. Примѣры не далеки; вы сами, созданныя такъ счастливо, что можете совмѣщать въ себѣ все, что̀ есть въ мірѣ благого и истиннаго, одаренныя сознаніемъ всего что̀ доставляетъ изящнѣйшія и чистѣйшія душевныя наслажденія, скажите, далеко-ли ушли вы совсѣми этими достоинствами? Вы ищете даже того, чѣмъ наполнить вашъ день, не то-что цѣлую жизнь. Вамъ недостаетъ даже тѣхъ предметовъ, которые въ другихъ странахъ составляютъ эту необходимую рамку жизни, гдѣ всѣ происшествія дня размѣщаются такъ естественно: условіе столь же нужное для здоровья нравственнаго, какъ чистый воздухъ для здоровья тѣлеснаго. Вы понимаете, что я говорю здѣсь не о нравственныхъ или философическихъ правилахъ, а просто о хорошемъ распредѣленіи жизни, о тѣхъ обыкновеніяхъ, тѣхъ навыкахъ, которые даютъ уму какое-то приволье, душѣ правильное движеніе.

Посмотрите вокругъ себя. Все какъ будто на ходу. Мы всѣ какъ будто странники. Нѣтъ ни у кого сферы опредѣленнаго существованія, нѣтъ ни на что̀ добрыхъ обычаевъ, не только правилъ, нѣтъ даже семейнаго средоточія; нѣтъ ничего, что̀ бы привязывало, чтобы пробуждало ваши сочувствія, расположенія; нѣтъ ничего постояннаго, непремѣннаго: все проходитъ, протекаетъ, не оставляя слѣдовъ ни на внѣшности, ни въ васъ самихъ. Дóма мы будто на постоѣ, въ семействахъ какъ чужіе, въ городахъ какъ будто кочуемъ, и даже больше чѣмъ племена блуждающія по нашимъ степямъ, потому что эти племена привязаннѣе къ своимъ пустынямъ, чѣмъ мы къ нашимъ городамъ. Не воображайте, чтобъ эти замѣчанія были ничтожны. Бѣдные! неужели къ прочимъ нашимъ несчастіямъ мы должны прибавить еще новое: несчастіе ложнаго о себѣ понятія? Какъ добиваться намъ жизни чистыхъ духовъ! Научимся прежде жить благоразумно въ нашей данной существенности.

Для всѣхъ народовъ бываетъ періодъ сильной, страстной безсозна-

тельной дѣятельности. Люди блуждаютъ тогда и тѣломъ и духомъ. Это время великихъ страстей, великихъ ощущеній. Народы движутся въ то время сильно безъ видимой причины, но не безъ пользы для будущихъ поколѣній. Всѣ общества проходили черезъ этотъ періодъ. Онъ даровалъ имъ ихъ живѣйшія воспоминанія, ихъ чудесное, ихъ поэзію, всѣ ихъ высшія и плодотворнѣйшія идеи. Онъ необходимъ для жизни общества. Безъ него что́ сохранилось бы въ памяти народовъ, къ чему могли бы они привязаться, пристраститься; безъ него они дорожили бы только прахомъ родной земли.

Эта чрезвычайно занимательная эпоха въ исторіи народовъ, есть время ихъ юности; время, когда способности ихъ развиваются съ наибольшею силою, время, воспоминаніе о которомъ, въ возрастѣ возмужаломъ, служитъ имъ наслажденіемъ и урокомъ. Мы не имѣемъ ничего подобнаго. Въ самомъ началѣ у насъ дикое варварство, потомъ грубое суевѣріе, затѣмъ жестокое, унизительное владычество, слѣды котораго въ нашемъ образѣ жизни не изгладились совсѣмъ и донынѣ. Вотъ горестная исторія нашей юности Мы совсѣмъ не имѣли возраста этой безмѣрной дѣятельности, этой поэтической игры нравственныхъ силъ народа. Эпоха нашей общественной жизни соотвѣтствующая этому возрасту, наполняется существованіемъ темнымъ, безцвѣтнымъ, безъ силы, безъ энергіи. Нѣтъ въ памяти чарующихъ воспоминаній, нѣтъ сильныхъ наставительныхъ примѣровъ въ народныхъ преданіяхъ. Пробѣгите взоромъ всѣ вѣка нами прожитые, все пространство земли нами занимаемое, вы не найдете ни одного воспоминанія, которое бы васъ остановило, ни одного памятника, который бы высказалъ вамъ протекшее живо, сильно, картинно. Мы живемъ въ какомъ-то равнодушіи ко всему, въ самомъ тѣсномъ горизонтѣ безъ прошедшаго и будущаго. Если-жъ иногда и принимаемъ въ чемъ участіе, то не отъ желанія, не съ цѣлію достигнуть истиннаго, существенно нужнаго и приличнаго намъ блага, а по дѣтскому легкомыслію ребенка, который подымается и протягиваетъ руки къ гремушкѣ, которую завидитъ въ чужихъ рукахъ, не понимая ни смысла ея, ни употребленія.

Истинное общественное развитіе не начиналось еще для народа, если жизнь его не сдѣлалась правильнѣе, легче, удобнѣе неопредѣленной жизни первыхъ годовъ его существованія. Какъ можетъ процвѣтать общество, которое даже въ отношеніе къ предметамъ ежедневности, колеблется еще безъ убѣжденій, безъ правилъ: общество въ которомъ жизнь еще не составилась. Міръ нравственный находится здѣсь въ хаотическомъ броженіи, подобнымъ переворотамъ, которые предшествовали настоящему состоянію планеты. И мы находимся еще въ этомъ положеніи.

Первые годы нашего существованія проведенные въ неподвижномъ невѣжествѣ, не оставили никакого слѣда въ умахъ нашихъ. Мы не

имѣемъ ничего индивидуальнаго, на что могла бы опереться наша мысль. Разобщенные, какою-то странною судьбою, отъ всемірной жизни человѣчества, мы ничего не извлекли даже изъ идей, которые сообщаются человѣчеству преданіями. А на этихъ-то идеяхъ основывается частная жизнь народовъ; изъ нихъ развивается ихъ будущность, ихъ нравственное образованіе. Чтобы сравниться съ прочими образованными народами, намъ надобно переначать для себя снова все воспитаніе человѣческаго рода. Для этого передъ нами исторія народовъ и плоды движенія вѣковъ. Конечно, великъ этотъ трудъ, и можетъ быть одно поколѣніе людей не въ состояніи совершить его; но прежде всего необходимо узнать: въ чемъ дѣло, что это за воспитаніе человѣческаго рода, и какое мѣсто занимаемъ мы въ общемъ порядкѣ міра?

Народы живутъ только мощными впечатлѣніями временъ прошедшихъ на умы ихъ и соприкосновеніемъ съ другими народами. Такимъ образомъ каждый человѣкъ чувствуетъ свое соотношеніе съ цѣлымъ человѣчествомъ. «Что такое жизнь человѣка, говоритъ Цицеронъ, если память о предшествовавшемъ не соединяетъ настоящаго съ прошедшимъ?» Мы явились въ міръ, какъ незаконорожденныя дѣти, безъ наслѣдства, безъ связи съ людьми, которые намъ предшествовали, не усвоили себѣ ни одного изъ поучительныхъ уроковъ минувшаго. Каждый изъ насъ долженъ самъ связывать разорванную нить семейности, которой мы соединялись съ цѣлымъ человѣчествомъ. Намъ должно молотами вбивать въ голову то, что у другихъ сдѣлалось привычкой, инстинктомъ. Наши воспоминанія не далѣе вчерашняго дня; мы, такъ сказать, чужды самимъ себѣ. Мы идемъ по пути временъ такъ странно, что каждый сдѣланный шагъ исчезаетъ для насъ безвозвратно. Все это есть слѣдствіе образованія совершенно привознаго подражательнаго. У насъ нѣтъ развитія собственнаго, самобытнаго, совершенствованія логическаго. Старыя идеи уничтожаются новыми, потому что послѣднія не истекаютъ изъ первыхъ, а западаютъ къ нааъ Богъ знаетъ откуда; наши умы не бродятся неизгладимыми слѣдами послѣдовательнаго движенія идей, которое составляетъ ихъ силу, потому что мы заимствуемъ идеи уже развитыя. Мы ростемъ, но не зрѣемъ; идемъ впередъ, но по какому то косвенному направленію, не ведущему къ цѣли. Мы подобны дѣтямъ, которыхъ не заставляли разсуждать; возмужавъ, они не имѣютъ ничего собственнаго; все ихъ знаніе во внѣшности ихъ существованія; во внѣшности вся душа ихъ.

Народы существа нравственныя, точно также какъ и люди. Они образуются вѣками, какъ люди годами. Но мы почти, можно сказать, народъ исключительный. Мы принадлежимъ къ націямъ, которыя кажется не составляютъ еще необходимой части человѣчества, а существуютъ для того, чтобъ со временемъ преподать какой-нибудь великій урокъ міру. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это предназначеніе принесетъ свою пользу; но кто знаетъ, когда это будетъ?

Народы Европы имѣютъ одну общую физіономію, какой-то отблескъ односемейности. Не смотря на раздѣленіе ихъ на вѣтви латинскую и тевтонскую, на южную и сѣверную, между ними есть связь общая, которая соединяетъ ихъ, связь видимая для всякаго, кто углублялся въ ихъ общую исторію. Давно-ли вся Европа называлась «христіанствомъ», и это названіе имѣло мѣсто въ ея публичномъ правѣ? Но кромѣ этого общаго характера, каждый изъ нихъ имѣетъ еще свой особенный, придаваемый ему исторіей и преданіями. И то и другое составляетъ родовое наслѣдіе идей этихъ народовъ. Каждое частное лицо пользуется плодами этого наслѣдія; безъ утомленія, безъ труда, собираетъ на жизненномъ пути свѣдѣнія, разсѣянныя въ обществѣ, и употребляетъ ихъ въ свою пользу. Теперь сравните сами: много-ли соберете вы у насъ начальныхъ идей, которыя какимъ-бы то ни было образомъ, могли бы руководствовать насъ въ жизни? Замѣтьте, что здѣсь дѣло не объ ученіи, не о литературѣ, или наукѣ, но просто о соприкосновеніи умовъ, объ тѣхъ идеяхъ, которыя овладѣваютъ ребенкомъ еще въ колыбели, которыя окружаютъ его въ играхъ, которыя мать вдыхаетъ въ него своими ласками; которыя въ видѣ различныхъ чувствованій проникаютъ въ его существо вмѣстѣ съ воздухомъ, которымъ онъ дышетъ и образуютъ его нравственное бытіе еще до вступленія въ міръ и въ общество.

Хотите-ли знать, что это за идеи? Это идеи долга, закона, правды, порядка. Онѣ развиваются изъ происшествій, содѣйствовавшихъ образованію общества; онѣ необходимыя начала міра общественнаго. Вотъ что составляетъ атмосферу Запада; это болѣе чѣмъ исторія, болѣе чѣмъ психологія: это физіологія Европейца. Чѣмъ вы замѣните все это?

Не знаю, можно-ли вывести изъ сказаннаго что-нибудь совершенно безусловное и основать на немъ непремѣнное правило, но, очевидно, какое сильное вліяніе на духъ каждаго отдѣльнаго лица должно имѣть это странное положеніе народа, по которому онъ не можетъ остановить своей мысли ни на одномъ рядѣ идей, развившихся въ обществѣ постепенно одна изъ другой; по которому онъ принималъ, участіе въ общемъ движеніи человѣческаго разума, только слѣпымъ, поверхностнымъ и часто дурнымъ подражаніемъ другимъ націямъ. Отъ этого вы найдете, что всѣмъ намъ недостаетъ нѣкотораго рода основательности, методы, логики. Силлогизмъ Запада намъ неизвѣстенъ. Въ нашихъ лучшихъ головахъ есть что-то больше чѣмъ неосновательность. Лучшія идеи, отъ недостатка связи и послѣдовательности, какъ безплодныя призраки, цѣпенѣютъ въ нашемъ мозгу. Человѣкъ теряется не находя средства придти въ соотношеніе, связаться съ тѣмъ, что ему предшествуетъ и что послѣдуетъ; онъ лишается всякой увѣренности, всякой твердости; имъ не руководствуетъ чувство непрерывнаго существованія, и онъ заблуждается въ мірѣ. Такія потерявшіяся существа встрѣчаются во всѣхъ странахъ; но у насъ эта черта общая. Это ни та

легкомысленность, которою нѣкогда упрекали французовъ, которая, не отрицая ни глубины, ни многообъемлемости ума, зависѣла только отъ способности понимать все съ чрезвычайной легкостью, что придавало обращенію болѣе прелести и любезности; нѣтъ! Это вѣтреность жизни безъ опыта и предвидѣнія; жизни, которая ограничивается эфемернымъ существованіемъ недѣлимаго, оторваннаго отъ своей породы; жизни, которая не заботится ни о славѣ, ни о распространеніи какихъ либо общихъ идей или выгодъ, ни даже о тѣхъ семейныхъ, наслѣдственныхъ интересахъ, о томъ множествѣ притязаній и надеждъ, освященныхъ давностью, которыя въ обществѣ, составляютъ жизнь общественную и жизнь частную.

Въ нашихъ головахъ рѣшительно нѣтъ ничего общаго; все въ нихъ частно и къ тому еще не вѣрно, не полно. Даже въ нашемъ взглядѣ я нахожу что-то чрезвычайно неопредѣленное, холодное, нѣсколько сходное съ физіономіею народовъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ общественной лѣстницы. Находясь въ другихъ странахъ и въ особенности южныхъ, гдѣ лица такъ одушевленны, такъ говорящи, я сравнивалъ не разъ моихъ соотечественниковъ съ туземцами, и всегда поражала меня эта нѣмота нашихъ лицъ.

Чужестранцы ставили намъ въ достоинство нѣкотораго рода безпечную отважность, которую встрѣчали особенно въ низшихъ классахъ. Но по нѣсколькимъ отдѣльнымъ проявленіямъ народнаго характера они не могли вѣрно судить о цѣломъ. Они не видятъ, что тоже самое начало, которое иногда придаетъ намъ эту смѣлость, дѣлаетъ насъ въ то же время неспособнымъ ни къ глубокомыслію, ни къ постоянству; они не видятъ, что это равнодушіе къ матеріальнымъ опасностямъ дѣлаютъ насъ также равнодушными ко всему хорошему, ко всему дурному, ко всякой истинѣ, ко всякой лжи, и что тѣмъ самымъ уничтожаетъ въ насъ всѣ сильныя возбужденія, которыя стремятъ людей по пути совершенствованія; они не видятъ, что по милости этой-то безпечной отваги, у насъ въ высшихъ классахъ, къ прискорбію, существуютъ пороки, которые въ другихъ странахъ принадлежатъ только нисшимъ; не замѣчаютъ, что имѣя нѣкоторыя изъ добродѣтелей народовъ юныхъ, еще необразованныхъ, мы лишены всѣхъ достоинствъ народовъ зрѣлыхъ, наслаждающихся высшимъ просвѣщеніемъ. Я совсѣмъ не хочу сказать, что у насъ только пороки, а добродѣтели у европейцевъ; избави Боже! Но я говорю, что для вѣрнаго сужденія о народахъ надобно изучить общій духъ ихъ животворящій; ибо не та или другая черта ихъ характера, а только этотъ духъ можетъ довести ихъ до совершеннѣйшаго нравственнаго состоянія, до развитія безконечнаго.

Массы находятся подъ вліяніемъ особеннаго рода силъ, развивающихся въ избранныхъ членахъ общества. Массы сами не думаютъ; посреди ихъ есть мыслители, которые думаютъ за нихъ, возбуждаютъ со-

бирательное разумѣніе націи, и заставляютъ ее двигаться впередъ. Между тѣмъ, какъ небольшое число мыслитъ, остальное чувствуетъ и общее движеніе проявляется. Это истинно въ отношеніи всѣхъ народовъ, исключая нѣкоторыя поколѣнія, у которыхъ человѣческаго осталось только одно лицо. Первоначальные народы Европы, Кельты, Скандинавы, Германцы, имѣли друидовъ, скальдовъ, бардовъ; это были сильные мыслители, разумѣется въ своемъ родѣ. Посмотрите на народы Сѣверной Америки, истребленіемъ которыхъ такъ ревностно занимается матеріальное просвѣщеніе Соединенныхъ Штатовъ: между ними есть люди дивнаго глубокомыслія. Теперь спрашиваю васъ, гдѣ наши мудрецы? Наши мыслители? Когда и кто думалъ за насъ, кто думаетъ въ настоящее время?

По нашему мѣстному положенію между Востокомъ и Западомъ, опираясь однимъ локтемъ на Китай, другимъ на Германію, мы должны бы соединять въ себѣ два великія начала разумѣнія: воображеніе и разсудокъ; должны бы совмѣщать въ нашемъ гражданственномъ образованіи исторію всего міра. Но не таково предназначеніе, павшее на нашу долю. Опытъ вѣковъ для насъ не существуетъ. Взглянувъ на наше положеніе, можно подумать, что общій законъ человѣчества не для насъ. Отшельники въ мірѣ, мы ничего ему не дали, ничего не взяли у него; не пріобщили ни одной идеи къ массѣ идей человѣчества; ничѣмъ не содѣйствовали совершенствованію человѣческаго разумѣнія и исказили все что сообщило намъ это совершенствованіе. Во все продолженіе нашего общественнаго существованія мы ничего не сдѣлали для общаго блага людей. Ни одной полезной мысли не возрасли на безплодной нашей почвѣ; ни одной великой истины не возникло среди насъ. Мы ничего не выдумали сами, и изъ всего, что выдумано другими, заимствовали только обманчивую наружность и безполезную роскошь.

Странное дѣло! Даже въ мірѣ наукъ, который обнимаетъ все, наша исторія разобщена отъ всего, ничего не объясняетъ, ничего не доказываетъ. Если-бы орды варваровъ, возмутившихъ міръ, не прошли, прежде нежели наводнили Западъ, страны нами обитаемой, мы не доставили бы и одной славы для всемірной исторіи. Чтобъ обратить на себя вниманіе, мы должны были распространиться отъ Берингова пролива до Одера. Нѣкогда великій царь хотѣлъ насъ образовать и чтобъ заохотить къ просвѣщенію, бросилъ намъ мантію цивилизаціи: мы подняли мантію, но не коснулись просвѣщенія. Въ другой разъ, другой великій государь пріобщилъ насъ своему великому посланію, проведши побѣдителями съ одного краяя Европы на другой; мы прошли просвѣщеннѣйшія страны свѣта, и что же принесли домой? Однѣ дурныя понятія, гибельныя заблужденія, которыя отодвинули насъ назадъ еще на полстолѣтіе. Не знаю, въ крови у насъ есть что-то отталкивающее, враждебное совершенствованію. Повторю еще: мы жили, мы живемъ, какъ великій урокъ для отдаленныхъ потомствъ, которыя воспользуются имъ непремѣнно,

но въ настоящемъ времени, что бы ни говорили, мы составляемъ пробѣлъ въ порядкѣ разумѣнія. Для меня нѣтъ ничего удивительнѣе этой пустоты и разобщенности нашего существованія. Конечно, въ этомъ виновата отчасти какая-то непостижимая судьба; но не правы и люди, которыхъ содѣйствіе во всемъ, что свершается въ нравственномъ мірѣ неизбѣжно. Заглянемъ еще разъ въ исторію: она объясняетъ бытіе народовъ лучше всего.

Что дѣлали мы въ то время, какъ изъ жестокой борьбы варварства сѣверныхъ народовъ, съ высокою мыслію религіи, возникало величественное зданіе новаго образованія? Ведомые злою судьбою, мы заимствовали первыя сѣмена нравственнаго и умственнаго просвѣщенія, у растлѣнной, презираемой всѣми народами Византіи. Мелкая суетность только что оторвала ее отъ всемірнаго братства; и мы приняли отъ нея идею, искаженную человѣческой страстью. Въ это время животворящее начало единства одушевляло всю Европу. Все истекало тамъ изъ этого начала; все сосредоточивалось; всякое умственное движеніе силилось объединить человѣческую мысль; всякое побужденіе проявлялось могучею потребностью отыскать одну всемірную идею: это самое и составляетъ духъ новѣйшихъ временъ. Чуждые этому дивному началу, мы сдѣлались добычею завоевателей. Свернувъ иго чужеземное, мы могли бы воспользоваться идеями, которыя развивались между тѣмъ у нашихъ западныхъ братій, но мы были оторваны отъ общаго семейства.

Сколько свѣтлыхъ лучей прорѣзало въ это время мракъ, покрывавшій всю Европу! Большая часть познаній, которыми умъ человѣческій теперь гордится, были уже предчувствуемы тогдашними умами; характеръ новѣйшаго общества былъ уже опредѣленъ; міру христіанскому не доставало только формъ прекраснаго, и онъ отъискалъ ихъ, обративъ взоры на древности язычества. Уединившись въ своихъ пустыняхъ, мы не видали ничего происходившаго въ Европѣ. Мы не вмѣшивались въ великое дѣло міра. Мы остались чужды высокимъ доблестямъ, которыми религія озарила новѣйшія поколѣнія и которыя въ глазахъ здраваго смысла возвышаютъ ихъ надъ древними народами такъ же какъ эти послѣдніе возвышаются надъ Готтентотами и Лапладнцами. Въ насъ не развились эти новыя силы, которыми она обогатила человѣческое разумѣніе; эта кротость нравовъ потерявшихъ своепервобытное звѣрство отъ покорности власти безоружной. Не смотря на названіе христіанъ, мы не тронулись съ мѣста, тогда какъ Западное христіанство величественно шло по пути начертанному его божественнымъ основателемъ. Міръ пересоздавался, а мы прозябали въ нашихъ лачугахъ изъ бревенъ и глины. Коротко, не для насъ совершались новыя судьбы человѣчества; не для насъ, христіанъ, зрѣли плоды христіанства.

Послѣ этого, скажите, сораведливо-ли у насъ почти общее предпо-

ложеніе, что мы можемъ усвоить европейское просвѣщеніе, развившееся такъ медленно и притомъ подъ прямымъ и очевиднымъ вліяніемъ одной нравственной силы, съ разу, даже не затрудняясь разысканіемъ, какъ это дѣлать?

Тотъ рѣшительно не понимаетъ христіанства, кто не замѣчаетъ въ немъ стороны чисто исторической,—стороны, которая, показывая, что сдѣлано для людей и что должно еще сдѣлать, заключаетъ въ себѣ всю его философію и составляетъ необходимую часть его догматики. Такимъ образомъ христіанская религія является не только нравственною системой, выразившеюся въ преходящихъ формахъ человѣческаго ума; но силою божественною, вѣчною, дѣйствующею во всемъ пространствѣ міра умственнаго,—силою, которой видимыя дѣйствія должны намъ служить вѣчными уроками.

Въ мірѣ христіанскомъ все необходимо должно содѣйствовать, и въ самомъ дѣлѣ содѣйствуетъ учрежденію на землѣ совершеннаго порядка. Въ противномъ случаѣ дѣйствительность противодѣйствовала бы слову Господа: онъ не былъ бы посреди своей церкви до скончанія вѣковъ. Новый порядокъ, царствіе Божіе, которое должно было осуществиться искупленіемъ, не отличалось бы отъ прежняго порядка, отъ царства зла, которое искупленіе должно было уничтожить: тогда существовала бы одна вообразительная усовершимость, о которой мечтаетъ философія и которую обличаетъ во лжи каждая страница исторіи; волненіе ума, удовлетворяющее только нуждамъ существа матеріальнаго, которое если когда и возносило человѣка на нѣкоторую высоту, то для того только, чтобъ низвергнуть потомъ въ глубочайшія пропасти.

Но вы возразите: развѣ мы не христіане, развѣ образованіе возможно только по образцу европейскому? Безъ сомнѣнія, мы христіане: но развѣ абиссинцы не христіане же? Разумѣется можно образоваться отлично отъ Европы: развѣ японцы не образованы и, если вѣрить одному изъ нашихъ соотечественниковъ, даже болѣе насъ? Но неужели вы думаете, что христіанство абиссинцевъ и образованность японцевъ могутъ возсоздать тотъ порядокъ, о которомъ я говорилъ сію минуту, порядокъ, который составляетъ конечное предназначеніе человѣчества? Неужели вы думаете, что эти жалкія отклоненія отъ божественныхъ и человѣческихъ истинъ низведутъ небо на землю?

Въ христіанствѣ есть два направленія, рѣзко отличающіяся одно отъ другого: это его дѣйствіе на человѣка и дѣйствіе на всемірное разумѣніе. Онѣ сливаются оба въ Верховномъ Разумѣ и ведутъ къ одной и той же цѣли. Но наше ограниченное зрѣніе не можетъ обнять время, въ продолженіе котораго должны осуществиться вѣчныя предначертанія божественной мудрости. Поэтому мы должны различать божественное дѣйствіе, проявляющееся въ данное время въ жизни человѣка, отъ

проявляющаго только въ безконечности. Конечно, въ день окончательнаго исполненія великой тайны искупленія всѣ сердца и всѣ умы соединятся въ одно чувство и въ одну мысль, и всѣ преграды, раздѣляющія народы и вѣроисповѣданія, исчезнутъ. Но, въ настоящее время каждый долженъ знать свое мѣсто въ порядкѣ общаго призванія христіанъ, то есть долженъ знать, чѣмъ и какъ можетъ содѣйствовать онъ и все его окружающее конечной цѣли, предположенной всему человѣчеству.

Поэтому необходимо долженъ быть особенный кругъ идей, гдѣ должны двигаться умы общества, въ которомъ должна достигаться эта конечная цѣль, гдѣ возбужденная мысль должна созрѣть и достигнуть всей полноты своей. Этотъ кругъ идей, эта нравственная сфера даютъ обществу особенный родъ существованія, особенный взглядъ, которые, не будучи совершенно тождественны для каждаго недѣлимаго этого общества, какъ въ отношеніи насъ, такъ и въ отношеніи другихъ неевропейскихъ народовъ, составляютъ одинаковый способъ ихъ бытія: слѣдствіе огромной умственной работы осьмнадцати вѣковъ, работы, въ которой участвовали всѣ страсти, всѣ выгоды, всѣ страданія, всѣ мечты, всѣ усилія разума.

Всѣ европейскіе народы проходили эти столѣтія рука въ руку и въ настоящее время, не смотря на всѣ случайныя отклоненія, они всегда будутъ сходиться на одной и той же дорогѣ. Чтобъ понять семейное развитіе этихъ народовъ, не нужно даже изучать исторію: прочтите только Тасса, и вы увидите, какъ всѣ они склоняются въ прахъ передъ Іерусалимомъ; вспомните, что въ продолженіе пятнадцати вѣковъ они молились Богу на одномъ языкѣ, покорялись одной нравственной власти, имѣли одно убѣжденіе; вспомните, что въ продолженіе пятнадцати вѣковъ, каждый годъ, въ одинъ и тотъ же день, въ одинъ и тотъ же часъ, однѣми и тѣми же словами, всѣ вдругъ они возносили хвалебные гимны Всевышнему, торжествуя величайшее изъ его благодѣяній: дивный концертъ, въ тысячу разъ изящнѣйшій, возвышеннѣйшій всѣхъ гармоній міра физическаго! Итакъ, если эта сфера, въ которой живутъ европейцы, сфера единственная, гдѣ человѣческій родъ можетъ достигнуть своего конечнаго предназначенія, есть плодъ религіи; если, напротивъ, враждебныя обстоятельства отстранили насъ отъ общаго движенія, въ которомъ общественная идея христіанства развилась и приняла извѣстныя формы; если эти причины отбросили насъ въ категорію народовъ, которые не могли воспользоваться всѣмъ вліяніемъ христіанства; то не очевидно ли, что должно стараться оживить въ насъ вѣру всѣми возможными способами? Вотъ, что я хотѣлъ сказать, говоря, что у насъ должно переначать все воспитаніе человѣческаго рода.

Вся исторія новаго общества совершается въ области мнѣнія. Слѣ-

довательно здѣсь настоящее воспитаніе. Новое общество, основанное на этомъ началѣ, двигалось впередъ только мыслію. Выгоды всегда слѣдовали за идеями, но никогда имъ не предшествовали. Мнѣнія рождали выгоды, но выгоды никогда не рождали мнѣній. Всѣ успѣхи Запада въ сущности были успѣхи нравственные. Искали истину и нашли благосостояніе. Вотъ какъ объясняется явленіе новаго общества и его образованіе; иначе оно совершенно непонятно.

Первыя столѣтія новой исторіи наполнятся: гоненіями за вѣру, мученичествомъ, распространеніемъ христіанской вѣры, ересями и соборами. Движеніе всей этой эпохи, не исключая и нашествія варваровъ, связано тѣсно съ усиліями новѣйшаго разума еще въ дѣтствѣ. Вторую эпоху наполняютъ: образованіе іерархіи, сосредоточеніе духовной власти и безпрерывное распространеніе религіи на Сѣверѣ. Затѣмъ слѣдуютъ: усиленіе религіознаго чувства до высочайшей степени и упроченіе религіозной власти. Философическое и литературное развитіе ума и образованіе нравовъ подъ вліяніемъ религіи оканчиваютъ эту исторію, которая имѣетъ точно такое же право на названіе священной, какъ и исторія древняго избраннаго народа. Наконецъ и настоящее положеніе общества заимствуетъ свой характеръ отъ религіознаго противодѣйствія, отъ новаго направленія, которое религія дала человѣческому духу. Такимъ образомъ, можно сказать, что у новѣйшихъ народовъ мнѣніе было единственнымъ могучимъ дѣятелемъ; оно поглощало всѣ матеріальныя, положительныя и личныя выгоды.

Знаю: вмѣсто того, чтобы дивиться этому дивному порыву человѣчества къ возможному совершенству, его назвали фанатизмомъ, суевѣріемъ. Но что бы ни говорили, подумайте, какъ сильно должно отпечатлѣться на характерахъ этихъ народовъ, какъ въ добромъ, такъ и въ дурномъ отношеніи, это развитіе общественности, вполнѣ совершенное однимъ чувствомъ! Пусть поверхностная философія вопіетъ, что хочетъ, противъ войнъ за вѣру, противъ костровъ, зажженныхъ нетерпимостію: мы можемъ только завидовать народамъ, которые въ этой ошибкѣ мнѣній, въ этой кровопролитной борьбѣ за истину, создали себѣ цѣлый міръ идей, міръ, который мы не можемъ представить себѣ воображеніемъ, не только перенестись въ него тѣломъ и душой, какъ у насъ предполагаютъ.

Повторяю еще: въ Европѣ не все было умно, добродѣтельно, религіозно; но въ ней все проникнуто таинственною силой, которая царила самодержавно цѣлый рядъ столѣтій: въ ней все слѣдствіе того безконечнаго сцѣпленія идей и явленій, которыя образовали настоящее общество. Изъ многихъ доказательствъ вотъ одно. У народа, физіономія котораго оттѣнена рѣзче другихъ, постановленія котораго проникнуты наиболѣе новѣйшимъ духомъ, словомъ, у англичанъ, почти одна религіозная исторія. Что такое бурная эпоха Карла I и Кром-

веля, предшествовавшая ихъ настоящему благосостоянію, и весь этотъ длинный рядъ происшествій, ее породившихъ, до самаго Генриха VIII, какъ не развитіе чисто религіозное? Во всемъ этомъ періодѣ, выгоды чисто политическія появляются второстепенными побудителями и часто исчезаютъ совершенно, или приносятся въ жертву мнѣнію. Даже въ эту самую минуту, какъ я пишу [1]), что волнуетъ эту привилегированную землю? Выгоды религіозныя. Коротко, есть ли въ Европѣ народъ, который не нашелъ бы въ своемъ національномъ сознаніи, если бъ только хотѣлъ поискать этого особеннаго начала, которое подъ видомъ священной мысли, постоянно было животворящимъ дѣятелемъ, душею общественнаго бытія, во все продолженіе его существованія?

Дѣйствіе христіанства отнюдь не ограничивается его прямымъ и непосредственнымъ вліяніемъ на умы людей. Исполинское предназначеніе его должно быть слѣдствіемъ множества нравственныхъ, умственныхъ и общественныхъ сопряженій, въ которыхъ человѣчество должно найти возможный просторъ для всѣхъ направленій своей дѣятельности. Отсюда понятно, что все совершившееся съ перваго дня нашей эры, или, лучше, съ той минуты, какъ Спаситель сказалъ своимъ ученикамъ: «идите, проповѣдуйте Евангеліе всей твари!» не исключая и самыя гоненія на христіанство, совершенно согласуется съ этимъ общимъ понятіемъ объ его вліяніи. Чтобы убѣдиться въ дѣйствительномъ осуществленіи пророческихъ изреченій Христа, довольно одного взгляда на повсемѣстное проявленіе его царствія въ сердцахъ людей, проявленіе сознательное или безсознательное, вольное или невольное. Такимъ образомъ, не смотря на всѣ несовершенства, на все, что́ есть дурного и порочнаго въ настоящемъ европейскомъ обществѣ, частное осуществленіе царствія Божія въ немъ неоспоримо, потому что оно заключаетъ въ себѣ начало безконечнаго совершенствованія и содержитъ въ зародышѣ и въ начальныхъ проявленіяхъ все нужное для конечнаго осуществленія его на землѣ.

Теперь позвольте мнѣ заключить это разсужденіе о вліяніи религіи на общество выпискою изъ одной вамъ неизвѣстной статьи, написанной мною гораздо прежде.

«Нѣтъ никакого сомнѣнія, говорилъ я, что тотъ, кто не замѣчаетъ дѣйствія христіанства вездѣ, гдѣ человѣческая мысль приходитъ съ нимъ въ соприкосновеніе, какимъ бы то ни было образомъ, даже противодѣйствуя ему, тотъ не имѣетъ объ немъ настоящаго понятія. Вездѣ, гдѣ произносится имя Христа, одно это имя увлекаетъ людей противъ ихъ воли. Ничто не обнаруживаетъ такъ божественнаго начала этой религіи, какъ этотъ отблескъ безусловной всемірности, которымъ она проникаетъ въ душу всѣми возможными способами; овла-

---

[1]) 1829 г.

дѣваетъ умами, даже въ то время, когда они, кажется, противятся ей наиболѣе; покоряетъ, сообщая разумѣнію истины, дотолѣ ему неизвѣстныя, возбуждая въ сердцѣ ощущенія, до сихъ поръ имъ не испытанныя, вдыхая въ нихъ чувства, которыя безъ нашего вѣдѣнія вводятъ насъ въ порядокъ общій. Такимъ образомъ она опредѣляетъ кругъ дѣйствій каждаго въ особенности, устремляя въ то же время дѣйствія всѣхъ къ одной цѣли. При разсматриваніи христіанства съ этой точки, каждое изъ пророческихъ изреченій Христа дѣлается осязаемою истиною. Отсюда можно видѣть ясно игру всѣхъ рычаговъ, которые приводятъ въ движеніе его всемогущая рука, ведя человѣка къ его предназначенію, никакъ не ограничивая его дѣятельности, никакъ не подавляя ни одной изъ силъ, ему врожденныхъ, но, напротивъ, удвояя ихъ, возвышая до безконечности. Ни одно изъ нравственныхъ началъ не остается бездѣйственнымъ; оно пользуется всѣми способностями мысли, всею племенною расширимостью чувства, героизмомъ души сильной и преданностью ума покорной. Доступное всякому созданію, одаренному разумѣніемъ, сливаясь съ каждымъ біеніемъ нашего сердца, оно поглощаетъ все, растетъ и даже укрѣпляется препятствіями, которыя встрѣчаетъ. Съ геніальнымъ человѣкомъ, оно возносится на высоту недосягаемую для другихъ, съ умомъ робкимъ, идетъ на землѣ мѣрнымъ шагомъ; въ умѣ мыслящемъ, безусловно, глубоко; въ душѣ преобладаемой воображеніемъ, эѳирно творитъ миріады образовъ; въ сердцѣ нѣжномъ, любящемъ, проявляется милосердіемъ и любовью. Оно идетъ всегда вмѣстѣ съ разумѣніемъ ему предавшимся, сообщая ему силу, теплоту, ясность. Посмотрите, какъ разнообразны природы, какъ многочисленны силы, которыя оно приводитъ въ движеніе, сколько различныхъ дѣятелей сливается воедино, сколько сердецъ, совершенно несходныхъ одно съ другимъ, бьется для одной единственной идеи!

«Еще удивительнѣе общее дѣйствіе христіанства. Взгляните на картину полнаго развитія новаго общества, и вы увидите, что христіанство преобразуетъ всѣ человѣческія выгоды въ свои собственныя, потребность вещественную вездѣ замѣняетъ потребностью нравственною, возбуждаетъ въ мірѣ мыслительномъ эти великія пренія, которыхъ вы не встрѣтите въ исторіи другихъ эпохъ, другихъ обществъ; воспламеняетъ это ужасное бореніе мнѣній, въ которомъ цѣлая жизнь народовъ становится одною великою идеею, однимъ безконечнымъ чувствованіемъ. Вы увидите, что все создано имъ, и только имъ: и жизнь земная и жизнь общественная, и семейство и отечество, и наука и поэзія, и умъ и воображеніе, и воспоминанія и надежды, и восторги и горести. Счастливы тѣ, которые въ глубинѣ души сознаютъ свои дѣйствія въ этомъ великомъ движеніи міра, движеніи, возбужденномъ самимъ Богомъ!»

Но время обратиться къ вамъ, сударыня. Признаюсь, мнѣ тяжело

оторваться отъ этихъ общихъ взглядовъ. Картина, которая съ этой высоты представляется мнѣ, есть для меня источникъ всего утѣшительнаго. Сладостное вѣрованіе въ будущее благоденствіе человѣчества живитъ мою душу, когда сдавленный жалкою, окружающею меня существенностью, я жажду подышать воздухомъ чистѣйшимъ, взглянуть на небо яснѣйшее. Впрочемъ, мнѣ кажется, что я не употребилъ вашего терпѣнія во зло. Прежде всего надобно было показать вамъ точку зрѣнія, съ которой должно смотрѣть на христіанскій міръ и на наши дѣйствія въ нашемъ мірѣ. Можетъ быть, вамъ покажется, что я слишкомъ нападаю на насъ: нѣтъ, я говорилъ истину, и еще не сказалъ ее вполнѣ. Впрочемъ духъ христіанства не терпитъ никакого ослѣпленія, а тѣмъ болѣе народныхъ предразсудковъ потому—что они разъединяютъ людей болѣе всего.

Это письмо довольно длинно. Вначалѣ я полагалъ, что выскажу все въ немногихъ словахъ, но впослѣдствіи увидѣлъ, что разсмотрѣніе этого предмета можетъ составить цѣлый томъ. Вы мнѣ напишите, согласны ли вы съ моими мнѣніями. Но во всякомъ случаѣ, вы не избавитесь второго письма, потому что мы только приступили къ предмету нашего разсужденія»...

Некрополисъ [1])
1829 г., декабря 1-го.

Таково содержаніе этого знаменитаго письма, вызвавшаго въ 1836 году въ Москвѣ небывалое негодованіе и повлекшее для Чаадаева столь необыкновенныя послѣдствія... Какъ въ этомъ, такъ и въ слѣдующихъ письмахъ, Чаадаевъ выразилъ свой взглядъ на исторію вообще и на мѣсто, которое должна занимать съ его точки зрѣнія исторія Россіи, въ частности. По мнѣнію Чаадаева, исторія каждаго народа опредѣляется строемъ его воззрѣній и въ особенности воззрѣній религіозныхъ.

Чаадаевъ относится враждебно ко всякой попыткѣ истолкованія исторіи, какъ естественнаго процесса. При такомъ взглядѣ на исторію,—говоритъ онъ,—получится движеніе безъ цѣли и смысла. Если разсматривать исторію не съ христіанской точки зрѣнія, то движущей причиной прогресса

---

[1]) Некрополисомъ, т. е. «городомъ мертвыхъ», назвалъ Чаадаевъ Москву, гдѣ писалъ свои «философическія письма».

окажется одинъ только матеріальный интересъ, а послѣдній можетъ двигать человѣчество впередъ только до извѣстнаго предѣла, по достиженіи котораго начинается движеніе обратное. Здѣсь лежитъ причина какъ гибели всѣхъ древнихъ языческихъ цивилизацій, такъ и увѣренности въ томъ, что христіанско-европейская цивилизація не погибнетъ, а приведетъ людей непремѣнно къ конечной цѣли ихъ земной жизни—устроенію царства Божія на землѣ. Христіанство представляетъ собою явленіе, необъяснимое никакими естественными причинами, независимое отъ естественнаго порядка возникновенія человѣческихъ идей въ обществѣ и не подчиненное естественно-причинной связи вещей въ этомъ мірѣ. А разъ это такъ, то въ немъ-то и должна лежать *истинная* движущая причина прогресса человѣческихъ обществъ. Чаадаевъ доходитъ этимъ путемъ до идеи Промысла, дѣлающаго *свое дѣло*, стремящагося *къ своимъ цѣлямъ* совершенно независимо отъ воли и сознанія людей. Высота прогресса, прочность цивилизаціи и надежды на будущее всякаго народа, могутъ быть опредѣляемы лишь съ точки зрѣнія той доли участія, которую принимаетъ данный народъ въ осуществленіи черезъ него цѣлей божественнаго Промысла. Такъ какъ участіе Ассиріи и Вавилона, Греціи и Рима въ этомъ дѣлѣ равнялись нулю, то государства эти и должны были исчезнуть съ лица земли послѣ того, какъ дошли до той высоты, переступить которую уже невозможно, руководясь лишь одними матеріальными интересами. Но всѣ ли страны, называющія себя въ настоящее время христіанскими, дѣйствительно христіанскія? Чаадаевъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно и признаетъ истинно христіанскими лишь государства западно-европейскія. Съ этой точки зрѣнія онъ и осудилъ безпощадно *прошлое* Россіи, но нельзя положительно сказать, чтобы онъ также абсолютно безнадежно смотрѣлъ и на ея будущее. Онъ утверждалъ лишь, что для того, чтобы вступить въ исторію, которой у насъ

до сихъ поръ не было, надо стараться „оживить нашу вѣру“, „дать намъ импульсъ истинно христіанскій“. Если мы сдѣлаемъ это, наши грядущія судьбы обезпечены, если нѣтъ, то и въ будущемъ мы не внесемъ въ сокровищницу человѣчества ничего, какъ не внесетъ ничего какая-нибудь считающая себя тоже христіанской Абиссинія [1]).

Характеризуя воззрѣнія Чаадаева, г. Скабичевскій говоритъ по этому поводу слѣдующее: „для Чаадаева, естественно никакого выхода не представлялось: онъ не могъ не сознавать, что обращеніе въ католичество всего народа дѣло невозможное и позднее и потому считалъ зло неисправимымъ. Онъ ничего не предлагалъ въ своемъ письмѣ, а только выставлялъ факты безвыходности съ своей точки зрѣнія“ [2]). По нашему мнѣнію, это не совсѣмъ такъ. Не говоря уже о проявлявшихся у Чаадаева отклоненіяхъ отъ его основныхъ взглядовъ, о чемъ мы упомянемъ ниже, но и въ своихъ произведеніяхъ онъ выражаетъ надежду на появленіе въ Россіи новаго Петра Великаго, для котораго будетъ возможно *все*, такъ какъ въ смыслѣ творца своей собственной исторіи русскій народъ,—и въ этомъ Чаадаевъ послѣдовательно держался своей точки зрѣнія,—былъ и есть *ничто*... Отъ новаго Петра Великаго Чаадаевъ ожидалъ *всего*, вѣря въ то же время и независимо отъ того въ близкое торжество католицизма надъ восточнымъ міромъ [3]).

Но, конечно, разсчитывать на появленіе новаго Петра Великаго, какъ на нѣчто болѣе или менѣе вѣрное, Чаадаевъ не могъ, и потому гораздо чаще его воззрѣнія на Россію проникнуты самымъ крайнимъ пессимизмомъ.

Это выразится, какъ намъ кажется, особенно ясно, если

---

[1]) По этому поводу см. чрезвычайно интересный разборъ взглядовъ Чаадаева см. въ книгѣ г. Милюкова «Главныя теченія русской исторической мысли», стр. 293—306.

[2]) Сорокъ лѣтъ русской критики. Стр. 355.

[3]) О послѣднемъ см. въ «Запискахъ» А. И. Кошелева, стр. 75.

мы сопоставимъ два слѣдующихъ отрывка изъ „Апологіи сумасшедшаго“:

„Положимъ, напримѣръ, что народъ, стеченіемъ обстоятельствъ не имъ созданныхъ, дѣйствіемъ географическихъ условій, которыхъ онъ не избиралъ, распространяется на огромномъ пространствѣ земли, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что онъ дѣлаетъ и что въ одинъ прекрасный день онъ найдетъ себя народомъ могущественнымъ; это будетъ, конечно, явленіе удивительное, удивляться которому можно сколько угодно, но,—какъ вы думаете,—что сказать тутъ исторіи? По существу дѣла это фактъ чисто матеріальный, *фактъ такъ сказать географическій*, въ громадныхъ размѣрахъ, безъ сомнѣнія, но и только. Исторія его подберетъ, занесетъ его на свои страницы, потомъ снова закроетъ ихъ и этимъ окончитъ свое дѣло“ [1]).

Вторая глава „Апологіи“ едва начата. Она состоитъ всего изъ нѣсколькихъ строкъ, но эти строки очень любопытны при сопоставленіи съ вышеприведенной цитатой. Онѣ гласятъ:

„Существуетъ фактъ, верховно владычествующій надъ нашимъ историческимъ движеніемъ во всѣ его вѣка, проходящіе черезъ всю нашу исторію, заключающій въ себѣ въ нѣкоторомъ смыслѣ всю ея философію, проявляющійся во всѣ эпохи нашей соціальной жизни, опредѣляющій ея характеръ, составляющій одновременно и существенный элементъ нашего политическаго могущества и истинную причину нашего интеллигентальнаго безсилія, этотъ фактъ — *фактъ географпческій*“ [2]).

Выводъ отсюда очень ясенъ...

Но, если на основаніи нѣкоторыхъ противорѣчивыхъ словъ Чаадаева еще можно спорить о томъ, какъ относится онъ къ будущему Россіи, то не можетъ быть сомнѣнія, что—

---

[1]) «Oeuvres choisies», стр. 136—137.
[2]) Ibid., стр. 152.

онъ отрицалъ наличность творческаго начала въ ея прошломъ и въ этомъ рѣдко расходился съ славянофилами, искавшими именно въ прошломъ Россіи зиждительныхъ началъ для ея будущаго [1]). Въ тотъ моментъ когда Чаадаевъ писалъ свои „философическія письма", онъ былъ очень последовательнымъ хотя, разумѣется, и своеобразнымъ, „западникомъ" [2]). Онъ утверждалъ, что усвоеніе одной внѣшней стороны европейской цивилизаціи не принесетъ съ собою въ Россію плодовъ европейской культуры и что для того, чтобы стать европейскою, а не азіатскою страною, Россія должна воспринять тѣ *начала* европейской цивилизаціи, которыя онъ считалъ основою европейской культуры и, благодаря которымъ, испанецъ или англичанинъ, французъ или или германецъ, не взирая на всѣ національныя различія, отмѣчены одною общею печатью европеизма. Старонникъ идеи единства европейской цивилизаціи, Чаадаевъ требовалъ и принятія того единаго начала, на которомъ выросли цивилизаціи всѣхъ европейскихъ государствъ. Чаадаевъ зналъ, что то начало, которое оказало столь благодѣтельное вліяніе на жизнь Европы, создало и множество ужасныхъ страницъ европейской исторій, что инквизиція, варфоломеевская ночь, Торквемада, драгонады и многое другое произошло изъ того же корня, но, ему, конечно, могла казаться только смѣшною аркадская идея пересажденія всѣхъ лучшихъ сторонъ европейской жизни на совершенно чуждую имъ почву, безъ перенесенія вмѣстѣ съ тѣмъ и ея тѣневыхъ сторонъ... Онъ зналъ, что завидные плоды европейской цивилизаціи выросли

---

[1]) «Чаадаевъ утверждалъ, что русская исторія пуста и безсмысленна и что единственный путь спасенія для насъ есть безусловное и полнѣйшее пріобщеніе къ западной цивилизаціи». (Кошелевъ, стр. 75).

[2]) Его религіозность не только не шла въ разрѣзъ съ его «западническими» убѣжденіями, но, напротивъ, самыя убѣжденія его исходили изъ религіознаго начала. Вспомнимъ что огромное большинство декабристовъ были тоже религіозными людьми.

на почвѣ, свойственной европейскому материку, и потому для возможности произрастанія ихъ въ иныхъ странахъ, нужно, чтобы самая почва этихъ странъ была, такъ сказать, европеизирована творческимъ началомъ Европы. Признавши впослѣдствіи свой приговоръ Россіи слишкомъ строгимъ, признавши „преувеличеніемъ печалиться хоть на минуту за судьбу націи, создавшей мощную натуру Петра, универсальный умъ Ломоносова и граціозный геній Пушкина“, Чаадаевъ остался навсегда болѣе чѣмъ скептикомъ относительно существованія въ Россіи какихъ бы то ни было „самобытныхъ“ началъ, могущихъ лечь въ основаніе надежды на „особые пути“ для развитія нашей родины.

Мы не говоримъ, чтобы Чаадаевъ оставался всегда безусловно вѣрнымъ своей точкѣ зрѣнія. Нѣтъ, онъ иногда отъ нея уклонялся, а въ „Апологіи Сумасшедшаго“ доходилъ даже до взгляда на Россію, какъ на страну, предназначенную составлять „безпристрастное жюри“ для всѣхъ народовъ запада, но эта и подобныя ей идеи являются у Чаадаева ни на чемъ не основанными, висящими въ воздухѣ и,—принимая во вниманіе обстоятельства, при которыхъ писалась „Апологія“, и личный характеръ ея автора, — выраженными, надо думать, далеко не искренно. Въ общемъ же Чаадаевъ оставался западникомъ до конца, безусловно отрицательно относившимся къ ученію славянофиловъ и слѣдующимъ образомъ охарактеризовавшимъ въ той же „Апологіи“ нарождавшуюся тогда славянофильскую школу:

„На сценѣ появляется новая школа. Западъ болѣе не признается, дѣло Петра Великаго отрицается, считается желательнымъ снова вернуться въ пустыню. Забывши все, что́ сдѣлалъ для насъ Западъ, будучи неблагодарны къ великому человѣку, который насъ цивилизовалъ, къ Европѣ, которая насъ образовала, отрекаются и отъ Европы, и отъ великаго человѣка. Въ своемъ горячемъ усердіи новѣйшій патріотизмъ объявляетъ насъ любимѣйшими чадами Востока. Да и съ

какой стати,—говоритъ этотъ патріотизмъ,—будемъ мы искать свѣта у западныхъ народовъ? Развѣ не имѣемъ мы у себя дома всѣхъ зародышей соціальнаго строя—безконечно болѣе предпочтительнаго, чѣмъ соціальный строй Европы? Отчего не предоставили сдѣлать все времени? Предоставленные самимъ себѣ, нашему свѣтлому разуму, плодотворному началу, сокрытому въ нѣдрахъ нашей могучей натуры, и въ особенности нашей святой вѣрѣ, мы скоро бы оставили позади всѣ эти народы, коснѣющіе въ заблужденіяхъ и лжи. И чему намъ завидовать на Западѣ? Его религіознымъ войнамъ, его папѣ, его рыцарству, его инквизиціи? Хорошія все вещи, нечего сказать! И развѣ Западъ является, въ самомъ дѣлѣ, родиной наукъ и глубокой мудрости? Всякій знаетъ, что родина всего этого—Востокъ. Возвратимся же къ этому Востоку, съ которымъ мы соприкасаемся повсемѣстно, откуда мы воспріяли нѣкогда наши вѣрованія, наши законы, наши добродѣтели, словомъ, все, что сдѣлало насъ могущественнѣйшимъ народомъ на землѣ. Старый Востокъ отходитъ въ вѣчность, и развѣ не мы его законные наслѣдники? Среди насъ должны остаться теперь жить навсегда его чудесныя традиціи, осуществляться всѣ тѣ его великія и таинственныя истины, храненіе которыхъ ему было завѣщано отъ начала вѣковъ. Вы понимаете теперь происхожденіе разразившейся надо мной недавно бури и вы видите, что среди насъ, среди нашей національной мысли происходитъ настоящая революція, страстная реакція противъ просвѣщенія, противъ западныхъ идей, противъ того просвѣщенія и тѣхъ идей, которыя сдѣлали насъ тѣмъ, что мы есть и плодомъ которыхъ является даже и самое настоящее движеніе, самая реакція. И на этотъ разъ импульсъ идетъ не сверху. Напротивъ, никогда еще въ высшихъ слояхъ общества память о царственномъ реформаторѣ не была, говорятъ, въ большемъ почтеніи, чѣмъ нынѣ. Иниціатива движенія принадлежитъ всецѣло самой странѣ. Куда приведетъ насъ это первое проявленіе эмансипирован-

ной мысли націи? Богъ знаетъ. Но тотъ, кто искренно любитъ свое отечество, не можетъ не скорбѣть надъ этимъ отступничествомъ нашихъ наиболѣе просвѣщенныхъ людей отъ предметовъ, создавшихъ нашу славу и наше величіе. И добрый гражданинъ, думается мнѣ, долженъ постараться наилучшимъ образомъ оцѣнить это странное явленіе" [1]).

Своими „философическими письмами", тѣмъ толчкомъ общественной мысли, который далъ Чаадаевъ этими письмами, онъ внесъ свое имя въ исторію русской литературы и исторіи развитія русскаго самосознанія. Немного написалъ этотъ человѣкъ, еще менѣе напечаталъ, но не по одной только причинѣ бѣдности русской земли выдающимися умственными силами будутъ еще долго останавливаться интересующіяся эволюціей русской мысли лица надъ „печальной и самобытной фигурой Чаадаева".

Какъ нравственная личность, Чаадаевъ стоялъ однако далеко не на высотѣ своего собственнаго интеллекта и безпристрастное изслѣдованіе его жизни должно, къ сожалѣнію, отмѣтить и тѣневыя стороны этой жизни.

Мы говоримъ вотъ о чемъ: Герценъ не только глубоко уважалъ, но и любилъ Чаадаева, пользуясь, по его собственнымъ словамъ, такимъ же уваженіемъ и любовью со стороны Петра Яковлевича; ему посвятилъ онъ не одну блестящую страницу „Былого и Думъ"; его некрологъ помѣстилъ онъ въ глубоко трогательныхъ выраженіяхъ въ одномъ изъ первыхъ нумеровъ своего лондонскаго журнала.

Тѣмъ тяжелѣе производится впечатлѣніе въ воспоминаніяхъ Жихарева одинъ эпизодъ изъ жизни Чаадаева, справедливость котораго, какъ документированная авторомъ, едва ли можетъ подлежать хоть малѣйшему сомнѣнію.

Дабы выяснить психологическую почву, на которой могъ

---

[1]) Oeuvres choisies de Pierre Tchadaief. p. 139—140.

создаться разсказываемый Жихаревъ эпизодъ, мы сдѣлаемъ маленькое отступленіе.

Чаадаевъ былъ однимъ изъ немногихъ представителей лучшей части русской интеллигенціи первыхъ двухъ десятилѣтій XIX вѣка, уцѣлѣвшихъ послѣ катастрофы 1825—1826 годовъ. Другимъ такимъ представителемъ былъ декабристъ Михаилъ Федоровичъ Орловъ, къ которому Герценъ относился также очень тепло, но котораго, тѣмъ не менѣе, онъ охарактеризовалъ слѣдующимъ образомъ:

„Снѣдаемый самолюбіемъ и жаждой дѣятельности,—писалъ Герценъ объ Орловѣ въ своемъ „дневникѣ“ отъ 28 марта 1842 года,—онъ былъ похожъ на льва, сидящаго въ клѣткѣ и не смѣвшаго даже рычать. Faute de mieux, онъ окружилъ себя небольшимъ кругомъ знакомыхъ, проповѣдывалъ тамъ свои теоріи: главное лицо по талантамъ и *странностямъ* (курсивъ нашъ) занималъ въ этомъ кругу Чаадаевъ. Подавленное честолюбіе, глубокая увѣренность, что онъ могъ бы дѣйствовать съ блескомъ на высшихъ правительственныхъ мѣстахъ, и воспоминаніе прошедшаго, желаніе сохранить его, какъ нѣчто святое, ставило Орлова въ безпрерывное колебаніе. „Стереть прошедшее“ и явиться кающейся Магдалиной,—говорилъ одинъ голосъ; „не сходить съ величественнаго пьедестала, который данъ ему прошедшимъ интересомъ, и оставаться окруженнымъ ореоломъ оппозиціонности“, — говорилъ другой голосъ. Отъ этого Орловъ дѣлалъ безпрерывныя ошибки. *Вовсе безъ нужды и безъ пользы* (курсивъ нашъ) громогласно иной разъ унижался и *пріобрѣталъ одинъ стыдъ*. Ибо тѣ, предъ которыми онъ это дѣлалъ, не довѣряли ему, а тѣ, которые были свидѣтелями, теряли уваженіе“ [1]).

Только такою же точно психологической почвой можно объяснить и изумительный не только по своей общественно-

---

[1]) Сочиненія, т. I, стр. 2—3.

нравственной нечистоплотности, но и полной *безполезности, ненужности* одинъ поступокъ Чаадаева.

Въ самомъ началѣ пятидесятыхъ годовъ Герценъ издалъ въ Лондонѣ брошюру „Du developpement des ideés“ etc., въ которой разсказалъ, между прочимъ, исторію съ Чаадаевымъ. Отъ теплаго отзыва Герцена о Чаадаевѣ послѣдній, по словамъ Жихарева, „пришелъ въ восхищеніе“. Вскорѣ послѣ того встрѣчается Чаадаевъ съ сильнымъ міра сего въ лицѣ графа А. Ф. Орлова и выслушиваетъ отъ него, сказанныя съ любезной улыбкой такія слова: „въ книгѣ Герцена изъ живыхъ по имени никто не названъ, кромѣ васъ и Гоголя, потому что, должно быть, къ вамъ обоимъ ничего прибавить и отъ васъ обоихъ ничего убавить, видно, уже нельзя“.

Разумѣется, это была не болѣе, какъ любезная шутка „особы“, сказанная завѣдомому „либералу“.

Вмѣсто отвѣта какою нибудь остротою, на которыя Чаадаевъ былъ такой большой мастеръ, возвратясь домой, онъ написалъ Орлову письмо составляющее темное и несмываемое пятно на его жизни. Письмо это гласило:

Милостивый Государь
Графъ Алексѣй Федоровичъ!

„Слышу, что въ книгѣ Герцена мнѣ приписываются мнѣнія, которыя никогда не были и никогда не будетъ моими мнѣніями. Хотя изъ словъ Вашего сіятельства и вижу, что въ этой наглой клеветѣ не видите особенной важности, однако не могу опасаться, чтобы она не оставила въ умѣ Вашемъ нѣкотораго впечатлѣнія. Глубоко благодаренъ бы былъ Вашему Сіятельству, если бы Вамъ угодно было доставить мнѣ возможность ее опровергнуть и представить Вамъ письменно это опроверженіе, а можетъ быть и опроверженій всей книги. Для этого, разумѣется, нужна мнѣ самая книга, которую не могу имѣть иначе, какъ изъ рукъ Вашихъ.

Каждый русскій, каждый вѣрноподанный царя, въ кото-

ромъ весь міръ видитъ Богомъ призваннаго спасителя общественнаго порядка въ Европѣ, долженъ гордиться быть орудіемъ, хотя и ничтожнымъ, его высокаго, священнаго призванія; какъ же остаться равнодушнымъ, когда наглый бѣглецъ, гнуснымъ образомъ искажая истину, приписываетъ намъ собственныя свои чувства и кидаетъ на имя наше собственный свой позоръ.

Смѣю надѣяться, Ваше Сіятельство, что благосклонно примете мою просьбу и, если не заблагоразсудите ее исполнить, то сохраните мнѣ Ваше благорасположеніе [1])".

Отправивши это письмо Орлову, Чаадаевъ какъ и слѣдовало ожидать, не получилъ даже *никакого отвѣта* и его ненужное усердіе не имѣло никакихъ послѣдствій....

И, вотъ, только сопоставляя этотъ, далеко выходящій за предѣлы „странностей", фактъ съ разсказомъ Герцена про Орлова, который *„вовсе безъ нужды и пользы* иной разъ унижался и пріобрѣталъ *одинъ стыдъ*", понимаешь психологическую почву, на которой выросъ некрасивый поступокъ Чаадаева. Какъ мы сказали выше, характеръ Чаадаева былъ далеко не рыцарскимъ...

Копію съ своего письма Орлову, Чаадаевъ далъ Жихареву, который, негодуя на этотъ поступокъ, сказалъ Чаадаеву, что „не ему же растолковывать значеніе этого поступка, что онъ лучше всякаго другого его понимаетъ", но, что онъ, Жихаревъ, не можетъ только постигнуть, для чего Чаадаевъ сдѣлалъ такую „ненужную гадость". (Выраженіе, которое я употребилъ, говоритъ Жихаревъ, было: bassesse gratuite".) На это Чаадаевъ отвѣтилъ: „mon cher, on tient à sa peau"!... „Больше объ этомъ предметѣ,—говоритъ Жихаревъ,—между нами не было сказано ни слова"...

Жихаревъ, разсказываетъ также, что, отправляясь въ концѣ пятидесятыхъ годовъ заграницу, онъ хотѣлъ показать

---

[1]) Жихаревъ Вѣстн. Евр. 1871 г. сентябрь, стр. 49.

Герцену имѣвшееся у него собственноручное письмо Чаадаева къ Орлову, но случайно забылъ его въ Россіи и потому не только не могъ показать его, но и завести объ этомъ разговоръ, такъ какъ безъ документальныхъ доказательствъ Герценъ никогда бы этому не повѣрилъ.

Тѣмъ лучше, конечно, что случилось именно такъ: Герценъ не унесъ съ собою въ могилу, благодаря случайности, лишняго разочарованія.. До конца жизни лондонскій изгнанникъ сохранилъ къ памяти Чаадаева глубокое уваженіе. „Въ единственномъ письмѣ, которое писалъ ко мнѣ Чаадаевъ двадцатаго іюня 1851 года,—вспоминалъ впослѣдствіи о немъ Герценъ,—онъ говорилъ о томъ, что гибнетъ, слабѣетъ и быстрыми шагами приближается къ концу не отъ того угнетенія, противъ котораго возстаютъ люди, а отъ того, которое они сносятъ съ какимъ-то трогательнымъ умиленіемъ и которое поэтому самому пагубнѣе перваго“ [1]).

Но опустимъ занавѣсъ надъ этимъ темнымъ эпизодомъ въ жизни Чаадаева. Умолчать о немъ мы не могли, распространяться болѣе не видимъ необходимости.

Послѣ инцидента съ „философическимъ письмомъ“ въ 1836 году Чаадаевъ прожилъ еще почти безвыѣздно въ Москвѣ двадцать лѣтъ, но годы эти уже не отмѣчены ничѣмъ особенно выдающимся. Близость съ Пушкинымъ продолжалась, но существовавшей когда-то между нимъ и знаменитымъ поэтомъ короткой дружбы уже не было. Въ приложеніи къ полному собранію сочиненій Пушкина приведены два письма поэта къ Чаадаеву, одно отъ шестого іюля 1831 года, другое отъ 19 октября 1836 года. Въ обоихъ письмахъ рѣчь идетъ объ одномъ и томъ же „философическомъ письмѣ Чаадаева (написанномъ, какъ извѣстно, еще въ 1829 году),—только въ первомъ, очевидно, относительно его рукописи, а во второмъ послѣ появленія

---

[1]) Сочиненія, т. VII, стр. 263.

его въ „Телескопѣ“ и присылки Чаадаевымъ Пушкину книжки журнала или оттиска статьи [1]). Между обоими письмами замѣтна большая разница особенно въ тонѣ.

Въ первомъ письмѣ Пушкинъ, между прочимъ, писалъ:

„Все, что̀ вы говорите о Моисеѣ, Римѣ, Аристотелѣ, идеѣ истиннаго Бога, древнемъ искусствѣ, протестантизмѣ, все это изумительно по силѣ, правдѣ, краснорѣчію. Все, что̀ является портретами картины,—все широко, блестяще, грандіозно. Со взглядомъ вашимъ на исторію, мнѣ совершенно новымъ, я, однакожъ не могу всегда соглашаться (идетъ нѣсколько примѣровъ). Вы видите христіанское единство въ католицизмѣ, т. е. въ папѣ, не въ идеѣ ли оно Христа, которая есть и въ протестантизмѣ? Первая идея была монархическою, потомъ сдѣлалась республиканскою Я дурно выражаюсь, но вы поймете меня. Пишите же мнѣ, другъ мой, если бы даже вамъ пришлось бранить меня. Лучше, говоритъ Екклезіастъ, слушать наставленія мудраго, нежели пѣсни безумца“ [2]).

Второе письмо гласитъ:

„Благодарю васъ за брошюру, которую вы мнѣ прислали. Мнѣ было пріятно перечитать ее, хотя я удивился, что она переведена и напечатана. Я доволенъ переводомъ: въ немъ сохранилась энергія и непринужденность подлинника. Что касается мысли, вы знаете, что я далекъ отъ полнаго согласія съ вашимъ мнѣніемъ. (Идутъ возраженія, касающіяся пониманія исторіи Россіи). Послѣ столькихъ возраженій, я долженъ вамъ сказать, что въ вашемъ посланіи есть много

---

[1]) Перечисляя въ своихъ «показаніяхъ, данныхъ въ 1836 году», всѣхъ лицъ, которымъ роздалъ онъ, присланные ему Надеждинымъ, 25 экземпляровъ «Телескопа», Чаадаевъ называетъ, между прочимъ, Пушкина. (См. «Неизданныя рукописи П. Я. Чаадаева». Вѣст. Евр. 1871 года, ноябрь, стр. 330).

[2]) Письма А. С. Пушкина, приложенныя къ полному собранію его сочиненій, стр. 1625.

вещей глубокой правды. Нужно признаться, что наша общественная жизнь весьма печальна. Это отсутствіе общественнаго мнѣнія, это равнодушіе ко всякому долгу, къ справедливости и правдѣ, это циническое презрѣніе къ мысли и человѣческому достоинству, дѣйствительно приводятъ въ отчаяніе. Вы хорошо сдѣлали, что громко это высказали. Но я боюсь, что мнѣнія ваши объ исторіи вамъ повредятъ. Наконецъ, я сожалѣю, что не былъ при васъ, когда вы отдавали вашу рукопись журналисту. Я нигдѣ не бываю и не могу сказать, производитъ ли ваша статья впечатлѣніе. Надѣюсь, что изъ-за нея не выйдетъ шума“ [1]).

Письма эти, конечно, болѣе характерны для самого Пушкина, чѣмъ для Чаадаева.

Далеко не съ прежнимъ восторгомъ отзывался о Чаадаевѣ Пушкинъ и въ приводимомъ Смирновой разговорѣ поэта съ Полетикой [2]).

Яркими штрихами очерчиваетъ личность Чаадаева и его совершенно особаго рода одиночество Герценъ.

„Печальная и самобытная фигура Чаадаева рѣзко отдѣляется какимъ-то грустнымъ упрекомъ на линючемъ и тяжеломъ фонѣ московской high-life. Я любилъ смотрѣть на него середь этой мишурной знати, вѣтренныхъ сенаторовъ, сѣдыхъ повѣсъ и почетнаго ничтожества. Какъ бы ни была густа толпа, глазъ находилъ его тотчасъ, лѣта не исказили стройнаго стана его. Онъ одѣвался очень тщательно, блѣдное, нѣжное лицо его было совершенно неподвижно, когда онъ молчалъ, какъ будто изъ воску или изъ мрамору; „чело, какъ черепъ голый“, сѣро-голубые глаза были печальны и съ тѣмъ вмѣстѣ имѣли что-то доброе, тонкія губы, напротивъ, улыбались иронически. Десять лѣтъ стоялъ онъ, сложа

---

[1]) Ibid., стр. 1709.

[2]) Записки А. О. Смирновой. ч. I. изд. «Сѣвернаго Вѣстника». стр. 211.

руки, гдѣ-нибудь у колонны, у дерева на бульварѣ, въ залахъ и театрахъ, въ клубѣ и воплощеннымъ veto, живой протестаціей смотрѣлъ на вихрь лицъ, безсмысленно вертѣвшихся около него, капризничалъ, дѣлался страннымъ, отчуждался отъ общества, не могъ его покинуть, потомъ сказалъ свое слово, спокойно спрятавъ, какъ пряталъ въ своихъ чертахъ страсть подъ ледяной корой. Потомъ опять умолкъ, опять являлся капризнымъ, недовольнымъ, раздраженнымъ, опять тяготился московскимъ обществомъ и опять не покидалъ его. Старикамъ и молодымъ было неловко съ нимъ—не по себѣ; они, Богъ знаетъ отчего, стыдились его неподвижнаго лица, его прямо смотрѣвшаго взгляда, его печальной насмѣшки, его язвительнаго снисхожденія..... Въ мірѣ не было ничего противоположнѣе славянамъ [1]), чѣмъ безнадежный взглядъ Чаадаева, которымъ онъ мстилъ русской жизни, какъ его обдуманное, выстраданное проклятіе, которымъ онъ замыкалъ свое печальное существованіе и существованіе цѣлаго періода русской исторіи. Онъ долженъ былъ возбуждать въ нихъ сильную оппозицію, онъ горько, уныло, злобно оскорблялъ все дорогое имъ, начиная съ Москвы. „Въ Москвѣ, — говаривалъ Чаадаевъ,—каждаго иностранца водятъ смотрѣть большую пушку и большой колоколъ. Пушку, изъ которой стрѣлять нельзя и колоколъ, который свалился прежде, чѣмъ зазвонилъ. Удивительный городъ, въ которомъ достопримѣчательности отличаются нелѣпостью или, можетъ быть, этотъ большой колоколъ безъ языка—іероглифъ, выражающій эту огромную, нѣмую страну, которая заселена племенемъ, назвавшимъ себя *славянами*, какъ будто удивляясь, что имъ дано слово человѣческое“ [2]).

---

[1]) т. е. елавянофиламъ, которыхъ Герценъ часто называлъ славянами.

[2]) Сочиненія. т. VII. стр. 277, 278, 283 и 284.

Такъ прожилъ послѣдніе годы этотъ, во всякомъ случаѣ, замѣчательный русскій человѣкъ, эта трагическая фигура русской исторіи. Онъ ничего болѣе не печаталъ, его вліяніе ограничивалось маленькимъ кругомъ тѣснившихся около него лицъ, но, какъ живой осколокъ минувшей эпохи, какъ человѣкъ исключительнаго ума, онъ до конца жизни не терялся въ толпѣ и, какъ говоритъ Герценъ, „какъ бы ни была густа толпа, глазъ находилъ его тотчасъ же“.

Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ скончался въ Москвѣ четырнадцатаго апрѣля 1856 года.

Въ приложеніи мы даемъ переводъ второго, третьяго и четвертаго „философическихъ писемъ“ Чаадаева и его „Апологіи сумасшедшаго“. Конечно, точка зрѣнія, на которой стоитъ въ этихъ произведеніяхъ Чаадаевъ, совершенно чужда духу нашего времени, но мысли свои авторъ развиваетъ съ необыкновенною послѣдовательностью и силою. Съ этой и нѣкоторыхъ другихъ сторонъ излагаемая Чаадаевымъ его собственная философія исторіи заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, большаго вниманія, не смотря на истекшіе семьдесятъ лѣтъ съ того времени, какъ она написана.

Виссаріонъ Григорьевичъ

БѢЛИНСКІЙ.

Наиболѣе яркимъ, искреннимъ и убѣжденнымъ „западникомъ“ *сороковыхъ годовъ* является безъ сомнѣнія Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій. Насколько разнообразна и богата всякаго рода внѣшними эффектами жизнь А. И. Герцена, настолько же поразительна бѣдна ими жизнь Бѣлинскаго. Внѣшняя сторона его жизни можетъ быть разсказана буквально въ двухъ словахъ: сынъ военнаго врача, родившійся во время кочевой жизни его отца, Бѣлинскій учился въ пензенской гимназіи, откуда, не окончивши курса, перешелъ въ московскій университетъ. Тамъ написалъ онъ свое первое литературное произведеніе „Дмитрій Калининъ“, стоившее ему не только исключенія изъ университета, но и аттестаціи, гласившей, что исключается онъ „за неспособность“. По выходѣ изъ университета этотъ „плебей безвѣстный“ начинаетъ работать въ журналахъ, ведетъ жизнь въ полномъ смыслѣ слова литературнаго батрака и интеллигентнаго пролетарія, наживаетъ, благодаря такой жизни, чахотку и преждевременно умираетъ на тридцать девятомъ году отъ роду. Вотъ и все сколько нибудь характерное для внѣшней жизни великаго критика. Но какъ полна, широка и многостороння была зато внутренняя жизнь этого человѣка! Плодомъ ея явились сочиненія и переписка Бѣлинскаго т. е. документы, которые составляютъ и еще долго будутъ составлять драгоцѣннѣйшіе матеріалы для исторіи развитія русскаго самосознанія. Со многимъ изъ написаннаго Бѣлинскимъ, конечно, можно и должно несоглашаться,—

да странно и было бы иначе, если помнить, что мы отдѣлены отъ времени, когда выливались на бумагу написанныя Бѣлинскимъ строки, пятьюдесятью. шестьюдесятью и даже семидесятью годами, а исторія, по вѣрному выраженію Тэна, „стоять не можетъ",—но у Бѣлинскаго, какъ и у всѣхъ выдающихся умовъ, наличность недюжинной мысли замѣтна даже въ самыхъ крайнихъ его заблужденіяхъ. Нечего, разумѣется, и добавлять, что все, написанное Бѣлинскимъ является въ то же время и чрезвычайно характернымъ для самой личности, по удачному выраженію г. Венгерова, „великаго сердца". Каждая строка, написанная незабвеннымъ критикомъ выливалась непосредственно изъ самой глубины его духа съ такою поразительною искренностью, которой мало можно найти примѣровъ не въ одной только русской литературѣ.

Три года тому назадъ чествовалось пятидесятилѣтіе со времени смерти славнаго критика и много написано было въ это время о Бѣлинскомъ въ нашемъ отечествѣ. Говорили о немъ и заграницей [1]). Какъ и слѣдовало ожидать о Бѣлинскомъ высказаны были весьма различныя мнѣнія. Высказывалось, между прочимъ, что Бѣлинскій писалъ такъ много и такъ въ разное время *разно*, что любая изъ литературныхъ и общественныхъ партій нашего времени можетъ считать его въ рядахъ своихъ предковъ или даже сдѣлать его своимъ родоначальникомъ. Говорилось, что, по мнѣнію одного изъ такъ называемыхъ „толстовцевъ", Бѣлинскій является у насъ предтечею знаменитаго ученія о непротивленіи злу насиліемъ и ожидалась книга о незабвенномъ критикѣ, написанная съ этой точки зрѣнія. Намѣреніе это, сколько намъ извѣстно, не осуществилось, да мы сильно сомнѣваемся и въ самой возможности сколько нибудь удач-

---

[1]) Генкель въ приложеніи къ мюнхенской «Albgemeine Zeitung» писалъ о Бѣлинскомъ, какъ о «русскомъ Лессингѣ».

наго его осуществленія. Натура Бѣлинскаго была по преимуществу натурой активной и боевой, его разумъ неудержимо стремился къ созданію *цѣлостнаго*, чуждаго всякаго эклектизма, міросозерцанія, и потому, конечно, ни „толстовство“, съ его „непротивленіемъ злу насиліемъ“, ни окрашенное столь несимпатичнымъ Бѣлинскому славянофильствомъ современное „народничество“ его едва ли могли бы удовлетворить...

Откуда у Бѣлинскаго, проведшаго свое дѣтство и самую первую молодость въ глухой провинціи, въ какомъ-то патріархальномъ Чембарѣ, могла явиться еще до пріѣзда въ Москву та ненависть къ крѣпостному строю Россіи, плодомъ которой явилась его драма „Дмитрій Калининъ“, — это остается до настоящаго времени невыясненнымъ. Надо думать, что первые уроки „либерализма“ юноша получилъ отъ своего отца, военнаго врача по профессіи, долгое время скитавшагося съ флотскимъ экипажемъ по разнымъ мѣстамъ и, вѣроятно, имѣвшаго случаи слышать хотя бы изъ вторыхъ или третьихъ рукъ о настроеніи и причинахъ его среди нѣкоторой части офицерства двадцатыхъ годовъ. Такой же, какъ и Григорій Бѣлинскій, военный врачъ Вольфъ (хотя „чинами“ и постарше его, такъ какъ служилъ „штабъ-лѣкаремъ“ при главной квартирѣ второй арміи) не только зналъ подробно о замыслахъ этой части офицерства, но и принималъ въ нихъ дѣятельное участіе, раздѣливши за это впослѣдствіи судьбу своихъ единомышленниковъ [1]).

Прямое и косвенное вліяніе декабристовъ на русскую жизнь было весьма широко. Никитенко разсказываетъ про цѣлый рядъ лицъ съ очень скромнымъ общественнымъ положеніемъ, проживавшихъ во второмъ десятилѣтіи XIX вѣка въ уѣздномъ городѣ Острогожскѣ (Воро-

---

[1]) См. напечатанное въ 1826 году по Высочайшему повелѣнію «Донесеніе слѣдственной комиссіи для изысканія о злоумышленныхъ сообществахъ», стр. 91.

нежской губерніи), которыя были, видимо, затронуты общественнымъ движеніемъ того времени. „Ихъ честныя натуры, — говоритъ Никитенко,—не могли мириться съ бюрократическою грязью и крѣпостнымъ произволомъ, этими двумя язвами ихъ современнаго общества. Въ нихъ закипалъ протестъ, а рядомъ гнѣздилось сознаніе полнаго безсилія измѣнить къ лучшему существующій порядокъ вещей. Отсюда внутренній разладъ, который прививалъ имъ какъ бы несвойственныя ихъ общему характеру черты и оригинальныя особенности, — иногда достойныя пера Диккенса или карандаша Гогарта“ [1]). Между такими людьми особенно выдѣлялся купецъ Василій Алексѣевичъ Должниковъ, который, по разсказу Никитенко, „былъ либералъ и прогрессистъ, хотя ни онъ, никто другой тогда этихъ словъ не употребляли. Онъ ненавидѣлъ рабство и жаждалъ кореннаго измѣненія въ нашемъ государственномъ строѣ, сочувствовалъ либеральному движенію въ Европѣ, скорбѣлъ о неудачныхъ попыткахъ итальянскихъ патріотовъ и радостно привѣтствовалъ первые порывы къ свободѣ въ Греціи [2]). Никитенко не объясняетъ, откуда же залетѣли въ Острогожскъ подобныя идеи, но не мѣшаетъ припомнить, что въ городѣ этомъ одно время проживалъ Кондратій Федоровичъ Рылѣевъ (тамъ же и женившійся на дочери мѣстнаго помѣщика Тевяшова), человѣкъ, прямому содѣйствію котораго обязанъ и самъ Никитенко освобожденіемъ отъ крѣпостной зависимости. Именно къ Рылѣеву, уже проживавшему въ Петербургѣ, и направилъ Никитенко одинъ изъ острогожскихъ „либераловъ“ съ письмомъ, имѣвшимъ для освобожденія крѣпостного крестьянина такое огромное значеніе. Извѣстно, съ другой стороны, какое впечатлѣніе производилъ Рылѣевъ на всѣхъ съ нимъ соприкасавшихся людей отъ

---

[1]) Записки и дневникъ, т. I. стр. 99.
[2]) Ibid., стр. 103.

высшаго и до самаго низшаго круга и какой слѣдъ оставляло на нихъ знакомство съ однимъ изъ главъ событій четырнадцатаго декабря [2]).

Сопоставивши всѣ эти обстоятельства, мы не удивимся появленію въ Острогожскѣ несвойственныхъ уѣзднымъ городамъ того времени лицъ и идей.

Что же можетъ быть невѣроятнаго въ томъ, что и Григорій Никифоровичъ Бѣлинскій встрѣчался съ кѣмъ либо изъ будущихъ декабристовъ, тѣмъ болѣе, что служилъ онъ не въ какомъ нибудь захолустьѣ, а во флотѣ, вблизи Петербурга (Виссаріонъ родился въ Финляндіи) т. е. тамъ, откуда вышло не мало участниковъ событій 1825 года. (Арбузовъ, Завалишинъ, Торсонъ, братья Бѣляевы, Дивовъ, Мусинъ-Пушкинъ, Акуловъ, двое Бодиско, Николай и Петръ Бестужевы и многіе другіе) [2]). Подобныя встрѣчи и могли имѣть своимъ результатомъ то „волтеріанство“ Григорія Бѣлинскаго, въ которомъ впослѣдствіи его столь энергично обвиняли почтенные чембарцы. Біографія Григорія Никифоровича совершенно темна, подтвердить поэтому, фактическими данными свое предположеніе мы не можемъ, но невѣроятнаго въ немъ, повторяемъ, рѣшительно ничего нѣтъ.

Какъ бы то ни было, но, разставшись съ флотомъ и переселившись въ Чембаръ въ качествѣ уѣзднаго штабъ-лекаря, Григорій Никифоровичъ пришелся совершенно „не къ двору“ мѣстному обществу, въ глазахъ котораго, по словамъ біографовъ Виссаріона, являлся „атеистомъ“ и „волтерьянцемъ“. Въ этихъ свойствахъ личности Григорія Никифоровича и надо искать источникъ юношескаго „либерализма“ Виссаріона. Нечего, разумѣется и прибавлять, что богатѣйшая натура

---

[1]) См., напр., «Воспоминанія о К. Ф. Рылѣевѣ» Евгенія Оболенскаго, напечатанныя въ изданномъ Баршеневымъ историческомъ сборникѣ «Девятнадцатый Вѣкъ» и тамъ же: «К. Ф. Рылѣевъ. Изъ записокъ Н. А. Бестужева».

[2]) Донесеніе слѣдственной коммиссіи.

молодаго Бѣлинскаго была сама по себѣ какъ нельзя болѣе склонна ко всему хорошему и извлекла изъ жизни въ Чамбарѣ тотъ максимумъ умственныхъ и нравственныхъ благъ, какой только былъ возможенъ при неблестящихъ условіяхъ юности будущаго критика. Порвавши почти всѣ отношенія съ мѣстнымъ обществомъ, Григорій Никифоровичъ сталъ, по русской привычкѣ, пить горькую и его даровитому сыну, вмѣсто наставленій, стали доставаться оскорбленія и даже побои. Мы опустимъ періодъ пребыванія Бѣлинскаго въ чембарскомъ уѣздномъ училищѣ, разсказъ Лажечникова о „необыкновенномъ мальчикѣ", пребываніе „необыкновеннаго мальчика" въ пензенской гимназіи и, какъ водится, исключеніе его оттуда „за нехожденіе въ классы", страшную нищету, въ которой очутился Бѣлинскій по пріѣздѣ въ Москву, поступленіе въ московскій университетъ, представленіе факультету драмы „Дмитрій Калининъ" и, какъ результатъ этого, исключеніе „необыкновеннаго мальчика" и изъ университета съ отмѣткою „за неспособность", а остановимся на внутреннемъ мірѣ молодого Бѣлинскаго. На первыхъ же порахъ своего пребыванія въ Москвѣ Бѣлинскій упивается освободительными идеями, вынесенными главнымъ образомъ изъ Шиллера, того самаго Шиллера, къ которому затѣмъ, въ періодъ своего „примиренія съ дѣйствительностью" онъ чувствовалъ такую сильную „ненависть".

Въ высшей степени интересное показаніе о своей внутренней жизни этого времени даетъ самъ Бѣлинскій много времени спустя въ одномъ изъ писемъ къ Станкевичу. За что возненавидѣлъ онъ Шиллера? „*За субъективно-нравственную точку зрѣнія, за страшную идею долга, за обстрактный героизмъ, за прекраснодушную войну съ дѣйствительностью*, за все за это, отъ чего страдалъ я во имя его",—отвѣчаетъ Бѣлинскій" [1]). Драмы Шиллера,—продол-

---

[1]) Пыпинъ. Бѣлинскій, его жизнь и переписка, т. I, стр. 109.

жаетъ онъ,—„положили на меня *дикую вражду къ общественнымъ порядкамъ, во имя абстрактнаго идеала общества*, оторваннаго отъ географическихъ и историческихъ условій развитія, *построеннаго на воздухѣ*, бросили меня въ абстрактный героизмъ, внѣ котораго я все презиралъ, все ненавидѣлъ (и если бы ты зналъ, какъ дико и болѣзненно!) и въ которомъ я очень хорошо, не смотря на свой неестественный и напряженный восторгъ, *сознавалъ себя нулемъ* [2]).

Это письмо бросаетъ чрезвычайно яркій свѣтъ на психическое содержаніе Бѣлинскаго конца двадцатыхъ и начала тридцатыхъ годовъ. Предъ нами стоитъ типичный наслѣдникъ только что сошедшаго со сцены поколѣнія двадцатыхъ годовъ, которое въ лицѣ замѣчательнѣйшихъ по умственнымъ и нравственнымъ качествамъ представителей своихъ, стало на „субъективно-нравственную точку зрѣнія“ и объявило войну дѣйствительности во имя „идеала“, не сообразованнаго „съ географическими и историческими условіями развитія“ и потому „построеннаго на воздухѣ“. Но у людей, о которыхъ идетъ рѣчь, была, по крайней мѣрѣ, надежда побѣдить препятствія, лежавшія на пути претворенія ихъ идеала въ дѣйствительность при помощи того общественнаго положенія, которое они занимали и большой матеріальной силы, которой, вслѣдствіе этого, они обладали,—а у Бѣлинскаго?! Тѣ люди, благодаря указаннымъ условіямъ, могли и не сознавать себя „нулями“,—а Бѣлинскій? Они не имѣли, наконецъ, передъ собою примѣра полной иллюзорности надеждъ на тѣ силы, на которыя они уповали,—а Бѣлинскій? Вся предшествующая исторія крушенія такихъ надеждъ прошла почти на его глазахъ, „послѣдніе раскаты смолкнувшей бури“ пронеслись совсѣмъ близко около него (Полежаевъ, братья Критскіе и пр.),—и могъ ли онъ, „плебей безвѣстный“, сознавать себя, при всемъ своемъ страстномъ

---

[2]) Ibid.

чувствѣ „дикой вражды къ общественнымъ порядкамъ“, чѣмъ либо другимъ, кромѣ „нуля“?

Это состояніе духа страшно тяжелое и изъ него былъ только одинъ выходъ: начать учиться, учиться серьезно, дабы, или найти *основу* для своего отрицанія, если таковая вообще существуетъ *въ объективной* дѣйствительности или, если такой основы нѣтъ, признать свою „вражду къ общественнымъ порядкамъ“ явленіемъ не только ненормальнымъ, но прямо таки безсмысленнымъ капризомъ субъективнаго настроенія, подлежащимъ искорененію усиліями разума и воли. Бѣлинскій такъ и поступилъ.

Судьба столкнула его съ Н. В. Станкевичемъ, основателемъ того кружка, который, по выраженію И. С. Тургенева, „искалъ въ философіи всего на свѣтѣ, кромѣ чистаго мышленія“. Трудно сказать, что сталось бы съ Бѣлинскимъ, если бы, вмѣсто Станкевича, онъ сошелся тогда же съ Герценомъ, юношескій кружокъ котораго считалъ себя хранителемъ традицій двадцатыхъ годовъ, мечталъ о созданіи въ Россіи новаго „союза благоденствія“ и на самую науку смотрѣлъ прежде всего съ точки зрѣнія ея пригодности для этой цѣли. Настроеніе Бѣлинскаго до знакомства его съ Станкевичемъ весьма подходило подъ настроеніе кружка Герцена они, вѣроятно, сошлись бы очень близко,—а дальше?.. А дальше, конечно, можно только гадать...

Но судьба свела Бѣлинскаго не съ Герценомъ, а съ Станкевичемъ, главою кружка, который, по характеристикѣ его г. Пыпинымъ,—„увлекаемый заманчивой перспективой рѣшенія глубочайшихъ вопросовъ человѣческой мысли, отдался исканію этихъ рѣшеній, пренебрегая всѣмъ остальнымъ, какъ ничтожнымъ въ сравненіи съ этими всеобъемлющими вопросами“. Такая перспектива не могла не быть, дѣйствительно, крайне заманчивой вообще, а для Бѣлинскаго тѣмъ болѣе, такъ какъ отвѣчала направленію его склоннаго къ монизму ума и обѣщала въ то же время дать съ высочайшихъ вер-

шинъ знанія тѣ или иные отвѣты на „проклятые вопросы“ жизни, выяснить, наконецъ,

Отчего подъ ношей крестной
Весь въ крови влачится правый?
Отчего вездѣ безчестный
Встрѣченъ почестью и славой?

Герценъ и его друзья знали о существованіи кружка Станкевича, но относились далеко не сочувственно къ „роскошному пантеизму“, въ которомъ „утопалъ“ этотъ кружокъ и презрительно называли его членовъ „нѣмцами“. Кружокъ Станкевича платилъ тою же монетою, величая членовъ кружка Герцена „французами“. Къ кружку Станкевича принадлежалъ въ это время и знаменитый „философскій другъ“ Бѣлинскаго М. А. Бакунинъ. Въ 1835 году Герценъ и его друзья были на нѣсколько лѣтъ „изъяты изъ обращенія“, и это обстоятельство оставило кружокъ Станкевича окончательно безъ противодѣйствія и соперничества. Увлеченіе гегелизмомъ дошло до своего апогея. „Въ настоящее время,— говоритъ г. Пыпинъ, — довольно трудно себѣ представить умственное и душевное состояніе, въ которое приведены были члены кружка и больше всѣхъ Бѣлинскій наплывомъ идей, въ которыхъ они видѣли и свое личное моральное достоинство и общественное благо и которымъ, поэтому, предались со всѣмъ увлеченіемъ, на которое были способны. Станкевичъ и его друзья, скоро понявшіе слишкомъ ограниченный объемъ нашей школьной науки, съ жаромъ бросились на философію, обѣщавшую всеобъемлющія истины, и охвачены были глубокимъ потокомъ отвлеченныхъ идей, которыя они всегда готовы были принять, какъ догматъ и внести ихъ въ свою жизнь со всѣми ихъ послѣдствіями“ [1]). Говоря это, г. Пыпинъ слишкомъ обобщилъ впечатлѣніе отъ

[1]) Пыпинъ. Бѣлинскій, его жизнь и переписка, т. I, стр. 158

„наплыва“ новыхъ идей, распространивши его на весь „кружокъ“. За исключеніемъ Бѣлинскаго и лишь отчасти Бакунина, никто изъ членовъ кружка не шелъ такъ далеко, чтобы принимать новыя идеи, какъ догматы, и „вносить ихъ въ свою жизнь со всѣми ихъ послѣдствіями“. Станкевичъ умеръ слишкомъ молодымъ, и что вышло бы изъ него впослѣдствіи сказать трудно; другіе же члены кружка никогда особенною страстностью увлеченія не отличались. Во время знаменитаго „примиренія Бѣлинскаго съ дѣйствительностью“ всѣ члены кружка, не исключая и Станкевича, находили, что онъ заходитъ въ своей прямолинейности черезчуръ далеко и дѣлаетъ будто бы невѣрные выводы ихъ гегелевской философіи. На самомъ же дѣлѣ одинъ только Бѣлинскій и былъ послѣдователенъ до конца. Это и понятно: для Бѣлинскаго занимавшіе кружокъ вопросы имѣли положительно значеніе „быть или не быть“, для другихъ они были въ значительной степени благороднымъ эпикуреизмомъ, умственнымъ спортомъ...

Мы уже говорили о томъ состояніи духа, которое переживалъ Бѣлинскій до своего знакомства съ гегелевской философіей. Эта философія должна была или дать алчущему истины Бѣлинскому *твердую точку опоры* для того отрицательнаго отношенія къ дѣйствительности, которое было главнѣйшей чертой его психики предыдущаго періода, или „примирить“ его съ этой „дѣйствительностью“, указавши ему на всю неразумность подобнаго отношенія къ послѣдней, исходя изъ однихъ лишь субъективныхъ настроеній. Философія дала отвѣты во второмъ смыслѣ, т. е. потребовала „примиренія съ дѣйствительностью“, и послѣдовательный до конца Бѣлинскій не отступилъ передъ всѣми вытекающими отсюда выводами. Влеченія своей натуры, побуждавшія его къ борьбѣ со зломъ, онъ принесъ въ жертву требованіямъ разума. Бѣлинскій не былъ бы Бѣлинскимъ, если бы поступилъ иначе.

Въ „Новомъ Словѣ“ за 1897 годъ, печатался рядъ въ высшей степени интересныхъ статей г. Н. Каменскаго подъ общимъ заглавіемъ: „Судьбы русской критики“. Въ статьяхъ этихъ (къ сожалѣнію, оставшихся неоконченными), г. Каменскій проводитъ на личность и значеніе Бѣлинскаго въ исторіи развитія нашего общественнаго самосознанія взглядъ, съ которымъ въ главныхъ основаніяхъ мы совершенно согласны, но расходимся въ нѣкоторыхъ немаловажныхъ, какъ намъ кажется, подробностяхъ. Такъ г. Каменскій думаетъ, что и въ періодъ своего примиренія съ дѣйствительностью Бѣлинскій оставался, въ сущности, вѣрнымъ „завиральнымъ идеямъ“, въ доказательство чего ссылается на приводимое г. Пыкинымъ длинное письмо Бѣлинскаго къ одному пріятелю, написанное „неистовымъ Виссаріаномъ“ во время его „примиренія“. „Очень ошибся бы тотъ,—говоритъ г. Каменскій,—кто принялъ бы за *охранителя* (курсивъ г. Каменскаго), „примирившагося“ съ русской дѣйствительностью Бѣлинскаго. *Онъ и тогда былъ очень далекъ отъ консерватизма.* Петръ Великій нравится ему именно своимъ рѣшительнымъ разрывомъ съ существовавшимъ въ его время порядкомъ вещей. „Цари всѣхъ народовъ развивали свои народы, опираясь на прошедшее, на преданіе. Петръ отозвалъ Россію отъ прошедшаго, разрушилъ ея традицію“. Согласитесь, что такія рѣчи были бы очень странны въ устахъ охранителя. Точно также онъ вовсе несклоненъ и къ идеализаціи современной ему русской жизни, онъ находитъ въ ней много несовершенствъ, но онъ объясняетъ эти несовершенства молодостью Россіи. „Россія еще дитя, для котораго еще нужна нянька, въ груди которой билось бы сердце, полное любви къ своему питомцу, а въ рукѣ которой была бы лоза, готовая наказывать за шалости“. Онъ мирится теперь даже съ крѣпостнымъ правомъ, но мирится только до поры — до времени. По его словамъ, „правительство исподоволь освобождаетъ“, и что обстоятельство также ра-

дуетъ его, какъ-то, что, благодаря отсутствію у насъ маіоратовъ, наше дворянство „издыхаетъ само собою безъ всякихъ революціонныхъ и внутреннихъ потрясеній“. Настоящіе охранители смотрѣли на вещи совсѣмъ иначе, и если бы кто нибудь изъ нихъ прочиталъ цитируемое нами письмо Бѣлинскаго, то нашелъ бы, что оно полно самыхъ „завиральныхъ идей“, не смотря на свое отрицательное отношеніе къ политикѣ. И что было бы совершенно справедливо съ „охранительной“ точки зрѣнія“ [1]).

Со всѣмъ этимъ рѣшительно нельзя согласиться. Бѣлинскій ничего не умѣлъ дѣлать на половину и если примирился съ „дѣйствительностью“ и притомъ дѣйствительностью не только русской, но и міровой,—то это была та степень „примиренія“, которая не только граничитъ съ „консерватизмомъ“, но нерѣдко далеко оставляетъ его за собой, впадая въ чистѣйшее мракобѣсіе. Русскій народъ еще не созрѣлъ для свободы и только поэтому Бѣлинскій, по толкованію г. Каменскяго, мирится съ безправіемъ русской жизни „до поры—до времени“. Пусть такъ, ну, а другіе народы, уже созрѣвшіе для нея, могутъ ли они развивать и совершенствовать свою жизнь дальше въ смыслѣ свободы, можетъ ли быть, напримѣръ, поставленъ вопросъ объ освобожденіи женщины? Нѣтъ, отвѣчаетъ Бѣлинскій, и отвѣчаетъ въ такихъ выраженіяхъ, подъ которыми съ удовольствіемъ, подписались бы всѣ наши ультра-охранители, какъ бы они тамъ не назывались,—Цитовичами, Мещерскими или какъ нибудь иначе. Чѣмъ должна быть женщина, спрашиваетъ Бѣлинскій, разбирая въ 1835 году въ „Молвѣ“, литературный эскизъ госпожи Монборнъ—„Жертва“?

Женщина,—отвѣчаетъ онъ,—это „предметъ благоговѣйной страсти, нѣжная мать, преданная супруга; въ этомъ святой

---

[1]) Новое Слово.—Іюль, 1897 г., стр. 21.

и великій подвигъ жизни женщины, святое и великое ея назначеніе".

А посему:

„только прекрасныя стороны бытія должны быть открыты ея вѣдѣнію, а обо всемъ прочемъ она должна оставаться въ миломъ простодушномъ невѣдѣніи".

Въ литературѣ женщинѣ нѣтъ мѣста:

„женщина-писательница съ талантомъ жалка, женщина-писательница бездарная, смѣшна и отвратительна".

Во Франціи появились женщины-писательницы, возстающія на „священнѣйшее установленіе брака".

„Источникъ этого сенсимонизма и эмансипаціи понятенъ: ихъ источникъ скрывается въ желаніи имѣть возможность удовлетворять нарочнымъ страстямъ. Une femme emancipée— это слово можно было бы очень вѣрно перевести однимъ русскимъ словомъ, да жаль, что его употребленіе позволяется въ однихъ словаряхъ, да и то не во всѣхъ, а только въ самыхъ обширныхъ. Прибавлю только, что *женщина-писательница въ нѣкоторомъ смыслѣ есть la femme emancipée*".

Однако страшенъ сонъ да милостивъ Богъ, ибо,

„можетъ быть, уже не далеко то время, когда люди не только перестанутъ вооружаться противъ брака, но перестанутъ и торговать имъ; когда женщины не только перестанутъ авторствовать, но даже *перестанутъ вѣрить тому, что когда-нибудь существовали женщины-писательницы*" [1]).

Такъ Бѣлинскій смотрѣлъ на данный вопросъ въ 1835 году и въ этомъ отношеніи ни на волосъ не измѣнилъ себѣ во все слѣдующее пятилѣтіе; такъ, въ написанной въ 1840 году статьѣ „Менцель-критикъ Гете", онъ высказываетъ буквально тѣ же самыя мысли.

Говоря о французской литературѣ, онъ пишетъ, что „сперва ея произведенія были декламаторскимъ резонер-

---

[1]) Соч. В. Г. Бѣлинскаго, 1896 г., т. I, стр. 601—603.

ствомъ, которое въ звучныхъ и гладкихъ стихахъ, то расплывалось пошлыми сентенціями, какъ въ сочиненіяхъ Корнеля, Расина, Буало, Мольера, Фенелона, то разсыпалось мелкимъ бѣсомъ въ пошлыхъ остротахъ и нагломъ кощунствѣ надъ всѣмъ святымъ и завѣтнымъ для человѣчества, какъ въ сочиненіяхъ Вольтера; теперь ея произведенія—буйное безуміе, которое, обоготворивъ неистовство животныхъ страстей, выдаетъ, подобно Гюго, Дюма, Эжену Сю, мясничество за трагедію и романъ, а клеветы на человѣческую натуру за изображеніе настоящаго вѣка и современнаго общества. Въ самомъ дѣлѣ, что представляетъ нынѣшняя французская литература? Отраженіе мелкихъ сектъ, ничтожныхъ системъ, эфемерныхъ партій, дневныхъ вопросовъ. Г-жа д'Юдеванъ, или извѣстный, но отнюдь не славный, Жоржъ Зандъ, пишетъ цѣлый рядъ романовъ, одинъ другого нелѣпѣе и возмутительнѣе, чтобы приложить къ практикѣ идеи сенсимонизма объ обществѣ. Какія же это идеи? О, безподобныя! Именно: индустріальное направленіе должно взять верхъ надъ идеальнымъ и духовнымъ, должно распространиться равенство не въ смыслѣ христіанскаго братства, которое и безъ того существуетъ въ мірѣ со времени первыхъ двѣнадцати учениковъ Спасителя, а въ смыслѣ какого-то массонскаго или квакерскаго сектантства; должно уничтожить всякое различіе между полами, разрѣшивъ женщину на вся тяжкая и допустивъ ее, наравнѣ съ мужчинами, къ отправленію гражданскихъ должностей, а главное—предоставить ей завидное право мѣнять мужей по состоянію ея здоровья... Необходимый результатъ этихъ глубокихъ и превосходныхъ идей есть уничтоженіе священныхъ узъ брака, родства, семейственности, словомъ, совершенное превращеніе государства сперва въ животную и безчинную оргію, а потомъ въ призракъ, построенный изъ словъ на воздухѣ" [1]).

---

[1]) Ibid., стр. 757.

Едва ли г. Каменскій станетъ отрицать, что всякій прочитавшій подобныя строки „охранитель“ призналъ бы Бѣлинскаго своимъ братомъ по духу.

И далеко не на одинъ только женскій вопросъ смотрѣлъ Бѣлинскій глазами охранителя.

„Въ это время,—пишетъ, хорошо знавшій Бѣлинскаго, Панаевъ,—онъ дошелъ до того, что всякій общественный протестъ противъ стараго порядка казался ему преступленіемъ, насиліемъ, французская революція дѣломъ нѣсколькихъ экзальтированныхъ людей, безумцевъ, осмѣлившихся посягнуть на разрушеніе государственнаго порядка и смиренно преклонился передъ всякимъ произволомъ, исходящимъ свыше. Онъ съ презрѣніемъ отзывался о французскихъ энциклопедистахъ XVIII столѣтія, о критикахъ, непризнававшихъ теоріи „искусства для искусства“, о писателяхъ, заявлявшихъ необходимость общественныхъ реформъ и стремившихся къ новой жизни, къ общественному обновленію. Онъ съ особеннымъ негодованіемъ и ожесточеніемъ отзывался о Жоржъ Зандѣ“ [1]).

Вотъ что значило для Бѣлинскаго „примириться“! Вѣдь это былъ, по совершенно вѣрной характеристикѣ его Н. Г. Чернышевскимъ, человѣкъ, который „*никогда не любилъ останавливаться на половинѣ пути*“ [2]), это была натура, не боявшаяся *никакихъ* выводовъ изъ собственной мысли, куда бы эти выводы не приводили. Вопросъ могъ быть лишь о томъ, вѣрно ли рѣшена та или иная проблема и, если Бѣлинскій находилъ, что вѣрно, то какое ему было дѣло до того, что кому бы то ни было на свѣтѣ,—будь то всемогущій властелинъ или общественное мнѣніе, все равно,—эти выводы могли не нравиться. Въ этомъ-то *безстрашіи*

---

[1]) Панаевъ.—Литературныя воспоминанія и воспоминанія о Бѣлинскомъ, стр. 248.

[2]) Очерки гоголевскаго періода русской литературы. стр. 304.

мысли и лежалъ залогъ способности Бѣлинскаго также *идти до конца и въ другомъ направленіи*, разъ ему было бы доказано, что основанія, изъ которыхъ онъ исходилъ въ своихъ теоротическихъ построеніяхъ ошибочны.

Въ томъ самомъ письмѣ, отрывки изъ котораго цитировалъ г. Каменскій, находится не мало мѣстъ, которыя освѣщаютъ личность Бѣлинскаго тридцатыхъ годовъ съ той именно стороны, на которой мы настаиваемъ. Онъ примирился съ дѣйствительностью по той коренной причинѣ, что эта дѣйствительность „разумна", и онъ усматриваетъ такую „разумность" рѣшительно во всѣхъ проявленіяхъ русской жизни.

„Въ понятіяхъ нашего народа,—пишетъ Бѣлинскій въ томъ же письмѣ,—свобода есть *воля* (курсивъ подлинника) а воля—озорничество. Не въ парламентъ пошелъ бы освобожденный русскій народъ, а въ кабакъ побѣжалъ бы,—пить вино, бить стекла и вѣшать дворянъ, которые брѣютъ бороды и ходятъ въ сюртукахъ, а не въ зипунахъ, хотя у большинства этихъ дворянъ не было ни дворянскихъ грамотъ, ни копѣйки денегъ."

Ясно, что освобожденіе народа и провозглашеніе политической свободы было бы при такихъ условіяхъ дѣломъ „неразумнымъ". Да и для чего все это, если дѣла въ Россіи, по мнѣнію Бѣлинскаго, и такъ идутъ хорошо.

„Давно ли мы съ тобою живемъ на свѣтѣ,—пишетъ онъ,—давно ли мы помнимъ себя, и ужъ посмотри, какъ перемѣнилось общественное мнѣніе: много ли теперь осталось тирановъ помѣщиковъ, а которые и остались, не презираютъ ли ихъ сами помѣщики? *Видишь ли, что въ Россіи все идетъ къ лучшему.* Давно ли паденіе при Дворѣ сопровождалось ссылкою въ Сибирь? А теперь оно сопровождается много много, если ссылкою въ деревню. Давно ли Минихъ, фельдмаршалъ, герой, былъ осужденъ на четвертованіе и только по милосердію императрицы былъ сосланъ на всю жизнь въ

Сибирь, а теперь уже и насъ съ тобою, людей совершенно ничтожныхъ въ гражданскомъ отношеніи не будутъ четвертовать даже и въ такихъ случахяъ, если бы мы были достойны этого".

Приведя еще нѣсколько примѣровъ быстраго прогресса русской жизни, Бѣлинскій спрашиваетъ:

„А что всему этому причиной? Установленіе общественнаго мнѣнія, вслѣдствіе распространенія просвѣщенія и можетъ быть самодержавная власть. Эта самодержавная власть *даетъ намъ полную свободу думать и мыслить*, но ограничивать свободу, громко говорить и вмѣшиваться въ ея дѣла... Правительство позволяетъ намъ выписывать изъ-за границы все, что производитъ германская мыслительность, самая свободная и не позволяетъ выписывать политическихъ книгъ, которыя послужили бы только ко вреду, кружа головы неосновательныхъ людей. Въ моихъ глазахъ эта мѣра *превосходна* и *похвальна*. Главное дѣло въ томъ, что граница Россіи со стороны Европы не есть граница вреднаго для Россіи политическаго направленія, а въ этомъ я не вижу *ни малѣйшаго стѣсненія мысли*, но, напротивъ, самое благонамѣренное средство для ея распространенія. Вино полезно для людей взрослыхъ и умѣющихъ имъ пользоваться, но гибельно для дѣтей, а политика есть вино, которое въ Россіи можетъ превратиться даже въ опіумъ" [1]).

И Бѣлинскій шелъ въ охранительномъ направленіи все дальше и дальше. Такія статьи, какъ „Менцель—критикъ Гете" или „Бородинская годовщина" были лишь кульминаціоннымъ пунктомъ того воззрѣнія, которое вырабатывалъ Бѣлинскій много лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ „возненавидѣлъ Шиллера" за проповѣдь „дикой вражды къ общественнымъ порядкамъ во имя абстрактнаго идеала общества". Требуя, чтобы положительное или отрицательное отношеніе къ дѣй-

---

[1]) Пыпинъ, стр. 182.

ствительности исходило изъ *разумныхъ основаній* т. е. чтобы отношеніе это имѣло свое корни не въ субъективныхъ настроеніяхъ, а въ *объективной* дѣйствительности, Бѣлинскій совершенно послѣдовательно обрушивается со всею страстью своей натуры на „маленькихъ-великихъ людей“ въ родѣ Менцеля. Вотъ какъ характеризуетъ самъ Бѣлинскій причины своего такого отношенія къ „маленькимъ-великимъ людямъ“ въ статьѣ „Менцель—критикъ Гете“.

„Ему (Менцелю) не нравится порядокъ дѣлъ въ Германіи и *онъ придумалъ на досугѣ свой планъ для ея благосостоянія;* но такъ какъ она не осуществляетъ этого благодѣтельнаго плана, не будучи въ состояніи отрѣшиться ни отъ своего историческаго развитія, ни отъ своей національной индивидуальности, да еще, кажется, не будучи въ состояніи постичь всей премудрости г. Менцеля, и не вѣритъ ей, а на самого его смотритъ, какъ на журнальнаго крикуна и политиче. скаго полишинеля, то онъ и возстаетъ на нее со всѣмъ ожесточеніемъ фанатика и представляетъ собою отвратительное и возмутительное зрѣлище сына, бьющаго по щекамъ родную мать свою. Другими словами: ему досадно, зачѣмъ Германія *есть то, что она есть, а не то, чѣмъ бы ему хотѣлось ее видѣть*—требованіе столь же справедливое, какъ то, зачѣмъ у васъ волосы русые, а не черные, когда мнѣ именно хочется, чтобы у васъ были черные волосы... И, поэтому, ему не нравится въ Германіи, и ея книжность, и ея ученость, и ея патріархальные обычаи и нравы. Но болѣе всего онъ возстаетъ на нее въ лицѣ ея геніальныхъ представителей, которыми она гордится и которые доставили ей умственное владычество надъ всею просвѣщенною частью земного шара. Философія Гегеля признала монархизмъ *высшею разумною формою государства,* и монархія, съ утвержденными основаніями, изъ исторической жизни развившимися, была для великаго мыслителя *идеаломъ государства.* Менцель думаетъ объ этомъ совершенно иначе

и потому онъ объявилъ, что Гегель сумасбродъ, дикій фанатикъ и его философія—бѣснованіе полоумнаго человѣка".

Отсюда уже логически вытекаетъ и опредѣленное отношеніе Бѣлинскаго къ формамъ государственнаго строя Россіи:

„Жизнь всякаго народа,—пишетъ онъ въ знаменитой статьѣ „Бородинская Годовщина",—есть разумно необходимая форма общеміровой идеи, и въ этой идеѣ заключается и значеніе, и сила, и мощь, и поэзія народной жизни".

„Не забудемъ, что достиженіе цѣли возможно только черезъ разумное развитіе не какого-нибудь чуждаго и внѣшняго, а субстанціальнаго, роднаго начала народной жизни, и что таинственное зерно, корень, сущность и жизненный импульсъ нашей народной жизни выражается словомъ „царь".

„Не будемъ толковать и разсуждать о необходимости безусловнаго повиновенія царской власти; это ясно и само по себѣ; нѣтъ, есть нѣчто важнѣе и ближе къ сущности дѣла: это—провести въ общее сознаніе, что безусловное повиновеніе царской власти есть не одна только польза и необходимость наша, но и высшая поэзія нашей жизни, наша народность, если подъ словомъ „народность" должно разумѣть актъ слитія частныхъ индивидуальностей въ общемъ сознаніи своей государственной личности и самости. И наше русское народное сознаніе вполнѣ исчерпывается словомъ „царь", въ отношеніи къ которому „отечество" есть понятіе подчиненное, слѣдствіе причины. Итакъ, пора уже привести въ ясное, гордое и свободное сознаніе то, что̀ въ продолженіе многихъ вѣковъ было непосредственнымъ чувствомъ и непосредственнымъ историческимъ явленіемъ: пора сознать, что мы имѣемъ разумное право быть горды нашею любовью къ царю, нашею безграничною преданностью его священной волѣ, какъ горды англичане своими гражданскими постановленіями, какъ горды Сѣверо-Американскіе Штаты своею свободою".

„Да, въ словѣ „царь" чудно слито сознаніе русскаго

народа, и для него это слово полно поэзіи и таинственнаго значенія".

Если бы на какомъ-нибудь парадномъ торжествѣ не было царя, то для громады народа „торжество было бы не торжествомъ, а безсмысленною сходкою празднаго народа и въ священномъ не было бы священнаго"... [1])

Таковы заключительные аккорды рѣчей Бѣлинскаго въ его „примирительный" періодъ. Какъ и все остальное, имъ написанное, „Бородинская Годовщина" представляла собою результатъ его глубокаго и искренняго убѣжденія. Существуетъ не мало любопытныхъ разсказовъ современниковъ, рисующихъ душевное состояніе Бѣлинскаго и въ этотъ ультраконсервативный періодъ его жизни.

„За эту статью („Бородинскую Годовщину"),—говорилъ тогда же Бѣлинскій Панаеву,—меня назовутъ льстецомъ, подлецомъ, скажутъ, что я кувыркаюсь передъ властями... Пусть! Я не боюсь открыто и прямо высказывать свои убѣжденія, что бы обо мнѣ ни думали... Противъ убѣжденія никакая сила не заставитъ меня написать ни одной строчки... Подкупить меня нельзя... Клянусь вамъ, Панаевъ, — вѣдь, вы еще меня мало знаете. Мнѣ легче умереть съ голода, чѣмъ потоптать свое человѣческое достоинство, унизить себя передъ кѣмъ бы то ни было или продать себя" [2]).

Передъ самымъ напечатаніемъ „Бородинской Годовщины" съ Бѣлинскимъ встрѣтился въ Москвѣ Герценъ, и между ними произошелъ жаркій споръ о значеніи „дѣйствительности".

— Знаете ли что, сказалъ я Бѣлинскому, думая поразить его своимъ крайнимъ ультиматумомъ,—разсказывалъ впослѣдствіи Герценъ объ этомъ спорѣ,—что съ вашей точки зрѣнія вы можете доказать, что чудовищный произволъ, подъ которымъ мы живемъ, разуменъ и долженъ существовать.

---

[1]) В. Г. Бѣлинскій. Соч., т. I, стр. 757—758 и др.

[2]) Панаевъ.—Литературныя воспоминанія о Бѣлинскомъ, стр. 258.

— Безъ всякаго сомнѣнія,—отвѣчалъ Бѣлинскій, и прочелъ мнѣ „Бородинскую Годовщину“.

Этого я не могъ вывести и отчаяный бой закипѣлъ между нами.

Бѣлинскій, раздраженный и недовольный, уѣхалъ въ Петербургъ и оттуда далъ по насъ послѣдній яростный залпъ въ статьѣ, которую такъ и назвалъ „Бородинская Годовщина“.

„Я прервалъ съ нимъ всякія отношенія“.

Впослѣдствіи, когда Бѣлинскій разстался окончательно съ своей примирительной точкой зрѣнія, онъ съ тою же искренностью и прямотою говорилъ Панаеву такія слова:

„Жизнь моя не должна быть долга, во мнѣ зародышъ чахотки, я это очень хорошо знаю, но я охотно отдалъ бы нѣсколько лѣтъ жизни, если бы могъ этимъ искупить мое безуміе, до тла истребить воспоминаніе объ этой эпохѣ и уничтожить всѣ нелѣпыя статьи мои, относящіяся къ ней“ [1]).

Это было, однако, еще впереди, въ описывающее же время Бѣлинскій „взвинтилъ“ свою мысль до зенита въ *консервативномъ направленіи*. Сама „россейская дѣйствительность“ (выраженіе Бѣлинскаго), которая была современникомъ и очевидцемъ переживаемой Бѣлинскимъ замѣчательной стадіи развитія, ничего, по обыкновенію, въ этомъ не понимала, а между тѣмъ совершалось событіе неслыханное и невиданное въ русской литературѣ. Мы совершенно убѣждены, что ни до ни послѣ эта „россейская дѣйствительность“ не имѣла никогда такого безкорыстнаго защитника, такого беззавѣтно ей преданнаго апологета Но, „дѣйствительность“, повторяемъ, ровно ничего не понимала и лишь прикрывала свое непониманіе якобы олимпійскимъ—„ни хвалить, ни порицать“!.. [2]).

---

[1]) Ibid. 321.

[2]) Во время чествованія пятидесятилѣтія со дня смерти знаменитаго

Такія статьи, какъ „Менцель критикъ Гете“ и въ особенности „Бородинская Годовщина“ произвели неблагопріятное впечатлѣніе и на членовъ кружка Станкевича, не исключая и его самого. Всѣ они объясняли появленіе подобныхъ статей недостаточнымъ знакомствомъ Бѣлинскаго съ Гегелемъ т. е. давали объясненіе, котораго придерживаются многіе и до настоящаго времени. Справедливо ли такое объясненіе? Г. Каменскій въ выше цитированныхъ статьяхъ „Судьбы русской критики“ напоминаетъ чрезвычайно кстати, что понятіе о „примиреніи съ дѣйствительностью“ т. е. то основаніе, изъ котораго, исходилъ Бѣлинскій, когда писалъ свои примирительныя статьи, дано именно въ этихъ выраженіяхъ (Die versohnung mit der Virklichkeit) самимъ Гегелемъ. Бѣлинскій, конечно, сдѣлалъ въ то время „неправильные“, въ особенности въ приложеніи къ русской жизни, выводы изъ Гегеля,—это такъ, но это же и указываетъ на необыкновенную силу мышленія нашего критика, ибо иныхъ выводовъ, если пойти за Гегелемъ во взглядѣ на его философію, какъ на заключающую въ себѣ истины *абсолютныя*, и сдѣлать было невозможно. Виноватъ, по этому, въ неправильныхъ выводахъ изъ Гегеля не Бѣлинскій, а самъ Гегель. Объяснимся. Философія Гегеля представляетъ собою прежде всего систему *діалэктическую*, но она сталкивается сама собою въ тотъ моментъ, когда объявлетъ себя системою *абсолютной*. Тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о діалектическомъ взглядѣ на вещи, тамъ само собою имѣется на лицо понятіе о предметѣ *въ его развитіи* т. е. о

критика въ «Новомъ Времени» былъ приведенъ, со словъ своячинецы Бѣлинскаго А. В. Орловой, такой фактъ: по смерти Бѣлинскаго, когда его вдова Марья Васильевна занимала какое то неважное мѣсто въ одномъ изъ женскихъ институтовъ, туда пожаловало важное начальствующее лицо. Повидимому красота Марьи Васильевны произвело на него впечатлѣніе и оно освѣдомилось, кто она такая. «Вдова литератора Бѣлинскаго», сказали ему. «Знаю, знаю,—замѣтило начальствующее лицо,—*стишки писалъ*»....

процессѣ отмиранія элементовъ стараго и замѣны ихъ новыми, высшими. Но какое же развитіе возможно въ томъ, что̀ признается за нѣчто абсолютное? Абсолютность исключаетъ самую мысль о возможности дальнѣйшаго развитія, дальнѣйшаго движенія впередъ, и слѣдовательно понятіе абсолютнаго діаметрально противоположно понятію діалектическаго. А такъ какъ по той же системѣ Гегеля всякій общественный порядокъ является лишь объективнымъ выраженіемъ сознанной людьми въ данный моментъ истины (опредѣленной ступенью, до которой достигло самосознаніе „всемірнаго духа"), то одно изъ двухъ: или современная Гегелю „истина" была еще не полна, относительна и подлежала дальнѣйшему развитію,—но тогда и общественный строй, ей соотвѣтствовавшій, подлежалъ тому же, или же „истина" эта уже завершила (по крайней мѣрѣ, въ Германіи—въ лицѣ самого Гегеля) циклъ самаго развитія, остановилась и превратилась въ истину абсолютную. Въ этомъ случаѣ само собою разумѣется, что и объективирующій такую совершенную истину общественный строй никакому дальнѣйшему измѣненію не подлежитъ, и съ нимъ надо „примириться", такъ какъ возстаніе противъ него является возстаніемъ противъ самаго „всемірнаго духа". Какъ же рѣшаетъ этотъ вопросъ философія Гегеля? Она рѣшаетъ его *двояко*, и изъ нея *съ одинаковымъ правомъ* можно было сдѣлать и тотъ и другой выводъ. Тутъ и лежала причина, раздѣлившая впослѣдствіи европейскихъ гегельянцевъ на два враждебные лагеря. Это коренное противорѣчіе Гегеля съ самимъ собою стало въ Европѣ предметомъ самаго тщательнаго изслѣдованія, продолжавшагося до тѣхъ поръ, пока пшеница не была отдѣлена отъ плевелъ и пока изъ гегелевской философіи не было взято все цѣнное для построенія системы, легшей затѣмъ въ основаніе наиболѣе прогрессивнаго общественнаго движенія. Къ несчастью, Бѣлинскій уже не дожилъ до этого времени, и не его вина, если онъ безу-

спѣшно бился надъ тѣми самыми вопросами, рѣшеніе которыхъ долго не давалось и самымъ выдающимся мыслителямъ Европы. Говорятъ, что Бѣлинскій не рѣшилъ этихъ вопросовъ по причинѣ своего плохого знакомства съ предметомъ, о которомъ взялся судить. Но почему же тогда „знатоки“ Гегеля,—самъ Станкевичъ и его друзья,—ни разу не указали, *въ чѣмъ же именно* заключалась ошибка разсужденій Бѣлинскаго, и какъ же слѣдуетъ оперировать съ этой философіей, дабы одновременно и остаться вѣрнымъ ея духу и сдѣлать изъ нея по отношенію къ русской или даже какой хотите „дѣйствительности“ выводы діаметрально противоположные тѣмъ, какіе сдѣлалъ „несвѣдущій“ Бѣлинскій?

Были ли наши другіе гегельянцы такъ ужъ хорошо знакомы съ дѣломъ? Послушаемъ по этому поводу Тургенева:

„Друзья-наставники Бѣлинскаго, передававшіе ему всю суть и весь сокъ западной науки,—говоритъ Тургеневъ,—*часто сами плохо и поверхностно ее понимали*“ [1]).

„Если бы кто-нибудь шепнулъ тогда же молодымъ философамъ,—продолжаетъ Тургеневъ,—что Гегель *не все существующее признаетъ за дѣйствительное* (курсивъ Тургенева), много бы умственной работы и томительныхъ преній было сбережено“ [2]).

Но никто не „шепнулъ“ этого ни Бѣлинскому, ни другимъ нашимъ философамъ, и самъ Тургеневъ написалъ свое „если бы“ только черезъ тридцать лѣтъ послѣ спора о значеніи знаменитаго изреченія: was virklich ist das ist vernünftig.

Мы думаемъ, что „друзья-наставники“ Бѣлинскаго не дѣлали того, что̀ должны были бы сдѣлать въ качествѣ

---

[1]) Сочиненія И. С. Тургенева. «Воспоминанія о Бѣлинскомъ», т. XII, стр. 23.

[2]) Ibid.

„знатоковъ“ философіи Гегеля не только потому, что сами не обладали нужными для этого познаніями, но и вслѣдствіе того, что всѣ они (за исключеніемъ Бакунина) были одновременно и слишкомъ либеральны для того, чтобы согласиться съ чудовищно-консервативными взглядами неистоваго Виссаріона и слишкомъ умѣренны и аккуратны, слишкомъ въ этихъ вопросахъ „спортсмены“, чтобы воспринять полностью всѣ тѣ *жесткіе* выводы, которые неизбѣжно вытекали изъ философіи Гегеля, если ее „поставить на голову“ или, правильнѣе, „на ноги“. А, вѣдь, при такомъ только условіи и возможно было *логическое* опроверженіе консервативныхъ взглядовъ Бѣлинскаго.

Бѣлинскій былъ „одностороненъ“, Станкевичъ и его друзья „разносторонни“,—говорятъ намъ. И это въ нѣкоторомъ смыслѣ вѣрно.

Станкевичъ, напр., интересовался такими „сторонами“ жизни, къ которымъ Бѣлинскій былъ болѣе, чѣмъ равнодушенъ.

Одиннадцатаго декабря 1834 года Станкевичъ писалъ изъ своего имѣнія въ Острогожскомъ уѣздѣ Воронежской губерніи, Я. М. Невѣрову такія строки:

„Сегодня писалъ въ Харьковъ прошеніе объ опредѣленіи меня въ почетные смотрители Острогожскаго уѣзднаго училища. Представленіе пойдетъ къ министру, и если онъ утвердитъ, то у меня будетъ прекрасный мундиръ, а вицъ-мундиръ такой же, какъ у тебя“ [1]).

Гдѣ же при такой „многосторонности“ не осудить „односторонняго“ Бѣлинскаго?

А Грановскій? Этотъ человѣкъ ужасно не любилъ ни въ чемъ „крайностей“ и писалъ, поэтому, въ одномъ изъ писемъ къ Станкевичу такія строки о Чаадаевѣ:

---

[1]) См. письмо Н. В. Станкевича къ Я. М. Невѣрову въ книгѣ П. В. Анненкова «Николай Владиміровичъ Станкевичъ». М. 1857 г. стр. 115—116.

„Чаадаевъ *могъ бы быть* по уму очень замѣчательнымъ человѣкомъ, но его погубило самолюбіе, доходящее до смѣшныхъ глупостей“ [1]).

Такую же черту въ Грановскомъ подмѣтилъ и Бѣлинскій, писавшій о немъ Бакунину шестого февраля 1843 года:

„Онъ (Грановскій) — человѣкъ хорошій; одно въ немъ худо—*модерація*“ [2]).

Не въ судъ и осужденіе говоримъ мы все это о Станкевичѣ и его друзьяхъ, мы хотимъ лишь запечатлѣть въ сознаніи читателя мысль, что при всѣхъ ихъ несомнѣнныхъ достоинствахъ Станкевичу и другимъ нашимъ философамъ тридцатыхъ годовъ было до Бѣлинскаго

«какъ до звѣзды небесной далеко!»....

Мы утверждаемъ, что, если не объемъ знаній (хотя и это понятіе относительное: кто изъ современниковъ Бѣлинскаго могъ съ нимъ помѣриться, напр., въ исторіи русской литературы?) [3]), то *сила мышленія* была у Бѣлинскаго

---

[1]) А. Станкевичъ. «Тимофей Николаевичъ Грановскій». М. 1869 г. стр. 111.

[2]) Пыпинъ.—Бѣлинскій, его жизнь и переписка. стр. 229—230.

[3]) У насъ многіе видѣли въ Бѣлинскомъ «недоучку» и смотрѣли на него полупрезрительно съ высоты своей мнимой учености, но вотъ что писалъ о Бѣлинскомъ такой компетентный человѣкъ въ области знанія, какъ Н. Г. Чернышевскій: «изученіе сочиненій Бѣлинскаго самымъ неоспоримымъ образомъ опровергаетъ всякія сомнѣнія въ основательности его знаній. У насъ было мало писателей, которыхъ можно было бы сравнить съ нимъ въ этомъ отношеніи. Кажется, нельзя сказать, чтобы кругъ вопросовъ, обнимаемыхъ его сочиненіями былъ тѣсенъ, а между тѣмъ, положительно видишь, перечитывая его статьи, что обо всѣхъ вопросахъ, какихъ ни касался онъ, онъ и имѣлъ понятія очень основательныя, которымъ могли бы позавидовать многіе ученые писатели. Что же касается его спеціальной науки, — исторіи русской литературы, то онъ былъ и до сихъ поръ остается первымъ знатокомъ ея. Въ этомъ отношеніи никто изъ нашихъ ученыхъ не могъ

гораздо значительнѣе, чѣмъ у всѣхъ остальныхъ членовъ обоихъ знаменитыхъ кружковъ тридцатыхъ годовъ. Это была натура, счастливо сочетавшая въ себѣ влеченія здороваго чувства съ замѣчательно глубокимъ философскимъ складомъ ума. Черту эту отмѣчаютъ и нѣкоторые изъ близко знавшихъ Бѣлинскаго современниковъ:

„Бѣлинскій, — говоритъ князь Одоевскій, — былъ одною изъ высшихъ философскихъ организацій, которыя я когда либо встрѣчалъ въ жизни“ [1]).

„Даръ проникать въ сущность философскихъ тезисовъ даже по одному намеку на нихъ и потомъ открывать въ нихъ такія стороны, какія не приходили на умъ и спеціалистамъ дѣла,—говоритъ Анненковъ,—этотъ даръ *поражалъ въ Бѣлинскомъ* многихъ изъ его философствующихъ друзей. Онъ не утерялъ его и тогда, когда, повидимому, предался душой и тѣломъ одному извѣстному толкованію гегельской системы“ [2]).

Переѣхавши въ Петербургъ и давши по своимъ московскимъ пріятелямъ „послѣдній яростный залпъ“, Бѣлинскій очень скоро почувствовалъ полную невозможность держаться той точки зрѣнія, которую онъ себѣ усвоилъ. „Россейская дѣйствительность“ стала колоть ему глаза именно своею „неразумностью“ и знаменитый критикъ быстро сталъ измѣнять свое къ ней отношеніе. Въ высшей степени любо-

---

до сихъ поръ сравниться съ нимъ. Вообще, надо признаться, Бѣлинскій, будучи значительнѣйшимъ изъ всѣхъ нашихъ критиковъ, былъ и однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ *ученыхъ*. Это фактъ неоспоримо доказываемый его сочиненіями. Сомнѣваться въ томъ, значитъ обнаруживать или недостатокъ научнаго образованія въ себѣ или свое незнакомство съ сочиненіями Бѣлинскаго». (Очерки гоголевскаго періода русской литературы. Спб. 1893 г. стр. 348).

[1]) Русскій Архивъ. 1884 г. стр. 339.

[2]) Замѣчательное Десятилѣтіе. Вѣст. Евр. 1880 г. Январь. стр. 237.

пытенъ въ этомъ отношеніи разсказъ Герцена о его встрѣчѣ съ Бѣлинскимъ въ Петербургѣ въ 1840 году [1]).

Встрѣча эта была сначала суха, но затѣмъ Бѣлинскій сказалъ: „ваша взяла; *три-четыре мѣсяца въ Петербургѣ меня лучше убѣдили, чѣмъ всѣ доводы.* Забудемъ этотъ вздоръ. Довольно вамъ сказать, что на дняхъ я обѣдалъ у одного знакомаго. Тамъ былъ инженерный офицеръ. Хозяинъ спросилъ: не хочетъ ли онъ со мною познакомиться? „Это авторъ статьи о „Бородинской годовщинѣ?“ — спросилъ его на ухо офицеръ. „Да“. — „Нѣтъ, покорно благодарю“,—сухо отвѣчалъ тотъ. Я слышалъ все и не могъ вытерпѣть. Я горячо пожалъ руку офицеру и сказалъ ему: „вы благородный человѣкъ, я васъ уважаю“. Чего-жъ вамъ болѣе? „Съ этой минуты и до кончины Бѣлинскаго, — добавляетъ Герценъ,—мы шли съ нимъ рука объ руку“.

Какъ же это всетаки случилось, что Бѣлинскій такъ быстро и такъ рѣшительно покинулъ свою прежнюю точку зрѣнія и воспринялъ другую рѣзко ей противоположную? Г. Пыпинъ, говоритъ, что „измѣненіе взглядовъ Бѣлинскаго было его *самостоятельнымъ* (курсивъ г. Пыпина) дѣломъ. Встрѣча съ людьми противнаго образа мысли (именно съ Герценомъ), въ которой многіе видятъ одну изъ главныхъ, почти единственную причину этого переворота, на первый разъ нисколько не подѣйствовала на Бѣлинскаго, а, напротивъ, только усилила его тогдашніе взгляды; подъ впечатлѣніемъ этой встрѣчи написаны самые рѣзкія статьи Бѣлинскаго въ идеально-консервативномъ направленіи. Правда, эта встрѣча дала лишній поводъ Бѣлинскому пересмотрѣть свои теоріи искусства и общества, но нѣтъ сомнѣнія, что и безъ этого повода Бѣлинскій пришелъ бы къ тому же результату. Мнѣнія противниковъ вспоминались ему, но онъ

---

[1]) Кромѣ «Былого и Думъ», см. также письмо Огарева къ Герцену въ «Русской Мысли» 1889 г. Январь. стр. 12—13.

призналъ ихъ справедливость только тогда, когда самъ пришелъ къ тому же выводу, даже сблизившись потомъ съ Герценомъ, онъ первое время очень умѣрялъ свою солидарность съ его мнѣніями. Главнымъ источникомъ новаго направленія Бѣлинскаго была сама жизнь, сама „россійская дѣйствительность“ [1]).

Во всемъ этомъ много неяснаго. Когда г. Пыпинъ говоритъ намъ, что перемѣна взглядовъ Бѣлинскаго была его „самостоятельнымъ дѣломъ“, мы вправѣ ожидать, чтобы почтенный ученый объяснилъ намъ, какими же именно *основами* замѣнилъ Бѣлинскій *основы* свего прежняго міросозерцанія и какимъ образомъ могло случиться, чтобы въ теченіе „трехъ-четырехъ мѣсяцевъ пребыванія въ Петербургѣ“ (а это, по расказу Герцена, слова самого Бѣлинскаго) онъ умѣлъ „самостоятельно“ выработать себѣ цѣлую систему новыхъ воззрѣній, отбросивши прежнюю, на выработку которой онъ употребилъ *много лѣтъ* упорнаго труда? Этого г. Пыпинъ намъ не объясняетъ. То обстоятельство, что, сблизившись съ Герценомъ, Бѣлинскій „первое время очень умѣрялъ свою солидарность съ его мнѣніями“ доказываетъ лишь то уже не разъ отмѣчавшееся нами обстоятельство, что Бѣлинскій отличался такою глубиною ума, которой далеко уступали всѣ его друзья, а въ томъ числѣ и Герценъ. Но все это мало уясняетъ дѣло. „Главнымъ источникомъ новаго направленія Бѣлинскаго была сама жизнь, сама „россійская дѣйствительность“,—говоритъ г. Пыпинъ. И это совершенно вѣрно, но вѣрно въ томъ смыслѣ, что Бѣлинскій, *поступившись* выработанными имъ раньше философскими основами, сталъ реагировать на „россійскую дѣйствительность“ просто, какъ всякій живой человѣкъ, обладающій здоровымъ чувствомъ. Это, конечно, было очень хорошо, Бѣлинскій дорогъ намъ главнымъ образомъ, какъ Бѣлинскій послѣдняго періода его

---

[1]) Пыпинъ, т. II, стр. 92—93.

жизни, но, признавая все это, нельзя, однако, упускать изъ вида и того, что въ *философскомъ смыслѣ* Бѣлинскій совершилъ, по мѣткому выраженію одного русскаго писателя, нѣкоторое „грѣхопаденіе“. Виноватъ ли въ этомъ Бѣлинскій? Разумѣется нѣтъ, ибо философскія основы, которыя бы годились въ качествѣ фундамента для новаго направленія Бѣлинскаго въ это время только еще вырабатывались въ самой Европѣ, а изъ „русскихъ друзей“ *ровно никто* не былъ въ состояніи помочь ему въ этомъ горѣ. Мы говорили уже, что въ „консервативный періодъ“ своей жизни Бѣлинскій пожертвовалъ здоровыми влеченіями своей натуры философскимъ обоснованіямъ, необходимымъ для полноты, стройности и единства міросозерцанія, теперь произошло обратное: все это пришлось принести въ жертву влеченіямъ здороваго чувства. Но даже и въ этомъ положеніи Бѣлинскій обнаружилъ удивительную мощь мысли. „Конечно, идея, которую я силился развить въ статьѣ по случаю книги Глинки „о бородинскомъ сраженіи“,—писалъ Бѣлинскій въ одномъ письмѣ къ Боткину,—*вѣрна въ своихъ основаніяхъ*, но должно было бы развить и идею отрицанія, какъ *историческаго права не менѣе перваго священнаго* и безъ котораго исторія человѣчества превратилась бы въ грязное и вонючее болото; а если этого нельзя было писать, то *долгъ чести* (курсивъ Бѣлинскаго) требовалъ, чтобы ужъ и ничего не писать. Тяжело и больно вспомнить! А дичь, которую изрыгалъ я въ неистовствѣ противъ французовъ, — этого энергичнаго, благороднаго народа, льющаго кровь свою за священныя права человѣчества... Проснулся я и страшно вспомнить мнѣ о моемъ снѣ... А это насильственное примиреніе съ гнусною дѣйствительностью?“ [1]).

Нельзя не видѣть изъ этого письма, что передъ умственнымъ взоромъ Бѣлинскаго уже носилась „идея отрицанія“,

---

[1]) Ibid., стр. 78.

опирающаяся на „священное“ по своему значенію „историческое право“, но, къ сожалѣнію, и опять-таки, разумѣется, не по своей винѣ, Бѣлинскій далеко не всегда держится этой позиціи и нерѣдко незамѣтно для самого себя возвращается къ той „субъективно-нравственной точкѣ зрѣнія“ перваго періода своей жизни, которую онъ самъ же такъ жестоко осудилъ въ выше цитированномъ нами письмѣ къ Станкевичу. Изъ этого же отрывка письма къ Боткину видно, что самъ Бѣлинскій считалъ свое „примиреніе съ гнусною россійскою дѣйствительностью“ „насильственнымъ“. Что хотѣлъ сказать Бѣлинскій, употребивши это выраженіе? Мы думаемъ, что едва ли можно въ данномъ случаѣ истолковать его иначе, чѣмъ истолковываемъ мы: Бѣлинскій хотѣлъ этимъ сказать, что въ примирительный періодъ своей жизни, онъ *насильственно* подавлялъ влеченія своего сердца, принося ихъ въ жертву цѣлостности міросозерцанія.

Но мы повторяемъ, что указаніе г. Пыпина на „самое жизнь, самою россійскую дѣйствительность“, какъ на источникъ новаго направленія Бѣлинскаго *фактически* совершенно вѣрно.

Was wirklich ist das ist vernünftig, твердилъ Бѣлинскій знаменитую гегелевскую формулу и по пріѣздѣ въ Петербургъ, пробуя на всѣ лады примѣнить ее къ окружавшей его дѣйствительности. Чѣмъ же отвѣчала эта „дѣйствительность“, чѣмъ доказывала, чѣмъ оправдывала свое право на отношеніе къ ней, какъ къ разумной? Два-три взятые на удачу свидѣтельства современниковъ могутъ легко отвѣчать на этотъ вопросъ.

Въ періодъ времени, о которомъ идетъ рѣчь, „россійская дѣйствительность“ заставляла, конечно, себя чувствовать мыслящихъ людей на всемъ пространствѣ Россіи, но съ особенною интенсивностью это чувствовалъ на берегахъ Невы. Вотъ что писалъ въ своемъ „Дневникѣ“, напр., А. В. Никитенко, по профессіи цензоръ и притомъ такой цензоръ

у котораго выходили столкновенія даже съ Пушкинымъ и Гоголемъ, слѣдовательно, человѣкъ, „отвести" свидѣтельство котораго не въ состояніи и самые строгіе судьи:

„причина нравственнаго паденія у насъ, по моему мнѣнію,—писалъ Никитенко,—въ политическомъ ходѣ вещей. Настоящее поколѣніе людей мыслящихъ не было таково, когда, исполненное свѣжей юношеской силы, оно впервые выступало на поприще умственной дѣятельности. Оно не было проникнуто такимъ глубокимъ безвѣріемъ, не относилось цинично ко всему благому и прекрасному. Но власти объявили себя врагами всякаго умственнаго развитія, всякой свободной дѣятельности духа. Не уничтожая ни наукъ, ни ученой администраціи, они однако до того затруднили насъ цензурою, частными преслѣдованіями и общимъ направленіемъ къ жизни, чуждой всякаго нравственнаго самопознанія, что мы вдругъ увидѣли себя въ глубинѣ души, какъ бы запертыми со всѣхъ сторонъ, отторженными отъ той почвы, гдѣ духовныя силы развиваются и совершенствуются. Сначала мы судорожно рвались на свѣтъ. Но, когда увидѣли, что съ нами не шутятъ, что отъ насъ требуютъ безмолвія и бездѣйствія, что талантъ и умъ осуждены въ насъ цѣпенѣть и гноиться на днѣ души, обратившейся для насъ въ тюрьму, что всякая свободная мысль является преступленіемъ противъ общественнаго порядка, когда, однимъ словомъ, намъ объявили, что люди образованные считаются въ нашемъ обществѣ паріями, что оно пріемлетъ въ свои нѣдра одну бездушную покорность, а солдатская дисциплина почитается единственнымъ началомъ, на основаніи котораго позволено дѣйствовать, тогда все наше поколѣніе вдругъ нравственно оскудѣло. Всѣ его высокія чувства, всѣ идеи, согрѣвавшія въ его сердцѣ, воодушевлявшія его къ добру, къ истинѣ, сдѣлались мечтаніями безъ всякаго практическаго значенія. Все было приготовлено, устроено и настроено къ нравственному преуспѣянію. И вдругъ этотъ складъ

жизни оказался несвоевременнымъ, негоднымъ, его пришлось ломать и на развалинахъ строить канцелярскія камеры и солдатскія будки“ [1]).

Въ петербургской журналистикѣ, т. е на той единственной аренѣ, на которой думалъ сражаться Бѣлинскій, уже „хозяйничалъ“ во время переѣзда неистоваго Виссаріона въ Петербургъ знаменитый Ѳадей Булгаринъ, личность котораго находилась подъ особымъ покровительствомъ сильныхъ міра сего. Въ случаѣ литературныхъ столкновеній доблестный писатель этотъ всегда обращался куда слѣдуетъ за „внѣлитературнымъ“ содѣйствіемъ и, разумѣется, въ этомъ успѣвалъ. „Богъ во благости Своей далъ намъ васъ и жандармскій корпусъ“, писалъ однажды, Булгаринъ шефу жандармовъ Орлову [2])...

Такова была эта „дѣйствительность“, которая могла представляться Бенкендорфамъ „plus que magnifique“, но признать которую „vernünftig“ было выше силъ всякаго самаго отчаяннаго доктринера, а тѣмъ болѣе Бѣлинскаго.

Задумался и Виссаріонъ... Три-четыре мѣсяца и глубокій прощальный поклонъ „финистерскому колпаку“ Гегеля... Такъ произошелъ разрывъ Бѣлинскаго съ „дѣйствительностью“, которой онъ объявилъ съ этого времени самую жестокую войну и для которой въ его лексиконѣ не осталось другого прилагательнаго, кромѣ „гнусной“.

Бѣлинскій, глубокочестный, мятущійся Бѣлинскій является и въ этотъ періодъ своей жизни тѣмъ незнающими компромисовъ бойцомъ за истину, предъ которымъ... „преклониться не стыдно“!...

Мы уже упоминали, что для многихъ изъ знаменитѣйшихъ русскихъ дѣятелей тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ

---

[1]) А. В. Никитенко, «Записки и дневникъ», т. I, стр. 327—328.

[2]) Пятковскій.—Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія. Т. II, стр. 350.

добываніе тѣхъ или иныхъ философскихъ истинъ было въ нѣкоторомъ родѣ какъ бы умственнымъ спортомъ, а не дѣломъ жизни. Возьмите двухъ такихъ замѣчательныхъ, хотя и стоявшихъ въ то время на двухъ разныхъ полюсахъ, людей, какъ Герценъ и Хомяковъ и сравните ихъ съ Бѣлинскимъ. Вѣчно споря со всѣми и каждымъ, Хомяковъ доказывалъ несостоятельность одного человѣческаго разума для познанія истины. Источникомъ для такого познанія должно служить по его мнѣнію, откровеніе; разуму же при этомъ принадлежитъ чисто формальная роль. Герценъ стоялъ на діаметрально-противоположной точкѣ зрѣнія и, вотъ, между ними произошла, однажды, такая схватка:

— Знаете ли что,—сказалъ Герцену Хомяковъ вдругъ, какъ бы удивясь новой мысли,—не только однимъ разумомъ нельзя дойти до разумнаго духа, развивающагося въ природѣ, но не дойдешь до того, чтобы понять природу иначе, какъ простое безпрерывное броженіе, не имѣющее цѣли и которое можетъ и продолжаться и остановиться. А если это такъ, то вы не докажете и того, что исторія не оборвется завтра, не погибнетъ съ родомъ человѣческимъ, съ планетой.

— Я вамъ и не говорилъ,—отвѣтилъ Герценъ,—что я берусь это доказывать,—я очень хорошо зналъ, что это невозможно.

— Какъ?—сказалъ Хомяковъ, нѣсколько удивленный,—вы можете принимать эти страшные результаты *свирѣпѣйшей имманенціи* и въ вашей душѣ ничего не возмущается?

— Могу, потому что выводы разума независимы отъ того, хочу я ихъ или нѣтъ.

— Ну, вы, по крайней мѣрѣ, послѣдовательны; однако, какъ человѣку надо свихнуть себѣ душу, чтобы примириться съ этими печальными выводами нашей науки и привыкнуть къ нимъ!

— Докажите мнѣ, что *не наука* ваша истина и я приму ея выводы также откровенно и безбоязненно.

— Для этого надобно вѣру.

— Но, Алексѣй Степановичъ, вы знаете: „на нѣтъ и суда нѣтъ“.

Этотъ разсказъ самого Герцена г. Смирновъ приводитъ въ составленной имъ біографіи Аксаковыхъ [1]), но обрываетъ его на очень интересныхъ, по нашему мнѣнію, для характеристики и Герцена и Хомякова строкахъ. Вслѣдъ за словами „на нѣтъ и суда нѣтъ“ въ подлинномъ разсказѣ Герцена значится: „*Хомяковъ по обыкновенію заключилъ смѣхомъ и мы стали говорить о другомъ*“ [2]).

Такимъ образомъ, когда споръ дошелъ до самаго центра вопроса, Хомяковъ, „по обыкновенію“, разсмѣялся и обѣ стороны, какъ ни въ чемъ не бывало, „стали говорить о другомъ“...

Представьте себѣ теперь на мѣстѣ Герцена Бѣлинскаго. Да развѣ такъ отнесся бы онъ къ предмету спора? Развѣ не впился бы онъ со всею страстью своей натуры въ Хомякова, развѣ выпустилъ бы его, что называется „живымъ“ изъ рукъ, развѣ не оскорбился бы въ въ такую,—Бѣлинскій бы сказалъ,—торжественную минуту легкомысленнымъ смѣхомъ своего противника, развѣ перешелъ бы съ легкимъ сердцемъ къ разговору „о другомъ“?!..

Нѣтъ и нѣтъ.

Вотъ что разсказываетъ объ аналогичномъ случаѣ Тургеневъ:

„Въ первые дни своего пребыванія на дачѣ лѣсного института Бѣлинскаго занималъ очень важный религіозный вопросъ, Повѣрите ли, что въ теченіе восьми дней, пока онъ не добился удовлетворительнаго по его мнѣнію, разрѣшенія своихъ сомнѣній, онъ былъ въ лихорадкѣ, ни о

---

[1]) В. Д. Смирновъ. Аксаковы. (Біографическя библіотека Павленкова). Стр. 17—18.

[2]) А. И. Герценъ. Сочиненія т. VII, стр. 298—299.

чемъ другомъ и говорить не могъ, *не понималъ даже, какъ можно говорить о чемъ нибудь другомъ, пока вопросъ такой важности не разрѣшенъ и упрекалъ меня въ легкомысліи, какъ только я позволялъ себѣ малѣйшее уклоненіе*" [1]).

Тотъ же Тургеневъ разсказываетъ въ другомъ мѣстѣ, что, возвратясь изъ Берлина, онъ много говорилъ съ Бѣлинскимъ по вопросу о бытіи Божіемъ съ точки зрѣнія „послѣдняго слова науки". Бѣлинскій былъ воплощенное вниманіе. Проговоривши нѣсколько часовъ,—разсказываетъ Тургеневъ, я грѣшнымъ дѣломъ, захотѣлъ ѣсть и сталъ прощаться. Бѣлинскій посмотрѣлъ на него съ глубокимъ упрекомъ: „мы не рѣшили еще вопроса о существованіи Бога, а вы хотите ѣсть",—сказалъ онъ... „Сознаюсь,—говоритъ вслѣдъ за тѣмъ Тургеневъ, что, написавъ эти слова Бѣлинскаго, я чуть не вычеркнулъ ихъ при мысли, что онѣ могутъ возбудить улыбку на лицахъ иныхъ изъ моихъ читателей... Но не пришло бы въ голову смѣяться тому, кто самъ бы слышалъ, *какъ* Бѣлинскій произнесъ эти слова и, если при воспоминаніи объ *этой* правдивости, объ *этой* небоязни смѣшнаго, улыбка можетъ придти на уста, то развѣ только улыбка *удивленія* и *умиленія*" [2]).

Ясна ли теперь читателю разница между „плебеемъ безвѣстнымъ" Бѣлинскимъ и въ философіи и политикѣ барствовавшими его друзьями?..

Туже искренность и глубокую правдивость мысли и чувства вносилъ Бѣлинскій и въ свои отношенія рѣшительно по всѣмъ сторонамъ жизни.

„Разъ приходитъ Бѣлинскій,—разсказываетъ Герценъ,—

---

[1]) «Встрѣча моя съ Бѣлинскимъ». (Письмо къ Н. А. Основскому). Сочин. И. С. Тургенева. Т. XII, стр. 363.

[2]) «Воспоминанія о Бѣлинскомъ». Сочиненія Тургенева. Т. XII, стр. 24. Первоначально помѣщены въ Вѣст. Европы 1869 г. апрѣль, стр. 700.

обѣдать къ одному *литератору* на страстной недѣлѣ. Подаются постныя блюда.

— Давно ли,—спрашиваетъ онъ, — вы сдѣлались такъ богомольны?

— Мы ѣдимъ,—отвѣчалъ литераторъ,—постное просто на просто для людей.

— „*Для людей*“?—спросилъ Бѣлинскій, поблѣднѣвъ,— для людей?—повторилъ онъ и бросилъ свое мѣсто.—Гдѣ ваши люди? Я имъ скажу, что они обмануты. Всякій открытый порокъ лучше и человѣчественнѣе этого презрѣнія къ слабому и необразованному, этого лицемѣрія, поддерживающаго невѣжество!—И вы думаете, что вы свободные люди? На одну васъ доску со всѣми плантаторами. Прощайте. Я не ѣмъ постнаго для поученія. „У меня нѣтъ *людей*“ [1]).

Въ высокой степени любопытенъ разсказъ Герцена о схваткѣ Бѣлинскаго съ однимъ „магистромъ“ изъ-за чаадаевскаго „философическаго письма“. Дѣло происходило въ домѣ того самаго литератора, котораго такъ наказалъ Бѣлинскій за соблюденіе постовъ для „людей“.

„Въ числѣ закоснѣлѣйшихъ нѣмцевъ изъ русскихъ,— разсказываетъ Герценъ,—былъ одинъ магистръ нашего университета, недавно пріѣхавшій изъ Берлина, добрый человѣкъ въ синихъ очкахъ, чопорный и приличный, онъ остановился навсегда, разстроивъ, ослабивъ свои способности философіей и филологіей. Доктринеръ и нѣсколько педантъ, онъ любилъ поучительно наставлять. Разъ на литературной вечеринкѣ у романиста, наблюдавшаго для своихъ людей посты, магистръ проповѣдывалъ какую-то чушь honnête et moderée. Бѣлинскій лежалъ въ углу на кушеткѣ и когда я проходилъ мимо, онъ меня взялъ за ногу и сказалъ: „Слышалъ ли ты, что этотъ извергъ вретъ? У меня давно языкъ чешется, да что-то грудь болитъ и народу много, будь от-

---

[1]) Герценъ. Сочиненія т. VII, стр. 139.

цомъ роднымъ, одурачь какъ-нибудь, прихлопни его, убей какой нибудь насмѣшкой, ты это лучше умѣешь — ну, утѣшь".

Я расхохотался и отвѣтилъ Бѣлинскому, что онъ меня натравливаетъ, какъ бульдога на крысъ. Я же этого господина почти не знаю, да и едва слышалъ, что онъ говоритъ.

Къ концу вечера магистръ въ синихъ очкахъ, побранивши Кольцова за то, что онъ оставилъ народный костюмъ, вдругъ сталъ говорить о знаменитомъ письмѣ Чаадаева и заключилъ пошлую рѣчь, сказанную тѣмъ докторальнымъ тономъ, который самъ по себѣ вызываетъ на насмѣшку, слѣдующими словами: „Какъ бы то ни было я считаю его поступокъ презрительнымъ, гнуснымъ, я не уважаю такого человѣка".

Въ комнатѣ былъ одинъ человѣкъ близкій съ Чаадаевымъ это я. Я его всегда любилъ и уважалъ, и былъ любимъ имъ; мнѣ казалось неприличнымъ пропустить дикое замѣчаніе. Я сухо спросилъ его, полагаетъ ли онъ, что Чаадаевъ писалъ свою статью изъ видовъ или неоткровенно.

„Совсѣмъ нѣтъ"—отвѣчалъ магистръ.

На этомъ завязался непріятный разговоръ, я ему доказывалъ, что эпитеты гнусный, презрительный—*гнусны и презрительны*, относясь къ человѣку, смѣло высказавшему свое мнѣніе и пострадавшему за него. Онъ мнѣ толковалъ о цѣлости народа, о единствѣ отечества, о преступленіи разрушать это единство, о святыняхъ, до которыхъ нельзя касаться. Вдругъ мою рѣчъ подкосилъ Бѣлинскій; онъ вскочилъ съ своего дивана, подошелъ ко мнѣ уже блѣдный какъ полотно и ударивъ меня по плечу сказалъ: Вотъ они, высказались—инквизиторы, цензоры,—на веревочкѣ мысль водить... и пошелъ, и пошелъ. Съ грознымъ вдохновеніемъ говорилъ онъ, приправляя серьезныя слова убійственными колкостями. „Что за обидчивость такая, палками бьютъ не обижаемся, въ Сибирь посылаютъ, не обижаемся, а тутъ

Чаадаевъ,—видите ли,—зацѣпилъ народную честь. Не смѣй говорить: рѣчь—дерзость, лакей никогда не долженъ говорить! Отчего же въ странахъ больше образованныхъ, гдѣ, кажется, чувствительность должна быть развитѣе, чѣмъ въ Костромѣ да Калугѣ,—не обижаются словами?

— Въ образованныхъ странахъ,—сказалъ съ неподражаемымъ самодовольствомъ магистръ,—есть тюрьмы, въ которыя запираютъ безумныхъ, оскорбляющихъ то, что́ цѣлый народъ чтитъ... и прекрасно дѣлаютъ.

Бѣлинскій выросъ. Онъ былъ страшенъ, великъ въ эту минуту. Скрестивъ на больной груди руки и глядя прямо на магистра, онъ отвѣтилъ глухимъ голосомъ:

— А въ еще болѣе образованныхъ странахъ бываетъ гильотина, на которой казнятъ тѣхъ, кто находитъ это прекраснымъ...

Сказавши это, онъ бросился на кресло изнеможенный и замолчалъ. При словѣ „гильотина“ хозяинъ поблѣднѣлъ, гости обезпокоились, сдѣлалась пауза.

Магистръ былъ уничтоженъ“ [1]).

Бѣлинскій не умѣлъ ничего дѣлать на половину, и его слова никогда не расходились съ дѣломъ. Отрицая въ это время „россійскую дѣйствительность“, онъ всегда готовъ былъ доводить свое отрицаніе до его послѣднихъ предѣловъ. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ также вниманія одинъ разсказъ Достоевскаго г. Всеволоду Соловьеву, помѣщенный послѣднимъ въ его „Воспоминаніяхъ о Достоевскомъ“. Разсказъ этотъ, сколько намъ извѣстно, *не использовалъ* никто изъ составителей юбилейныхъ книгъ и статей о Бѣлинскомъ, и, вообще онъ прошелъ въ нашей литературѣ совсѣмъ незамѣченнымъ. Дѣло вотъ въ чемъ: характеризуя Бѣлинскаго въ своемъ „Дневникѣ Писателя“, Достоевскій рисуетъ не всѣмъ извѣстный портретъ „неистоваго Виссаріона“, а ка-

---

[1]) Ibid., стр. 140—142.

кую-то восторженную посредственность, „всеблаженнаго человѣка“, который,—проживи онъ дольше,—могъ бы кончить свою жизнь въ качествѣ „адъютанта у какой-нибудь нѣмецкой madame Геггъ на побѣгушкахъ по какому-нибудь женскому вопросу“ [1]). Отзывъ этотъ является особенно непонятнымъ, если вспомнить разсказъ самого Достоевскаго о тепломъ сочувствіи, съ которымъ встрѣтилъ Бѣлинскій начало литературной дѣятельности автора „Бѣдныхъ Людей“ и его печатное заявленіе, что разошлись они съ Бѣлинскимъ „отъ разнообразныхъ причинъ, весьма, впрочемъ, *не важныхъ во всѣхъ отношеніяхъ* [2]).

Причину далеко несочувственнаго отношенія Достоевскаго къ Бѣлинскому надо искать въ „прямолинейности“ неистоваго Виссаріона, хотя „прямолинейность“ эта означала въ данномъ случаѣ лишь безстрашіе мысли знаменитаго писателя и ничего болѣе. Но съ этимъ-то и не могли помириться натуры въ родѣ Достоевскаго.

Въ вышеуказанныхъ „Воспоминаніяхъ о Достоевскомъ“ г. Всеволода Соловьева обращаетъ на себя вниманіе такой разсказъ автора: Достоевскій только что приступилъ къ своему „Дневнику Писателя“, помѣщая его первоначально въ „Гражданинѣ“. Во время одной изъ своимъ бесѣдъ съ Достоевскимъ, г. Соловьевъ сказалъ ему, что „дневникъ писателя“ представляетъ собою „удобную форму говорить о самомъ существенномъ, прямо и ясно высказываться“.

— Прямо и ясно высказываться!—повторилъ Достоевскій,—чего бы лучше и, конечно, о, конечно, когда-нибудь и можно будетъ; но нельзя, голубчикъ, сразу никакъ нельзя, развѣ я объ этомъ не думалъ, не мечталъ!.. Да что же дѣлать... ну, и потомъ есть вещи, о которыхъ, если вдругъ

[1]) Полное собраніе сочиненій Ф. М. Достоевскаго, изд. четвертое, т. IX, стр. 170.

[2]) Ibid., стр. 167—168.

такъ никто даже и не повѣритъ. Вотъ хоть бы о Бѣлинскомъ (онъ раскрылъ нумеръ „Гражданина“ съ первымъ своимъ „Дневникомъ писателя“) [1],—развѣ я тутъ все сказалъ, *развѣ то я могъ бы сказать?* И совсѣмъ-то, совсѣмъ его не понимаютъ. Я хотѣлъ бы просто привести его собственныя слова и больше ничего... ну, и не могъ.

— Да почему же?

— По непечатности.

Онъ передалъ мнѣ одинъ разговоръ съ Бѣлинскимъ, который, *дѣйствительно напечатать нельзя* и который вызвалъ съ моей стороны замѣчаніе, что, вѣдь, *отъ слова до дѣла далеко,* у каждаго человѣка могутъ быть самыя чудовищныя быстролетныя мысли и, однако, эти мысли никогда *не превращаются въ дѣло* и только иные люди, въ извѣстныя минуты, любятъ съ напускнымъ цинизмомъ какъ бы похвалиться какой нибудь дикой мыслью.

— Конечно, конечно, только Бѣлинскій-то былъ не таковъ: онъ, *если сказалъ то могъ и сдѣлать*; это была натура простая, цѣльная, *у которой слово и дѣло вмѣстѣ.* Другіе сто разъ задумаются, прежде чѣмъ рѣшиться и все же никогда не рѣшаться, а онъ нѣтъ. И знаете, теперь, вотъ въ послѣднее время, все больше и больше разводится такихъ натуръ: *сказалъ и сдѣлалъ,* — застрѣлюсь и застрѣлился, застрѣлю и застрѣлилъ. Все это—это цѣльность, прямолинейность и... о, какъ ихъ много, а будетъ и еще больше,— увидите!“ [2]).

---

[1]) Т. е. ту именно статью, изъ которой заимствовали и мы отзывъ Достоевскаго о Бѣлинскомъ.

[2]) «Историческій Вѣстникъ». Мартъ. 1881 г., стр. 607 — 608. См. также нашу замѣтку въ іюльской книжкѣ «Жизни» за 1899 годъ «Загадочныя строки о Бѣлинскомъ». По поводу послѣдней намъ приходилось слышать, что «загадочнаго» въ данномъ случаѣ ничего нѣтъ, такъ какъ въ разсказѣ Достоевскаго дѣло, вѣроятно, шло о рѣзкихъ отзывахъ Бѣлинскаго о личности основателя христіанства т. е. о фактѣ уже извѣ-

Основныя черты личности Бѣлинскаго выступаютъ въ разсказѣ этомъ чрезвычайно рельефно...

Въ сороковыхъ годахъ во всей Европѣ шла упорная работа мысли и чувствовалось сильное броженіе, — предвѣстникъ событій 1848 года. Идея утопическаго соціализма была основою этого движенія. Крѣпко заперты были отъ европейскихъ вліяній ворота Россіи, но, не смотря на всѣ запоры, проникали новыя идеи и въ наше отечество, производя потрясающее впечатлѣніе въ передовыхъ слояхъ русской интеллигенціи. Въ особенности сильно было вліяніе Франціи. Всѣ современники единогласно свидѣтельствуютъ о сильномъ впечатлѣніи, которое производили европейскія и особенно французскіе событія на умы горсти русскихъ интеллигентныхъ людей. Сочененія, французскихъ соціалистовъ служили обычнымъ источникомъ бесѣды въ прогрессивной части общества. Вспоминая свою молодость и впечатлѣнія, подъ которыми было написано стоившее ему ссылки въ Вятку „Запутанное дѣло“, Салтыковъ-Щедринъ говоритъ: „изъ Франціи, разумѣется, не изъ Франціи Луи Филиппа и Гизо, а изъ Франціи Сенъ-Симона, Кабе, Фурье, Луи Блана и въ особенности Жоржъ Зандъ. лилась къ намъ вѣра въ человѣчество, оттуда возсіяла намъ увѣренность, что „золотой вѣкъ“ не назади, а впереди насъ“ [1]).

Характеризуя въ своей „запискѣ“ дѣло Петрашевскаго, извѣстный Липранди писалъ: „это не заговоръ, руководимый какою-нибудь частною идеею или страстью, напр., мщеніемъ, ко-

---

стномъ, благодаря письмамъ Достоевскаго къ Страхову. Кто прочитаетъ сколько нибудь внимательно приводимый г. Соловьевымъ и воспроизведенный въ нашей замѣткѣ разсказъ Достоевскаго, тотъ увидитъ, что также объясненіе не выдерживаетъ рѣшительно никакой критики, такъ какъ рѣчь идетъ не о словахъ Бѣлинскаго, что бы онъ тамъ не говорилъ, какъ таковыхъ, а о словахъ, которыя могли служить предверіемъ дѣла.

[1]) За рубежемъ. «Сочиненія», т. V, стр. 163.

рыстью, честолюбіемъ и т. д. Нѣтъ, въ большинствѣ этихъ молодыхъ людей видно какое-то радикальное ожесточеніе противъ существующаго порядка вещей, безъ всякихъ личныхъ причинъ, единственно по увлеченію мечтательными утопіями, которыя господствуютъ въ Западной Европѣ". Переходя въ частности къ Кайданову, Липранди продолжаетъ: „всѣ письма Кайданова изъ Ростова особенно замѣчательны по тому рвенію, которое онъ высказываетъ при изученіи апостоловъ нынѣшней западной пропаганды и по тому восторгу, въ который онъ приходитъ отъ одного чтенія оныхъ" [1]).

Достоевскій говоритъ, что „названіе петрашевцевъ неправильно, ибо чрезмѣрно большее число въ сравненіи съ стоявшими на эшафотѣ, но совершенно такихъ же, какъ мы, петрашевцевъ, осталось нетронутыми и необезпокоенными. Правда, они никогда и не знали Петрашевскаго, но совсѣмъ не въ Петрашевскомъ было и дѣло во всей этой давно прошедшей исторіи" [2]).

Очень ярко выражаетъ настроеніе русскихъ интеллигентныхъ кружковъ сороковыхъ годовъ также приводимое г. Пыпинымъ одно письмо Боткина къ Бѣлинскому:

„въ настоящеее время писалъ Боткинъ,—начинается въ Европѣ новая эпоха. Міръ среднихъ вѣковъ,—міръ мистики, авторитетовъ, вѣрованій вступаетъ въ борьбу съ мыслью, анализомъ, правомъ, вытекающимъ изъ сущности предмета, идеи, а не привязанными къ нимъ со внѣ или по преданію и предположенію, и вступаетъ въ борьбу не въ одинокихъ, разбросанныхъ явленіяхъ, что было и въ средніе вѣка, а цѣлыми массами. Недаромъ кричатъ Шевюревъ и „Маякъ",

---

[1]) Очень интересные отрывки изъ «записокъ» дѣйств. стат. сов. И. П. Липранди помѣщены въ іюльской книжкѣ «Русской Старины» за 1872 года. См. также П. З. 1862 г., кн. 7, стр. 31—37.

[2]) Сочиненія Ф. М. Достоевскаго, т. X, стр. 153.

что Европа находится въ гніеніи, что связи семейства, общества, государства въ ней потрясены. Это такъ дѣйствительно: старые институты семейственности и общественности со всѣхъ сторонъ получаютъ страшные удары. Конецъ среднихъ вѣковъ и начало новаго времени есть собственно XVIII вѣкъ. Во Франціи совершилось отрицаніе среднихъ вѣковъ въ сферѣ общественности, въ Байронѣ явилось оно въ сферѣ поэзіи, а теперь является въ сферѣ религіи въ лицѣ Штрауса, Фейербаха и Бруно-Бауера. Человѣчество сбрасываетъ съ себя одежду, которую носило слишкомъ тысячу лѣтъ и облекается въ новую... Духъ новаго времени вступаетъ въ рѣшительную борьбу съ догмами и организмомъ среднихъ вѣковъ. И внимательное созерцаніе современнаго положенія Европы, дѣйствительно, представляетъ гніеніе и распаденіе всего стараго порядка вещей. Новые люди съ новыми идеями о бракѣ, религіи, государствѣ,—фундаментальныхъ основахъ человѣческаго общества,—прибываютъ съ каждымъ днемъ: новый духъ, какъ кротъ, невидимо бѣгаетъ подъ землею и копаетъ ее,—чудный рудокопъ! Das alte stürst es ändädert sich die Zeit,—und neues Leben steigt aus den Ruinen“ [1]).

Представьте себѣ въ этой атмосферѣ Бѣлинскаго, вспомните, чго „примирительная“ точка зрѣнія осталась у него уже позади и будетъ понятно, *каковъ* долженъ былъ быть Бѣлинскій въ это время.

И, дѣйствительно, въ своихъ письмахъ къ друзьямъ онъ напоминаетъ теперь вдохновенныхъ пророковъ.

„Ты знаешь мою натуру, — писалъ онъ въ это время Боткину, — она вѣчно въ крайностяхъ... Я съ трудомъ и болью разстаюсь со старою идеею, отрицаю ее до нельзя, а въ новую перехожу со всѣмъ фанатизмомъ прозелита. И такъ, я теперь въ новой крайности, — это *идея соціализма*,

---

[1]) Пыпинъ, т. II, стр. 141—142.

которая стала для меня идеею идей, альфою и омегою вѣры и знанія [1]). Она (для меня) поглотила и исторію, и религію, и философію. И потому ею я объясняю теперь жизнь мою, твою и всѣхъ, съ кѣмъ встрѣчался я на пути жизни... Соціальность—вотъ мой девизъ. Что мнѣ въ томъ, что живетъ общее, когда страдаетъ личность? Что мнѣ въ томъ, что геній на землѣ живетъ въ небѣ, когда толпа валяется въ грязи? Что мнѣ въ томъ, что *я* понимаю идею, что мнѣ открытъ міръ идеи въ искусствѣ, въ религіи, въ исторіи, когда я не могу этимъ дѣлиться со всѣми, кто долженъ быть моими братьями по человѣчеству, моими ближними во Христѣ, но кто мнѣ чужіе и враги по своему невѣжеству? Что мнѣ въ томъ, что для избранныхъ есть блаженство, когда большая часть и не подозрѣваетъ ихъ возможностей? Прочь же отъ меня блаженство, если оно достается мнѣ одному изъ тысячъ! Не хочу я его, если оно у меня не общее съ меньшими братьями моими! Сердце мое обливается кровью и судорожно содрогается при взглядѣ на толпу и ея представителей. Горе, тяжелое горе, овладѣваетъ мною при видѣ и босоногихъ мальчишекъ, играющихъ на улицѣ въ бабки, и оборванныхъ нищихъ, и пьянаго извозчика, и идущаго съ развода солдата, и бѣгущаго съ портфелемъ подъ мышкой чиновника, и довольнаго собой офицера, и гордаго вельможи. Подавши грошъ солдату, я чуть не плачу: подавши грошъ нищей, я бѣгу отъ нея, какъ будто сдѣлавши худое дѣло и какъ будто не желая услышать шелеста собственныхъ шаговъ своихъ. И это жизнь: сидѣть на улицахъ

---

[1]) Въ статьяхъ о Бѣлинскомъ, печатавшихся въ №№ 142, 152, 171 и 179 «Русскихъ Вѣдомостей» за 1893 годъ, г. Якушкинъ говоритъ, что употребленное Бѣлинскимъ въ письмѣ къ Боткину слово «соціализмъ» не имѣетъ «обычнаго значенія», а должно быть понимаемо въ смыслѣ «общественности». Съ такимъ объясненіемъ рѣшительно нельзя согласиться. Въ опроверженіе толкованія г. Якушкина говорятъ разсказы о Бѣлинскомъ, находящіеся въ письмахъ Достоевскаго и многое другое.

въ лохмотьяхъ, съ идіотскимъ выраженіемъ на лицѣ, набирать днемъ нѣсколько грошей, а вечеромъ пропить ихъ въ кабакѣ,—и люди это видятъ и никому до этого нѣтъ дѣла!.. И это общество, на разумныхъ началахъ существующее, явленіе дѣйствительности!.. И послѣ этого имѣетъ ли право *человѣкъ* (курсивъ подлинника) забываться въ искусствѣ, въ знаніи! Я ожесточенъ противъ всѣхъ субстанціальныхъ началъ, связывающихъ въ качествѣ вѣрованія волю человѣка [1]).

Конечно, связанный по рукамъ и ногамъ цензурными условіями своего времени, Бѣлинскій не могъ высказать печатно и тысячной доли того, что́ лежало у него на душѣ, и, тѣмъ не менѣе, на его статьяхъ воспитались цѣлыя литературныя поколѣнія. Въ свое же время онъ былъ настоящимъ „властителемъ душъ".

„Статьи Бѣлинскаго,—разсказываетъ Герценъ,—судорожно ожидались молодежью въ Москвѣ и Петербургѣ двадцать перваго числа каждаго мѣсяца. Пять разъ хаживали студенты въ кофейныя спрашивать,—получены ли „Отечественныя Записки"? Тяжелый нумеръ рвали изъ рукъ въ руки. „Есть Бѣлинскаго статья?" „Есть". И она поглащалась съ лихорадочнымъ сочувствіемъ, со смѣхомъ, со спорами... и трехъ-четырехъ вѣрованій или уваженій какъ не бывало".

Замѣчательная особенность критики Бѣлинскаго состояла въ томъ, что и въ этотъ періодъ своей дѣятельности, когда руководящею основою ея было не то или иное строгое философское міросозерцаніе, а просто влеченія здороваго чувства, въ статьяхъ знаменитаго критика можно усмотрѣть геніальные проблески такихъ мыслей, *правильное* развитіе которыхъ даетъ *разумно-сознанную подкладку* для отрицанія.

Мы сейчасъ пояснимъ нашу мысль цитатами изъ сочиненій самого Бѣлинскаго, а теперь возвратимся къ тому мо-

---

[1]) Пыпинъ, т. II, стр. 122—126.

менту, когда Виссаріонъ Григорьевичъ только что оставилъ свою „примирительную“ точку зрѣнія.

Въ 1841 году Боткинъ прислалъ Бѣлинскому отрывокъ изъ „Hallische Jahrbücher“, въ которомъ уже ясно проводилась точка зрѣнія „лѣвыхъ гегельянцевъ“. По этому-то поводу и написалъ Бѣлинскій Боткину одно изъ своихъ замѣчательныхъ писемъ.

„Отрывокъ изъ „Hallische Jahrbücher“,—писалъ онъ перваго марта 1841 года,—меня очень порадовалъ и даже какъ будто воскресилъ и укрѣпилъ на минуту. Спасибо тебѣ за него, сто разъ спасибо. Я давно уже подозрѣвалъ, что философія Гегеля только моментъ, хотя и великій, но что *абсолютность ея результатовъ никуда не годится*, что лучше умереть, чѣмъ помириться съ ними. Это я собирался писать тебѣ до полученія твоего этого письма. Глупцы врутъ, говоря, что Гегель превратилъ жизнь въ мертвыя схемы; но это правда, что онъ изъ явленій жизни сдѣлалъ тѣни, сцѣпившіяся костлявыми руками и пляшущія на воздухѣ надъ кладбищемъ. Субъектъ у него не самъ себѣ цѣль, но средство для мгновеннаго выраженія общаго, а это общее является у него въ отношеніи къ субъекту Молахомъ, ибо, пощеголявъ въ немъ (въ субъектѣ), бросаетъ его, какъ старые штаны. Я имѣлъ особенно важныя причины злиться на Гегеля, ибо чувствую, что былъ вѣренъ ему (въ ощущеніи), мирясь съ расейскою дѣйствительностью, хваля Загоскина и подобныя гнусности и ненавидя Шиллера. Въ отношеніи къ послѣднему я былъ еще послѣдовательнѣе самого Гегеля, хотя и глупѣе Менцеля. Всѣ толки Гегеля о нравственности—вздоръ сущій, ибо въ объективномъ царствѣ мысли нѣтъ нравственности, какъ и въ объективной религіи (какъ, напр., въ индійскомъ пантеизмѣ, гдѣ Брама и Шива равно боги т. е. гдѣ добро и зло имѣютъ равную автономію). Ты,—я знаю,—будешь надо мною смѣяться... но, смѣйся, какъ хочешь, а я свое: судьба субъекта, индивидуума,

личности важнѣе судебъ всего міра и здравія китайскаго императора (т. е. гегелевской Allgemeinheit). Мнѣ говорятъ: развивай всѣ сокровища своего духа, для свободнаго самонаслажденія духомъ, плачъ, дабы утѣшаться, скорби, дабы возрадоваться, стремись къ совершенству, лѣзь на верхнюю ступень лѣстницы развитія, а споткнешься, падай, чертъ съ тобой, таковскій и былъ, с... с... Благодарю покорно, Егоръ Федоровичъ, (Гегель), — кланяюсь вашему философскому колпаку, но со всѣмъ подобающимъ вашему философскому филистерству уваженіемъ, имѣю честь донести вамъ, что еслибы мнѣ и удалось влѣзть на верхнюю ступень лѣстницы развитія, я и тамъ попросилъ бы васъ отдать мнѣ отчетъ во всѣхъ жертвахъ условій жизни и исторіи, во всѣхъ жертвахъ случайностей, суевѣрія, инквизицій, Филиппа II и пр. и пр.; иначе я съ верхней ступени бросаюсь внизъ головою. Я не хочу счастья и даромъ, если не буду спокоенъ на счетъ каждаго изъ моихъ братій по крови... Говорятъ, что дисгармонія есть условіе гармоніи: можетъ быть это очень выгодно и усладительно для меломановъ, но ужъ, конечно, не для тѣхъ, которымъ суждено выразить своею участью идею дисгармоніи. Впрочемъ, если писать объ этомъ все, и конца не будетъ“ [1]).

Это письмо въ высокой степени замѣчательно: не смотря на видимый полный разрывъ съ „философскимъ колпакомъ“ Гегеля, Бѣлинскій возстаетъ противъ него не всецѣло, а главнымъ образомъ противъ „абсолютности результатовъ“ гегелевской философіи, стремится установить на нее взглядъ, какъ на „моментъ“ въ развитіи человѣческой мысли (и притомъ моментъ „великій“), а на людей, утверждавшихъ, что „Гегель превратилъ жизнь въ мертвыя схемы“, какъ на „глупцовъ“, которые „врутъ“. На все это у Бѣлинскаго въ глубинѣ его духа складывался далеко, конечно, ему самому

---

[1]) Пыпинъ стр. 104—106.

не ясный, но тѣмъ не менѣе, собственный взглядъ, подходившій ко взглядамъ лѣвыхъ гегельянцевъ въ Европѣ. Если сравнить только что приведенное письмо Бѣлинскаго съ раньше нами цитированнымъ его же письмомъ къ Боткину, въ которомъ онъ говоритъ (по поводу своей статьи о „Бородинской годовщинѣ“), что для полной вѣрности этой „вѣрной въ своихъ основаніяхъ“ статьи необходимо было развить и „идею отрицанія“, какъ „священнаго историческаго права“, то нельзя не видѣть, что Бѣлинскій стоялъ на вѣрномъ пути и, сложись обстоятельства для него мало-мальски благопріятнѣе, получи онъ бо̀льшую возможность общенія съ передовыми умами Европы того времени (вспомнимъ, что онъ не зналъ даже нѣмецкаго языка и черпалъ свои свѣдѣнія о движеніи нѣмейкой мысли изъ случайныхъ переводовъ разныхъ нѣмецкихъ писателей, дѣлавшихся спеціально для него его друзьями), и изъ Бѣлинскаго вышелъ бы навѣрно могучій мыслитель,

Строго ограниченный возможностью одной только чисто литературной критикѣ, Бѣлинскій умѣлъ, тѣмъ не менѣе, проливать яркій свѣтъ на очень многіе важнѣйшіе вопросы жизни, понимая ихъ гораздо глубже многихъ и многихъ изъ современныхъ намъ писателей.

Вотъ обращики:

„Все служитъ духу и истина идетъ всѣми путями, часто не разбирая ихъ. Иной удовлетворяетъ только низкимъ нуждамъ своей жизни, насыщаетъ свою страсть къ любостяжанію и, между тѣмъ, дѣлаетъ пользу обществу, нисколько не думая о его пользѣ, споспѣшествуетъ его развитію и благосостоянію, оживляя торговлю, кругообращеніе капиталовъ,—одинъ изъ столбовъ, поддерживающихъ зданіе общества, эту необходимую форму для развитія человѣчества. Но дѣло въ томъ, что одинъ служитъ истинѣ для удовлетворенія потребности собственнаго духа, личнаго стремленія къ счастью; другой служитъ ему невольно и безсознательно,

думая служить себѣ. Такъ, бродящій по полю волъ, споспѣшествуя плодородію земли, дѣлаетъ большую пользу; но кто же ему поклонится за это, скажетъ спасибо, почувствуетъ къ нему уваженіе? А, между тѣмъ, безъ такихъ воловъ общество было бы невозможно, и представить его безъ нихъ, значило бы представить домъ, построенный изъ камня на воздухѣ" [1]).

Мысль, выраженная здѣсь Бѣлинскимъ, отличается замѣчательною глубиною. Припомните, читатель, недавніе споры о капитализмѣ, въ которыхъ столь многіе почтенные литературные дѣятели были не въ состояніи понять, какъ это можно одновременно и признавать прогрессивное значеніе капитализма и относиться безусловно враждебно къ его носителямъ, представителямъ и выразителямъ не въ смыслѣ, конечно вражды къ опредѣленнымъ лицамъ, а къ цѣлому строю отношеній, порождаемому владычествомъ буржуазіи. Разрѣшеніе такого якобы „противорѣчія" не представляло бы для Бѣлинскаго ни малѣйшей трудности, ибо онъ ясно понималъ, что можно и должно видѣть въ „дѣятельности" „бродящаго по полю вола" прогрессивный факторъ для земледѣлія, такъ какъ своими физіологическими отправленіями волъ „споспѣшествуетъ плодородію земли" и въ тоже время помнить, что волъ есть волъ и что за приносимую имъ „пользу общую" смѣшно и нелѣпо ему „кланяться, говорить спасибо или чувствовать уваженіе". Сегодня для пользы земледѣлія „дѣятельность" воловъ безусловно необходима завтра могутъ быть изобрѣтены вполнѣ замѣняющіе продукты „дѣятельности" воловъ превосходные фосфориты и тогда волы окажутся для данной цѣли ненужными и пойдутъ для другаго употребленія. Этимъ путемъ Бѣлинскій старался анализировать саму дѣйствительность и *въ ней самой* открывать элементы, которые, *независимо отъ сознанія носителей ихъ*, служатъ для построенія „новой веси". Бѣлинскій очень

---

[1]) Горе отъ ума. Сочиненія В. Г. Бѣлинскаго. 1896 г. т. I стр. 426—427.

близко подходилъ къ мысли, что одного желанія тѣхъ, кто служитъ духу сознательно, еще далеко недостаточно для построенія такой „веси“, что для этого нужна наличность *въ объективныхъ условіяхъ жизни* т. е. въ отношеніяхъ и дѣятельности того громаднаго большинства людей, которому ни до какихъ „весей“ рѣшительно нѣтъ никакого дѣла, элементовъ, непреложнымъ образомъ складывающихся въ направленіи неизбѣжности построенія новой веси. Этого до сихъ поръ не понимаютъ многіе русскіе писатели, склонные марализировать тамъ, гдѣ ни для какой морали нѣтъ мѣста. Бѣлинскій думалъ иначе и вотъ почему онъ былъ такъ далекъ отъ порицанія девятнадцатаго вѣка за его „меркантильный духъ“. Онъ относился къ этому вполнѣ разумно, такъ какъ умѣлъ усматривать процессъ зарожденія желаемаго „новаго“ въ нѣдрахъ ненавистнаго „стараго“.

„Правда, нашъ вѣкъ вовсе не рыцарь,—писалъ Бѣлинскій въ другой статьѣ;—*онъ не думаетъ нисколько ни о добродѣтели, ни о морали, ни о чести* и весь погруженъ *въ пріобрѣтеніе* или, какъ у насъ ловко выражаются, въ благопріобрѣтеніе; правда, онъ торгашъ, алтынникъ, спекулянтъ, разжившійся всѣми неправдами откупщикъ, но онъ очень уменъ и, что мнѣ больше всего нравится въ немъ, очень вѣренъ самому себѣ, логиченъ, послѣдователенъ... Чудный вѣкъ! Нельзя довольно нахвалиться имъ! Его открытіе важнѣе открытія Америки и изобрѣтенія пороха и книгопечатанія, потому что открытая имъ тайна—теперь уже не тайна не для однихъ только капиталистовъ, антрепренеровъ и подрядчиковъ, словомъ, „пріобрѣтателей“, живущихъ чужимъ трудомъ, *но и для тѣхъ, которые для нихъ трудятся... И эти уже знаютъ. на чемъ міръ стоитъ, т. е. и они хотятъ читать романы*“... [1]).

---

[1]) Тереза Дюнайе. Матильда. Сынъ тайны. Іезуитъ. Сочин. В. Г. Бѣлинскаго, т. IV, стр. 840.

Мысль, выраженная здѣсь, довольно опредѣленна...

Мы, конечно, не хотимъ сказать, что въ послѣдній періодъ своей жизни Бѣлинскій послѣдовательно держался этой точки зрѣнія; нѣтъ, онъ очень нерѣдко „сбивался“ на точку зрѣнія „просвѣтителя“, но, принимая во вниманіе всѣ условія, среди которыхъ ему пришлось жить и работать, нельзя не удивляться изумительной силѣ мысли нашего незабвеннаго критика. Подъ самый конецъ жизни Бѣлинскій и на коренные вопросы русской жизни взглянулъ съ вполнѣ опредѣленной точки зрѣнія. „Теперь ясно видно,—писалъ онъ не задолго до смерти одному пріятелю,—что внутренній процессъ гражданскаго развитія въ Россіи, начнется не прежде, какъ съ той минуты, когда русское дворянство обратится въ буржуазію“... [1])

Литературная дѣятельность Бѣлинскаго и въ качествѣ „просвѣтителя“ имѣла, конечно, также огромное значеніе, но характеристика этой дѣятельноэти не входитъ въ планъ нашего очерка и мы остановимся еще лишь на перепискѣ Бѣлинскаго, которая представляетъ собою очень часто гораздо болѣе цѣнные документы для сужденія о состояніи и направленіяхъ русскихъ интеллигентныхъ кружковъ сороковыхъ годовъ, чѣмъ даже сочиненія знаменитаго критика. Мы, конечно, не упускаемъ изъ виду, что переписка эта сдѣлалась общественнымъ достояніемъ сравнительно не такъ давно и Бѣлинскій вліялъ на массу своихъ современниковъ только своими печатными произведеніями. Исключеніе составляетъ его знаменитое письмо къ Гоголю, сдѣлавшееся по тысячамъ съ него копій общеизвѣстнымъ еще въ сороковыхъ годахъ, а въ печати не появившееся полностью и до настоящаго времени. Дѣло произошло такъ: въ 1847 г. Гоголь былъ заграницей. Передъ этимъ онъ напечаталъ свои извѣстныя „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзь-

---

[1]) Пыпинъ, стр. 324, а также «П. В. Анненковъ и его друзья», стр. 612.

ями". Бѣлинскій напечаталъ въ № второмъ „Современника" за 1847 г. горячую статью по этому поводу, но, разумѣется, въ узкихъ предѣлахъ цензурной возможности. Прочтя эту статью, Гоголь прислалъ уѣхавшему также заграницу Бѣлинскому письмо, въ которомъ говоритъ, что статья Бѣлинскаго подсказана ему какимъ-то личнымъ противъ него, Гоголя, раздраженіемъ. „Мнѣ тяжело, очень тяжело,—писалъ Гоголь,—когда противъ меня питаетъ личное раздраженіе даже и злой человѣкъ, а васъ я считалъ за добраго человѣка". Въ отвѣтъ на это и написалъ Бѣлинскій изъ Зальбруна 15 іюня 1847 г. свое знаменитое „письмо къ Гоголю". Мы приведемъ это письмо въ томъ его видѣ, въ какомъ оно уже неоднократно появлялось въ разныхъ изданіяхъ, исправивши въ примѣчаніяхъ лишь нѣкоторыя распространенныя въ этихъ изданіяхъ неточности [1]).

„Вы только отчасти правы,—писалъ Бѣлинскій,—увидавъ въ моей статьѣ *разсерженнаго* (курсивъ подлинника) человѣка: этотъ эпитетъ слишкомъ слабъ нѣженъ для выраженія того состоянія, въ которое привело меня чтеніе вашей книги. Но вы совсѣмъ не правы, приписавши его вашимъ, дѣйствительно, не совсѣмъ лестнымъ отзывамъ о почитателяхъ вашего таланта. Оскорбленное чувство самолюбія еще можно перенести, и у меня достало бы ума промолчать объ этомъ предметѣ, еслибы все дѣло заключалось въ немъ, но нельзя перенести оскорбленнаго чувства истины, человѣче-

---

[1]) Письмо было напечатано первоначально въ первой книжкѣ П. З. (стр. 66—68), затѣмъ неоднократно появлялось въ заграничныхъ изданіяхъ. Нынѣ наиболѣе полный текстъ его (хотя и съ сокращеніями) напечатанъ въ VIII томѣ соч. Барсукова «Жизнь и труды Погодина». Значительными частями приведено это письмо также въ майской книжкѣ «Міра Божія» за 1897 г. (стр. 87—91) въ статьѣ С. Ашевскаго «Осужденная книга». Цитировали это письмо также Джаншіевъ (въ книгѣ «Изъ эпохи великихъ реформъ« и сборникѣ «Памяти Бѣлинскаго»), г. Пыпинъ (въ книгѣ «Бѣлинскій, его жизнь и критика») и нѣкоторые другіе.

скаго достоинства, нельзя молчать, когда подъ покровомъ... проповѣдаютъ ложь и безнравственность, какъ истину и добродѣтель.

Да, я любилъ васъ со всею страстью, съ какою человѣкъ, кровно связанный со своею страною, можетъ любить ея надежду, честь, славу, одного изъ великихъ вождей ея на пути сознавія, развитія, прогресса. И вы имѣли основательную причину хоть на минуту выйти изъ спокойнаго состоянія духа, потерявши право на такую любовь.—Говорю это не потому, чтобы я считалъ любовь свою наградою великаго таланта, а потому, что въ этомъ отношеніи я представляю не одно, а множество лицъ, изъ которыхъ ни вы, ни я не видали самаго большаго числа и которые, въ свою очередь, тоже никогда не видали васъ. Я не въ состояніи дать вамъ ни малѣйшаго понятія о томъ негодованіи, которое возбудила ваша книга во всѣхъ благородныхъ сердцахъ, ни о тѣхъ вопляхъ дикой радости, которые издали при ея появленіи всѣ враги ваши, и не литературные—Чичиковы, Ноздревы, Городничіе,—и литературные, которыхъ имена хорошо вамъ извѣстны, Вы видите сами, что отъ вашей книги отступились даже люди, повидимому, одного духа съ ея духомъ.

Если бы она и была написана, вслѣдствіе глубокаго, искренняго убѣжденія, и тогда бы она должна была произвести на публику тоже впечатлѣніе. И, если ее приняли всѣ (за исключеніемъ немногихъ людей, которыхъ надо видѣть и знать, чтобы не обрадоваться ихъ одобренію) за хитрую, но черезъ чуръ нецеремонную продѣлку для достиженія небеснымъ путемъ чисто земной цѣли,—въ этомъ виноваты только вы. И это нисколько неудивительно. а удивительно то, что вы находите это удивительнымъ. Я думаю это оттого, что вы глубоко знаете Россію только какъ художникъ, а не какъ мыслящій человѣкъ, роль котораго вы такъ неудачно приняли на себя въ вашей фантастической книгѣ. И это не потому, чтобы вы не были мыслящимъ че-

ловѣкомъ, а потому, что столько уже лѣтъ привыкли смотрѣть на Россію изъ вашего *прекраснаго далека* (курсивъ подлинника), а, вѣдь извѣстно, что ничего нѣтъ легче, какъ издалека видѣть предметы такими, какими намъ хочется ихъ видѣть; потому что въ этомъ *прекрасномъ далекѣ* (кур. подл.) вы живете совершенно чуждымъ ему, въ самомъ себѣ, внутри себя или въ однообразіи кружка, одинаково съ вами настроеннаго и безсильнаго противиться вашему на него вліянію. Поэтому, вы не замѣтили, что Россія видитъ свое спасеніе не въ мистицизмѣ, не въ аскетизмѣ, не въ піэтизмѣ, а въ успѣхахъ цивилизаціи, просвѣщенія, гуманности. Ей нужны не проповѣди (довольно она слышала ихъ!), не молитвы...—а пробужденіе въ народѣ чувства человѣческаго достоинства, столько вѣковъ потеряннаго въ грязи и сорѣ,—право и законы сообразные не съ..., а съ здравымъ смысломъ и справедливостью и строгое по возможности исполненіе ихъ. А вмѣсто этого она представляетъ собою ужасное зрѣлище страны, гдѣ люди торгуютъ людьми, не имѣя на это и того оправданія, какимъ лукаво пользуются американскіе плантаторы, утверждая, что негръ не человѣкъ; страны—гдѣ люди сами себя называютъ не именами, а кличками: Ваньками, Васьками, Степками, Палашками; страны, гдѣ, наконецъ, нѣтъ не только никакихъ гарантій для личности, чести и собственности, но нѣтъ даже и полицейскаго порядка, а есть только огромныя корпораціи разныхъ служебныхъ воровъ и грабителей! Самые живые современные національные вопросы въ Россіи теперь: уничтоженіе крѣпостнаго права, *отмѣненіе* [1]) тѣлеснаго наказанія, введеніе

---

[1]) Бѣлинскій говоритъ именно объ «отмѣненіи» т. е. объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній; такъ значится это въ первоначальныхъ изданіяхъ «письма», такъ процитировано данное мѣсто и у г. Пыпина (*Бѣлинскій, его жизнь и переписка, стр. 290*); поэтому Джантіевъ, (двоекратно: въ книгѣ *«изъ эпохи великихъ реформъ»*, *изд. 7, стр. XI и въ статьѣ «Памяти Бѣлинскаго*), г. Ашевскій (*въ вышеуказанной статьѣ «Осужденная*

по возможности строгаго выполненія хотя тѣхъ законовъ, которые уже есть. Это чувствуетъ даже правительство (которое хорошо знаетъ, что дѣлаютъ помѣщики со своими крестьянами и сколько послѣдніе ежегодно рѣжутъ первыхъ), что доказывается его робкими, безплодными полумѣрами въ пользу бѣлыхъ негровъ и комическимъ *замѣненіемъ* однохвостнаго кнута, трехвостною плетью.

Вотъ вопросы, которыми тревожно занята вся Россія въ ея апатичномъ снѣ! И въ это то время великій писатель, который своими дивно-художественными, глубоко-истиными твореніями такъ могущественно содѣйствовалъ самосознанію Россіи, давши ей возможность взглянуть на самое себя, какъ будто въ зеркалѣ—является съ книгою, въ которой во имя Христа и церкви, учитъ варвара помѣщика наживать отъ крестьянъ побольше денегъ, учитъ ихъ ругать побольше! И это не должно было привести меня въ негодованіе? Да, если бы вы обнаружили покушеніе на мою жизнь и тогда бы я не болѣе возненавидѣлъ васъ, какъ за эти позорныя строки. И послѣ этого вы хотите, чтобы вѣрили искренности направленія вашей книги! Нѣтъ, если бы вы дѣйствительно преисполнились истиною Христовою, а не дьяволова ученія,—совсѣмъ не то написали бы въ вашей новой книгѣ. Вы сказали бы помѣщику: что такъ какъ крестьяне его братья о Христѣ, и такъ какъ братъ не можетъ быть рабомъ своего брата, то онъ и долженъ или дать имъ свободу или хотя, по крайней мѣрѣ, пользоваться ихъ трудами какъ можно выгоднѣе для нихъ, сознавая себя въ глу-

---

Книга») и нѣкоторые другіе писатели дѣлаютъ большую ошибку, употребляя вмѣсто слова «отмѣненіе»—«*ослабленіе*». Помимо существованія выраженія «отмѣненія», а не «ослабленія» въ первоначальныхъ изданіяхъ «письма», за правильность именно его говоритъ то обстоятельство, что тремя строками ниже Бѣлинскій употребляетъ выраженіе «замѣненіе» (въ смыслѣ замѣны) однохвостнаго кнута трехвостною плетью.

бинѣ своей совѣсти въ ложномъ положеніи въ отношеніи къ нимъ

А выраженіе: „Ахъ, ты неумытое рыло“! Да у какого Ноздрева, у какого Собакевича подслушали вы его, чтобы передать міру, какъ великое открытіе въ пользу и назиданіе мужиковъ, которые и безъ того потому не умываются, что, повѣривъ своимъ барамъ, сами себя не считаютъ за людей. А ваше понятіе о національномъ русскомъ судѣ и расправѣ, идеалъ котораго нашли вы въ глупой поговоркѣ, что должно пороть и праваго и виноватаго? Да это и такъ у насъ дѣлается въ частую, хотя еще чаще всего порютъ только праваго, если ему нечѣмъ откупиться отъ преступленія и другая поговорка говоритъ тогда: безъ вины виноватъ! И такая-то книга могла быть, результатомъ труднаго внутренняго процесса, высокаго духовнаго просвѣтлѣнія! Не можетъ быть. Или вы больны и вамъ надо спѣшить лечиться или... не смѣю досказать своей мысли!.. Проповѣдникъ кнута, апостолъ невѣжества, поборникъ обскурантизма и мракобѣсія, панегиристъ татарскихъ нравовъ,—что вы дѣлаете! Взгляните себѣ подъ ноги, вѣдь, вы стоите надъ бездною! Что вы подобное ученіе опираете на... это я еще понимаю, но Христа то зачѣмъ вы примѣшали тутъ? Что вы нашли тутъ общаго? Онъ первый возвѣстилъ людямъ ученіе свободы, равенства и братства и мученичествомъ запечатлѣлъ, утвердилъ истину своего ученія... Но смыслъ Христова слова открытъ философскимъ движеніемъ прошлаго вѣка. И вотъ почему какой-нибудь Вольтеръ, орудіемъ насмѣшки погасившій въ Европѣ костры фанатизма и невѣжества, конечно, болѣе сынъ Христа, плоть отъ плоти его и кость отъ костей его, нежели всѣ ваши... Неужели вы этого не знаете? Вѣдь, это теперь не новость для всякаго гимназиста. А потомъ, неужели вы, авторъ „Ревизора“ и „Мертвыхъ Душъ“, неужели вы искренно, отъ души, пропѣли гимнъ русскому духовенству, поставивъ его неизмѣримо выше духовенства ка-

толическаго? Положимъ, вы не знаете, что второе когда-то было чѣмъ-то между тѣмъ, какъ первое никогда ничѣмъ не было... но неужели же, въ самомъ дѣлѣ, вы не знаете, что наше духовенство находится во всеобщемъ презрѣніи у русскаго общества и русскаго народа? Про кого русскій народъ разсказываетъ похабную сказку? Про попа, попадью, попову дочь и попова работника... И будто вы всего этого не знаете? Странно! По вашему русскій народъ самый религіозный въ мірѣ: ложь! Основа религіозности есть піэтизмъ, благоговѣніе, страхъ Божій! А русскій человѣкъ...

Приглядитесь попристальнѣе и вы увидите, что... въ немъ еще много суевѣрія, но нѣтъ и слѣда религіозности. Суевѣріе проходитъ съ успѣхами цивилизаціи, но религіозность часто уживается съ ними: живой примѣръ Франція, гдѣ и теперь много искреннихъ католиковъ между людьми просвѣщенными и образованными и гдѣ многіе, отложившись отъ христіанства, все еще упорно стоятъ за... Русскій народъ не таковъ: мистическая экзальтація не въ его натурѣ; у него слишкомъ много для этого здраваго смысла, ясности и положительности въ умѣ и вотъ въ этомъ то можетъ быть огромность историческихъ судебъ его въ будущемъ. Религіозность не привилась въ немъ даже къ духовенству, ибо нѣсколько отдѣльныхъ исключительныхъ личностей, отличавшихся такою холодною, аскетическою созерцательностью, ничего не доказываютъ. Большинство же нашего духовенства всегда отличалось... Его грѣхъ винить въ религіозной нетерпимости и фанатизмѣ; его скорѣе можно похвалить за образцовый индифферентизмъ въ дѣлѣ вѣры. Религіозность проявилась у насъ только въ раскольничьихъ сектахъ, столь противоположныхъ, по духу своему, массѣ народа и столь ничтожныхъ передъ нею числительно.

Вспомнилъ я еще, что въ вашей книгѣ вы утверждаете за великую и неоспоримую истину, будто простому народу грамота не только не полезна, но положительно вредна.

Что сказать вамъ на это? Да проститъ вамъ... за эту византійскую мысль, если только, передавши ее бумагѣ, вы не знали, что творили! Но, можетъ быть, вы скажете: „положимъ, что я заблуждался, и всѣ мои мысли ложь, но почему же отнимаютъ у меня право заблуждаться и не хотятъ вѣрить искренности моихъ заблужденій“? Потому, отвѣчаю я вамъ, что подобное направленіе въ Россіи давно уже не новость. Даже еще недавно оно было вполнѣ исчерпано Бурачкомъ съ братіею. Конечно, въ вашей книгѣ болѣе ума и даже таланта, (хотя и того и другого не очень богато въ ней), чѣмъ въ ихъ сочиненіяхъ; но за то они развили общее имъ съ вами ученіе съ большей энергіей и большей послѣдовательностью, смѣло дошли до его послѣднихъ результатовъ, все отдали византійскому богу, ничего не оставили сатанѣ; тогда какъ вы, желая поставить по свѣчѣ и тому и другому, впали въ противорѣчіе, отстаивали, напримѣръ, Пушкина, литературу и театры, которые съ вашей точки зрѣнія, если бы вы только имѣли добросовѣстность быть послѣдовательнымъ, нисколько не могутъ служить къ спасенію души, но много могутъ служить къ ея погибели. Чья же голова могла переварить мысль о тождественности Гоголя съ Бурачкомъ? Вы слишкомъ высоко поставили себя во мнѣніи русской публики, чтобы она могла вѣрить въ васъ искренности подобныхъ убѣжденій. Что кажется, естественнымъ въ глупцахъ, то не можетъ казаться такимъ въ геніальномъ человѣкѣ. Нѣкоторые остановились было на мысли, что ваша книга есть плодъ умственнаго разстройства, близкаго къ положительному сумасшествію. Но они скоро отступились отъ такого заключенія—ясно, что книга писана не день, не недѣлю, не мѣсяцъ, а можетъ быть годъ, два или три; въ ней есть связь; сквозь небрежное изложеніе проглядываетъ обдуманность, а гимнъ властямъ продержащимъ хорошо устраиваетъ земное положеніе набожнаго автора. Вотъ почему въ Петербургѣ распространился слухъ, будто вы на-

писали эту книгу, съ цѣлью попасть въ наставники къ сыну наслѣдника. Еще въ Петербургѣ сдѣлалось извѣстнымъ письмо ваше къ Уварову, гдѣ вы говорите съ огорченіемъ, что вашимъ сочиненіямъ о Россіи даютъ превратный толкъ, затѣмъ обнаруживаете неудовольствіе своими прежними произведеніями... Теперь, судите сами, можно ли удивляться тому, что ваша книга уронила васъ въ глазахъ публики и какъ писателя и еще болѣе какъ человѣка?

Вы, сколько я вижу, не совсѣмъ хорошо понимаете русскую публику. Ея характеръ опредѣляется положеніемъ русскаго общества, въ которомъ кипятъ и рвутся наружу свѣжія силы, но, сдавленныя тяжелымъ гнетомъ, не находя исхода, производятъ только уныніе, тоску, апатію. Только въ одной литературѣ, не смотря на татарскую цензуру, есть еще жизнь и движеніе впередъ. Вотъ почему званіе писателя у насъ такъ почетно, почему у насъ такъ легокъ литературный успѣхъ даже при маленькомъ талантѣ. Титло поэта, званіе литератора у насъ давно уже затмило мишуру, эполетъ и разноцвѣтныхъ мундировъ. И вотъ почему у насъ въ особенности награждается общимъ вниманіемъ всякое, такъ называемое либеральное направленіе, даже и при бѣдности таланта и почему такъ скоро падаетъ популярность великихъ талантовъ, искренно или неискренно отдающихъ себя въ услуженіе... Разительный примѣръ Пушкинъ, которому стоило написать только два-три... стихотворенія и надѣть камеръ-юнкерскую ливрею, чтобы вдругъ лишиться народной любви! И вы сильно ошибаетесь, если, не шутя, думаете, что ваша книга пала не отъ ея дурного направленія, а отъ рѣзкости истинъ, будто бы высказанныхъ вами всѣмъ и каждому. Положимъ, вы могли это думать о пишущей братіи, но публика-то какъ могла попасть въ эту категорію? Неужели въ „Ревизорѣ“ и „Мертвыхъ Душахъ“ вы менѣе рѣзко, съ меньшею истиною и талантомъ, и менѣе горькія истины высказали ей? И старая школа, дѣйствительно,

сердилась на васъ до бѣшенства, но „Ревизоръ“ и „Мертвыя Души“ отъ того не пали, тогда какъ ваша послѣдняя книга позорно провалилась сквозь землю. И публика тутъ права: она видитъ въ русскихъ писателяхъ своихъ единственныхъ вождей, защитниковъ и спасителей отъ.., и потому, всегда готовая простить писателю плохую книгу, никогда не проститъ ему зловредной книги. Это показываетъ, сколько лежатъ въ нашемъ обществѣ, хотя еще въ зародышѣ, свѣжаго, здороваго чутья, и это же показываетъ, что у него есть будущность. Если вы любите Россію, порадуйтесь вмѣстѣ со мною паденію вашей книги!..

Не безъ нѣкотораго чувства самодовольства скажу вамъ, что мнѣ кажется, что я немного знаю русскую публику. Ваша книга испугала меня возможностью дурного вліянія на правительство, на цензуру, но не на публику. Когда пронесся въ Петербургѣ слухъ, что правительство хочетъ напечатать вашу книгу въ числѣ многихъ тысячъ экземпляровъ и продавать ее по самой низкой цѣнѣ,—мои друзья пріуныли; но я тогда же сказалъ имъ, что, не смотря ни на что, книга не будетъ имѣть успѣха и о ней скоро забудутъ. И, дѣйствительно, она памятнѣе теперь всѣми статьями о ней, нежели сама собою. Да, у русскаго человѣка глубокъ, хотя и не развитъ еще, инстинктъ истины.

Ваше обращеніе, пожалуй, могло быть и искренно, но мысль довести о немъ до свѣдѣнія публики была самая несчастная. Времена наивнаго благочестія давно уже прошли и для нашего общества. Оно уже понимаетъ, что молиться всюду все равно, и что въ Іерусалимѣ ищутъ Христа только люди или никогда не носившіе его въ груди своей, или потерявшіе его.—Кто способенъ страдать при видѣ чужого страданія, кому тяжко зрѣлище угнетенія чуждыхъ ему людей,—тотъ носитъ Христа въ груди своей и тому незачѣмъ ходить пѣшкомъ въ Іерусалимъ. Смиреніе, проповѣдуемое вами, во-первыхъ не ново, а во-вторыхъ отзывается,

съ одной стороны, страшною гордостью, а съ другой, самымъ позорнымъ униженіемъ своего человѣческаго достоинства. Мысль сдѣлаться какимъ-то абстрактнымъ совершенствомъ, стать выше всѣхъ смиреніемъ, можетъ быть, плодомъ или гордости, или слабоумія и въ обоихъ случаяхъ ведетъ неизбѣжно къ лицемѣрію, ханжеству, китаизму. И при этомъ въ вашей книгѣ вы позволили себѣ цинически грязно выражаться не только о другихъ (это было бы только невѣжливо), но и о самомъ себѣ—это уже гадко; потому что, если человѣкъ, бьющій своего ближняго по щекамъ, возбуждаетъ негодованіе, то человѣкъ, бьющій по щекамъ самъ себя, возбуждаетъ презрѣніе. Нѣтъ, вы только омрачены, а не просвѣтлены: вы не поняли ни духа, ни формы христіанства нашего времени. Не истиной христіанскаго ученія, а болѣзненною боязнью смерти, чорта, ада вѣетъ отъ вашей книги!

И что за языкъ, что за фразы?.. „Дрянь и тряпка сталъ теперь всякъ человѣкъ“, неужели вы думаете, что сказать *всякъ* вмѣсто *всякій*, значитъ выражаться библейски? Какая это великая истина, что когда человѣкъ весь отдается лжи, его оставляетъ умъ и талантъ. Не будь на вашей книгѣ выставлено вашего имени, кто бы подумалъ, что эта надутая и неопрятная шумиха словъ и фразъ произведеніе автора—Ревизора и Мертвыхъ Душъ. Что же касается до меня лично, повторяю вамъ: вы ошиблись, сочтя мою статью выраженіемъ досады за вашъ отзывъ обо мнѣ, какъ объ одномъ изъ вашихъ критиковъ. Если бы только это разсердило меня, я только объ этомъ и отозвался бы съ досадою, а обо всемъ и остальномъ выразился бы спокойно, безпристрастно. А это правда, что вашъ отзывъ о вашихъ почитателяхъ вдвойнѣ не хорошъ.

Я понимаю необходимость иногда щелкнуть глупца, который своими похвалами, своимъ восторгомъ ко мнѣ только дѣлаетъ меня смѣшнымъ, но и эта необходимость тяжела, потому что какъ-то по человѣчески не ловко даже за лож-

ную любовь платить враждою. Но вы имѣли въ виду людей, если не съ отличнымъ умомъ, то все же и не глупцовъ. Эти люди въ своемъ удивленіи къ вашимъ твореніямъ надѣлали, быть можетъ, гораздо больше восклицаній, нежели сколько высказали о нихъ дѣла; но все же ихъ энтузіазмъ къ вамъ выходитъ изъ такого чистаго и благороднаго источника, что вамъ вовсе не слѣдовало бы выдавать ихъ головою общимъ ихъ и вашимъ врагамъ, да еще вдобавокъ обвинить ихъ въ намѣреніи дать какой-то превратный толкъ вашимъ сочиненіямъ. Вы, конечно, сдѣлали это по увлеченію главною мыслію вашей книги и по неосмотрительности, а Вяземскій, этотъ князь въ аристократіи и холопъ въ литературѣ, развилъ вашу мысль и напечаталъ на вашихъ почитателей (стало быть, на меня болѣе всѣхъ) частный доносъ. Онъ это сдѣлалъ, вѣроятно, въ благодарность вамъ за то, что вы его, плохого риѳмоплета, произвели въ великіе поэты, кажется сколько я помню за его „вялый, влачащійся по землѣ стихъ“. Все это не хорошо. А что вы ожидали только времени, когда вамъ можно будетъ отдать справедливость и почитателямъ вашего таланта (отдавши ее съ гордымъ смиреніемъ вашимъ врагамъ), этого я не зналъ, не могъ, да, признаться, и не захотѣлъ бы знать. Передо мною была ваша книга, а не ваши намѣренія: я читалъ ее и перечитывалъ сто разъ и все-таки не нашелъ въ ней ничего, кромѣ того, что̀ въ ней есть, а то, что̀ въ ней есть, глубоко возмутило и оскорбило мою душу.

Если бы я далъ полную волю моему чувству, письмо это скоро бы превратилось въ толстую тетрадь. Я никогда не думалъ писать къ вамъ объ этомъ предметѣ, хотя и мучительно желалъ этого, и хотя вы всѣмъ и каждому печатно дали право писать къ вамъ безъ церемоній, имѣя въ виду одну правду. Живя въ Россіи, я не могъ бы этого сдѣлать, ибо тамошніе „Шпекины“ распечатываютъ чужія письма не изъ одного личнаго удовольствія, но и по долгу

службы, ради доносовъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ начинающаяся чахотка прогнала меня за границу. Неожиданное полученіе вашего письма дало мнѣ возможность высказать вамъ все, что̀ лежало у меня на душѣ противъ васъ по поводу вашей книги. Я не умѣю говорить въ половину, не умѣю хитрить; это не въ моей натурѣ. Пусть вы или само время докажетъ, что я заблуждался въ моихъ объ васъ заключеніяхъ. Я первый порадуюсь этому, но не раскаюсь въ томъ, что сказалъ вамъ. Тутъ дѣло идетъ не о моей или вашей личности, и о предметѣ, который гораздо выше не только меня, но даже и васъ; тутъ дѣло идетъ объ истинѣ, о русскомъ обществѣ, о Россіи. И вотъ мое послѣднее заключительное слово: если вы имѣли несчастіе съ гордымъ смиреніемъ отречься отъ вашихъ истинно великихъ произведеній, то теперь вамъ должно съ искреннимъ смиреніемъ отречься отъ послѣдней вашей книги, и тяжкій грѣхъ ея изданія въ свѣтъ искупить новыми твореніями, которыя бы напомнили вамъ прежнія".

Когда Бѣлинскій писалъ это письмо, съ нимъ въ Зальцбрунѣ находился Анненковъ, который разсказываетъ въ „Замѣчательномъ десятилѣтіи" нѣкоторыя любопытныя подробности, относящіяся къ этому моменту. Какъ бы предчувствуя все значеніе своего письма къ Гоголю, Бѣлинскій снялъ съ него самъ копію и позволилъ Анненкову снять другую, прибавивши при этомъ такія слова: „надо всѣми силами спасать людей отъ взбѣсившагося человѣка, хотя бы взбѣсившійся былъ самъ Гомеръ. Что же касается до моего оскорбленія Гоголя, то я никогда не могу оскорбить его такъ, какъ онъ оскорбилъ меня въ душѣ моей, въ моей вѣрѣ въ него". Когда затѣмъ Анненковъ уѣхалъ въ Парижъ и прочелъ письмо Бѣлинскаго Герцену, то послѣдній сказалъ: „это геніальная вещь, но это, кажется, и его завѣщаніе" [1]).

---

[1]) Замѣчательное десятилѣтіе. «Вѣст. Евр. 1880. Май, стр. 55—56.

Герценъ не ошибся. Заграничное путешествіе не принесло пользы для здоровья Бѣлинскаго и злая чахотка дѣлала свое разрушительное дѣло. Возвратясь въ Петербургъ, Бѣлинскій энергично принялся за журнальную работу, но скоро она стала ему не подъ силу. Дѣло дошло уже до того, что онъ не могъ писать самъ и лишь диктовалъ другимъ свои статьи и рецензіи...

„Разъ зашелъ я утромъ къ Бѣлинскому,—разсказываетъ Панаевъ, — это было въ послѣднихъ числахъ апрѣля или первыхъ мая (1848 года) На дворъ, подъ деревья вынесли диванъ — и Бѣлинскаго вывели подышать чистымъ воздухомъ. Я засталъ его уже на дворѣ. Онъ сидѣлъ на диванѣ, опустя голову и тяжело дыша. Увидѣвъ меня, онъ грустно покачалъ головою и протянулъ мнѣ руку, всю покрытую холоднымъ потомъ. Черезъ минуту онъ приподнялъ голову, взглянулъ на меня и сказалъ: „плохо мнѣ, плохо, Панаевъ!“ Я началъ было нѣсколько словъ въ утѣшеніе, но онъ перебилъ меня: „полноте говорить вздоръ!“ — и снова, молча и тяжело дыша, опустилъ голову“....

Въ послѣдніе дни Бѣлинскаго „хозяинъ русской литературы“ генералъ Дубельтъ „пожелалъ познакомиться“ съ Бѣлинскимъ, и послѣдній былъ оставленъ въ покоѣ лишь благодаря безнадежному состоянію его здоровья. Знаменитая картина Наумова изображаетъ моментъ появленія въ квартирѣ Бѣлинскаго посланныхъ отъ „хозяина русской литературы“..... Извѣстно, что главнѣйшимъ обвиненіемъ противъ Достоевскаго служилъ фактъ прочтенія имъ на собраніи у Петрашевскаго „письма Бѣлинскаго къ Гоголю“ и что за это Достоевскій былъ приговоренъ къ разстрѣлянію. Уже по этому одному можно судить о судьбѣ, которая ожидала самого автора „письма“. Отъ такой судьбы избавила Бѣлинскаго лишь смерть...

Разсказываютъ, что за нѣсколько минутъ до смерти Бѣлинскій вскочилъ съ постели и, обращаясь какъ бы къ

стоящему въ комнатѣ народу, сталъ произносить рѣчь на извѣстныя темы.... Въ этой потрясающей картинѣ современники видѣли что-то пророческое и они были вполнѣ правы... Бѣлинскому уготовано великое мѣсто среди вождей земли русской, ея трудящагося населенія...

Бѣлинскій умеръ двадцать шестого мая 1848 года.

Немногіе друзья, разсказываетъ Панаевъ, проводили прахъ почившаго критика на Волково кладбище, смущенно озираясь на вдругъ откуда-то взявшихся у могилы Бѣлинскаго нѣсколькихъ „неизвѣстныхъ людей", съ величайшимъ вниманіемъ слѣдившихъ за всѣмъ происходившимъ на кладбищѣ, хотя, въ сущности, слѣдить было рѣшительно незачѣмъ...

Самое имя Бѣлинскаго стало запретнымъ. Оно перестало совершенно произноситься въ литературѣ и въ первыхъ главахъ своихъ „Очерковъ гоголевскаго періода русской литературы", печатавшихся уже въ царствованіе Александра II, Чернышевскій все еще не могъ назвать Бѣлинскаго по имени и глухо называлъ его критикомъ описываемаго періода русской литературы [1]).

И, однако, не взирая на всѣ строгости, имя Бѣлинскаго стало тогда же однимъ изъ знаменитѣйшихъ именъ въ Россіи. Извѣстный славянофилъ Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, человѣкъ, находившій вліяніе Бѣлинскаго „вреднымъ и дурнымъ", писалъ къ своему отцу съ юга Россіи въ 1856 году (т. е. въ то время, когда еще нельзя было на-

---

[1]) Опалѣ надъ памятью Бѣлинскаго не приходится, впрочемъ особенно удивляться, если вспомнить, что подобная же судьба постигла и память..... Гоголя! «Послѣ смерти Гоголя,—разсказываетъ князь Д. А. Оболенскій,—сначала цензорамъ объявлено было приказаніе строго цензуровать все, что касается Гоголя и, наконецъ, объявлено было совершенное запрещеніе говорить о Гоголѣ». (Воспоминанія князя Д. А. Оболенскаго. «Русская Старина». 1873 года, декабрь. стр. 949).

зывать въ литературѣ Бѣлинскаго по имени) слѣдующія строки:

„Бѣлинскій имѣлъ огромное вліяніе на общество, *вредное, дурное*, но все же громадное вліяніе. Много я ѣздилъ по Россіи. Имя Бѣлинскаго извѣстно каждому, сколько-нибудь мыслящему юношѣ, всякому жаждущему свѣжаго воздуха среди вонючаго болота провинціальной жизни. Нѣтъ ни одного учителя гимназіи въ губернскомъ городѣ, *который не зналъ бы наизустъ письма Бѣлинскаго къ Гоголю*. Въ отдаленныхъ краяхъ Россіи только теперь проникаетъ это вліяніе и увеличивается число прозелитовъ Бѣлинскаго. Тутъ нѣтъ ничего страннаго. Всякое рѣзкое отрицаніе нравится молодежи, всякое негодованіе, всякое требованіе простора, правды, принимается съ восторгомъ тамъ, гдѣ сплошная мерзость, гнетъ, рабство, подлость грозятъ поглотить человѣка, осадить, убить въ немъ все человѣческое. „*Мы Бѣлинскому обязаны своимъ спасеніемъ*“, говорятъ мнѣ вездѣ молодые, честные люди въ провинціи. И, въ самомъ дѣлѣ, въ провинціи вы можете видѣть два класса людей: съ одной стороны взяточниковъ, чиновниковъ въ полномъ смыслѣ этого слова, жаждущихъ лентъ, крестовъ и чиновъ, помѣщиковъ, презирающихъ идеологовъ, привязанныхъ къ своему барскому достоинству и крѣпостному праву, вообще, довольно гнусныхъ. Вы отворачиваетесь отъ нихъ, обращаетесь къ другой сторонѣ, гдѣ видите людей молодыхъ, честныхъ, возмущающихся зломъ и гнетомъ, поборниковъ эмансипаціи и всякаго простора, съ идеями, гуманныхъ.... И, если вамъ нужно честнаго человѣка, способнаго сострадать болѣзнямъ и несчастьямъ угнетенныхъ, честнаго доктора, честнаго слѣдователя, который полѣзъ бы на борьбу,— *ищите таковаго въ провинціи между послѣдователями Бѣлинскаго* [1]).

---

[1]) Письма И. С. Аксакова. т. III. стр. 290—291.

Вотъ каково то вліяніе Бѣлинскаго, которое самъ авторъ письма называетъ „вреднымъ“ и „дурнымъ“. Это, конечно, указываетъ на ту пропасть, которая лежала между понятіями о вещахъ у славянофиловъ и западниковъ. Конечно, Аксаковъ не могъ не признавать, что проповѣдь Бѣлинскаго честности, стойкости, мужества и пр.—вещи хорошія, но рядомъ съ этимъ Бѣлинскій проповѣдывалъ и нѣчто такое, что, по мнѣнію Аксакова, перевѣшивало вліяніе Бѣлинскаго въ „дурную“, „вредную“ сторону и этомъ для Аксакова вопросъ рѣшался.... Такъ думалъ Аксаковъ и другіе славянофилы, но, если-бы Бѣлинскій могъ узнать изъ могилы про вышецитированное письмо Ивана Сергѣевича къ Сергѣю Тимофеевичу Аксакову, то онъ снова могъ бы лечь въ гробъ съ большимъ нравственнымъ удовлетвореніемъ. Во многихъ отношеніяхъ дѣло его жизни, сказалъ бы онъ, все-таки было сдѣлано.....

Извѣстно, что И. С. Тургеневъ просилъ похоронить себя *у ногъ* Бѣлинскаго и, хотя это по нѣкоторымъ причинамъ исполнено не было, но самый фактъ подобной просьбы Тургенева ясно указываетъ на отношеніе знаменитаго романиста къ приснопамятному критику.

Наивная и страстная душа
Въ комъ помыслы прекрасные кипѣли,
Упорствуя, волнуясь и спѣша.

Такъ вспоминалъ Бѣлинскаго въ одномъ изъ своихъ стихотвореній Н. А. Некрасовъ.

Да позволено намъ будетъ замѣнить здѣсь слово „наивная“ словомъ „великая“ и произнести это стихотвореніе такъ:

Великая и страстная душа
Въ комъ помыслы прекрасные кипѣли,
Упорствуя, волнуясь и спѣша.....

Александръ Ивановичъ

ГЕРЦЕНЪ.

Немного найдется среди русскихъ людей такихъ литературныхъ и общественныхъ дѣятелей, жизнь которыхъ по богатству внѣшнихъ событій, разнообразію впечатлѣній и обилію яркихъ красокъ могла бы сравниться съ жизнью Александра Ивановича Герцена. Какою-то сверкающею полосою проходитъ эта жизнь среди замѣчательнѣйшихъ событій русской и европейской исторіи. Какихъ только сторонъ русской жизни не извѣдалъ Александръ Ивановичъ, какихъ только выдающихся явленій современной ему европейской дѣйствительности такъ или иначе онъ не коснулся! Точно въ калейдоскопѣ группируются въ его произведеніяхъ лица и событія, знакомство лишь съ половиною которыхъ могло бы наполнить жизнь другого очень богатымъ содержаніемъ. Обломки придворнаго міра Екатерины, мелькавшіе вокругъ Ивана Алексѣевича Яковлева, и отголоски декабрьской бури 1825 года, московскій университетъ въ одну изъ его лучшихъ эпохъ и невольное странствованіе по Перми, Вяткѣ и Новгороду, Бѣлинскій и Константинъ Аксаковъ, Хомяковъ и Чаадаевъ, Бакунинъ и Катковъ, Грановскій и Самаринъ,— все это и многое другое составляло содержаніе міра, въ которомъ вращался Герценъ до тридцати пяти лѣтъ. А затѣмъ? Затѣмъ поѣздка въ Европу,— бури 1848 года въ Италіи и Франціи, Voix du Peuple, Прудонъ, Викторъ Гюго, Луи Бланъ, бѣгство въ Женеву, переѣздъ въ Лондонъ, Ледрю Ролленъ, Кошутъ, Маццини, Ворцель, Марксъ, Гарибальди, Орсини, „Полярная Звѣзда“, „Колоколъ“, его колоссальный успѣхъ, поломничество выдающихся русскихъ людей на берега Темзы къ „властителю думъ“, польское возстаніе, паденіе „Коло-

кола", скитальчество по Европѣ и смерть въ Парижѣ... Таковъ короткій и далеко не полный перечень событій внѣшней жизни Герцена. Если прибавить сюда необыкновенно богато одаренную отъ природы, многостороннюю и развитую, затѣмъ исключительными условіями жизни натуру Герцена, его острый умъ и блестящій литературный талантъ, то представленіе о значеніи, которое долженъ былъ имѣть въ судьбахъ русской жизни Александръ Ивановичъ, станетъ въ достаточной степени яснымъ. Тѣмъ не менѣе, мы далеки отъ того, чтобы слагать Герцену панегирикъ. Въ его воззрѣніяхъ было, по нашему мнѣнію, не мало ошибокъ и заблужденій, посильное разъясненіе и истолкованіе которыхъ и составитъ одну изъ главнѣйшихъ задачъ настоящей работы; но Герценъ и за всѣмъ тѣмъ остается, конечно, для насъ Герценомъ, однимъ изъ ослѣпительно-яркихъ писателей и общественныхъ дѣятелей Россіи.

При разсмотрѣніи жизни и дѣятельности такихъ людей, какъ Герценъ, критическій элементъ является дѣломъ особенно необходимымъ. Относиться критически къ человѣку не значитъ не уважать его. Есть такая степень уваженія, говорилъ Н. Г. Чернышевскій, разбирая нѣкоторые взгляды Бѣлинскаго, при которыхъ уже не страшно подходить къ объекту уваженія съ критической мѣркой. Такую же мысль можно найти и у самого Герцена:

„Я дурно сдѣлалъ,—писалъ онъ въ IX томѣ своихъ Сочиненій,—что выпустилъ въ напечатанномъ отрывкѣ нѣсколько страницъ о Маццини; его усѣченная фигура вышла не такъ ясно... Сдѣлано было это мною изъ деликатности, но эта деликатность *мелка* для Маццини. О такихъ людяхъ нечего умалчивать, *ихъ щадить нечего*" [1]).

Выраженія, что такая деликатность по отношенію къ Маццини „мелка", и что такихъ людей „щадить нечего", на-

[1]) Сочиненія, т. IX, стр. 199.

печатаны курсивомъ самимъ Герценомъ. Да, именно такъ. Такія люди ни въ какой „пощадѣ“ не нуждаются, ихъ фигуры должны стоять во весь ростъ, имъ нечего бояться, нечего стыдиться, нечего скрывать. Въ самыхъ теоретическихъ ошибкахъ и заблужденіяхъ Герцена можно и должно находить *глубокія поученія для настоящаго и будущаго*, ибо въ чемъ же другомъ и состоялъ весь смыслъ жизни замѣчательнѣйшаго писателя и огромнаго значенія общественнаго дѣятеля, какъ не въ томъ, чтобы быть *полезнымъ Россіи, людямъ вообще, человѣчеству*?..

Говоря все это, мы, конечно, ни на минуту не забываемъ о томъ, что для всесторонней оцѣнки жизни и дѣятельности Герцена время еще далеко не наступило. Самая русская литература о Герценѣ,—если принять во вниманіе ту огромную роль, которую игралъ этотъ человѣкъ не только въ Россіи, но и въ Европѣ,—отличается большою бѣдностью. Два-три некролога, появившіеся въ нашихъ журналахъ, непосредственно послѣ смерти Герцена, Воспоминанія Татьяны Пассекъ („Изъ дальнихъ лѣтъ“), статья г. Скабичевскаго въ полномъ собраніи его сочиненій, статья Страхова въ первомъ томѣ его „Борьбы съ Западомъ“, статьи Е. Некрасовой (въ сентябрской книжкѣ „Сѣвернаго Вѣстника“ за 1885 годъ и Сборникѣ Общества любителей россійской словесности „Починъ“ за 1896 годъ), нѣкоторыя біографическія данныя въ книгѣ г. Пыпина „Бѣлинскій, его жизнь и переписка“, „біографическіе наброски“ г. Смирнова, извлеченіе изъ которыхъ дало матеріалъ для статьи объ Искандерѣ г. Вѣтринскаго въ его книгѣ „Въ сороковыхъ годахъ“, статья г. А—жина въ „Энциклопедическомъ Словарѣ“ Брокгауза, статья г. Бѣлозерскаго въ ноябрской книжкѣ „Вѣстника Европы“ за 1898 годъ, переписка Герцена съ невѣстой и друзьями, печатавшаяся въ разное время въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, „Русской Мысли“, „Новомъ Словѣ,“ и отдѣльными изданіями, статьи объ отношеніяхъ между Герценомъ и Тургеневымъ, печа-

тавшимся въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ и „Вѣстникѣ Всемірной Исторіи“ за 1900 годъ, воспоминанія Анненкова, Панаевой - Головачевой, Бѣлоголоваго и еще нѣсколькихъ лицъ,—этимъ, кажется, и исчерпывается вся появившаяся на русскомъ языкѣ за послѣдніе тридцать лѣтъ литература о Герценѣ. Сюда, конечно, не входятъ многочисленные журнальныя и газетныя статьи, появившіяся въ печати въ январѣ 1900 года по случаю истекшаго тридцатилѣтія со дня смерти Герцена. Само собою разумѣется, что такая бѣдность литературы о Герценѣ имѣетъ свое полное оправданіе въ условіяхъ русской жизни, но мы лишь констатируемъ фактъ и только. Слѣдуетъ еще замѣтить, что почти всѣ перечисленныя работы о Герценѣ ограничиваются преимущественно сообщеніемъ о немъ свѣдѣній фактическаго характера и страдаютъ бѣдностью, а иногда и полнымъ отсутствіемъ критическаго элемента. Это замѣчаніе не относится, разумѣется, къ книгѣ г. Страхова, но, будучи отмѣчена печатью особой „самобытности“, книга эта не представляетъ собою сколько-нибудь серьезнаго научнаго труда.

Въ иностранной литературѣ, кромѣ любопытной въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ работы Бакунина „La theologie politique de Mazzini et l'Internationale“, обращаютъ на себя большое вниманіе статья Фридриха Алтхауса „Alexandr Herzen“ въ VIII книжкѣ журнала „Unsere Zeit“ (Deutsche Ruvue der Gegenwart) за 1872 годъ (стр. 20—56), книга „Die socialipolitischen Ideen Alexander Herzens“. Von Dr. Otto von Sperber. Leipzig. 1894 года и рецензія на послѣднюю, написанная по нѣмецки г. Іоласомъ.

Отецъ Герцена родовитый русскій бояринъ Иванъ Алексѣевичъ Яковлевъ служилъ въ екатерининскія времена офицеромъ гвардіи. Какъ и многіе изъ его, принадлежавшихъ къ высшему петербургскому обществу, современниковъ, Яковлевъ упивался просвѣтительной литературой Франціи конца

XVIII вѣка, былъ „либеральнаго“ образа мыслей по вопросамъ религіи и политики, но опять таки, какъ и у многихъ другихъ, его „свободомысліе“ вполнѣ уживалась и съ аристократическою спесью, и съ владѣніемъ крѣпостными душами, и со многимъ другимъ. Остонавливаясь на этого рода людяхъ, умѣвшихъ одновременно восторгаться сочиненіями Руссо и держать цѣлые гаремы изъ крѣпостныхъ дѣвушекъ, г. Ключевскій мѣтко называетъ ихъ „психологическими курьезами. Именно къ такимъ «психологическимъ курьезамъ“ принадлежалъ и Иванъ Алексѣевичъ Яковлевъ. Въ царствованіе Павла, когда на все, напоминавшее екатерининскія времена, обрушилась жестокая опала, Яковлевъ уѣхалъ заграницу и колесилъ безъ опредѣленной цѣли по всей Европѣ въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ. Въ Штутгардтѣ онъ сошелся съ нѣмкою Луизою Гаагъ, впослѣдствіи матерью Герцена. Аристократическіе предразсудки Ивана Алексѣевича не позволили ему рѣшиться на „mesalliance“, и Луиза Гаагъ стала лишь подругою его сердца (Herz), откуда и произошла фамилія Александра Ивановича. Передъ наступленіемъ войны Россіи съ Наполеономъ Яковлевъ вернулся вмѣстѣ съ Луизой Гаагъ въ Россію и поселился въ Москвѣ, гдѣ двадцать пятаго марта 1812 года и родился ихъ первенецъ „Шушка“. Малюткѣ было всего нѣсколько мѣсяцевъ, когда въ Москву вступили французы. Спасаясь изъ объятой пламенемъ столицы, Яковлевъ встрѣтилъ на улицѣ своего парижскаго знакомаго маршала Мортье, который поспѣшилъ доложить о „grand seigneur russe“ императору Наполеону. Черезъ нѣсколько дней Наполеонъ пригласилъ Яковлева въ кремлевскій дворецъ и обѣщалъ ему свободный пропускъ вмѣстѣ съ семействомъ, если „grand seigneur russe“ возьмется отвести его собственоручное письмо къ императору Александру Первому въ Петербургъ. Яковлевъ согласился и, отправивши семью въ Ярославль, поѣхалъ въ Петербургъ и передалъ письмо Наполеона для доставленія по принад-

лежности Аракчееву. Дальнѣйшая судьба этого письма въ точности неизвѣстна.

По окончаніи войны съ Наполеономъ Яковлевъ и его братъ Левъ Алексѣевичъ, такъ часто упомянаемый въ замѣткахъ Герцена подъ именемъ „сенатора",—поселились снова въ Москвѣ. „Прозѣвавъ нѣсколько лѣтъ заграницей,—разсказывалъ много лѣтъ спустя въ своихъ запискахъ Герценъ,—Иванъ Алексѣевичъ и сенаторъ хотѣли устроить жизнь на иностранный манеръ безъ большихъ тратъ и съ сохраненіемъ всѣхъ русскихъ удобствъ. Жизнь на иностранный манеръ не устраивалась,—оттого ли, что не умѣли сладить, оттого ли, что помѣщичья натура брала верхъ надъ иностранными привычками. Хозяйство было общее, имѣнье нераздѣльное, огромная дворня заселяла нижній этажъ дома, всѣ условія безпорядка были на лицо. Пока сенаторъ жилъ вмѣстѣ съ Иваномъ Алексѣевичемъ, общей прислуги было человѣкъ до шестидесяти, кромѣ ребятишекъ, которыхъ пріучали къ праздности, лѣни, лганью"...

Братья Яковлевы различались между собою въ очень многомъ, но сходились въ самой безпардонной барской безалаберности. Левъ Алексѣевичъ также вращался всю жизнь въ аристократическихъ и дипломатическихъ кругахъ, ѣздилъ по порученію графа Воронцова, къ лорду Гренвилю, чтобы узнать о намѣреніяхъ генерала Бонапарта, находился въ Парижѣ во время изгнаніи Наполеона, былъ очевидцемъ и участникомъ многихъ историческихъ событій конца XVIII и первыхъ двухъ десятилѣтій XIX вѣка,—но все это какъ то скользнуло около него, не только не задѣвши его сколько нибудь глубоко, но даже не произведя на него опредѣленнаго впечатлѣнія. И это происходило вовсе не отъ апатичности характера Льва Алексѣевича. Напротивъ,—это былъ человѣкъ очень живой, вѣчно чѣмъ то занятый, куда то торопящійся, озабоченный... По возвращеніи изъ заграницы въ Москву, онъ былъ произведенъ „въ дѣйствительные

камергеры“ и назначенъ сенаторомъ, членомъ опекунскаго совѣта и еще чѣмъ то. „Посѣщалъ онъ всѣ эти учрежденія чрезвычайно аккуратно, хотя пользы изъ того не было рѣшительно никому: онъ ѣздилъ въ сенатъ не имѣя понятія о русскихъ законахъ также, какъ являлся на всѣ балы, обѣды, торжественныя собранія обществъ,—все равно какихъ,—агрономическихъ, медицинскихъ, страховыхъ, естествоиспытателей, археологовъ“... Такъ текла жизнь этого молодаго старца до семидесяти пяти лѣтъ, когда онъ скончался также легко, какъ и жилъ.

Съ такой же барской закваской, но человѣкомъ совершенно другаго характера былъ Иванъ Алексѣевичъ.

„Нельзя,—разсказываетъ о немъ въ своихъ запискахъ Герценъ, — представить больше противоположнаго вѣчно движущемуся, сангвиническому сенатору, какъ его брата. Иванъ Алексѣевичъ, вѣчно капризный, почти никогда не выходилъ со двора и ненавидѣлъ весь оффиціальный міръ. У него было тоже восемь лошадей (прескверныхъ), но его конюшня была вродѣ богоугоднаго заведенія для клячъ. Онъ держалъ ихъ отчасти для того, чтобы два кучера и два форейтора имѣли какое нибудь занятіе сверхъ хожденія за „Московскими Вѣдомостями“ и пѣтушиныхъ боевъ.

Иванъ Алексѣевичь рѣдко бывалъ въ хорошемъ расположеніи духа и постоянно былъ всѣмъ недоволенъ: человѣкъ большаго ума, большой наблюдательности, онъ бездну видѣлъ, слышалъ, помнилъ; свѣтскій человѣкъ, accompli, онъ могъ быть чрезвычайно любезенъ и занимателенъ, но онъ не хотѣлъ этого и все болѣе и болѣе впадалъ въ капризное отчужденіе отъ всѣхъ. Откуда происходила злая насмѣшка и раздраженіе, наполнявшія его душу, недовѣрчивое удаленіе отъ людей и досада, снѣдавшая его? Развѣ онъ унесъ въ могилу какое нибудь воспоминаніе, которое никому не довѣрилъ или это было просто слѣдствіе встрѣчи двухъ культуръ до того противоположныхъ, какъ восемнадцатый

вѣкъ и русская жизнь, при посредствѣ третьей, ужасно способствующей развитію праздности. Прошлое столѣтіе произвело удивительный кряжъ людей на Западѣ, особенно во во Франціи, со всѣми слабостями регентства, со всѣми силами Спарты и Рима. Эти Фоблазы и Регулы вмѣстѣ, отворили настежъ двери революціи и первые ринулись въ нее, поспѣшно толкая другъ друга, чтобы выйти въ „окно“ гильотины. Нашъ вѣкъ не производитъ больше этихъ цѣльныхъ, сильныхъ натуръ; прошлое столѣтіе, напротивъ, вызывало ихъ вездѣ, даже тамъ, гдѣ онѣ не были нужны, гдѣ они не могли иначе развиться, какъ въ уродство. Въ Россіи люди подвергнувшіеся вліянію этого мощнаго западнаго вѣянія, не вышли историческими людьми, а людьми оригинальными. Иностранцы—въ чужихъ краяхъ, праздные зрители, испорченные для Россіи западными предразсудками, для запада—русскими привычками, они представляли какую то *умную ненужность* и потерялись въ искусственной жизни, въ чувственныхъ наслажденіяхъ и нестерпимомъ эгоизмѣ“.

Характеризуя своего отца, Герценъ вышелъ здѣсь очень далеко за предѣлы простой характеристики и далъ нѣчто несравненно большее. „Встрѣча двухъ культуръ“ породила на русской почвѣ еще въ самомъ началѣ XIX вѣка типъ „умной ненужности“. Идейныя дѣти Европы, они по „субстаціи“ своей оставались сынами русскихъ условій жизни. Не встрѣчая никакой почвы для приложенія своихъ взглядовъ къ русской дѣйствительности, „умная ненужность“ эта „потерялась въ искусственной жизни, въ чувственныхъ наслажденіяхъ и нестерпимомъ эгоизмѣ“. Но послѣднее зависѣло преимущественно отъ того, что носителями „европейской культуры“ явились почти исключительно люди самаго высшаго круга въ Россіи, баре, отличавшіеся „широкой русской натурой“, не привыкшей ни къ какому нравственному самообузданію. Пришли другія времена, „нестерпимый эгоизмъ“ смѣнился самыми благороднѣйшими побужденіями,

но скрещиваніе европейскихъ идей и русскихъ порядковъ продолжало систематически производить въ Россіи „умныя ненужности“. Развѣ не признавалъ самого себя и свой кругъ, т. е. кругъ лучшихъ, интеллигентнѣйшихъ русскихъ людей, много лѣтъ спустя „умными ненужностями“ тотъ же Герценъ, когда писалъ, что „мы находимся *внѣ народныхъ потребностей*“. Страшное сознаніе это неизбѣжно должно было привести къ взгляду на себя, какъ на „умную ненужность“. „Умную“, потому что она сознала и не побоялась высказать страшную правду, „ненужность“ — потому что эта простая перефраза выраженія: „внѣ народныхъ потребностей“... Да и что такое столь извѣстный въ Россіи типъ русскаго „лишняго человѣка“, какъ не типъ той же „умной ненужности“?

Прочтите слѣдующія раздирающія душу строки изъ XXVIII главы „Былого и Думъ“.

„Поймутъ ли, оцѣнятъ ли грядущіе люди весь ужасъ, всю *трагическую сторону* нашего существованія?.. Поймутъ ли они, отчего мы лѣнтяи, отчего ищемъ всякихъ наслажденій, пьемъ вино и пр.?... Отчего въ минуту восторга не забываемъ тоски?.. О, пусть они остановятся съ мыслью и съ грустью передъ камнями, подъ которыми мы уснемъ: мы заслужили ихъ грусть“...

Разсказавши объ одной статьѣ, напечатанной въ „Отечественныхъ Запискахъ“ по поводу „Мертвыхъ Душъ“, Герценъ писалъ: „перечитываніе строкъ задушило меня какой-то безвыходной грустью: Русь такъ живо представилась мнѣ, современный вопросъ такъ болѣзненно повторялся, что я готовъ былъ рыдать. Дологъ сонъ, тяжелъ. *За что мы проснулись*,—спать бы себѣ, спать, *какъ все около!*“...

„За что мы проснулись?“—Вникните въ смыслъ этой фразы. „За что?“ Вѣдь здѣсь взглядъ на жизнь, какъ на *возмездіе* за что-то... Это взглядъ отчаянія. Въ чемъ же

дѣло? А въ томъ, что, какъ сказалъ въ другомъ мѣстѣ Герценъ, „западная либеральная партія (западники) тогда только получитъ силу и народную поддержку (т. е. перестанетъ быть „внѣ народныхъ потребностей"), когда овладѣетъ темами славянофиловъ" [1]). Вотъ задача, которую надо было рѣшить и которую, увы, не рѣшили ни Герценъ, ни послѣдующее поколѣніе лучшихъ русскихъ людей. *Принять* экономическую программу славянофильства—не значило „овладѣть темами", а значило, наоборотъ, сдѣлать вопросъ о европеизаціи Россіи, о пріобщеніи ея къ семьѣ европейскихъ народовъ еще болѣе неразрѣшимымъ. Въ нѣкоторомъ смыслѣ это былъ *шагъ назадъ*. Да не подумаетъ читатель, что мы кого бы то ни было винимъ въ этомъ. Съ нашей точки зрѣнія самая возможность иного рѣшенія вопроса въ позднѣйшее время вышла вовсе не въ качествѣ Минервы изъ головы какого-нибудь Юпитера, а создалась на почвѣ новыхъ общественно-экономическихъ отношеній въ Россіи, тѣхъ отношеній, которыя еще не имѣли мѣста ни въ семидесятыхъ годахъ, ни тѣмъ болѣе въ эпоху Герцена, и потому глаголъ „винить" въ данномъ случаѣ во всѣхъ отношеніяхъ неумѣстенъ. Можно говорить лишь о тѣхъ, которые и въ настоящую минуту этого не понимаютъ и, не смотря на свои прогрессивнѣйшія убѣжденія, тащатъ Россію, насколько это отъ нихъ зависитъ, *назадъ*...

Но вернемся къ дѣтскимъ годамъ Александра Ивановича.

Старикъ Яковлевъ почти не выходилъ изъ дома, вѣчно лѣчился, брюзжалъ и, будучи въ сущности совсѣмъ не злымъ человѣкомъ, мучилъ всѣхъ его окружающихъ. Роль въ домѣ Яковлева Луизы Гаагъ нетрудно себѣ представить. Это тихое, кроткое существо старалось только о томъ, чтобы его какъ можно меньше замѣчали. Мечтательная нѣмка, любя-

---

[1]) Анненковъ.—«Идеалисты тридцатыхъ годовъ». Вѣст. Евр. 1883 г. апрѣль, стр. 525.

щая мать,—она оказала далеко не безслѣдное вліяніе на своего даровитаго сына. Въ разговорахъ съ нею изучилъ Герценъ нѣмецкій языкъ, благодаря ея библіотекѣ, рано познакомился онъ съ твореніями Шиллера, любимаго автора Луизы. Чтеніе Шиллера произвело на Герцена огромное впечатлѣніе. Благодарное воспоминаніе и признаніе заслугъ нѣмецкаго идеалиста онъ сохранилъ на всю жизнь. „Поэзія Шиллера,—писалъ онъ уже въ совершенно зрѣлыхъ лѣтахъ,—не потеряла для меня своей прелести. Еще недавно перечитывалъ я моему сыну „Валленштейна“! Кто не цѣнитъ болѣе Шиллера, тотъ или слишкомъ старъ, или педантъ или человѣкъ окаменѣлый, у котораго убитъ духъ“. Еще въ болѣе теплыхъ выраженіяхъ говорилъ онъ о Шиллерѣ въ статьѣ „Записки одного молодого человѣка“, помѣченной Владиміромъ на Клязьмѣ и 1838 годомъ. „Шиллеръ! благословляю тебя; тебѣ обязанъ я святыми минутами начальной юности! Сколько слезъ лилось изъ глазъ моихъ на твои поэмы! Какой алтарь я воздвигнулъ тебѣ въ душѣ моей. Ты по превосходству поэтъ юношества. Тотъ же мечтательный взоръ, обращенный на одно будущее, „туда, туда!“; тѣже чувства благородныя, энергическія, увлекательныя; таже любовь къ людямъ и таже симпатія къ современности... Однажды взявъ Шиллера въ руки, я не покидалъ его и теперь, въ грустныя минуты, его чистая пѣснь врачуетъ меня“ [1]). Въ библіотекѣ матери нашелъ Герценъ также Лафонтена, Коцебу, Гете и другихъ нѣмецкихъ авторовъ, раннее знакомство съ которыми будило его умъ и чувство. Французскій языкъ Герценъ изучилъ также практически въ разговорахъ съ отцомъ и гувернеромъ. У Яковлева была богатая библіотека почти исключительно изъ французскихъ писателей XVIII в.

---

[1]) «Записки одного молодого человѣка». Въ сборникѣ «Раздумье» (разныя варіаціи на статьи и темы), изданномъ въ Москвѣ въ 1870 году, стр. 23.

и такимъ образомъ и этотъ источникъ просвѣщенія рано сдѣлался доступенъ мальчику. Отъ гувернеровъ, выходцевъ изъ Франціи, узналъ Герценъ о событіяхъ французской революціи и любилъ разсказывать о нихъ въ самыхъ юныхъ годахъ своей кузинѣ,—впослѣдствіи автору трехтомныхъ „воспоминаній“ („Изъ дальнихъ лѣтъ“),—Татьянѣ Пассекъ. Обученіе обычнымъ предметамъ т. е. всякимъ грамматикамъ и реторикамъ шли изъ рукъ вонъ плохо и пошло иначе только послѣ того, какъ одинъ изъ учителей Герцена, студентъ медицины Иванъ Евдокимовичъ Протопоповъ, сталъ разсказывать своему ученику о литературныхъ явленіяхъ послѣдняго времени и въ особенности о Пушкинѣ.

„Въ чемъ собственно состояло преподаваніе словесности Ивана Евдокимовича—вспоминаетъ впослѣдствіи Герценъ,—мудрено сказать; это было какое-то отрицательное преподаваніе. Принимаясь за реторику, онъ объявилъ мнѣ, что она пустѣйшая вѣтвь изъ всѣхъ вѣтвей и сучковъ древа познанія добра и зла, вовсе не нужная, ибо „кому Богъ не далъ красно говорить, того ни Квинтиліанъ, ни Цицеронъ не научатъ, а кому далъ, тотъ родился съ реторикой“. Послѣ такого введенія онъ началъ по порядку толковать о фигурахъ, метафорахъ, хріяхъ. Потомъ онъ мнѣ предписалъ diurna manu nocturnaque переворачивая листы образцовыхъ сочиненій—гигантской хрестоматіи томовъ въ 12 и прибавилъ для поощренія, что десять строкъ „Кавказскаго Плѣнника“ Пушкина лучше всѣхъ сочиненій Муравьева, Капниста и пр. Не смотря на всю забавность отрицательнаго преподаванія, въ совокупности всего, что говорилъ Протопоповъ, проглядывалъ живой, широкій современный взглядъ на литературу, который я умѣлъ усвоить и, какъ обыкновенно дѣлаютъ послѣдователи, возвелъ въ квадратъ и кубъ всѣ односторонности учителя. Прежде я читалъ съ одинаковымъ удовольствіемъ все, что попадалось: трагедіи Сумарокова, сквернѣйшіе переводы 80-хъ годовъ разныхъ ко

медій и романовъ; теперь я сталъ выбирать, цѣнить. Протопоповъ былъ въ восторгѣ отъ новой литературы и я, бравши книгу, справлялся тотчасъ, въ которомъ году она была напечатана, и бросалъ ее, ежели она была напечатана болѣе пяти лѣтъ тому назадъ, хотя бы имя Державина и Карамзина предохраняло ее отъ такой дерзости. Зато поклоненіе юной литературѣ сдѣлалось безусловно, и не мудрено: великій Пушкинъ являлся властителемъ литературнаго движенія".

Тотъ же Протопоповъ познакомилъ молодого Герцена и съ „запретною литературою" въ видѣ рукописныхъ сочиненій Пушкина и Рылѣева. Все это наполнило душу мальчика „вольнолюбивыми мечтами"...

Событія 1825—1826 года застали Герцена тринадцати-четырнадцати-лѣтнимъ мальчикомъ и произвели большое впечатлѣніе. „Казнь Пестеля и его друзей разбудили отъ младенческаго сна мою душу",—писалъ онъ много лѣтъ спустя. Описывая далѣе коронацію императора Николая Перваго, онъ разсказываетъ о той „клятвѣ", которую онъ далъ, имѣя отъ роду четырнадцать лѣтъ, посвятить себя на служеніе угнетеннымъ и оскорбленнымъ... Не надо забывать, что воспоминанія обо всѣхъ этихъ событіяхъ писались черезъ тридцать и болѣе лѣтъ послѣ того, какъ событія отошли въ вѣчность. Неудивительно поэтому, что, помимо сознанія автора, въ его разсказахъ къ „Wahrheit, должна была неизбѣжно примѣшиваться извѣстная доза „Dichtung". Все это едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, но несомнѣнно, тѣмъ не менѣе, что событія 1825—1826 года произвели, дѣйствительно, на Герцена очень сильное впечатлѣніе, и дѣятели четырнадцатаго декабря остались для него на всю жизнь предметомъ благоговѣйнаго воспоминанія.

Еще ранѣе Герценъ подружился и близко сошелся на всю жизнь съ Николаемъ Платоновичемъ Огаревымъ, впослѣдствіи однимъ изъ редакторовъ - издателей „Колокола" и извѣстнымъ поэтомъ.

Добрый, мягкій, мечтательный, готовый отдать всего себя на служеніе другимъ, — Огаревъ превосходно дополнялъ живого, энергичнаго Герцена. „Они были созданы другъ для друга“, сказали бы мы, если бы выраженіе это не было такъ избито и опошлено. „Рано виднѣлось въ Огаревѣ,—писалъ Герценъ,—то помазаніе, которое достается немногимъ, на бѣду ли, на счастье ли,—не знаю, но навѣрное на то, чтобы не быть въ толпѣ“. Друзья видѣлись очень часто, вмѣстѣ читали и работали, дѣлали совмѣстныя длинныя прогулки, во время которыхъ мечтали бороться за освобожденіе всего міра отъ всякихъ оковъ и за установленіе лучшаго будущаго. Въ одну изъ такихъ прогулокъ въ 1828 году на Воробьевыхъ Горахъ около Москвы, на томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ былъ быть воздвигнуть храмъ въ память войны 1812 г.,— Герценъ и Огаревъ поклялись въ вѣчной дружбѣ и неизмѣнномъ рѣшеніи отдать всю жизнь на служеніе свободѣ. Образы декабристовъ носились въ это время передъ ихъ глазами. Помимо пронесшихся незадолго передъ тѣмъ въ Россіи событій, источникомъ энтузіазма молодыхъ людей были драмы Шиллера. Пестель и Рылѣевъ перемѣшивались въ ихъ воображеніи съ Карломъ Мооромъ, Фіеско, маркизомъ Позою... Вспомните письмо Бѣлинскаго къ Станкевичу о томъ впечатлѣніи, которое производили почти въ это же время и на него драмы Шиллера; драмы эти „наложили на Бѣлинскаго,— по его собственнымъ словамъ,—дикую вражду къ общественнымъ порядкамъ во имя абстрактнаго идеала общества“ и повергли его „въ неестественный и напряженный восторгъ“. То же испытывали и юноши Огаревъ и Герценъ,—„особенно благодаря своему сангвиническому темпераменту, послѣдній,—на Воробьевыхъ Горахъ. Отъ Шиллера Бѣлинскій прямо пошелъ къ нѣмецкой философіи, Герценъ и Огаревъ—къ французскимъ соціалистамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и политикѣ. Почва для этого была уже подготовлена чтеніемъ Шиллера, Плутарха, декабрьскими событіями 1825 г. и запрещенными

стихотвореніями Пушкина. „Въ 1827 г. я былъ пятнадцати лѣтъ,—писалъ Герценъ въ своемъ дневникѣ за 1843 г.,—идеи древняго республиканизма бродили въ головѣ; я вѣрилъ непреложно, что „взойдетъ заря плѣнительнаго счастья“. Послѣднія, взятыя въ ковычки, слова, принадлежатъ, какъ извѣстно, Пушкину, и взяты изъ стихотвореиія, посвященнаго нашимъ великимъ поэтомъ П. Я. Чаадаеву. Въ этомъ настроеніи прошли предъуниверситетскіе и университетскіе годы Герцена. Сказать, что въ это время Герценъ уже остановился на какомъ-нибудь опредѣленномъ строѣ воззрѣній, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые русскіе и иностранные писатели, совершенно невѣрно, ибо развитіе Александра Ивановича шло безъ сомнѣнія скачками и было очень далеко отъ „прямой линіи“. „Научныя и особенно философскія занятія рано пробудили критическіи способности Герцена, говоритъ Шперберъ. Добиваясь научнаго знанія сущности вещей, онъ скептически относился къ традиціоннымъ воззрѣніямъ окружающей среды, утративъ *одновременно* и вѣру въ догматы господствующей церкви“. Мы увидимъ далѣе, какъ уже по окончаніи московскаго университета, находясь въ ссылкѣ въ Вяткѣ, Герценъ относился къ вѣрѣ и догматамъ „господствующей церкви“. Фактъ о которомъ говоритъ Шперберъ произошелъ гораздо позднѣе. И тутъ нѣтъ ничего страннаго: политическое свободомысліе декабристовъ прекрасно уживалось у многихъ изъ нихъ съ самою горячею религіозностью, а молодой Герценъ въ идейномъ смыслѣ былъ ихъ прямымъ наслѣдникомъ. Также невѣрно, какъ и Шперберъ, смотритъ на дѣло и г. Смирновъ: „ссылка и близость къ кузинѣ и Витбергу,—говоритъ онъ,—*временно* настроили Герцена на мистическій ладъ, но эта полоса въ жизни не характерна для него“ [1]). Мы утверждаемъ и надѣемся до-

---

[1]) Жизнь и дѣятельность А. И. Герцена въ Россіи и заграницей, стр. 104.

казать обратное: наличность религіознаго чувства очень замѣтна въ Герценѣ вплоть *до его жизни въ Новгородѣ*, когда чувство это окончательно исчезло и никогда болѣе не возвращалось. Тоже самое можно сказать и о „либерализмѣ“ Герцена въ научномъ значеніи этого слова.

„Сенъ-Симоновское понятіе человѣчества, какъ „être collectif qui se developpe“, дало основу и опредѣленный тонъ всему міросозерцанію Герцена еще прежде, чѣмъ онъ познакомился съ подробностями сенъ-симонизма, — говоритъ тотъ же Шперберъ. Вполнѣ естественно, что вмѣстѣ съ этимъ для него утратила всякую притягательную силу индивидуалистическій либерализмъ двадцатыхъ годовъ, сложившійся мало по малу въ то французское воззрѣніе, которое проповѣдывалось Лафайетъ и Бенжаменъ Констанъ и о которомъ пѣлъ въ своихъ пѣсняхъ Беранже. Когда іюльское возстаніе воочію показало всю безполезность этого платоническаго либерализма, русская молодежь разбилась на два лагеря: часть ея отдадась глубокому и серьезному изученію русской исторіи, другая—нѣмецкой философіи. Герценъ и Огаревъ не принадлежали ни къ тѣмъ, ни къ другимъ. Они слишкомъ опередили другихъ въ своихъ критическихъ запросовъ, чтобы удовлетвориться лѣтописью Нестора или трансцендентальнымъ идеализмомъ Шеллинга. Знакомство съ сочиненіями Сенъ-Симона, Анфантена и ихъ сотрудниковъ открывало имъ иной путь“.

Невѣрнаго во всемъ этомъ гораздо больше, чѣмъ вѣрнаго. Не останавливаясь на другихъ невѣрностяхъ отмѣтимъ лишь, что невѣрно, будто первое же знакомство съ сенъ-симонизмомъ повлекло за собою отрицательное отношеніе Герцена къ „индивидуалистическому либерализму“. На началахъ именно такого либерализма строили свои программы декабристы, а самъ Герценъ разсказываетъ, что его кружокъ, какъ и кружокъ сунгуровцевъ, „мечтали объ основаніи въ Россіи новаго союза „по образцу декабристовъ и на

самую науку смотрѣли, какъ на средства для этого". Знакомство его съ сенъ-симонизмомъ произвело на Герцена впечатлѣніе не противоположностью этого ученія „индивидуалистическому либерализму" и сдержанностью отношенія къ „политикѣ",—это случилось гораздо позже, когда онъ ознакомился съ сочиненіями Прудона,—а совсѣмъ другими сторонами.

„Торжественно и поэтично,—писалъ Герценъ въ „Быломъ и Думахъ",—явились среди мѣщанскаго міра эти вдохновенные юноши... Они возвѣстили *новую вѣру, имъ было что сказать, во имя чего позвать передъ свой судъ старый порядокъ жизни*".

Что же именно должны были повѣдать міру вдохновенные юноши, т. е. сенъ-симонисты, какую новую вѣру возвѣстили они?

Отвѣтъ на это находится въ слѣдующихъ строкахъ Герцена:

„Съ одной стороны—*освобожденіе женщины*, призваніе ея на общій трудъ, отданіе ея судебъ въ ея руки, союзъ съ нею, какъ съ равнымъ; съ другой—*rehabilitation de la chair*, оправданіе, искупленіе плоти, освобожденіе ея отъ всѣхъ тяготѣвшихъ надъ нею мистико-трансцендентальныхъ путъ".

Читатель видитъ, что „индивидуалистическій либерализмъ" остался нетронутъ въ своихъ позиціяхъ и при провозглашеніи *такой* „новой вѣры". Конечно, сенъ-симонизмъ далеко не исчерпывается отмѣченными Герценомъ сторонами; онъ идетъ гораздо далѣе, затрогивая, дѣйствительно, „старый міръ" въ самыхъ его основахъ, но мы въ данную минуту говоримъ не объ этомъ, а такъ сказать, о сенъ-симонизмѣ герценовскомъ. „Освобожденіе женщины",—задача, конечно, очень почтенная, но развѣ она ужъ такъ рѣзко противорѣчитъ принципамъ „индивидуалистическаго либерализма"? То же самое можно сказать и о „rehabilitation de la chair"! Вопросъ этотъ былъ далеко не чуждъ и просвѣтительной

философіи XVIII вѣка. Отъ разрѣшенія вопросовъ женскаго и rehabilitation de la chair еще очень мало выигралъ бы четвертый классъ, а вѣдь лишь ребромъ поставленная задача о судьбахъ этого послѣдняго, объ условіяхъ, при которыхъ можетъ быть освобожденъ *трудъ*, наносила смертельные удары „индивидуалистическому либерализму". Но до этого, повторяемъ, Герцену и Огареву въ описываемое время было еще очень далеко.

Яковлевъ мечталъ, что сынъ его сдѣлаетъ блестящую военную или, если ужъ „гражданскую", то, конечно, дипломатическую карьеру, но ни о томъ, ни о другомъ и слышать не хотѣлъ Герценъ. Какая тутъ военная служба, какая дипломатическая карьера, когда душа была полна Шиллеромъ и французской революціей, декабристами и Сенъ-Симономъ, мечтами о наукѣ, литературѣ, общественной дѣятельности... Въ концѣ концовъ отецъ уступилъ, и восемнадцатилѣтній Герценъ поступилъ на физико-математическій факультетъ московскаго университета. Выборъ факультета произошелъ по всей вѣроятности, подъ прямымъ или косвеннымъ вліяніемъ сына старшаго брата Ивана Алексѣевича и, значитъ, двоюроднаго брата Герцена—Федора Яковлева. Это былъ странный для своего времени человѣкъ. По смерти своего, отличавшагося страшнымъ деспотизмомъ и самымъ грубымъ развратомъ, отца, Федоръ Александровичъ распустилъ всѣхъ затворницъ отцовскаго гарема и поселился въ доставшемся ему въ наслѣдство на Тверской улицѣ большомъ домѣ, въ которомъ занялъ всего двѣ комнаты,—одну для себя, другую для химической лабораторіи. Всѣ другіе комнаты были заколочены или находились въ страшномъ запустѣніи. „Почернѣвшіе канделябры, необыкновенная мебель, всякія рѣдкости, рамы безъ картинъ и картины безъ рамъ—все это наполняло три огромныя старинныя залы, нетопленныя и неосвѣщенныя. При появленіи гостя человѣкъ провожалъ его съ зажженной свѣчей въ рукахъ, пре-

дупредивъ сначала, что платья снимать не надобно, такъ какъ въ залахъ очень холодно. Рядомъ этихъ комнатъ достигалась, наконецъ, дверь, завѣшанная ковромъ, которая вела въ страшно натопленный кабинетъ. Здѣсь Химикъ (подъ этимъ именемъ и значится Федоръ Яковлевъ въ воспоминаніяхъ Герцена) въ грязномъ халатѣ на бѣличьемъ мѣху сидѣлъ безвыходно, обложенный книгами, обставленный стклянками, ретортами, тигелями, снарядами".

Именно про этого Федора Яковлева говоритъ въ грибоѣдовскомъ „Горѣ отъ ума" съ такимъ ужасомъ княгиня Тугоуховская:

онъ химикъ, онъ ботаникъ,
князь Федоръ, мой племянникъ....

По страсти, съ которой Федоръ Александровичъ предавался изученію естественныхъ наукъ и по презрѣнію къ „метафизикѣ", онъ опередилъ своихъ современниковъ лѣтъ на тридцать. Внѣ опыта Федоръ Александровичъ не вѣрилъ рѣшительно ни во что. Этотъ-то „Химикъ и заинтересовалъ Герцена естествознаніемъ; онъ далъ ему сначала рѣчь Кювье о геологическихъ переворотахъ и растительную органографію Декандоля и, увидѣвши, что сѣмя падаетъ на добрую почву, сталъ его первымъ руководителемъ въ области естественныхъ наукъ. Вліяніе химика и физико-математическій факультетъ университета сыграли большую роль въ судьбѣ Герцена, пріучивши его мозги къ точному мышленію.

Герценъ въ университетѣ. Онъ много учится, много читаетъ, но еще болѣе говоритъ, споритъ, проповѣдуетъ. Что проповѣдуетъ, о чемъ споритъ, — на это трудно дать отвѣтъ.

„Жизнь въ университетѣ, — разсказываетъ впослѣдствіи самъ Герценъ,—оставила у насъ память одного продолжительнаго пира идей, пира науки и мечтаніи, непрерывнаго, торжественнаго, иногда бурнаго, иногда мрачнаго, разгульнаго, но никогда порочнаго....

Оживить это прошедшее время, сдѣлать его вполнѣ понятнымъ въ разсказѣ, — невозможно; чтобы вспомнить всѣ мечты, всѣ увлеченія, надо очень много не знать, очень многаго не испытать, надобно перезабыть бездну фактовъ, стереть съ души бездну пыли, соскоблить пятна, заживить рубцы, освѣтить весь міръ алымъ свѣтомъ востока, всѣмъ предметамъ дать положительныя тѣни, утреннюю свѣжесть и разительную новость. Мало того, надо, чтобы друзья юности собрались вмѣстѣ въ той же комнаткѣ, обитой алыми обоями съ золотыми полосками, передъ тѣмъ же мраморнымъ каминомъ, въ томъ же дыму отъ трубокъ"...

Да, возстановить психическое содержаніе Герцена и его кружка въ періодъ его университетской жизни не легко. Г. Пыпинъ характеризуетъ Герцена описываемаго періода такими словами:

„Взамѣнъ абстрактной философіи и эстетики, поглощавшей кружокъ Станкевича, Г-нъ (Герценъ) владѣлъ чрезвычайно разнообразною начитанностью. Крайнему идеализму онъ могъ противопоставить историческія изученія, особенно современную исторію; отвлеченностямъ—реальныя возраженія изъ области естествознанія, которое было давно его интересомъ и было совершенно незнакомо его противникамъ, развѣ только въ отрывочныхъ образчикахъ натуро-философіи Шеллинга и Окена. Наконецъ, вниманіе Г-на давно было направлено на ту непосредственную дѣйствительность жизни, которая еще ускользала отъ Бѣлинскаго и его друзей за дѣйствительностью философской или урывками наказывалась ими въ „объективной" поэзіи"... [1]).

Въ этой характеристикѣ г. Пыпинъ придалъ Герцену университетскаго періода его жизни слишкомъ опредѣленные краски, слишкомъ, такъ сказать законченный колоритъ.

На дѣлѣ этого не было: несомнѣнно, что Герценъ инте-

---

[1]) Бѣлинскій, его жизнь и переписка. стр. 312.

ресовался и естествознаніемъ, и общественными науками, и исторіей, и „непосредственною дѣйствительностью жизни“, но столь же несомнѣнно, что все это уживалось въ немъ и съ „крайнимъ идеализмомъ“, и съ готовностью подпасть подъ вліяніе мистики (что и случилось вскорѣ въ періодъ его знакомства съ Витбергомъ) и съ горячимъ религіознымъ настроеніемъ. Послѣднее приписывается обыкновенно также послѣдующему уже вліянію „религіозной кузины“ и того же Витберга, но это не такъ.

Мы утверждаемъ, что, какъ и большинство декабристовъ, Герценъ и до ссылки въ Вятку и, значитъ, до вліянія „религіозной кузины“ и Витберга, былъ очень далеко отъ тѣхъ взглядовъ на религіозные вопросы, которые онъ развивалъ позже. Въ одномъ изъ своихъ относящихся къ концу тридцатыхъ годовъ, стихотвореніи Огаревъ писалъ:

«Я въ храмѣ былъ, и много тамъ людей
Толпилося у Божьихъ алтарей:
Сталъ въ углу, гдѣ нѣкогда со мной
Молился другъ, сочувствуя душой,
Мы горько плакали: тогда я былъ
Несчастливъ: я терялъ, что̀ я любилъ;
Но нашихъ нѣтъ слѣдовъ на мѣстѣ томъ,
Гдѣ такъ тепло молились мы вдвоемъ» [1]).

Такъ тепло молившійся въ храмѣ вмѣстѣ съ Огаревымъ „другъ“ былъ никто другой, какъ Герценъ. Письма Герцена къ „кузинѣ“ изъ Вятки полны религіознаго чувства и молитвеннаго настроенія, но и до того въ письмѣ изъ крутицкихъ казармъ отъ десятаго декабря 1834 года онъ писалъ: „нѣтъ, въ груди горитъ вѣра сильная, живая. Есть Провидѣніе... Я читаю съ восторгомъ Четьи-Минеи,—вотъ гдѣ божественные примѣры, вотъ были люди!..“ [2]).

---

[1]) Русская Старина. 1888 г. Ноябрь.

[2]) См. интересную статью Е. Некрасовой «Герценъ въ Вяткѣ», по-

Это настроеніе прошло у Герцена черезъ всю его Вятскую жизнь, съ нимъ пріѣхалъ онъ и во Владиміръ. Когда въ этомъ городѣ Герценъ и его жена увидѣлись съ супругами Огаревыми, они всѣ четверо, пали на колѣни передъ распятіемъ и горячо благодарили небо за ниспосланное счастье. „Огаревъ, — разсказываетъ Анненковъ,—написалъ гимнъ Провидѣнію, растворившему ихъ сердца, въ лучшія минуты ихъ жизни, для полнаго признанія неисчислимыхъ его благодѣяній, а Герценъ описывалъ эту сцену одному пріятелю въ такихъ словахъ: „мы инстинктуально всѣ четверо бросились передъ распятіемъ и горячія молитвы лились изъ устъ. Зачѣмъ ты не могъ взглянуть на эту группу, которая обратилась къ небу не съ упрекомъ не съ просьбой, а съ гимномъ съ осанной“ [1]).

Всѣмъ этимъ мы отнюдь не хотимъ сказать, чтобы религіозность была *преобладающей* чертой молодого Герцена; нѣтъ, мы хотимъ лишь отмѣтить ея наличность, такъ какъ безъ этого физіономія Александра Ивановича въ университетскіе и послѣдующіе за ними годы его жизни не соотвѣтствовала бы дѣйствительности. Умный, страстный, увлекающійся, интересующійся самыми разнообразными предметами, впечатлительный Герценъ далеко не былъ тѣмъ законченнымъ человѣкомъ, какимъ выступаетъ онъ подъ перомъ нѣкоторыхъ русскихъ и иностранныхъ писателей. И это понятно: не говоря уже о славянофилахъ, но религіозными людьми были и Грановскій (на этой почвѣ и произошло охлажденіе между нимъ и Герценомъ, когда послѣдній перешагнулъ черезъ эту стадію своего развитія), и Чаадаевъ, и другіе западники. Герценъ горячо интересовался всѣмъ строемъ воззрѣній замѣчательнѣйшихъ людей своего времени

мѣщенную въ сборникѣ общества любителей россійской словесности «Починъ».

[1]) Идеалисты тридцатыхъ годовъ, стр. 509.

и люди эти оказывали, безъ сомнѣнія, и на него очень большое вліяніе. „Конечно, Герценъ не могъ быть никѣмъ инымъ, какъ крайнѣйшимъ западникомъ,—разсказываетъ о немъ Свербеевъ,—конечно, онъ предпочиталъ всѣмъ старѣйшаго сторонника европейской гражданственности Чаадаева, но въ это же время дружески подавалъ руку юному своему противнику Константину Аксакову и всегда любовался, скажу, восхищался остроуміемъ парадоксальнаго Хомякова, и каждый разъ, входя въ гостиную (А. П. Елагиной), отыскивалъ его глазами, чтобы вступить съ нимъ въ новый споръ, либо продолжить вчерашній“ [1]).

Таковъ былъ Герценъ,—прямая противоположность въ этомъ отношеніи Бѣлинскому, писавшему изъ Петербурга по поводу общенія своихъ московскихъ друзей съ славянофилами грозныя письма и выражавшемуся въ нихъ о самомъ себѣ такъ: „я жидъ и не могу ѣсть за однимъ столомъ съ филистимлянами“...

Разставшись впослѣдствіи съ религіей, Герценъ унесъ съ собою на „тотъ берегъ“ многое изъ воззрѣній Хомякова и его единомышленниковъ. Объ этомъ мы будемъ говорить въ свое время подробно, а теперь ограничимся лишь слѣдующимъ замѣчаніемъ Анненкова.

„Какъ Герценъ, съ своей стороны, не старался сдерживать и холодить его (Хомякова) критическое воодушевленіе, онъ самъ еще *не избавился отъ дѣйствія этой критики.* (Извѣстно, въ чемъ состояла „критика“ Хомякова. В. Б.). Слова Хомякова, по нашему мнѣнію, оставили слѣды въ умѣ и сердцѣ Герцена противъ его воли, можетъ быть, и отразились въ позднѣйшей его проповѣди о несостоятельности и банкротствѣ западной жизни вообще“ [2]).

---

[1]) Д. Н. Свербеевъ. Воспоминанія объ А. И. Герценѣ. «Рус. Арх.», 1870 г., стр. 678.

[2]) П. Анненковъ. «Замѣчательное десятилѣтіе». Вѣст. Евр. 1880, мартъ, стр. 23.

Споры съ Хомяковымъ, о которыхъ говоритъ здѣсь Анненковъ, происходили значительно позднѣе, а это значитъ, что если во время ихъ, т. е. въ эпоху сороковыхъ годовъ, Герценъ не избавился вполнѣ отъ вліянія мистическаго міросозерцанія Хомякова, то тѣмъ болѣе о сколько-нибудь полной законченности мысли Александра Ивановича въ его студенческіе годы не могло быть и рѣчи. Его чрезвычайно сильный умъ работалъ неустанно, но увлекающійся характеръ дѣлалъ свое дѣло, и Герценъ постоянно кипѣлъ и горѣлъ въ водоворотѣ самыхъ разнообразныхъ мыслей, чувствъ и представленій. Къ тому же и молодость брала свое, а условія жизни доставляли ему возможность удовлетворенія самыхъ эпикурейскихъ потребностей. Вѣдь рѣчь идетъ не о Бѣлинскомъ, то проклинавшемъ въ это время въ письмахъ къ отцу университетскій „казенный коштъ“ съ его отвратительнымъ режимомъ, то перебивавшимся грошевыми уроками и переводами, то просто-таки ломавшимъ голову надъ вопросомъ о средствахъ не умереть съ голода... То былъ „плебей безвѣстный“,—это аристократъ, то былъ пролетарій,—это очень богатый человѣкъ, то былъ боецъ по самому существу своей натуры, это—эпикуреецъ, эпикуреецъ въ благородномъ смыслѣ этого слова, но все же эпикуреецъ.

Отсутствіе заботъ о хлѣбѣ насущномъ придавало жизни Герцена и его товарищей совершенно особый отпечатокъ. Случилась, напр., такъ называемая „маловская“ университетская исторія, состоявшая въ демонстраціи противъ профессора Малова. Дѣло кончилось карцеромъ для нѣсколькихъ студентовъ, въ числѣ которыхъ былъ посаженъ на семь дней и Герценъ. Деньги, конечно, сдѣлали и тутъ свое дѣло, все и вся было подкуплено, и вотъ какъ самъ Герценъ описываетъ свое времяпровожденіе въ университетскомъ карцерѣ.

„Какъ только наступала ночь, Никъ (т. е. Огаревъ) и

еще четверо товарищей съ помощью четвертаковъ и полтиниковъ являлись къ намъ; у кого въ карманѣ ликеръ au quatre fruits, у кого паштетъ, у кого рябчики, у кого подъ шинелью бутылка клико. Разумѣется, мы встрѣчали съ восторгомъ и друзей и ихъ съѣстные знаки дружбы. Свѣчей зажигать намъ, заключеннымъ, не позволялось. Опрокинувши стулья, мы дѣлали около нихъ юрту изъ шинелей, высѣкали огонь, зажигали принесенную сальную свѣчу и ставили ее подъ столъ такимъ образомъ, чтобы изъ оконъ нельзя было ее видѣть, потомъ ложились на каменный полъ и начинался пиръ до поздняго вечера, тутъ, кажется, и засыпали, а ночью,—опять пиръ. *И такъ всѣ семь дней!...*

Такого рада жизнь вели Герценъ и его друзья не въ виду только исключительности ихъ положенія въ теченіе описанной имъ недѣли. Нѣтъ, они платили дань молодости щедрою рукою и стремились извѣдать всѣ наслажденія, которыя были имъ доступны, благодаря ихъ положенію и матеріальнымъ средствамъ. Пиры эти, конечно, не происходили ради самихъ пировъ, они не служили сами себѣ цѣлью, на нихъ велись разговоры и споры о наукѣ, литературѣ, искусствѣ, философіи, политикѣ, словомъ, обо всемъ на свѣтѣ, складывались и крѣпли убѣжденія будущихъ извѣстныхъ дѣятелей на разныхъ поприщахъ русской жизни,—все это не подлежитъ никакому сомнѣнію, но сказать о какой бы то ни было рѣзкой опредѣленности въ направленіи кружка Герцена въ это время намъ кажется нѣтъ основаній. Лично Герценъ относился какъ мы уже говорили, съ глубочайшимъ уваженіемъ къ декабристамъ, но о какихъ бы то ни было дѣйствіяхъ въ томъ же направленіи со стороны молодыхъ студентовъ, какъ изъ воспоминаній Герцена такъ и другихъ его современниковъ, мы ничего не знаемъ. Кромѣ данной на Воробьевыхъ Горахъ Герценомъ и Огаревымъ клятвы, о которой мы уже упоминали, въ запискахъ Герцена значится

лишь, что его кружокъ, какъ и кружокъ Сунгурова „мечталъ объ основаніи въ Россіи новаго союза благоденствія по образцу декабристовъ“. Такимъ образомъ самъ Герценъ говоритъ, что о политической дѣятельности юноши только „мечтали“, но мечтанія эти ни въ какое дѣйствіе не перешли.

„Сунгуровское дѣло“, о которомъ упоминаетъ Герценъ представляетъ до настоящаго времени много темнаго и невыясненнаго. Въ полномъ собраніи сочиненій Анненкова находится между прочимъ статья, озаглавленная „записка объ Н. П. Огаревѣ“. Упоминая въ этой запискѣ (составляющей черновой набросокъ статьи) о маловской исторіи, Анненковъ писалъ: „одновременно съ этимъ разыгрывается въ Москвѣ загадочное дѣло съ офицеромъ Сунгуровымъ, женившимся на крестьянской дочери, вступившимъ въ связь съ польскою эмиграціей 1831 года, но, къ удивленію, донесшимъ на своихъ друзей, когда тѣ добыли фальшивые паспорта и хотѣли бѣжать изъ Москвы. По важности доноса, его задержали вмѣстѣ съ поляками, но тутъ, вѣроятно, по чувству мести обычный его собесѣдникъ студентъ Полонскій сообщилъ полиціи о цѣломъ обществѣ революціонеровъ то есть тогдашнихъ либеральныхъ болтуновъ, которое будто бы создано Сунгуровымъ. Тогда его, вмѣстѣ съ другомъ его, тоже офицеромъ Гуровымъ, подвергли слѣдствію, а дальнѣйшія розысканія имѣли послѣдствіемъ арестъ студентовъ: пасторскаго сына Кольрейфа, Кноблоха, Антоновича, Костенецкаго и другихъ. Всѣхъ ихъ разжаловали въ солдаты, но Гуровъ и Сунгуровъ убѣжали изъ острога, чтобы пробраться за границу. Перваго поймали и прогнали сквозь строй, второй не находился. Принялись за отца Сунгурова по женѣ, богатаго мужика и вымучили у него розгами и другими средствами показаніе, что Сунгуровъ скрывается въ ближайшемъ лѣсу. Онъ проводилъ жан-

дармовъ, подалъ сигналъ,—Сунгуровъ явился, но, увидавъ жандармовъ, мгновенно перерѣзалъ себѣ горло". [1])

Таковъ краткій разсказъ объ этомъ дѣлѣ Анненкова, записанный имъ, видимо, на основаніи циркулировавшихъ о „сунгуровцахъ" темныхъ слуховъ. Нѣкоторый, хотя далеко не полный свѣтъ проливаетъ на это таинственное дѣло разсказъ „сунгуровца" Я. И. Костенецкаго, напечатанный въ 1, 2, 3, 4, 5 и 6 книжкахъ „Русскаго Архива" за 1887 годъ подъ заглавіемъ „Воспоминанія изъ моей студенческой жизни". Въ виду почти полнаго отсутствія свѣдѣній о сунгуровскомъ дѣлѣ въ русскомъ обществѣ, мы считаемъ не безполезнымъ остановиться подробнѣе на разсказѣ Костенецкаго.

Авторъ „Воспоминаній" учился въ московскомъ университетѣ одновременно съ Герценомъ и Огаревымъ. Вспоминая своихъ университетскихъ товарищей, онъ писалъ: „Огаревъ, Герценъ и Закревскій составляли какой то тріумвартъ и хотя они были на разныхъ факультетахъ (Герценъ—математическаго, Огаревъ и Закревскій—словеснаго), но они всегда ходили вмѣстѣ и неразлучно. Герценъ былъ худенькій, маленькій юноша, съ коротко-остриженными свѣтлыми волосами и желтымъ лицомъ. Онъ былъ очень живой, бойкій, всегда смѣющійся, вѣчно движущійся; но съ нимъ я былъ мало знакомъ. Огаревъ, напротивъ, былъ серьезенъ, скроменъ, всегда какъ бы задумчивъ. Съ нимъ я хорошо сошелся; мы часто вмѣстѣ читали по нѣмецки Шиллера, и онъ подарилъ мнѣ четыре стереотипныхъ томика сочиненій этого поэта, написавъ на каждой книжечкѣ: „Якову отъ Николая", которыя, не смотря на всѣ превратности моей жизни и самъ не знаю какимъ чудомъ, сохранились у меня до настоящаго времени,—единственная вещь, уцѣлѣвшая изъ моего студенческаго періода. Когда я вспоминаю объ этихъ двухъ

[1]) П. В. Анненковъ и его друзья. стр. 111—112.

знаменитыхъ личностяхъ, Герценѣ и Огаревѣ, мнѣ всегда ставовится жаль, что они ушли изъ своего отечества, которому могли бы быть очень полезны"... [1]).

Вмѣстѣ съ этими лицами Костенецкій участвовалъ въ „маловской исторіи". Затѣмъ началось такъ называемое „сунгуровское дѣло".

Вскорѣ послѣ маловской исторіи въ московскомъ университетѣ, появился на лекціяхъ въ качествѣ вольнаго слушателя, нѣкто Федоръ Гуровъ, будто бы побочный братъ проживавшаго въ Москвѣ помѣщика Тамбовской губерніи Сунгурова. Сначала онъ познакомился на лекціяхъ съ студентомъ Полоникомъ [2]) а черезъ него съ авторомъ воспоминаній Костенецкимъ и послѣ нѣсколькихъ свиданій на лекціяхъ Гуровъ пригласилъ Костенецкаго къ себѣ въ домъ. Костенецкій пошелъ вмѣстѣ съ Полоникомъ, который уже бывалъ у Гурова раньше; тамъ Гуровъ познакомилъ Костенецкаго съ своимъ братомъ Сунгуровымъ, жившимъ въ собственномъ домѣ на Кузнецкомъ мосту. По описанію Костенецкаго „Сунгуровъ былъ мужчина лѣтъ тридцати, маленькаго роста, блондинъ, съ быстрыми, вѣчно бѣгающими глазами, закрытыми золотыми очками. Квартира у него была большая, хорошо меблированная". Тотъ же Полоникъ познакомилъ съ Гуровымъ студента Антоновича, того самаго Платона Александровича Антоновича, который былъ въ царствованіе Александра II попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа, и также ввелъ его въ домъ Сунгурова. Съ своими гостями Сунгуровъ былъ очень любезнъ. Кромѣ этихъ лицъ Сунгурова посѣщали еще „полковникъ Козловъ, человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ орденами на шеѣ, тоже Тамбовскій помѣщикъ и человѣкъ очень образованный; офицеръ

---

[1]) Русскій Архивъ 1887 г. кн. 1 стр. 111.

[2]) Полоникъ, очевидно, и есть томъ «Полонскій», о которомъ упоминаетъ въ своей «запискѣ» Анненковъ.

изъ польской арміи Сѣдлецкій и нѣсколько другихъ разнаго званія лицъ". Иногда Костенецкій встрѣчалъ въ домѣ Сунгурова и бывшаго тогда Московскаго оберъ-полицеймейстера Муханова, съ которымъ, прибавляетъ Костенецкій, „мнѣ казалось Сунгуровъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ".

„Во время нашихъ посѣщеній, разсказываетъ далѣе Костенецкій, Сунгуровъ, а особливо Гуровъ, часто заводили съ нами разговоръ о деспотизмѣ, о взяточничествѣ нашего чиновничества, о бѣдствіяхъ народа, несправедливости судей и прочихъ возмутительныхъ предметахъ. При этомъ, въ особенности Гуровъ отличался своими неистовыми выходками противъ правительства и мы, разумѣется, согласны были почти съ всѣми этими мыслями".

„Когда уже мы довольно коротко познакомились съ Сунгуровымъ и Гуровымъ, они начали намъ по секрету разсказывать, что бывшее прежде въ Россіи тайное общество, имѣвшее цѣлію ввести конституціонный образъ правленія, не совсѣмъ уничтожено въ 1826 году, что оно и теперь существуетъ, очень усилилось и, быть можетъ, скоро начнетъ дѣйствовать, что они состоятъ членами этого общества, и поэтому приглашали и насъ принять участіе въ этомъ важномъ дѣлѣ... Не говоря уже о накипѣвшемъ во мнѣ недовольствѣ противъ правительства и желаніи моемъ всѣми силами содѣйствовать къ его измѣненію, идея участвовать въ тайномъ обществѣ сильно меня интересовала. Я уже и самъ стремился къ образованію общества между студентами, хотя, положимъ, съ другой цѣлію; общество нѣмецкихъ студентовъ тоже порождало во мнѣ желаніе участвовать въ какомъ-либо тайномъ обществѣ; къ тому же, свойственная юности жажда дѣятельности, тѣмъ болѣе дѣятельности высокой, патріотической и таинственной... все это сильно взволновало мое пылкое воображеніе, и я готовъ былъ сдѣлаться революціоннымъ героемъ, мечтая не только о тріумфѣ успѣха, но даже и о страданіяхъ неудачи. Я зналъ

исторію декабристовъ, и участь ихъ не только меня не пугала, но я всегда подобно имъ, радъ былъ пострадать за великое дѣло введенія въ своемъ отечествѣ правленія, которое, по моимъ понятіямъ, было бы для него благодѣтельнымъ, и уже во всякомъ разѣ лучше тогдашняго правленія".

Когда Костенецкій и другіе спрашивали Сунгурова, кто же члены этого общества, то онъ имъ отвѣчалъ, что и самъ ихъ не знаетъ. „Въ этомъ обществѣ,—говорилъ онъ,—принято такое правило, что каждый его членъ старается привлекать другихъ членовъ; но эти члены знаютъ только того, который пригласилъ ихъ, и этотъ можетъ указать имъ только того одного, отъ котораго самъ получилъ такое приглашеніе. Это, говорилъ онъ, необходимо для безопасности общества, такъ какъ въ случаѣ измѣны, могутъ быть открыты только нѣкоторые члены его, а другіе останутся въ неизвѣстности"... „И вотъ и вы, господа,—говорилъ онъ,—если вступите въ наше общество и будете потомъ пріискивать другихъ участниковъ, то вы можете назвать только одного меня, какъ члена, отъ котораго сами получили приглашеніе, но болѣе никого". Когда юноши, „убѣдившись въ благоразуміи такого правила, спрашивали Сунгурова, кто же тотъ членъ тайнаго общества, отъ котораго онъ самъ получилъ приглашеніе вступить въ общество, то Сунгуровъ указалъ на полковника Козлова". „Правда ли это была или нѣтъ, дѣйствительно ли полковникъ Козловъ участвовалъ въ какомъ-либо тайномъ обществѣ и былъ агентомъ его въ домѣ Сунгурова,—это осталось для меня,—говоритъ Костенецкій,—неизвѣстымъ и впослѣдствіи".

Полковникъ Козловъ, котораго студенты очень часто встрѣчали въ домѣ Сунгурова, никогда не говорилъ съ ними ни о какомъ тайномъ обществѣ, не произносилъ либеральныхъ рѣчей, не проявлялъ никакого желанія сблизиться съ молодыми посѣтителями Сунгурова.

„Однако жъ,—продолжаетъ Костенецкій,—какъ я не былъ

расположенъ къ участію въ каждомъ, какомъ бы ни было тайномъ патріотическомъ обществѣ, но предложеніе Сунгурора меня сильно озадачило и вѣрилъ я ему и не вѣрилъ. Я не зналъ Сунгурова настолько, чтобы вполнѣ положиться на его добросовѣстность и предполагалъ иногда, ни ловушка ли это какая съ его стороны. Быть можетъ, думалъ я, это было съ его стороны только испытаніемъ для насъ, только намѣреніемъ узнать нашъ образъ мыслей, и потомъ сдѣлать на насъ доносъ... Изъ другихъ товарищей я открылъ свою тайну Кольрейфу, и другому студенту Кноблоху, человѣку очень ученому и трудолюбивому, обладавшему необыкновенной памятью и, слѣдовательно, огромными свѣдѣніями, такъ что я называлъ его живымъ Энциклопедическимъ Словаремъ. Еще былъ у меня студентъ Медико-Хирургической Академіи—Кошевскій, сынъ бѣднаго, проживавшаго въ Москвѣ поляка, музыкальнаго учителя.

Въ этихъ трехъ лицахъ я нашелъ полное со мною единомысліе и готовность на всякое, даже отчаянное предпріятіе, и вотъ мы впятеромъ, т. е. я, Антоновичъ, Кольрейфъ, Кноблохъ и Кошевскій, начали часто сходиться и толковать о Сунгуровскомъ дѣлѣ. Съ Сунгуровымъ имѣли дѣло только я и Антоновичъ, прочіе же трое не знали его, и какъ на дѣлаемые ими намъ вопросы мы не могли отвѣчать удовлетворительно, то, послѣ нѣсколькихъ совѣщаній между собою, мы положили, чтобы намъ всѣмъ пятерымъ собраться гдѣ-нибудь вмѣстѣ, пригласить въ это собраніе Сунгурова и тамъ допросить его обо всемъ положительно, а потомъ уже, сообразно добытымъ отъ него отвѣтамъ, и дѣйствовать. По передачѣ нашего желанія Сунгурову, онъ согласился придти къ намъ и дать намъ удовлетворительный отвѣтъ. Скажу здѣсь, чтобы не забыть, что Полоникъ также какъ и мы, и даже чаще меня, посѣщавшій Сунгурова и бывшій также приглашенъ имъ ко вступленію въ общество, къ счастью, однако жъ, не бывалъ на нашихъ собраніяхъ. Мы

его чуждались, считали человѣкомъ мало образованнымъ, неразвитымъ и не подходящимъ къ нашему дѣлу".

Мѣстомъ собранія юноши избрали квартиру Кноблоха, какъ бывшую ближе другихъ отъ дома Сунгурова. Вскорѣ пришелъ Сунгуровъ и потребовалъ отъ собравшихся клятвеннаго обѣщанія, чтобы все то, о чемъ здѣсь будетъ говориться, осталось тайной и чтобы никто изъ присутствующихъ никогда и никому не говорилъ о знакомствѣ съ нимъ; все это юноши утвердили самой искренней клятвой. Послѣ этого Костенецкій держалъ такую, почти дословно приводимую въ его запискахъ рѣчь:

„Вы приглашали меня и Антоновича къ вступленію въ тайное общество, имѣющее цѣлію введеніе въ Россіи конституціоннаго правленія. Раздѣляя вполнѣ образъ мыслей этого общества, я передалъ все, что отъ васъ слышалъ, вотъ этимъ тремъ товарищамъ (указывая на Кольрейфа, Кноблоха и Кошевскаго), которыхъ образъ мыслей объ этомъ предметѣ совершенно одинаково съ моимъ и которые готовы на всякое патріотическое дѣйствіе. (Можно было-бы сказать: которыхъ либеральное направленіе... Но этотъ терминъ тогда не былъ еще такимъ какъ теперь общеупотребительнымъ, замѣчаетъ въ скобкахъ Костенецкій). Но намъ хотѣлось бы знать положительно, существуетъ-ли такое общество, и довольно-ли оно сильно, или же, быть можетъ, вы только намѣрены основать это общество? Если общество это существуетъ и довольно сильно, то какую оно можетъ имѣть надобность въ насъ, молодыхъ и неопытныхъ людяхъ, которые ни въ какомъ случаѣ не могутъ придать ему ни силы, ни значенія? Не думаетъ-ли это общество употребить насъ только для произведенія какого-нибудь уличнаго безпорядка? Но какъ мы ни молоды и какъ бы ни желали введенія въ Россіи конституціи, мы никогда не согласимся, очертя голову, буйствовать на улицѣ и вообще участвовать въ какомъ нибудь низкомъ и небла-

городномъ поступкѣ... Если же этого общества еще нѣтъ, и вы только еще думаете начать его составленіе, то вы очень дурно дѣлаете, что начинаете съ насъ, людей молодыхъ, ничего не значущихъ, и совершенно для дѣла безполезныхъ, въ какомъ случаѣ мы никогда не согласимся на ваше предложеніе". На это Сунгуровъ отвѣчалъ, что общество уже существуетъ, что это остатокъ того самого общества, часть котораго уничтожена въ 1826 году, что до настоящаго времени оно очень значительно усилилось, имѣетъ во главѣ своей Ермолова, и что ежели собравшіеся въ него вступятъ, то дѣйствія ихъ должны будутъ заключаться только въ томъ, чтобы распространять между своими товарищами конституціонныя идеи. „Когда же общество намѣрено приступить къ предполагаемому перевороту?" спросили студенты. „Этого я не знаю,—отвѣчалъ Сунгуровъ;—да еслибъ и зналъ, то не имѣю права открыть вамъ, какъ людямъ еще не вступившимъ въ общество". На все это мы отвѣчали ему, говоритъ Костенецкій, „что намъ нечего стараться распространять между студентами конституціонныя идеи—всѣ благомыслящіе студенты, и безъ нашихъ убѣжденій, проникнуты ими, и что общество напрасно объ этомъ безпокоится. И какъ намъ болѣе не предстоитъ никакой другой дѣятельности въ этомъ обществѣ, то поэтому мы *отъ вступленія въ него совершенно отказываемся*". Этимъ окончены были всѣ переговоры съ Сунгуровымъ и всѣ разошлись.

Съ этихъ поръ Костенецкій и Антоновичъ, не говоря уже о другихъ, почти прекратили даже знакомство съ Сунгуровымъ. „Припоминая теперь это событіе, говоритъ Костенецкій, я даже удивляюсь, какъ въ наши молодыя лѣта (мнѣ былъ тогда девятнадцатый годъ), при нашей пылкости и страсти къ необыкновеннымъ приключеніямъ, у насъ достало столько благоразумія и осторожности, что мы отказались отъ такого соблазнительнаго участія въ такомъ обществѣ, цѣль котораго мы считали самою благородною и патріотическою".

Вскорѣ послѣ описанныхъ событій авторъ разсказа былъ арестованъ въ деревнѣ, привезенъ въ Москву и посаженъ въ такъ называемыя „крутицкія казармы“, гдѣ помѣщается жандармскій дивизіонъ. Тамъ же уже находились Сунгуровъ, Гуровъ, Антоновичъ, Кошевскій и другіе. Аресты, какъ оказалось, были произведены по доносу Полоника. Такъ составилось дѣло о „сунгуровскомъ заговорѣ“, окончившееся для Сунгурова приговоромъ въ каторжныя работы, для Гурова ссылкою въ Сибирь на поселеніе, для Антоновича, Кноблоха, Кольрейфа, Костенецкаго и Кошевскаго опредѣленіемъ рядовыми въ разные полки.

Во всемъ этомъ темномъ дѣлѣ наиболѣе загадочными являются личности Сунгурова и Гурова. Костенецкій предполагаетъ даже въ этихъ лицахъ представителей очень неблаговидной профессіи, но это, разумѣется, еще требуетъ исторически вѣрныхъ подтвержденій.

Въ послѣдствіи я старался объяснить себѣ, что такое, въ сущности, былъ Сунгуровскій заговоръ говоритъ Костенецкій? Въ самомъ ли дѣлѣ существовало въ Россіи какое либо тайное общество, къ которому принадлежалъ и Сунгуровъ, желавшій увеличить его другими членами, или это была только выдумка, быть можетъ съ другою какою цѣлію? Но до сихъ поръ—это для меня тайна.

Слѣдственная коммиссія не открыла никакого заговора или тайнаго общества далѣе насъ и Сунгурова. Позади его стоялъ еще полковникъ Козловъ; но никто изъ насъ не зналъ, что показывалъ на него Сунгуровъ и какъ оправдывался Козловъ. Но вотъ замѣчательный фактъ, который можетъ нѣсколько объяснить это дѣло. Когда Сунгурову предложила комиссія вопросъ, для чего онъ все это дѣлалъ, то онъ отвѣчалъ, что, по духу времени, онъ предполагалъ, что въ Россіи непремѣнно существуетъ политическое тайное общество, и вотъ онъ, желая, будто бы, открыть это общество, для того, чтобы донести объ немъ правительству,

старался распространить о себѣ извѣстность, какъ о составителѣ тайнаго общества, какая репутація безъ сомнѣнія, открыла бы ему доступъ и въ настоящее тайное общество.—„Почему же вы не заявили заблаговременно о вашемъ намѣреніи правительству,—сдѣлали ему вопросъ,—чтобы оно знало, что вы агентъ его и дѣйствуете съ его вѣдома“? И Сунгуровъ отвѣчалъ, что онъ заявлялъ объ этомъ московскому оберъ-полицеймейстеру Муханову, которому и были извѣстны всѣ его, по этому случаю, дѣйствія. Спросили Муханова. Мухановъ отрицалъ всякую солидарность съ Сунгуровымъ по этому обстоятельству. Коммиссія попросила Муханова на очную ставку съ Сунгуровымъ Мухановъ отвѣчалъ, что по важности занимаемаго имъ служебнаго поста, онъ считаетъ для себя унизительнымъ явиться для очной ставки съ Сунгуровымъ. Коммиссія, будто бы, сдѣлала объ этомъ представленіе Государю, и Государь, будто бы, отвѣчалъ, что предъ закономъ всѣ подданные—равны, и велѣлъ Муханову явиться на очную ставку. Мухановъ явился, и какъ Сунгуровъ его ни уличалъ, онъ отперся отъ всего совершенно.

„Я уже писалъ выше, что я неоднократно видѣлъ Муханова въ гостяхъ у Сунгурова. Безъ сомнѣнія, изъ этого еще нельзя ничего заключить объ интимности ихъ отношеній между собою, но, насколько я понялъ Сунгурова, онъ рѣшительно не былъ изъ числа людей, готовыхъ жертвовать всѣмъ за свои убѣжденія и врядъ ли замышлялъ какія нибудь общества... А если онъ не былъ въ душѣ революціонеромъ, то чѣмъ же онъ могъ быть инымъ, какъ не полицейскимъ агентомъ? И если Мухановъ отказался отъ всякой съ нимъ солидарности въ этомъ случаѣ, то не потому ли, что Сунгуровъ показалъ себя даже дурнымъ агентомъ полиціи, который затѣялъ дѣло съ такой мелюзгой и, не открывъ ничего важнаго, такъ рано допустилъ сдѣлать на себя доносъ. Быть можетъ, желательно было, чтобы онъ проникнулъ въ высшую общественную сферу, а не въ об-

щество студентовъ, неинтересныхъ для правительства, и въ самомъ бы дѣлѣ составилъ серьезное тайное общество, которое потомъ и накрыла бы полиція, и такимъ образомъ, показала бы предъ правительствомъ свою неусыпную бдительность".

Костенецкаго и Антоновича отправили на Кавказъ этапомъ.

„На первомъ же ночлегѣ въ деревнѣ Бицахъ,—разсказываетъ Костенецкій,—куда мы прибыли еще засвѣтло, караульный унтеръ-офицеръ отвелъ намъ особую крестьянскую избу, гдѣ мы и помѣстились съ караульнымъ солдатомъ. Вскорѣ пріѣхали къ намъ еще разъ проститься нѣкоторые изъ нашихъ товарищей, студенты: Почека, Оболенскій, Сатинъ и Николай Огаревъ. Они привезли съ собой закусокъ и вина, и мы, напившись чаю и закусивши, со слезами простились съ ними на долгую разлуку".

„Это свиданіе было послѣднимъ звеномъ, связывавшимъ меня со студентами и университетомъ, говоритъ Костенецкій, и этимъ я заканчиваю мои воспоминанія о моей студенческой жизни".

Такимъ образомъ, если „сунгуровцы" и предавались тѣмъ мечтамъ, о которыхъ говоритъ Герценъ, то все же это были не болѣе, какъ не перешедшія въ дѣло мечты.

Изъ провожавшихъ Костенецкаго и Антоновича студентовъ вскорѣ очутились въ тѣхъ же крутицкихъ казармахъ Оболенскій, Сатинъ и Огаревъ. Это случилось послѣ окончанія ими курса въ московскомъ университетѣ.

Герценъ окончилъ университетскій курсъ пятаго іюня 1833 года со степенью кандидата и съ серебряной медалью. Радостное чувство, испытанное въ это время имъ, какъ и всякимъ, оканчивающимъ ученіе и вступающимъ въ самостоятельную жизнь, осложнялось досадой и болью оскорбленнаго самолюбія, вслѣдствіе присужденія университетомъ ему *только* серебряной медали. „Я кандидатъ,—писалъ онъ въ своихъ „запискахъ",—это правда, но золотую медаль дали

не мнѣ. Мнѣ серебряная медаль—*одна изъ трехъ...* Сегодня актъ, но я не былъ, *ибо не хочу быть вторымъ при полученіи награды*"...

Тщеславное желаніе быть первымъ происходило, однако, у Герцена не изъ самодовольнаго взгляда на себя, какъ на очень образованнаго и очень ученаго человѣка, которому, пожалуй, и учиться то уже больше нечего; совсѣмъ нѣтъ, самолюбіе, конечно, тутъ играло большую роль, но уязвлено оно было, вѣроятно, какою либо несправедливостью при распредѣленіи наградъ. О познаніяхъ же своихъ по выходѣ изъ университета Герценъ,—къ величайшей его чести,—былъ самого скромнаго мнѣнія. Въ вышеуказаной нами статьѣ „Герценъ въ Вяткѣ", г-жа Некрасова приводитъ выдержки изъ нѣсколькихъ *рукописныхъ* писемъ Герцена къ разнымъ лицамъ. Въ числѣ ихъ есть письмо отъ двадцать шестаго іюня 1833 года, т. е. написанное всего черезъ нѣсколько дней послѣ окончанія курса. Въ письмѣ этомъ Герценъ писалъ: „Хотя я и *кончилъ курсъ* (курсивъ подлинника), но собралъ такъ мало, что стыдно на людей смотрѣть".

Тѣмъ не менѣе самому факту окончанія университетскаго курса Герценъ, какъ и всякій живой человѣкъ, былъ очень радъ. Свое настроеніе въ это время онъ самъ описываетъ слѣдующими словами:

„Когда я по чугунной лѣстницѣ университета выходилъ кандидатомъ и съ тѣмъ вмѣстѣ изъ школы на божій свѣтъ, тогда иначе взглянулъ на все. Чувство самобытности и совершеннолѣтія никогда не бываетъ такъ ярко, какъ въ минуту окончанія публичнаго испытанія. Испанскіе башмаки, шнуровавшія душу, лопаются и фантазія гуляетъ на свободѣ. Нѣтъ болѣе ни правилъ, ни направленія извнѣ,—это медовый мѣсяцъ совершеннолѣтія. Съ чувствомъ собственнаго достоинства и достоинства кандидатской степени я явился домой и посвятилъ Нептуну мокрое платье, въ ко-

торомъ плавалъ три года по схоластическому морю на ловлю идей т. е., говоря презрѣнной прозой, подарилъ первогодичнымъ студентамъ толстыя тетради лекцій, выучившія меня стенографіи и разучившія писать удобочитаемо".

По выходѣ изъ университета Герценъ продолжалъ вести, въ сущности, ту же жизнь пира молодости съ одной стороны и пира науки, пира идей, съ другой,—которую велъ и въ студенческіе годы. Онъ и его друзья веселились, жуировали, читали, спорили мечтали, строили планы, которые не переходили ни въ какое практическое дѣло и въ этомъ состояніи пролетѣлъ еще годъ. Затѣмъ послѣдовали крупныя событія въ жизни Герцена и его друзей. Мы говоримъ объ ихъ арестѣ и ссылкѣ.

Причиною ареста былъ безъ сомнѣнія самый фактъ существованія въ Москвѣ „неслужащихъ", вѣчно о чемъ-то толкующихъ, волнующихся и кипятящихся молодыхъ людей, а поводомъ одна студенческая вечеринка съ участіемъ провокатора, на которой пѣлась сочиненная однимъ студентомъ противоправительственная пѣсня и былъ разбитъ бюстъ императора Николая Перваго. Герценъ не только не былъ на этой вечеринкѣ, но, кажется, не былъ даже и знакомъ съ лицами, принимавшимъ въ ней участіе. Арестованъ же онъ былъ на основаніи „косвенныхъ уликъ" относительно его „образа мыслей". Дознаніе выяснило, что пѣвшуюся на вечеринкѣ пѣсню сочинилъ нѣкто Соколовскій, а съ Соколовскимъ былъ знакомъ Огаревъ, съ Огаревымъ же друженъ Герценъ. Отсюда и возникло цѣлое дѣло, существо котораго слѣдственная коммиссія квалифицировала въ качествѣ „несостоявшагося, вслѣдствіе ареста, заговора молодыхъ людей, преданныхъ ученію сенъ-симонизма"... Герценъ держалъ себя на слѣдствіи гордо и независимо, вслѣдствіе чего вселилъ въ судьяхъ убѣжденіе въ своей закоренѣлости... Между тѣмъ, на дѣлѣ Герценъ попалъ въ тюрьму не только не въ качествѣ въ извѣстномъ смыслѣ практическаго дѣя-

теля, но и человѣка съ далеко не сложившимися взглядами и настроеніями. Мы уже говорили о томъ, что Герцена до университетскаго и университетскаго періода его жизни нельзя назвать человѣкомъ, утратившимъ религіозное чувство и принявшимъ религію человѣчества, какъ „être collectif qui se developpe“... Напротивъ, религіозное чувство теплилось въ немъ постоянно и достаточно было небольшаго толчка, чтобы оно разгорѣлось яркою искрою. Такимъ толчкомъ и былъ его извѣстный разговоръ на Ваганьковскомъ кладбищѣ наканунѣ ареста съ „московской кузиной“. Получивъ въ половинѣ іюля 1834 года извѣстіе объ арестѣ Огарева, Герценъ, сильно волновался, какъ самымъ этимъ фактомъ, такъ и вопросомъ: „почему же Огаревъ арестованъ, а я нѣтъ?“ Въ такомъ состояніи духа онъ бродилъ цѣлый день по Москвѣ и, чтобы чѣмъ-нибудь развлечься, отправился девятнадцатаго іюля на скачки на Ходынское поле, гдѣ бывала „вся Москва“. Тутъ встрѣтилъ онъ кузину Наталью Александровну, съ которой и вступилъ въ разговоръ *въ первый разъ послѣ многихъ лѣтъ знакомства.* Послѣ окончанія скачекъ Герценъ отправился домой вмѣстѣ съ кузиной и по дорогѣ разсказалъ ей негодующимъ тономъ объ арестѣ Огарева и своихъ по этому поводу мысляхъ.

— И эта колокольня ничего не говоритъ больше вашему сердцу? Посмотрите, куда она указываетъ,—сказала Наташа,—*тамъ* утѣшатся всѣ скорби.

— Тамъ,—отвѣчалъ я,—а здѣсь имѣть душу, полную силъ, желаній добра и быть не въ состояніи что-нибудь выполнить!

— Развѣ въ этомъ его вина? Отъ этого душа его не менѣе передъ Богомъ. Кто живетъ въ Богѣ, того сковать нельзя, сказалъ великій страдалецъ, снесшій голову на плаху,— апостолъ Павелъ.

— Вы все ссылаетесь на тотъ свѣтъ, а тутъ мой другъ за любовь къ людямъ гибнетъ неоцѣненный, неузнанный.

Апостолъ Павелъ снесъ голову на плаху тогда, когда обратилъ цѣлыя страны въ вѣру Христа.

— Неужели вы говорите о рукоплесканіяхъ? Сейчасъ мы видѣли, какъ ихъ расточаютъ лошадямъ. Одни поденщики требуютъ награды.

Въ заключеніе Наталья Александровна напомнила своему собесѣднику о необходимости молиться...

Вотъ и весь разговоръ, который, конечно, будь Герценъ тѣмъ, чѣмъ его часто изображаютъ, не произвелъ бы на него ровно никакого впечатлѣнія, но дѣло именно въ томъ, что религіозное чувство и до этого разговора никогда Герцена не оставляло и, если ярко вспыхнуло затѣмъ въ тюрьмѣ и ссылкѣ, то разговоръ съ кузиною былъ не причиною того, а лишь *однимъ изъ поводовъ*.

Въ ночь съ двадцатаго на двадцать первое іюля Герценъ былъ арестованъ, провелъ остатокъ ночи въ части и затѣмъ былъ отвезенъ въ „крутицкія казармы". Единственное обвиненіе, которое слѣдственная коммиссія могла предъявить Герцену,—это *подозрѣніе* въ томъ, что онъ по своимъ воззрѣніямъ сенъ-симонистъ... Подобнаго же рода обвиненія значились и за другими арестованными.

Свое заключеніе Герценъ переносилъ очень твердо—и проводилъ время съ пользою. Не зная вовсе до тюрьмы итальянскаго языка, онъ занялся въ тюрьмѣ его изученіемъ и настолько успѣлъ въ этомъ, что прочелъ въ подлинникѣ „Божественную комедію" Данте и „Мои тюрьмы" Сильвіо Пелико. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ съ увлеченіемъ предается чтенію „Евангелія" и „Четьи-Миней".

Такъ прошло девять мѣсяцевъ и 31 марта 1835 года, арестованные были созваны для выслушанія приговора. Г-жа Некрасова цитируетъ одно рукописное письмо Герцена отъ втораго апрѣля 1835 года, въ которомъ онъ писалъ, что заключеннымъ прочли „сначала смертную казнь, потомъ каторгу по законамъ и объявили, что государь милуетъ и

приказываетъ только разослать по городамъ". Герцену назначили Пермь, Огареву—Пензу, извѣстному переводчику Шекспира Сатину—Симбирскъ и т. д.

Настроеніе Герцена въ это время можно опредѣлить вскорѣ вошедшимъ въ употребленіе въ перепискѣ между нимъ и Огаревымъ, терминомъ „резиньяція". Это была спокойная покорность и безропотное преклоненіе передъ волею судьбы. Такое настроеніе продолжалось очень долго, особенно у Огарева, совѣтовавшаго Герцену „предаться резиньяціи" и во время его второй ссылки въ Новгордъ, т. е. въ 1841 году, когда Герценъ къ этого рода чувствамъ совсѣмъ уже потерялъ всякій вкусъ. Но въ 1835 году и Герценъ былъ настроенъ именно такимъ образомъ, причемъ источникомъ подобнаго настроенія являлось религіозное чувство. „Что мнѣ Пермь или Москва, и Москва—Пермь...—писалъ онъ въ одномъ письмѣ. Наша жизнь рѣшена, жребій брошенъ, буря увлекла; куда?—не знаю. Но знаю, что *тамъ* будетъ хорошо, *тамъ* отдыхъ и награда"...

Десятаго апрѣля 1835 года, Герценъ былъ отправленъ изъ Москвы къ мѣсту назначенія въ Пермь. Послѣ девятимѣсячнаго заключенія и отправленіе въ ссылку уже само по себѣ могло показаться нѣкоторою свободою.

„Наконецъ,—писалъ Герценъ,—я въ коляскѣ, за заставой. Не было силъ еще разъ взглянуть на Москву—да и Богъ съ ней. Колокольчику отвязали язычекъ—мы ѣдемъ. Вдругъ провожатый, спокойно курившій трубку, привсталъ на козлахъ и сталъ креститься, говоря моему камердинеру: „креститесь, почему знать, увидимъ ли Кремль и Ивана Великаго". Фу! Я бросилъ ямщику четвертакъ, чтобы онъ скорѣе ѣхалъ, и ямщикъ поскакалъ: вѣтеръ—буря! На другой день я съ любопытствомъ смотрѣлъ на губернскій городъ. Воспитанный во всѣхъ предразсудкахъ столицы, я былъ увѣренъ, что за сто верстъ отъ Москвы и отъ Петербурга Варварій-

скія степи, Несторово Лукоморье и крайне удивился, что губернскій городъ похожъ на дальній кварталъ Москвы".

Послѣ нѣсколькихъ дорожныхъ приключеній, Герценъ прибылъ въ Пермь. Здѣсь онъ разсчитывалъ провести цѣлые года, но провелъ всего три недѣли. Въ Пермь былъ назначенъ другой политическій ссыльный, осужденный по одному дѣлу съ Герценомъ и, въ виду опасности для спокойствія Перми пребыванія въ немъ цѣлыхъ двухъ ссыльныхъ, Герцена перевели въ Вятку, куда онъ и былъ „доставленъ" двадцатаго мая 1835 года. Здѣсь предстояла ему „дѣятельность" въ качествѣ одного изъ канцеляристовъ при канцеляріи Вятскаго губернатора Тюфяева [1]). Образъ этого типичнаго представителя дореформенной Руси, въ высокой степени, художественно изобразилъ впослѣдствіи Герценъ въ „Быломъ и Думахъ". Свою карьеру „Тюфяевъ началъ канатнымъ плясуномъ и въ качествѣ таковаго прошелъ всю Россію до Польши. Оттуда его выслали, какъ бродягу, въ Тобольскъ. Такимъ образомъ, задолго до своего губернаторства въ Вяткѣ, онъ уже прошелъ Вятскую губернію изъ края въ край два раза,—„одинъ разъ по веревкѣ, другой на веревкѣ". Въ Тобольскѣ Тюфяеву удалось пристроиться на службу писцомъ; обнаруживши здѣсь такія качества, какъ безпрекословную исполнительность и всегдашнюю готовность дѣйствовать не разсуждая, онъ обратилъ на себя вниманіе одной чиновной особы, которая и взяла его съ собою въ Петербургъ. Прослуживши тамъ десять лѣтъ и усовершен-

---

[1]) Въ февральской книжкѣ «Русской Мысли» за 1900 годъ, помѣщена довольно интересная статья г-жи Н. М—вой—«Культурная дѣятельность А. И. Герцена въ провинціи». Г-жа М—ва собрала нѣкоторые матеріалы въ «Вятскихъ» и «Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», проливающіе свѣтъ на литературную дѣятельность Герцена въ этихъ изданіяхъ, но она ошибается, говоря, что Герценъ служилъ въ Вяткѣ «совѣтникомъ губернскаго правленія». Это не вѣрно: такую должность занималъ Герценъ уже во время своей второй ссылки въ Новгородъ,—въ Вяткѣ же онъ былъ простымъ «канцеляристомъ».

ствовавшись еще болѣе въ тѣхъ качествахъ, которыми онъ обязанъ былъ своему возвышенію, Тюфяевъ попалъ въ домашніе секретари къ всемогущему графу Аракчееву. Во время занятія русскими Парижа Тюфяевъ и туда сопровождалъ своего „высокаго покровителя“, а по окончаніи войны 1812 г., благодаря тому же Аракчееву, онъ былъ назначенъ въ Вятку сначала вице-губернаторомъ, а потомъ и губернаторомъ. Въ моментъ прибытія Герцена въ Вятку, Тюфяевъ находился въ зенитѣ своего величія. На свое губернаторство смотрѣлъ онъ исключительно съ точки зрѣнія возможности удовлетворять всѣмъ гнуснымъ потребностямъ своей низменной и прошедшей аракчеевскую школу натуры. Возраженій онъ не переносилъ, возможности не соглашаться съ нимъ, съ самимъ губернаторомъ, органически не могъ постигнуть. Подчиненность такому человѣку, разумѣется, не обѣщала Герцену ничего добраго.

Принявши Герцена грубо, Тюфяевъ „проэкзаменовалъ его по части почерка“ и затѣмъ поручилъ правителю канцеляріи Аленицину—обучать „ученаго кандидата московскаго университета“ всякой канцелярской премудрости. Ради этой то „науки“ и долженъ былъ Герценъ являться ежедневно отъ девяти до двухъ часовъ утра и отъ пяти до восьми вечера въ грязную, душную губернаторскую канцелярію и проводить все это время въ обществѣ двадцати другихъ канцеляристовъ, жизнь которыхъ была раздѣлена между двумя заботами: самымъ отчаяннымъ грабежемъ денегъ съ приходящихъ просителей и дикимъ пьянствомъ на награбленныя такимъ способомъ деньги. Взятка царила съ верху до низу. Безъ нея не обходилось ни одно дѣло, не могла быть ни принята, ни исполнена ни одна бумага, ни рѣшенъ самый законнѣйшій гражданскій или уголовный процессъ. Взятками откупались же обыватели и отъ всякихъ содѣянныхъ, а еще чаще несодѣянныхъ преступленій. Отказъ дать взятку могъ повлечь за собою очень горькія

послѣдствія, хотя бы обыватель и былъ чистъ, какъ алмазъ. Въ этомъ отношеніи Вятка не представляла, впрочемъ, чего нибудь исключительнаго, ибо тѣ же „порядки“ царили рѣшительно во всей Россіи. Анненковъ какъ-то замѣтилъ очень остроумно, что „подкупность и взяточничество чиновниковъ замѣняютъ въ Россіи „правовой порядокъ“, такъ какъ безъ этого въ ней жить было бы совершенно невозможно“.

Служба у Тюфяева и общество канцеляристовъ составляли, разумѣется, самую тяжелую сторону вятской жизни Герцена:

„Просидѣвши цѣлый день въ этой галлереѣ,—писалъ онъ,—я приходилъ иной разъ домой въ какомъ-то отупѣніи всѣхъ способностей и бросался на диванъ, изнуренный, униженный и неспособный ни на какую работу, ни на какое занятіе. Я душевно жалѣлъ о моей крутицкой кельѣ съ ея чадомъ и тараканами, съ жандармомъ у дверей и замкомъ на дверяхъ. Тамъ я былъ воленъ дѣлать, что хотѣлъ, никто мнѣ не мѣшалъ; вмѣсто этихъ пошлыхъ рѣчей, грязныхъ людей, низкихъ понятій, грубыхъ чувствъ, тамъ была мертвая тишина и невозмущаемый досугъ. И когда мнѣ приходило въ голову, что послѣ обѣда опять слѣдуетъ идти и завтра опять, мною подчасъ овладѣвало бѣшенство и отчаяніе, и я пилъ вино и водку для утѣшенія“.

Такъ шли дни за днями. Установившіяся отношенія между Тюфяевымъ и Герценомъ не обѣщали для послѣдняго ничего хорошаго и неизвѣстно, чѣмъ бы все это кончилось, если бы не произошли нѣкоторыя благопріятныя для Герцена событія. Спасеніемъ явилось желаніе министра внутреннихъ дѣлъ учредить во всѣхъ губерніяхъ, а въ томъ, числѣ, значитъ, и Вятской, губернскіе статистическіе комитеты; при этомъ министръ требовалъ, чтобы губернаторы „дали свой отзывъ“ по поводу учрежденія такихъ комитетовъ. Разумѣется, не слышавшій ни разу въ своей жизни ни о какой статистикѣ, Тюфяевъ былъ поставленъ полученіемъ такой неслыханной „входящей бумаги“ въ крайнее

затрудненіе; разумѣется его горю не могли помочь ни правитель канцеляріи Аленицинъ, ни другіе губернаторскіе чиновники. Volens-nolens пришлось обратиться за содѣйствіемъ въ этомъ „казусномъ дѣлѣ“ къ „ученому кандидату московскаго университета“. Начались переговоры. Герценъ соглашался не только написать требуемый министромъ „отзывъ“, но и заняться осуществленіемъ министерскаго желанія. Условіемъ для этого онъ ставилъ освобожденіе его отъ обязательныхъ посѣщеній губернаторской канцеляріи и разрѣшеніе работать на дому. Тюфяевъ нѣкоторое время поломался, но, видя, что Герценъ въ своемъ условіи непреклоненъ и, сознавая, что замѣнить его некѣмъ, согласился съ тѣмъ, однако, чтобы Герценъ хоть на нѣсколько минутъ являлся въ канцелярію. Форма должна быть исполнена даже и въ томъ случаѣ, когда она не заключала въ себѣ абсолютно никакого содержанія.

Составленнымъ Герценомъ „отзывомъ“ Тюфяевъ остался очень доволенъ. Въ первый разъ сообразилъ тутъ бывшій канатный плясунъ, что и Герценъ можетъ быть ему полезенъ „для службы“. Онъ захотѣлъ даже приблизить къ себѣ „кандидата“ и съ этою цѣлью сталъ приглашать его на свои обѣды. Герцену пришлось являться на эти обѣды, но понятно, что они тяготили его не менѣе, чѣмъ посѣщенія губернаторской канцеляріи. Тюфяевъ это замѣтилъ и еще болѣе возненавидѣлъ „кандидата“. „Онъ не могъ во мнѣ вынести человѣка, державшаго себя независимо, но вовсе не дерзко,—писалъ Герценъ. Я былъ съ нимъ всегда en régle, онъ требовалъ подобострастія“.

Въ это время завязался у Герцена романъ съ заѣзжей въ Вятку Прасковьей Петровной М—й, той самой Р., о которой Герценъ разсказывалъ впослѣдствіи въ „Быломъ и Думахъ“. Мы вовсе не останавливались бы на этомъ эпизодѣ, на которомъ любятъ подолгу останавливаться нѣкоторые изъ біографовъ Герцена, такъ какъ, по нашему мнѣнію,

біографіи великихъ людей ровно ничего бы не потеряли и безъ этихъ ненужныхъ подробностей, если бы въ данномъ эпизодѣ не было одной стороны, имѣющей и *общественное значеніе*. Нѣкоторые біографы Герцена поступаютъ на оборотъ. Разсказывая подробно о романѣ Герцена съ госпожею М., они ни словомъ не упоминаютъ о немъ съ той единственной стороны, съ которой о романѣ этомъ приходится упоминать. То обстоятельство, что о романѣ разсказывалъ самъ Герценъ, по нашему мнѣнію, нистолько не измѣняетъ дѣла. Романъ этотъ важенъ лишь для характеристики того безграничнаго произвола, который царилъ „въ доброе старое время“ въ Россіи и того, поистинѣ, ужаснаго положенія, въ которомъ находилась человѣческая личность, особенно, если она имѣла несчастье попасть въ разрядъ „неблагонадежныхъ“. На г-жу М. обратилъ свое благосклонное вниманіе все тотъ же знаменитый Тюфяевъ и, дабы достигнуть своей цѣли, прибѣгалъ съ самымъ гнуснымъ средствамъ до угрозъ включительно. Разумѣется, Герценъ вмѣшался въ это дѣло и вступилъ съ всемогущимъ губернаторомъ въ открытую борьбу. Пораженный и раздраженный неслыханной дерзостью своего „подчиненнаго“, Тюфяевъ задумалъ аттестовать его поведеніе такими красками, благодаря которымъ Герцена ужъ разъ на всегда должны были изгнать въ страны, „куда Макаръ телятъ не гонялъ“... И Тюфяевъ навѣрно исполнилъ бы свой планъ, если бы судьба еще разъ не пришла къ Герцену на помощь. Въ это время путешествовалъ по Россію въ сопровожденіи Жуковскаго и Арсеньева бывшій тогда наслѣдникомъ престола Александръ Николаевичъ. Посѣщеніе Вятки входило въ планъ путешественниковъ, вслѣдствіе чего Тюфяевъ получилъ приказаніе изъ Петербурга устроить въ Вяткѣ ко времени пріѣзда наслѣдника, для ознакомленія съ естественными богатствами края выставку, на которой экспонаты должны были быть расположены „по тремъ царствамъ

природы". Такая задача была для Тюфяева уже совершенной тарабарщиной, пожалуй, еще худшей, чѣмъ даже статистика. Въ своихъ воспоминаніяхъ Герценъ разсказываетъ про безпомощность, въ которой находился въ этотъ моментъ Тюфяевъ. „Три царства природы",—говорилъ онъ.—„Ну, напримѣръ, медъ,—куда принадлежитъ медъ? Или золоченная рама, какъ опредѣлить, куда она относится?" Увидя изъ моихъ отвѣтовъ,—продолжаетъ Герценъ, что я имѣю удивительно точныя свѣдѣнія о трехъ царствахъ природы, онъ предложилъ мнѣ заняться расположеніемъ выставки".

Г-жа М. и интриги противъ „кандидата" были отложены въ сторону, а Герценъ съ увлеченіемъ занялся живымъ дѣломъ.

Но, если Тюфяевъ былъ плохо освѣдомленъ по части „трехъ царствъ природы", то зато онъ въ совершенствѣ зналъ науку о томъ, какъ выходить при посѣщеніи начальствующихъ лицъ изъ трудныхъ положеній, науку Сквозника-Дмухоновскаго. На этотъ разъ, однако, его блестящія познанія не принесли пользы.

Разумѣется, началась „чистка" Вятки не только въ смыслѣ внѣшняго благоустройства, но и удаленія такихъ лицъ, присутствіе которыхъ въ городкѣ могло вызвать подачу на Тюфяева жалобъ. Благодаря такой предусмотрительности „хозяина губерніи", былъ посаженъ въ „сумасшедшій домъ" одинъ совершенно здоровый купецъ, обращеніе съ которымъ Тюфяева и до этого эпизода въ высшей степени характерно для жизни обывателей въ ту эпоху, о которой и теперь вздыхаетъ „охранительная" печать. Было много и другихъ продѣлокъ Тюфяева въ томъ же родѣ.

Обо всемъ этомъ узналъ наслѣдникъ и принялъ, поэтому, Тюфяева очень сухо. Дни грознаго вятскаго владыки были, видимо, сочтены.

На устроенной выставкѣ объяснять наслѣднику значеніе экспонатовъ тоже взялся было сначала самъ Тюфяевъ, но,

такъ какъ изъ этого, какъ и слѣдовало ожидать отъ канатнаго плясуна, ровно ничего не вышло, то въ роли „чичероне“ пришлось выступить Герцену. Наслѣдникъ престола и сопровождавшіе его Жуковскій и Арсеньевъ поразились обиліемъ познаній у находившагося въ вятской глуши молодого чиновника; наслѣдникъ сказааъ ему нѣсколько любезныхъ словъ, а по отъѣздѣ его съ выставки, Жуковскій и Арсеньевъ подробно стали распрашивать Герцена о томъ, кто онъ и какимъ образомъ онъ попалъ въ Вятку. Узнавши, въ чемъ дѣло, они обѣщали ему ходатайствовать о возвращеніи его въ столицы.

Полнымъ успѣхомъ такое ходатайство не увѣнчалось, но несомнѣнно, что благодаря знакомству Герцена во время вятской выставки съ Жуковскимъ и Арсеньевымъ, состоялось вскорѣ повелѣніе о переводѣ Герцена на службу во Владиміръ.

Но еще до этого другимъ высочайшимъ приказомъ былъ уволенъ, наконецъ, Тюфяевъ. Г-жа Некрасова приводитъ одинъ отрывокъ изъ рукописнаго письма Герцена, относящагося къ этому событію; письмо это интересно и по фактическому содержанію и въ качествѣ характеристики настроенія Герцена.—„Я былъ въ большихъ хлопотахъ, писалъ онъ восемнадцатаго іюня 1837 года. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ разсорился съ здѣшнимъ губернаторомъ. Надобно замѣтить, что это высшій предѣлъ злодѣя и мерзавца. Послѣднее время я сталъ почти въ явную оппозицію противъ него; я — сосланный, а онъ — губернаторъ. Но есть Богъ: онъ выгнанъ изъ службы за „беззаконное управленіе губерніей“, и, слѣдовательно, торжество на моей сторонѣ. Теперь дышать легче. Теперь прекратились гоненія М., ибо этотъ злодѣй—ея врагъ—и что онъ дѣлалъ противъ нея!—это непостижимо честному человѣку!“ [1]).

---

[1]) Герценъ въ Вяткѣ, стр. 113.

На мѣсто Тюфяева губернаторомъ въ Вятку былъ назначенъ Корниловъ. Вѣроятно, вслѣдствіе письма къ нему о Герценѣ Арсеньева, написаннаго по порученію наслѣдника престола, новый губернаторъ сталъ относиться къ ссыльному несравненно лучше Тюфяева, освободилъ его отъ обязательныхъ посѣщеній канцеляріи и старался дать ему болѣе осмысленную работу. Скоро случай для этого представился. Въ 1837 году изъ Петербурга сдѣлано было распоряженіе завести во всѣхъ городахъ мѣстныя „Губернскія Вѣдомости" съ приложеніемъ къ нимъ такъ называемаго неоффиціальнаго отдѣла. Веденіемъ этого отдѣла „Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» и предложилъ Корниловъ заняться Герцену. Александръ Ивановичъ былъ этимъ очень доволенъ, такъ какъ веденіе неоффиціальнаго отдѣла являлось все-таки дѣломъ живымъ, далекимъ отъ невыносимыхъ занятій въ губернаторской канцеляріи. Еще при Тюфяевѣ, въ виду необходимости организовать выставку и собрать экспонаты для нея изъ всѣхъ „трехъ царствъ природы", Герцену пришлось ѣздить по Вятской губерніи и такимъ образомъ ознакомиться съ ея географическими и этнографическими особенностями. Теперь собранные матеріалы могли быть подвергнуты литературной обработкѣ. И Герценъ энергично берется за это дѣло. Въ статьѣ „Культурная дѣятельность А. И. Герцена въ провинціи", Н. М — ва приводитъ перечень напечатанныхъ въ то время въ „Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ" статей, изъ которыхъ, если не всѣ (а вѣроятнѣе всѣ) то большинство написаны несомнѣнно Герценомъ. Статьи эти называются: „Вотяки и черемисы", „Вотяцкія молитвы", „Русскіе крестьяне Вятской губерніи", „Географическое описаніе Вятской губерніи", „Состояніе народовъ въ Вяткѣ со времени Петра Великаго", „Нѣчто о характеристикѣ племенъ, обитающихъ въ Вятской губерніи", „Взглядъ на состояніе разныхъ вѣтвей хозяйства и промышленности", (описаніе уѣздныхъ городовъ Вятской губерніи и ея достопримѣчатель-

ностей). Статья „Вотяки и Черемисы“ *помѣчена именемъ Герцена*, а „Вотяцкія молитвы“ составляютъ какъ бы ея дополненіе; въ примѣчаніи же къ первой статьѣ говорится: „изъ *первой* тетради статистической *монографіи*, составленной Герценомъ. „Всѣ вышеупомянутые очерки, — говоритъ Н. М—ва, написаны въ одномъ тонѣ, обнаруживаютъ въ авторѣ человѣка съ исторической подготовкой и широкимъ кругозоромъ и даютъ право приписать ихъ Герцену, какъ составныя части его монографіи. То, что въ нихъ отсутствуетъ блескъ герценовскаго остроумія, не сквозитъ его обычный юморъ, легко объясняется ихъ оффиціальнымъ характеромъ, обусловливающимъ извѣстную сухость изложенія, сдавливающимъ индивидуальность“ [1]).

Вообще пребываніе Герцена въ Вяткѣ имѣло большое культурное значеніе въ жизни этого захолустья. Что сталось бы, не будь въ Вяткѣ Герцена, съ организаціей такихъ дѣлъ, какъ выставка, статистическій комитетъ, неоффиціальная часть „Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“? Но и этимъ дѣло еще не ограничилось: въ томъ же 1837 году по приказанію свыше въ Вяткѣ должна была открыться публичная библіотека. Устройствомъ и этого дѣла, опять-таки, кромѣ Герцена, заняться было некому; Герценъ, разумѣется, прекрасно исполнилъ „возложенное на него порученіе“ и въ день открытія библіотеки 6 декабря 1837 года произнесъ передъ публикой рѣчь, которая вошла въ полное собраніе его сочиненій. Въ рѣчи этой Герценъ объяснялъ своимъ слушателямъ значеніе библіотеки въ выраженіяхъ, уже напоминающихъ будущаго знаменитаго писателя. „Опытъ, написанный и брошенный въ употребленіе, есть книга. Книга— это духовное завѣщаніе одного поколѣнія другому, совѣтъ умирающаго старца юношѣ, начинающему жить, приказъ, передаваемый часовымъ, отправляющимся на отдыхъ, часо-

---

[1]) «Русская Мысль» 1900 г., февраль, стр. 3.

вому, заступающему его мѣсто... Утомленный заботами вседневной жизни, читатель придетъ въ библіотеку отдохнуть душою и, укрѣпленный на новый трудъ, всякій разъ благословитъ нѣнышній день, столь близкій русскому сердцу, столь торжественный, съ памятью котораго соединяется день рожденія нашей библіотеки"...

Рѣчь Герцена была покрыта шумными аплодисментами собравшейся на открытіи библіотеки публики и еще болѣе увеличила нравственный авторитетъ среди уже зарождавшагося въ Вяткѣ „мыслящаго пролетаріата" московскаго изгнанника. А что новый элементъ въ русской жизни уже появлялся то тамъ, то здѣсь даже на окраинахъ, и помимо вліянія такихъ большихъ людей, какъ Герценъ, объ этомъ можно судить, напр., по такимъ словамъ Александра Ивановича: „въ 1835 году, во время моей ссылки въ Вятскую губернію, я нашелъ въ уѣздномъ городѣ Сарапулѣ прекрасно составленную библіотеку, въ которой получались всѣ новые книги и журналы на русскомъ языкѣ. Участники брали эти книги на домъ и имѣли читальную залу. Все это было заведено съ невѣроятными усиліями, жертвами и съ огромною настойчивостью, *уѣзднымъ лекаремъ*, вышедшимъ изъ московскаго университета".

Въ самой Вяткѣ такихъ энергичныхъ людей, какъ сарапульскій уѣздный врачъ, повидимому во время пребыванія тамъ Герцена не было. Учитель Скворцовъ, котораго Герценъ считалъ „лучшимъ изъ всѣхъ жителей Вятки", былъ *ученикомъ* Герцена, Витбергъ для роли дѣятельнаго культуртрегера, конечно, не годился, Гавріилъ Каспаровичъ Эрнъ былъ просвѣщеннымъ и близкимъ Герцену человѣкомъ— (его сестру, Марію Эрнъ, Герценъ отправилъ учиться въ пансіонъ въ Москву и поселилъ въ домѣ своихъ родителей; впослѣдствіи Марья Каспаровна сопровождала Герцена въ его заграничныхъ странствованіяхъ и кончила замужествомъ съ профессоромъ музыки, директоромъ бернской консерва-

торіи Рейхелемъ)—но ни откуда не видно, чтобы Эрнъ отличался сколько нибудь иниціативностью, а этихъ только лицъ, да невѣсту Скворцова Полину Тромпетеръ и вспомнилъ Герценъ теплымъ словомъ при выѣздѣ изъ Вятки: „Ну, прощай, Вятка, — писалъ онъ, — всѣмъ сердцемъ благословляю тебя: ты не оставила чуждаго изгнанника, ты дала ему руку и привѣтъ. Благословляю тебя. А вы, друзья, оботрите слезу; вѣдь, вы знали, что встрѣтились съ пилигриммомъ, что онъ не могъ навсегда оставаться съ вами: его зоветъ голосъ сильный. Прощай, Витбергъ, не я буду останавливать страдальческую слезу; прощай Полина и Скворцовъ, не я стану съ вами у алтаря. Прощай Эрнъ, котораго я взялъ за руку и вывелъ на другую половину земного шара,—дружба вамъ и благословеніе изгнанника!“

Чтобы покончить съ описаніемъ событій внѣшней жизни Герцена за время пребыванія его въ Вяткѣ, необходимо упомянуть еще объ одномъ обстоятельствѣ, случившемся такъ же въ богатомъ для Герцена событіями 1837-мъ году. Въ концѣ этого года обнаружены были колоссальныя злоупотребленія въ департаментѣ государственныхъ имуществъ и для раскрытія виновныхъ была назначена особая комиссія. Эта коммиссія должна была работать и въ Вятской губерніи, для чего губернатору приказано было усилить ея составъ двумя мѣстными чиновниками. Однимъ изъ этихъ чиновниковъ Корниловъ назначилъ Герцена, ознакомившагося, благодаря, этому, съ чудовищными преступленіями, безнаказанно совершавшимися въ нѣдрахъ бюрократической машины. Намъ кажется, что участіе въ этой слѣдственной коммиссіи и завѣдываніе затѣмъ во время пребываніе въ Новогородѣ въ должности совѣтника губернскаго правленія дѣлами о раскольникахъ и о злоупотребленіяхъ помѣщичьей власти дали Герцену наиболѣе яркія впечатлѣнія относительно природы общественнаго строя Россіи и потому, какъ бы не измѣнялись впослѣдствіи его взгляды на судьбы Европы и связна-

ные съ этимъ важнѣйшіе соціальные вопросы, какъ бы не подавалъ онъ подъ старость руку своимъ литературнымъ и общественнымъ врагамъ сороковыхъ годовъ — славнофиламъ, — но взглядъ на необходимость упраздненія бюрократическаго механизма, реформы всего государственнаго строя и открытія простора живымъ общественнымъ силамъ, дѣйствующимъ подъ контролемъ свободной печати, остался у Герцена неизмѣннымъ до могилы. Впечатлѣнія полученныя Герценомъ въ слѣдственной коммиссіи въ Вяткѣ, были очень сильны, онѣ глубоко запали въ его душу, съ ними уѣхалъ онъ во Владиміръ. Когда впослѣдствіи онъ разстался съ мистическимъ настроеніемъ, крайне развившимся у него въ Вяткѣ, попалъ снова въ Москву въ среду увлеченной гегелизмомъ московской интеллигенціи, ознакомился самъ съ Гегелемъ, выведя изъ этого ознакомленія взглядъ на философію Гегеля какъ на „алгебру революціи", уѣхалъ во вторую ссылку въ Новгородъ, и прочелъ тамъ „Сущность Христіанства" Фейербаха, книгу, произведшую на него огромное впечатлѣніе и легшую въ основу его новаго міросозерцанія, когда на приготовленную такимъ образомъ почву ложились все въ большемъ и большемъ количествѣ впечатлѣнія отъ ознакомленія съ *подлинною жизнью*, кровью сочившеюся изъ каждаго канцелярскаго „дѣла" о раскольникахъ или злоупотребленіяхъ помѣщичьей власти, — тогда вспоминались ему, конечно, и впечатлѣнія, полученныя въ слѣдственной коммиссіи, доискивавшейся открытія виновныхъ въ совершеніи злоупотребленій съ государственными имуществами, и онъ, конечно, приходилъ къ выводу, что на всемъ пространствѣ Россіи, вездѣ и всюду—*одно и тоже*, и потому реформа,—*сверху-ли, снизу-ли—все равно*,—но реформа необходима и что не намъ Европу корить и учить, какъ это дѣлали славянофилы, а у нея учиться, ее уважать, у нея заимствовать... Съ этимъ настроеніемъ Герценъ, какъ извѣстно, и отправился за границу.

Но мы забѣжали далеко впередъ, и потому вернемся къ изложенію жизни Герцена въ ея хронологической послѣдовательности.

Въ періодъ пребыванія Герцена въ Вяткѣ, жилъ въ ссылкѣ въ томъ же городѣ Александръ Лаврентьевичъ Витбергъ, знаменитый архитекторъ, составившій въ царствованіе Александра I проектъ сооруженія храма Христа Спасителя въ Москвѣ, а затѣмъ, вслѣдствіе чудовищной къ нему несправедливости сильныхъ міра сего, сосланный въ Вятку за какія то якобы злоупотребленія. Это былъ человѣкъ недюжинный, быть можетъ, геніальный, но въ высшей степени мистически настроенный и фанатически преданный своей идеѣ. Съ этимъ то человѣкомъ сошелся Герценъ очень близко и сильно подпалъ подъ его вліяніе.

„Natalie,—писалъ Герценъ,—едва указала мнѣ Бога и я сталъ вѣровать. Пламенная же душа артиста переходила границы и терялась въ темномъ, но величественномъ мистицизмѣ и я нашелъ въ мистицизмѣ больше жизни и поэзіи, чѣмъ въ философіи. Благословляю то время“.

Мы уже говорили, что слова „Natalie“ въ дѣлѣ обращенія Герцена къ Богу были скорѣе поводомъ, чѣмъ причиною, но вліяніе въ этомъ отношеніи Витберга неспоримо.

Изгнанники подолгу бесѣдовали въ длинные зимніе вечера, разсказывая другъ другу событія своей жизни. Витбергъ передавалъ Герцену исторію его проекта построенія храма Христа Спасителя и вотъ какими красками описывалъ впослѣдствіи впечатлѣнія отъ разговоровъ по этому поводу съ Витбергомъ самъ Герценъ:

„Не зданіе храма хотѣлъ воздвигнуть художникъ, а молитву Богу... Храмъ долженъ былъ состоять изъ трехъ отдѣльныхъ. Первый храмъ—нижній, храмъ тѣлесный, тремя сторонами вдается въ гору; свѣтъ проникаетъ въ него съ четвертой стороны. Алтарь освѣщаютъ огромныя стекла съ изображеніемъ Рождества Христова. Сводъ поддерживается

столбами изъ гранита. Стѣны украшены чернымъ, бѣлымъ и сѣрымъ мраморомъ. Барельефы изображаютъ исторію и смерть Спасителя и апостоловъ. Въ углубленіи катакомбы въ память всѣхъ воиновъ, павшихъ за отечество. Сводъ образуетъ фундаментъ второго храма и завершается катакомбой, въ которой должны быть положены воины, павшіе за отечество въ 1812 году и т. д.".

Вѣроятно, подъ вліяніемъ Витберга Герценъ и самъ сталъ изучать архитектуру. При необыкновенныхъ способностяхъ своихъ, онъ, какъ говорятъ, основательно ознакомился и съ этою отраслью науки.

Мистическое настроеніе Герцена сказалось и въ выборѣ имъ въ это время книгъ для чтенія, и въ его собственныхъ литературныхъ произведеніяхъ. Въ статьѣ „Идеалисты тридцатыхъ годовъ" Аненковъ говоритъ,—что главнымъ чтеніемъ Герцена въ Вяткѣ были книги религіознаго и мистическаго характера: Эккартгаузенъ, Апокалипсисъ, сочиненія Лютера съ одной стороны и сочиненія Сведенборга, книги объ алхиміи, объ адейтахъ Парацельса и магнетизмѣ Ешемазера. Сильно увлекался Герценъ въ это время и романтическими произведеніями Жана Поля Рихтера.

Литературная дѣятельность Герцена, какъ это показали изысканія г-жи Некрасовой, началась въ 1830 году. Въ журналѣ „Атеней" за этотъ годъ помѣщенъ, *подписанный Герценомъ*, переводъ съ французскаго статьи „О землетрясеніи". Г-жа Некрасова говоритъ,—что ей удалось найти въ Москвѣ этотъ нумеръ „Атенея" только въ Чертковской библіотекѣ, „и то благодаря любезности г. библіотекаря А. И. Станкевича" [1]).

Въ статьѣ „Гофманъ" сказываются слѣды вятскаго настроенія—Герцена. Хотя на статьѣ и стоитъ дата „двѣнад-

---

[1]) «Юношескіе литературные труды Герцена». Сѣверный Вѣстникъ. 1885 года, сентябрь. стр. 90.

цатое апрѣля 1834 года“, но въ Вяткѣ статья подверглась передѣлкѣ [1]). Плодомъ мистическаго настроенія Герцена явилась „Легенда о св. Федорѣ“, написанная въ 1835 году, а по мѣрѣ развитія этого настроенія слѣды его замѣтны все болѣе и болѣе въ дальнѣйшихъ работахъ Герцена. „Религіозное настроеніе,—говоритъ г-жа Некрасова,—все сильнѣе и сильнѣе охватывало Герцена. Оно отражалось и въ повѣстяхъ, и въ статьяхъ его. Одной изъ такихъ и притомъ любимыхъ статей автора была утратившаяся теперь статья его „Мысль и Откровеніе“. О содержаніи статьи можно судить по намекамъ, разбросаннымъ въ „Перепискѣ“. Она нравилась автору: „Мысль и Откровеніе хорошо,—писалъ онъ (г-жа Некрасова цитируетъ рукописное письмо Герцена отъ 13 февраля 1837 года),—потому тутъ нѣтъ повѣсти, а просто пламенное *изложеніе* моей теоріи; это разговоръ, диссертація, это изложеніе чувствъ и думъ“. Въ одномъ изъ болѣе позднихъ писемъ онъ прибавляетъ,—что въ этой статьѣ выражается тоже „недовѣріе къ мудрости вѣка сего“, какъ и въ „Германскомъ Путешественникѣ“, только здѣсь эта мысль „выражена ясно и отчетливо“. Эта статья долго не переставала интересовать его. Тринадцатаго мая 1837 года онъ писалъ: „въ ней я описывалъ мое собственное развитіе, чтобы раскрыть, какъ опытъ привелъ меня къ религіозному воззрѣнію“ [2]).

По всѣмъ этимъ основаніямъ трудно не согласиться съ г-жею Некрасовой, написавшей такія строки: „Переписка“ подтверждаетъ вполнѣ то положеніе, что Герценъ во время ссылки былъ далекъ отъ всякихъ политическихъ заговоровъ и революціонныхъ пропагандъ“ [3]).

Въ самомъ концѣ 1837 года состоялось Высочайшее по-

---

[1]) Статья эта вошла въ сборникъ статей Герцена подъ заглавіемъ «Раздумье», изданную Е. А. Троякъ въ Москвѣ въ 1870 г.

[2]) Сѣв. Вѣст. 1885 г. сентябрь. стр 105.

[3]) Ibid стр. 96.

велѣніе о переводѣ Герцена во Владиміръ. Встрѣтивши новый годъ „ветчиной и бутылкой замороженнаго шампанскаго“ на почтовой станціи, Герценъ второго января 1838 года въѣхалъ во Владиміръ.

О владимірской жизни Герцена приходится сказать немного. И здѣсь, какъ въ Вяткѣ, онъ отдавался культурной дѣятельности, редактировалъ „Владимірскія Губернскія Вѣдомости“, организовывалъ статистическія изслѣдованія. Его внутреннее настроеніе мало отличалось отъ настроенія вятскаго. Объ этомъ можно судить по слѣдующему, напр., его письму къ Натальѣ Александровнѣ:

„Ко мнѣ ходитъ иногда съ почтеніемъ молодой гимназистъ лѣтъ 15—16; есть способности, таланты, но дурное направленіе, неполное, узкое и бѣдное. Сегодня утромъ онъ началъ спрашивать смиренно и уничиженно моихъ совѣтовъ насчетъ занятій. Я былъ въ духѣ и вдругъ съ огненнымъ жаромъ, поэзіей представилъ ему все высокое призваніе человѣка науки... Потомъ я пошелъ одѣваться въ другую комнату; возвратившись, застаю юношу на томъ же мѣстѣ,— щеки горятъ. „Боже мой,—сказалъ онъ,—вы въ нѣсколько минутъ дали другое направленіе моей жизни, потому что ваша жизнь какъ то необыкновенна вашъ взоръ высокъ, силенъ, завидую вамъ. Что̀ мнѣ дѣлать“?—Вотъ мой совѣтъ: во-первыхъ, берегите, какъ высочайшую святыню, нравственность и чистоту,—это главное; *жертвуйте наукой философіи, и философіей религіи;* читайте природу больше книгъ“.

Жизнь во Владимірѣ, по словамъ самого Герцена, наполнена была главнымъ образомъ „семейными радостями“. Въ это время онъ женился на Натальѣ Александровнѣ вопреки желанію отца, и страницы его „записокъ“ полны изліяніями самого интимнаго характера. Мы не будемъ слѣдить за этими событіями чисто личной, интимной жизни Герцена; замѣтимъ лишь, что и здѣсь, какъ и всегда, благородная, богатоодаренная и художественносотканная натура Александра Ива-

новича ярко выступаетъ изъ подъ его пера. Во владимірѣ Герцену жилось, вообще, гораздо легче, чѣмъ въ Вяткѣ, но его любовь къ правдѣ и благородство характера приводили его иногда и здѣсь къ столкновеніямъ съ губернской администраціей. Такъ, однажды, во время обѣда у владимірскаго губернатора Куруты зашла рѣчь о храмѣ Христа-Спасителя въ Москвѣ. Всѣ присутствовавшіе, съ губернаторомъ во главѣ, стали рѣзко осуждать Витберга. Герценъ не выдержалъ и произнесъ горячую рѣчь въ защиту вятскаго изгнанника. Это было очень смѣло, ибо въ рѣчи Герцена можно было легко усмотрѣть и непочтеніе къ особѣ его превосходительства самого „хозяина губерніи", и „вредный образъ мыслей" и „нераскаянность", и многое другое. Вѣдь, *противъ* губернатора говорилъ публично *ссыльный* въ защиту другого *ссыльнаго*. „Дерзость" Герцена сошла, однако, ему на этотъ разъ съ рукъ.

Такъ прошло еще два года.

Отголоски жизни московской интеллигенціи доносились и во Владиміръ. Жизнь, этой интеллигенціи, была такъ мало похожа на все происходившее во Владимірѣ, что Герцену страстно хотѣлось принять въ ней участіе. Подъ конецъ влидимірской жизни, когда прошелъ первый жаръ семейнаго счастья, Герценъ яснѣе и яснѣе сталъ сознавать, что ни для мирной семейной жизни, ни для міросозерцанія, въ основѣ котораго лежало начало смиренія, онъ не созданъ. Въ немъ просыпалась его энергичная, *дѣйственная* натура. Онъ хочетъ одержать побѣду надъ стремленіями своей природы, но это ему плохо удается. Онъ борется, раздвояется. „Отъ роду первый разъ я сегодня исповѣдовался, пишетъ онъ тридцатаго марта 1838 года,—такой *побѣды* достигъ съ помощью Наташи *надъ своей душой*".

Но „побѣда" побѣдою, а натура брала свое. Гони природу въ дверь, она вскочитъ въ окно. Тридцатаго марта Герценъ исповѣдывался и видѣлъ въ этомъ „побѣду надъ

душой“, а за полтора мѣсяца передъ тѣмъ (девятаго февраля 1838 года) онъ писалъ Наташѣ: „что̀ ни говори, милый другъ, а я никакъ не могу присудить себя къ той небесной кротости, которая составляетъ одно изъ главныхъ свойствъ твоего характера. Я слишкомъ огненъ“. Да, Герценъ, былъ прежде всего слишкомъ „огненъ“ для „небесной кротости“ и потому не переломить было его натуру никакимъ Наташамъ. Психическое содержаніе его въ это время представляетъ большой интересъ. Сильный умъ, бездна собранныхъ свѣдѣній какъ то безпорядочно лежавшихъ на днѣ души, безпокойный духъ, стремившійся найти исходныя *точки опоры*, на которыхъ должно построиться ясное теоретическое міросозерцаніе и исходящая изъ него *осмысленная* практическая дѣятельность,—все это ждало лишь толчка, чтобы быстро кристализоваться въ правильныя, симетричныя формы, и что бы Герценъ превратился въ того Герцена, отличительной чертой котораго стало не смиреніе, а борьба.

Такимъ *толчкомъ* и явилось знакомство съ гегелевской философіей, произведеніями лѣвыхъ гегельянцевъ и въ особенности „Wesen des Christenthums“ Фейербаха.

Все это, такъ сказать, довершило образованіе Герцена, обновило его, дало ему искомыя точки опоры для теоретическаго міросозерцанія, а разъ это случилось, то въ новыя теоретическія воззрѣнія уже легко было влить и расположить въ гармоническомъ порядкѣ и впечатлѣнія отъ чтенія Шиллера, и юношескія клятвы съ Огаревымъ на Воробьевыхъ Горахъ, и выводы отъ участія въ слѣдственной коммиссіи въ Вяткѣ, и возмущенное состояніе духа отъ знакомства съ дѣлами о раскольникахъ и злоупотребленіяхъ помѣщичьею властью въ Новгородѣ, и многое другое...

Въ 1840 году Герценъ прибылъ въ Москву, гдѣ члены бывшаго кружка Станкевича (самого Станкевича въ это время въ Москвѣ уже не было; онъ находился за границею) „стояли каждый съ томомъ гегелевской философіи въ рукахъ

и съ юношеской нетерпимостью провозглашали: нѣтъ философіи кромѣ Гегеля и мы пророки его".

„Толковали о Гегелѣ безпрестанно,—вспоминалъ эту эпоху въ „Быломъ и Думахъ" Герценъ; нѣтъ параграфа во всѣхъ трехъ частяхъ „Логики", въ двухъ „Эстетики", „Энциклопедіи" и проч., который бы не былъ взятъ съ бою отчаянными спорами нѣсколькихъ ночей. Люди, любившіе другъ друга, расходились на цѣлые недѣли, несогласившись въ опредѣленіи „перехватывающаго духа", принимали за обиды мнѣнія объ „абсолютной личности и объ ея по себѣ бытіи". Всѣ ничтожнѣйшія брошюры, выходившія въ Берлинѣ и другихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ нѣмецкой философіи, гдѣ только упоминалось имя Гегеля выписывались, зачитывались до дыръ, до пятенъ, до паденія листовъ въ нѣсколько дней...

„Никто не отрекся бы въ тѣ времена отъ подобной, напр., фразы: „конкресцированіе абстрактныхъ идей въ сферѣ пластики представляетъ ту фазу самоищущаго духа, съ которой онъ, опредѣлясь для себя, потенцируется изъ естественной имманентности въ гармоническую сферу образнаго сознанія въ красотѣ...

„Молодые философы испортили себѣ не одни фразы, но и пониманіе; отношеніе къ жизни, дѣйствительности сдѣлалось школьное, книжное; это было то ученое пониманіе простыхъ вещей, надъ которымъ такъ геніально смѣялся Гете въ разговорѣ Мефистофеля со студентомъ. Все, въ самомъ дѣлѣ, непосредственное, всякое простое чувство было возводимо въ отвлеченныя категоріи и возвращалось оттуда безъ капли живой крови, блѣдной алгебраической тѣнью.

„Во всемъ этомъ была своего рода наивность, потому что все было совершенно искренно. Человѣкъ, который шелъ гулять въ Сокольники, шелъ для того, чтобы отдаться пантеистическому чувству своего единства съ Космосомъ, и если ему попадался на дорогѣ какой-нибудь солдатъ подъ

хмѣлькомъ или баба, вступавшая въ разговоръ, философъ не просто говорилъ съ ними, но опредѣлялъ субстанцію народную въ ея непосредственномъ и случайномъ явленіи. Самая слеза, навертывавшаяся на вѣкахъ, была строго отнесена къ своему порядку—гемюту—или къ „трагическому въ сердцѣ“.

„Тоже въ искусствѣ... Знаніе Гете, особенно второй части „Фауста“ (оттого ли, что она хуже первой или оттого, что труднѣе ея) было столько же обязательнаго, какъ имѣть платье. Философія музыки была на первомъ планѣ. Разумѣется, объ Россини и не говорили, къ Моцарту были снисходительны, хотя и находили его дѣтскимъ и бѣднымъ; за то производили философскія слѣдствія надъ каждымъ аккордомъ Бетховена и очень уважали Шуберта не столько, думаю, за его превосходные напѣвы, сколько за то, что онъ бралъ философскія темы для нихъ, какъ „Всемогущество Божіе“ и „Атласъ“. Наравнѣ съ итальянской музыкой дѣлила опалу и французская литература и вообще все французское, по дорогѣ, и все политическое.

„Отсюда легко понять поле, на которомъ мы должны были непремѣнно встрѣтиться и сразиться. Пока пренія шли о томъ, что Гёте объективенъ, но что его объективность субъективна, тогда какъ Шиллеръ поэтъ субъективный, но его субъективность объективна и vice-versa, все шло мирно. Вопросы болѣе страстные не замедлили явиться“ [1]).

Такова была среда, которую засталъ Герценъ въ Москвѣ. Подъ такими именно вліяніями дошелъ въ это время Бѣлинскій до своихъ ультра-консервативныхъ воззрѣній, а Бакунинъ съ величайшимъ воодушевленіемъ цитировалъ признаваемые имъ за высокообъективные стихи Пушкина:

О чемъ шумите вы народные витіи,
Зачѣмъ анафемой грозите вы Россіи? и т. д.

---

[1]) Томъ. VIII, стр. 121—124.

Возвратившійся въ то время также въ Москву Огаревъ, хотя и не раздѣлялъ, патріотическихъ воззрѣній Бѣлинскаго и Бакунина, но проповѣдывалъ „резиньяцію“ и, вообще, былъ весьма благодушно настроенъ.

Все это было для Герцена ново. Онъ зналъ давно людей, съ которыми теперь снова встрѣтился въ Москвѣ, зналъ ихъ, и въ особенности Бѣлинскаго, со стороны высокой честности; значитъ чистота ихъ помысловъ и убѣжденій,—какъ бы отталкивающи сами по себѣ они ни были,—не могли подлежать сомнѣнію. Герценъ зналъ по личному опыту, что къ началамъ „смиренія и кротости“ можно придти, исходя изъ религіозныхъ настроеній, но, вѣдь, въ данномъ случаѣ этого не было и люди строили свои воззрѣнія на какихъ-то другихъ основаніяхъ. На какихъ же? Разговоры и споры съ Бѣлинскимъ и то обстоятельство, что, какъ у Бѣлинскаго такъ и у другихъ москвичей, было по тому Гегеля въ рукахъ, указали, что искомые основанія лежатъ въ философіи берлинскаго профессора и, что, слѣдовательно, дабы имѣть возможность спорить съ Бѣлинскимъ и его друзьями съ равнымъ оружіемъ, необходимо самому приняться за штудированіе Гегеля.

Герценъ такъ и поступилъ. Необыкновенныя способности сослужили ему и тутъ огромную службу, и онъ быстро ознакомился съ основами воззрѣній нѣмецкаго философа. Такое чтеніе было для Герцена въ высшей степени благодѣтельно, такъ какъ не только дало ему оружіе для спора съ москвичами, но, что самое главное, начало разсѣевать и тотъ мистическій туманъ, который еще сильно застилалъ его собственную голову. Тѣ „точки опоры“, которые онъ давно уже искалъ, хотя болѣе и инстинктивно, чѣмъ сознательно, нашлись въ гегелизмѣ.

„Философія Гегеля, — писалъ онъ составляетъ алгебру революціи... Она необыкновенно освобождаетъ человѣка и не оставляетъ камня на камнѣ отъ міра христіанскаго, отъ

міра преданій, переживших себя. Но она, можетъ быть, *съ намѣреніемъ* дурно формулирована".

Можно сильно сомнѣваться въ правильности истолкованія Герценомъ знаменитаго гегелевскаго положенія — „все дѣйствительное—разумно" въ качествѣ простаго констатированія закона „достаточной причины", но и въ томъ видѣ, въ какомъ имъ была понята философія Гегеля, она составляла для него пріобрѣтеніе громадной важности. Въ своемъ истолкованіи гегелизма онъ увидѣлъ научное оправданіе своихъ стремленій къ борьбѣ за лучшее будущее и давно прорывавшагося въ немъ желанія активнаго вмѣшательства въ общественную жизнь.

Съ этого момента всѣ предыдущія впечатлѣнія жизни начали кристализоваться въ душѣ Герцена въ особыя формы. Бой, непримиримый бой не только съ такъ глубоко заблуждавшимся Бѣлинскимъ, но, если это потребуется, то и съ огаревскими „резиньяціями", вотъ что можно было уже предвидѣть въ дѣятельности Герцена въ ближайшемъ будущемъ. А тамъ á la guerre comme á la guerre! Жизнь же, эта знаменитая „россійская дѣйствительность", постаралась скоро наградить Герцена такими впечатлѣніями, которыя еще болѣе его укрѣпили въ новомъ направленіи и отдалили отъ „резиньяцій".

Въ 1841 году Герценъ съ семьей уѣхалъ въ Петербургъ, чтобы поступить тамъ на службу. Ничтожное событіе, состоявшее въ убійствѣ и ограбленіи какимъ-то будочникомъ человѣка, явилось новою причиною для хотя и „почетной", но все же ссылки Герцена въ Новгородъ. О фактѣ съ будочникомъ „у синяго моста" говорили, разумѣется, вездѣ. Говорилъ о немъ и Герценъ, написавшій о немъ, сверхъ того, письмо своимъ друзьямъ въ Москву. Письмо было вскрыто и результаты получились для Герцена весьма плачевныя.

Въ одно прекрасное утро получаетъ онъ приказаніе

явиться въ третье отдѣленіе и тамъ между нимъ и крупнымъ чиновникомъ этого учрежденія, нѣкіимъ Сахтынскимъ, произошелъ слѣдующій, описанный самимъ Герценомъ, разговоръ:

— Вы, кажется, не очень давно получили разрѣшеніе жить въ столицѣ?

— Въ прошломъ году.

Старикъ покачалъ головою.

— Плохо же вы воспользовались милостью. Вамъ, кажется, придется опять ѣхать въ Вятку.

Я смотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Да-съ,—продолжалъ онъ,—хорошо показали вы признательность правительству, возвратившему васъ.

— Я совершенно ничего не понимаю, — сказалъ я, теряясь въ догадкахъ.

— Не понимаете? Это-то и плохо. Что за связи, что за занятія! Вмѣсто того, чтобы первое время показать усердіе, смыть пятно, оставшееся отъ юношескихъ заблужденій, обратить свои способности на пользу,—нѣтъ! куда! Все политика да пересуды и все во вредъ правительству. Вотъ и договорились! Какъ васъ опытъ не научилъ!

— Если вы можете мнѣ объяснить, что все это значитъ, вы меня очень обяжете; я ломаю себѣ голову и никакъ не пойму, куда ведутъ ваши слова или на что намекаютъ?

— Куда ведутъ? Хм... Ну, а скажите, слышали вы, что у синяго моста будочникъ убилъ и ограбилъ человѣка?

— Слышалъ,—отвѣчалъ я пренаивно.

— И, можетъ быть, повторяли?

— Кажется, что повторялъ.

— Съ разсужденіями, чай?

— Вѣроятно.

— Съ какими же разсужденіями? Вотъ она наклонность къ порицанію правительства. Скажу вамъ откровенно: одно

вамъ дѣлаетъ честь,—это ваше искреннее сознаніе и оно будетъ принято графомъ въ соображеніе.

— Помилуйте,—сказалъ я,—какое тутъ сознаніе? Объ этой исторіи говоритъ весь городъ, говорили въ канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ, въ лавкахъ. Что же тутъ удивительнаго, что и я говорилъ объ этомъ происшествіи?

— Разношеніе ложныхъ и вредныхъ слуховъ есть преступленіе, нетерпимое закономъ.

— Вы меня обвиняете, кажется, въ томъ, что я выдумалъ это дѣло?

— Въ докладной запискѣ сказано только, что вы способствовали распространенію такого вреднаго слуха. На это послѣдовала резолюція о возвращеніи васъ въ Вятку.

— Вы меня только стращаете,—отвѣчалъ я,—какъ это возможно за такое ничтожное дѣло сослать семейнаго человѣка за 1000 верстъ, да притомъ приговорить, осудить его даже не спрашивая, правда ли это?

— Вы сами признались.

— Да какъ же записка была представлена и дѣло было кончено, прежде нежели вы со мною говорили?

— Прочтите сами. — Старикъ хладнокровно вытащилъ бумагу и подалъ ее мнѣ. Я читалъ и не вѣрилъ своимъ глазамъ!!..“

Только при помощи сильной протекціи удалось Герцену перемѣнить ссылку въ Вятку на ссылку въ Новгородъ и притомъ въ должность „совѣтника губернскаго правленія“. Его покровители намекали ему на возможность въ ближайшемъ будущемъ для него „вице-губернаторства“, но Герцену было не до того. Онъ горько жаловался и негодовалъ на все случившееся въ письмахъ къ московскимъ друзьямъ. Въ отвѣтъ на это, Огаревъ предложилъ ему въ утѣшеніе совѣтъ считать все происшедшее „частнымъ случаемъ“ и предаться „резиньяціи“. Но Герценъ уже, видимо, рвался изъ оковъ резиньяціи и отвѣчалъ Огареву письмомъ, очень

характернымъ для его тогдашняго настроенія. Письмо помѣчено одинадцатымъ февраля 1841 года и гласитъ слѣдующее:

„Ты, Огаревъ, проповѣдуешь резиньяцію, но въ томъ случаѣ, въ которомъ ты ее проповѣдуешь мнѣ, она не годится, даже думаю, что именно и бѣда твоя, что ея *слишкомъ много*. Я понимаю, что человѣкъ, одержимый чахоткою, былъ бы жалокъ со своими упреками и гнѣвами на судьбу, понимаю, что человѣкъ, у котораго потонулъ корабль со всѣмъ имуществомъ его, благороденъ, перенося просто то, что внѣ сферы разума и воли, но резиньяціи, когда бьютъ въ рожу, я не понимаю и люблю свой гнѣвъ столько же, сколько ты свой покой. „Частный случай“! Конечно, что все, что случается не съ цѣлымъ племенемъ, можно назвать частнымъ случаемъ, но я думаю есть повыше точка зрѣнія... Ежели ты написалъ, что это „частный случай“ мнѣ въ утѣшеніе, то спасибо; если же ты не на шутку такъ думаешь, то это одно изъ проявленій той ложной, монашеской пассивности, которая, по моему мнѣнію, твой Тифонъ, твой злой духъ. Христіане истинные могли смотрѣть равнодушно на все, что съ ними дѣлали; для нихъ жизнь была дурная станція въ царство Божіе, гдѣ награждаются труды. Мы на жизнь не такъ смотримъ, мы слишкомъ шатки въ вѣрѣ; въ насъ будетъ слабостью, что у нихъ сила. Въ этомъ отношеніи намъ можетъ скорѣе идти гордый, непреклонный стоицизмъ, нежели кроткое прощеніе дѣйствительности, индульгенція всѣмъ пакостямъ ея [1])“.

Въ этомъ настроеніи и прибылъ Герценъ въ Новгородъ. Хоть здѣсь онъ и не былъ канцеляристомъ, какъ въ Вяткѣ, а занималъ важную, въ служебной іерархіи губернскаго чиновничества, должность „совѣтника губернскаго правленія“ но, по существу, дѣло мало отъ этого измѣнилось. Л. Н. Тол-

---

[1]) Анненковъ. Идеалисты тридцатыхъ годовъ, стр. 517.

стой мѣтко назвалъ какъ то чиновничье времяпровожденіе во всякихъ „правленіяхъ“ и „канцеляріяхъ“ „обязательною праздностью“. Именно въ этихъ полезныхъ занятіяхъ и протекало отдаваемое службѣ время Герцена. Нелѣпѣе того положенія, въ которомъ онъ находился въ Новгородѣ, трудно себѣ что нибудь и представить. Будучи назначенъ совѣтникомъ губернскаго правленія и, значитъ, зачисленъ въ ряды высшей губернской администраціи, онъ отданъ былъ въ тоже время подъ надзоръ той же администраціи. Въ довершеніе курьеза въ губернскомъ правленіи Герцену поручили завѣдывать вторымъ отдѣленіемъ, т. е. дѣлами о раскольникахъ, злоупотребленіяхъ помѣщичьей властью, *лицами, состоящими подъ надзоромъ полиціи* и т. д.

„Я увѣренъ,—писалъ по этому поводу Герценъ,—что три четверти людей, которыя прочтутъ это, не повѣрятъ, а между тѣмъ, это сущая правда, что я, какъ совѣтникъ губернскаго правленія, управляющій вторымъ отдѣленіемъ, свидѣтельствовалъ каждые три мѣсяца рапорты полицеймейстера *о самомъ себѣ*, какъ человѣкѣ, находящемся подъ полицейскимъ надзоромъ. Полицеймейстеръ изъ учтивости въ графѣ о поведеніи ничего не писалъ, а въ графѣ занятій ставилъ: „занимается государственной службой“!!..

Дѣйствително трудно повѣрить, а между тѣмъ это историческій фактъ!..

Что представляла затѣмъ сама по себѣ „служба“? „Служить“—это значило во 1) исполнять требованія начальства и 2) писать бумаги.

Въ книгѣ „М. Н. Катковъ и его историческая заслуга“, Н. А. Любимовъ даетъ такую характеристику взаимоотношеній людей, населявшихъ наше отечество въ дореформенное время:

„Начальство сдѣлалось *все* (курс. подлиника) въ странѣ. Все кесареви; Богови оставалось весьма немного. Все сводилось къ простотѣ отношеній начальника и подчиненнаго.

Въ начальствѣ совмѣщались законъ, правда, милость и кара. Губернаторъ, при какой то ссылкѣ на законъ, взявшій со стола Сводъ законовъ и *съвшій на него* съ вопросомъ: *гдѣ законъ?*,—былъ лицомъ *типическимъ* и въ частности добрымъ и справедливымъ человѣкомъ... Купецъ торговалъ потому, что на то была милость начальства; обыватель ходилъ по улицѣ, спалъ послѣ обѣда—въ силу начальническаго позволенія. Приказный пилъ водку, женился, плодилъ дѣтей, бралъ взятки по милости начальническаго снисхожденія. Дышали воздухомъ потому, что начальство, снисходя къ слабости нашей, отпускало въ атмосферу достаточное количество кислороду; рыба плавала въ водѣ, птицы пѣли въ лѣсу потому, что такъ разрѣшено начальствомъ. Начальникъ былъ безотвѣтственъ въ отношеніяхъ своихъ подчиненныхъ, но имѣлъ въ тѣхъ же условіяхъ власть надъ собою... Военные люди, какъ представители дисциплины, считались годными для всѣхъ родовъ службы. Гусарскій полковникъ засѣдалъ въ синодѣ къ качествѣ оберъ-прокурора и т. д. [1]).

Вотъ что происходило на всемъ пространствѣ Руси. Это же самое было, конечно, и въ Новгородѣ. Отсюда понятно, что значило „служить". Прежде всего новгородскій губернаторъ, какъ водится, военный человѣкъ заявилъ Герцену, что, хотя по закону управленіе и должно быть коллегіальнымъ, но что самъ онъ врагъ всякихъ коллегій, „не терпитъ, чтобы совѣтники подавали голосъ и оставались при своемъ мнѣніи". „Это задерживаетъ дѣло,—говорилъ губернаторъ.—Если что не такъ, то можно переговорить, а какъ на *мнѣнія* пойдетъ, то тотъ или другой долженъ подать въ отставку".

---

[1]) Эта цитата изъ книги Любимова фигурировала много разъ у разныхъ авторовъ: такъ, напр., у Джаншіева «Изъ эпохи великихъ реформъ», изд. 7-е, стр. 487—488, у Вѣтринскаго «Въ сороковыхъ годахъ», стр. 11 и др.

Коротко и ясно! Такъ дѣло и обстояло въ дѣйствительности.

„Большихъ преній, горячихъ разсужденій не было; рѣдко случалось, что совѣтникъ спрашивалъ предварительно мнѣніе губернатора, еще рѣже обращался губернаторъ съ дѣловымъ вопросомъ къ совѣтнику. Передъ каждымъ лежалъ ворохъ бумагъ и каждый писалъ свое имя,—это была фабрика подписей“.

„Совѣтники другихъ отдѣленій,—вспоминаетъ Герценъ,—были закаленные старые писцы, дослужившіеся десятками лѣтъ до совѣтничества, жили одной службой т. е. взятками. Когда они поняли, что я не буду участвовать ни въ дѣлежѣ общихъ доходовъ, ни самъ грабить, они стали на меня смотрѣть, какъ на непрошеннаго гостя и опаснаго свидѣтеля“.

Ознакомленіе съ дѣлами о раскольникахъ и злоупотребленіяхъ помѣщичьей властью указали Герцену окончательно на всю безнадежность приданныхъ условіяхъ борьбы со зломъ въ должности чиновника и освѣтили всю глубину неправды существовавшихъ общественныхъ отношеній.

„Разъ,—разсказываетъ Герценъ,—въ холодное зимнее утро пріѣзжаю въ правленіе; въ передней стоитъ женщина лѣтъ тридцати, крестьянка; увидѣвши меня въ мундирѣ, она бросилась передо мною на колѣни и, обливаясь слезами, просила меня заступиться. Баринъ ея Мусинъ-Пушкинъ ссылалъ ее съ мужемъ на поселеніе, ихъ сынъ лѣтъ десяти оставался; она умоляла дозволить ей взять съ собою дитя. Пока она мнѣ разсказывала дѣло, вошелъ военный губернаторъ, я указалъ ей на него и передалъ просьбу. Губернаторъ объяснилъ ей, что дѣти старше десяти лѣтъ остаются у помѣщика. Мать, не понимая *закона*, продолжала просить. Ему было скучно. Женщина, цѣпляясь за его ноги, рыдала и онъ сказалъ, грубо отталкивая ее отъ себя: „да что ты за дура такая; вѣдь, по русски тебѣ говорятъ, что я ничего не могу сдѣлать; что-жъ ты пристаешь“!.. Послѣ

этого онъ пошелъ твердымъ и рѣшительнымъ шагомъ въ уголъ, гдѣ ставилась сабля...

И я пошелъ... съ меня было довольно... развѣ эта женщина не приняла меня за одного изъ нихъ?.. Пора кончить комедію.

— Вы нездоровы?—спросилъ меня совѣтникъ Хлопинъ, переведенный изъ Сибири за какіе-то грѣхи.

— Боленъ,—отвѣчалъ я,—всталъ, раскланялся и уѣхалъ. Въ тотъ же день я написалъ рапортъ о моей болѣзни, и съ тѣхъ поръ нога моя не была въ губернскомъ правленіи. Потомъ я подалъ въ отставку за болѣзнью. Отставку мнѣ сенатъ далъ, присовокупивъ къ ней чинъ надворнаго совѣтника; но Бенкендорфъ съ тѣмъ вмѣстѣ сообщилъ губернатору, что мнѣ запрещенъ въѣздъ въ столицы, а велѣно жить въ Новгородѣ".

Параллельно съ накопленіемъ впечатлѣній, касающихся русской дѣйствительности, у Герцена шло все это время и энергическое накопленіе теоретическихъ познаній. Изученіе Гегеля и лѣвыхъ гегельянцевъ, ознакомленіе съ экономическими вопросами, вдумчивое отношеніе къ разнаго рода философскимъ и соціальнымъ системамъ,—все это составляло богатое содержаніе внутренняго міра Александра Ивановича въ новгородскій періодъ его жизни. Въ немъ подвергался окончательной „отдѣлкѣ" тотъ крѣпко вооруженный и блестящій Герценъ, какимъ его увидѣла въ скоромъ времени снова Москва, какимъ его страстно любили друзья и не менѣе страстно ненавидѣли враги, какимъ его знаетъ, наконецъ, потомство. Время съ 1842 по 1847 годъ было, за исключеніемъ развѣ первыхъ лѣтъ изданія Герценомъ въ Лондонѣ „Колокола", самою замѣчательною эпохою его дѣятельности. Запутавшійся въ противорѣчіяхъ послѣ европейскихъ бурь 1848 года, погруженный этими событіями въ крайній соціальный пессимизмъ, не сумѣвшій удержать за собою позицію „западника" и протянувшій „съ того бе-

рега“ руку славянофиламъ, Герценъ періода 1848—1856 года представляетъ громадный интересъ для изученія не только его крупной личности, но и для нѣкоторыхъ высокопоучительныхъ выводовъ. Не взирая на все огромное различіе психическаго содержанія Герцена и Льва Толстого; чертою сходства въ міросозерцаніяхъ обоихъ знаменитыхъ писателей является элементъ нѣкотораго „барства“. Элементъ этотъ равно уживается у обоихъ съ демократизмомъ и притомъ съ тѣмъ его видомъ, который можно назвать „мужикофильствомъ“. Герценъ любовно относится, правда, вскорѣ по прибытіи во Францію къ французскому пролетарію—парижскому рабочему, но потомъ переноситъ свои упованія на крестьянъ, потомъ разочаровывается въ нихъ и возлагаетъ всѣ свои надежды на крестьянство славянское и въ особенности русское. Толстой не ждетъ ничего добраго отъ европейскаго пролетаріата, но очень вѣритъ въ русскаго мужика.

Но все это случилось съ Герценомъ позже и, прибывши въ Москву въ 1842 году, онъ занялъ очень опредѣленную позицію. Немного было въ это время въ Москвѣ мыслящихъ и преданныхъ общественному благу людей, но тѣ, которые были, представляли зато выдающійся по своимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ кругъ людей.

„Такого круга людей талантливыхъ, развитыхъ, многостороннихъ и чистыхъ, — писалъ впослѣдствіи Герценъ, — я не встрѣчалъ потомъ нигдѣ, ни на высшихъ вершинахъ политическаго міра, ни на послѣднихъ маковкахъ литературнаго аристократическаго (артистическаго?). А я много ѣздилъ, вездѣ жилъ и со всѣми жилъ: революціей меня прибило къ тѣмъ краямъ развитія, далѣе которыхъ ничего нѣтъ, и я по совѣсти долженъ повторить то же самое“ [1]).

Безспорно, что въ строкахъ этихъ заключена значительная доза преувеличенія, Герценъ идеализировалъ прошлое

---

[1]) Сочиненія. т. VIII. стр. 239.

и психологически это вполнѣ понятно: много пожившій, много видѣвшій, во многомъ разочаровавшійся, отъ многаго уставшій, онъ не могъ не вспоминать съ особо теплымъ чувствомъ былые дни и былыхъ близкихъ людей. Все это освѣщалось уже косыми лучами заходящаго солнца, благодаря чему отдаленные предметы рисовались облитыми свѣтомъ поэзіи. Но и за всѣми этими оговорками нельзя не признать, что кругъ московской интеллигенціи сороковыхъ годовъ состоялъ изъ весьма замѣчательныхъ людей. Кругъ этотъ былъ немногочисленен по количеству, но очень интересенъ по составу.

„Я въ Москвѣ зналъ, говоритъ Герценъ, два круга, два полюса ея общественной жизни и могу только объ нихъ говорить. Сначала я былъ потерянъ въ обществѣ стариковъ гвардейскихъ офицеровъ временъ Екатерины, товарищей моего отца и другихъ стариковъ, нашедшихъ тихое убѣжище въ страннопріимномъ сенатѣ. Потомъ я зналъ *молодую* Москву—литературно-свѣтскую... Говоря о московскихъ гостиныхъ и столовыхъ, я говорю о тѣхъ, въ которыхъ нѣкогда царилъ А. С. Пушкинъ, гдѣ до насъ давали тонъ декабристы, смѣялся Грибоѣдовъ, гдѣ М. Ѳ. Орловъ и А. П. Ермоловъ встрѣчали дружескій привѣтъ, потому что они были въ опалѣ, гдѣ А. С. Хомяковъ спорилъ до 4 часовъ утра, начавши въ 9, гдѣ К. Аксаковъ съ мурмолкой въ рукѣ свирѣпствовалъ за Москву, на которую никто не нападалъ и никогда не бралъ въ руки бокала шампанскаго, чтобы не сотворить тайно моленія и тостъ, который всѣ знали, гдѣ Р. выводилъ логически личнаго Бога ad majorem gloriam Hegelii, гдѣ Грановскій являлся съ своей тихой, но твердой рѣчью, гдѣ всѣ помнили Бакунина и Станкевича, гдѣ Чаадаевъ, тщательно одѣтый, съ нѣжнымъ, какъ изъ воску, лицемъ, сердилъ оторопѣвшихъ аристократовъ и православныхъ славянъ колкими замѣчаніями, всегда отлитыми въ оригинальную форму и намѣренно замороженными, гдѣ мо-

лодой старикъ А. И. Тургеневъ мило сплетничалъ обо всѣхъ знаменитостяхъ Европы отъ Шатобріана и Рекамье до Шеллинга и Рахели Варнагенъ, гдѣ Боткинъ и Крюковъ пантеистически наслаждались разсказами М. С. Щепкина и куда, наконецъ, иногда падалъ, какъ кангревова ракета, Бѣлинскій, выжигая кругомъ все, что попадало" [1])...

Вотъ въ этихъ то салонахъ и встрѣчались между собою представители двухъ складывавшихся въ это время направленіи славянофильскаго и западническаго. „Полюсами, между которыми расходились мнѣнія,—говорилъ г. Виноградовъ, можно обозначить Чаадаева съ одной стороны, требовавшаго воспринятія католицизма, какъ воспитательной силы, объединившей Европу и безъ которой нѣтъ единенія съ Европой, и Погодина съ другой стороны, собиравшагося побѣдить Европу уже не штыками а словами" [2]). Послѣ увлеченія гегелизмомъ, ознаменовавшимъ собою вторую половину тридцатыхъ годовъ, появилась уже потребность размежеваться и начали складывать литературно-общественныя партіи. Мы не имѣемъ въ виду разбирать здѣсь доктрину славянофильства,—это завело бы насъ слишкомъ далеко, но сказать о ней нѣсколько словъ намъ, конечно, необходимо.

Ученіе славянофиловъ исходило, какъ извѣстно, изъ отрицанія западнаго уклада жизни, западной исторіи, западной науки и отсюда логически переходило къ отрицанію реформы Петра Великаго, привившей къ намъ ложное западное просвѣщеніе и тѣмъ оторвавшей высшіе сословія общества отъ непосредственной народной стихіи. Въ русскомъ народѣ живы особенныя силы, которыми онъ обновитъ дряхлѣющее человѣчество. Эти силы—православіе и общинные инстикты, полные антиподы католицизма и край-

---

[1]) Томъ VII, стр. 292—293.

[2]) «И. В. Кирѣевскій и начало московскаго славянофильства». Вопросы Философіи и Психологіи. 1892 г., кн. II, стр. 107—108.

няго развитія европейскаго начала личности. Отсюда крайняя и, конечно, въ высшей степени невѣрная идеализація „допетровской Руси“ и желаніе сохранить уцѣлѣвшіе еще отъ нея элементы отъ разрушительнаго вліянія запада. Впослѣдствіи славянофилы развили гораздо полнѣе свое ученіе указаніемъ на то значеніе, которое въ русской жизни должно принадлежать рядомъ съ самодержавіемъ „землѣ“. Свободное признаніе опредѣленныхъ правъ за „землею“ и свободное подчиненіе послѣдней первому въ вопросахъ государственныхъ было, по ученію славянофиловъ, основою, на которой зиждилась древняя русская исторія, причемъ такія отношенія между самодержавной властью и „землею“ проистекали не изъ какихъ нибудь договоровъ верховной власти съ народомъ, не изъ западнаго конституціоннаго начала, а изъ самаго существа русской жизни. Самодержавіе можетъ и должно уживаться съ свободнымъ голосомъ страны; отсюда отрицательное отношеніе къ бюрократіи, составляющей самое вредное для Россіи „средостѣніе“, отсюда и необходимость земскихъ соборовъ съ правомъ совѣщатетьнаго голоса.

Подробный разборъ славянофильской доктрины приводить, по нашему мнѣнію, къ взгляду на это ученіе, какъ на идеологію *класса* аграріевъ; оно представляетъ собою наиболѣе разумную теорію, на которую, примѣнительно къ условіямъ русской жизни, можетъ опираться въ своихъ стремленіяхъ этотъ классъ. Отсюда и трогательныя симпатіи къ славянофильской доктринѣ г. Шарапова въ „Русскомъ Трудѣ“, г. Евреинова въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ и многихъ другихъ. Какъ всегда въ такихъ случаяхъ бываетъ, первые славянофилы полагали (и полагали вполнѣ искренно), что ихъ доктрина отражаетъ собою интересы *всей страны*, но, какъ всегда, въ этой „всей странѣ“ оказались интересы не только не совпадающіе между собою, а прямо таки противоположные. И, вотъ, тѣ, классовымъ интересамъ которыхъ дѣйствительно, отвѣчаетъ это ученіе, цѣпко за него дер-

жатся, протягивая руку народникамъ за ихъ солидарность съ экономической программой славянофильства и не перенося противниковъ народничества, какъ „vaterlandlose Gesellen“...

Но вернемся къ первымъ славянофиламъ.

Теперь уже давно не подлежитъ сомнѣнію, что въ доктринѣ нашихъ славянофиловъ не было рѣшительно ничего „самобытнаго“, что возникло оно подъ западными вліяніями и что аналогичныя нашему славянофильству ученія существовали почти во всѣхъ европейскихъ государствахъ.

„Культурная исторія Европы за послѣднія десятилѣтія показываетъ намъ,—говоритъ г. Алексѣй Веселовскій,—что почти ни одна страна не обошлась въ свое время безъ движенія, вполнѣ схожаго съ нашимъ славянофильствомъ. Сентиментальное поклоненіе одной лишь старинѣ, исканіе въ ней одной величайшихъ доблестей, мистическій оттѣнокъ національной гордости и рядомъ съ этимъ пробужденіе интереса къ народной жизни, поэзіи, повѣрьямъ и т. д.—такова программа всѣхъ этихъ разнообразныхъ сектъ“ [1]).

„Вообще, должно сказать,—говоритъ Н. Г. Чернышевскій, — что славянофильство навѣяно къ намъ съ запада. Нѣтъ ни одной существенной мысли въ немъ (рѣшительно *ни одной*. Курсивъ Чернышевскаго), которая не была бы заимствована изъ нѣкоторыхъ второстепенныхъ французскихъ и нѣмецкихъ писателей, недовольныхъ тѣмъ, что ихъ различныя отсталыя понятія или наивныя ожиданія не подтверждаются наукою“ [2]).

Такое рѣшительное заявленіе Чернышевскаго имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что самъ онъ относился очень сочувственно не только къ нѣкоторымъ изъ славянофиловъ,

---

[1]) Веселовскій. «Западное вліяніе въ русской литературѣ». «Вѣстникъ Европы», 1882 г. май, стр. 72.

[2]) «Очерки гоголевскаго періода русской литературы», стр. 104.

но и ко всей экономической сторонѣ ихъ программы [1]). Но если славянофильство, за исключеніемъ его экономической программы, легшей въ основаніе позднѣйшаго народничества, встрѣтило сильный отпоръ со стороны прогрессивной части нашей литературы даже тогда, когда такіе представители славянофильства, какъ Хомяковъ, Самаринъ, Кирѣевскіе и Константинъ Аксаковъ получили возможность высказаться неизмѣримо полнѣе и яснѣе, чѣмъ въ сороковыхъ годахъ, то понятна упорная борьба съ этимъ ученіемъ, напр., Бѣлинскаго въ періодъ процвѣтанія „Москвитянина“ и „Маяка“, и такихъ ретроградовъ, какъ Шевыревъ или Погодинъ. Позднѣйшіе славянофилы отстраняли отъ себя честь полной солидарности съ вышеназванными учеными мужами, но, во-первыхъ, они работали вмѣстѣ съ ними въ однихъ и тѣхъ же журналахъ, и, во-вторыхъ, близкія личныя отношенія Шевырева и Погодина ко многимъ изъ славянофиловъ, и въ особенности къ семейству Аксаковыхъ, составляютъ историческій фактъ. А проповѣдь Погодина и Шевырева была въ полномъ смыслѣ слова проповѣдью мракобѣсовъ. Понятны отсюда протесты Бѣлинскаго противъ Герцена и его друзей, слишкомъ „терпимо“ относившихся къ славянофиламъ, понятно его грозное: „я жидъ, и не могъ ѣсть за однимъ столомъ съ филистимлянами“; понятны и письма къ друзьямъ во время его путешествія по югу Россіи, изъ которыхъ одно гласитъ слѣдующее:

„Здравствуй, любезный Герценъ! Пишу тебѣ изъ тридевятаго царства, чтобы зналъ ты, что мы еще существуемъ на бѣломъ свѣтѣ, хотя онъ и кажется намъ куда какъ чернымъ. Въѣхавши въ крымскія степи, мы увидѣли три новыхъ для насъ націи: крымскихъ барановъ, крымскихъ верблюдовъ и крымскихъ татаръ. Я думаю, что это разные

---

[1]) См. Замѣтки о современной литературѣ. 1856—1862 г. Изд. М. Н. Чернышевскаго. Спб. 1894, стр. 102—103, а также 245—246 и мн. др.

виды одного и того же рода, разныя колѣна одного племени,—такъ много общаго въ ихъ физіономіи. Если они говорятъ и не однимъ языкомъ, то, тѣмъ не менѣе, хорошо понимаютъ другъ друга. А смотрятъ рѣшительно славянофилами. Но—увы!.. Въ лицѣ татаръ даже настоящее, коренное восточное патріархальное славянофильство поколебалось отъ вліянія луковаго запаха: татары большею частью носятъ на головѣ длинные волосы, а бороду брѣютъ! Только бараны и верблюды упорно держатся святыхъ праотеческихъ обычаевъ временъ Кошихина: своего мнѣнія не имѣютъ, буйной воли и буйнаго разума боятся пуще чумы и безконечно уважаютъ старшаго въ родѣ, т.-е. татарина, позволяя ему вести себя куда угодно и не позволяя себѣ спросить его, почему онъ, будучи ничѣмъ не умнѣе ихъ, гоняетъ ихъ съмѣста на мѣсто? Словомъ, принципъ смиренія и кротости достигнутъ ими въ совершенствѣ, и на этотъ счетъ они могли бы проблеять что-нибудь поинтереснѣе того, что̀ блеетъ Шевырка (Шевыревъ) и вся славянофильская братія"... [1]).

Герценъ относился къ славянофиламъ гораздо мягче и терпимѣе Бѣлинскаго. Ему доставляли большое удовольствіе самыя встрѣчи и споры съ ними, притомъ же онъ никогда не сомнѣвался въ полной искренности первыхъ славянофиловъ. Споры велись постоянно, особенно на религіозной почвѣ между „католиками" съ одной стороны и „славянами" съ другой. Относительно этого рода споровъ Герценъ писалъ тогда же въ своемъ дневникѣ такія ироническія строки:

„Типъ этихъ споровъ одинъ: „откуда вѣдьмы, изъ Кіева или изъ Чернигова?" Для людей, не вѣрящихъ въ вѣдьмъ, остается зѣвать и жалѣть расточенія силъ... Есть и протестанты,

---

[1]) Неизданныя письма В. Г. Бѣлинскаго къ А. И. Герцену «Русская Мысль». Январь. 1891, стр. 24. Это письмо помѣщено, впрочемъ, и въ книгѣ г. Пыпина (т. II, стр. 264), но безъ начала и съ обозначеніемъ фамиліи Шевырева только первой буквой.

улыбающіеся надъ тѣми и другими, смѣющіеся надъ невѣждами, утверждающими, что вѣдьмы изъ Кіева или изъ Чернигова; а сами они знаютъ навѣрное, что вѣдьмы идутъ изъ Житомира" [1]).

Но споры происходили часто и о другихъ сторонахъ жизни, и они только закаляли Герцена въ его западническихъ воззрѣніяхъ. Необходимо замѣтить, что славянофилы еще *до Гакстгаузена* обратили вниманіе на особенности русскаго землевладѣнія. Нижеслѣдующія строки не изъ воспоминаній Герцена, въ которыхъ онъ, конечно, могъ многое забыть и спутать, а изъ дневника, писаннаго имъ непосредственно подъ впечатлѣніемъ разговоровъ съ славянофилами, ясно указываютъ, что это было именно такъ, что разговоры шли не объ „общинности" въ томъ неопредѣленномъ смыслѣ, въ которомъ часто встрѣчается это выраженіе въ печатныхъ славянофильскихъ сочиненіяхъ, а именно объ общинномъ землевладѣніи. Эти же строки указываютъ на чрезвычайную силу и ясность мысли въ ту эпоху у самого Герцена,—ясность, которую онъ, увы, очень утратилъ „послѣ бурь 1848 года".

„Наши славянофилы,—писалъ онъ въ дневникѣ, — толкуютъ *объ общинномъ началѣ, о томъ, что у насъ нѣтъ пролетаріевъ, о раздѣлѣ полей;* все это хорошіе зародыши, и долею они основаны на неразвитости. Такъ, у бедуиновъ право собственности не имѣетъ эгоистическаго характера европейскаго; но они забываютъ, съ другой стороны, отсутствіе всякаго уваженія къ себѣ, тупую выносливость всякихъ притѣсненій, словомъ, возможность жить при такомъ порядкѣ дѣлъ [2]).

Вообще, Герценъ обнаруживалъ въ это время замѣчательную глубину мысли. Онъ видѣлъ *слабыя стороны* западни-

---

[1]) Томъ I, стр. 73—74.
[2]) Ibid., стр. 112.

ческой позиціи, онъ сознавалъ, что славянофилы выводятъ несравненно послѣдовательнѣе свои идеалы политическаго устройства Россіи изъ „духа народнаго“ (покоящагося въ свою очередь на „власти земли“), онъ понималъ это и говорилъ, что „западная либеральная партія (западники) тогда только получитъ силу и народную поддержку, когда овладѣетъ темами славянофиловъ“ [1]), и сильно напрягалъ мысль, чтобы разрѣшить предъявлявшіяся самой русской жизнью проблемы. Герценъ ихъ не рѣшилъ, но, если бы кто-нибудь представилъ ему тѣ рѣшенія, на которыхъ онъ остановился черезъ десять—пятнадцать лѣтъ послѣ споровъ съ московскими славянофилами, то, по всей вѣроятности, онъ отвергъ бы ихъ, какъ половинчатыя, ничего не рѣшающія, эклектическія. Чаадаевскій пессимизмъ былъ, конечно, болѣе послѣдовательнымъ выходомъ, чѣмъ тотъ, къ которому пришелъ Герценъ въ концѣ сороковыхъ и въ пятидесятыхъ годахъ. Въ описываемую эпоху Герценъ былъ еще чуждъ эклектизма.

„Спорили, спорили,—писалъ онъ въ дневникѣ,—и, какъ всегда, кончили ничѣмъ, холодными рѣчами и остротами. Наше состояніе безвыходно, потому что ложно, потому что *историческая логика указываетъ, что мы внѣ народныхъ потребностей* и наше дѣло отчаянное страданіе. Страданіе безсимпатичное, неоцѣняемое и, конечно, полезное для будущаго, но намъ не дающее никакого личнаго вознагражденія; жить отвлеченной идеей самопожертвованія неестественно, даже религіозные фанатики имѣли награду личную въ упованіи. Стоицизмъ есть тоже отчаянное положеніе“ [2]).

Герценъ еще не находилъ выхода, онъ нащупывалъ почву, но отъ славянофильскихъ воззрѣній былъ, конечно, очень и очень далекъ.

Не такъ относился онъ къ этому въ 1861 году:

---

[1]) Анненковъ. Идеалисты тридц. годовъ. В. Е. 1883 г., апр., стр. 525.
[2]) Томъ I, стр. 98.

„Кирѣевскіе, Хомяковъ и Аксаковъ (Константинъ) сдѣлали свое дѣло... Съ нихъ начинается *переломъ русской мысли*, и, когда мы это говоримъ, кажется, насъ нельзя заподозрить въ пристрастіи. Да, мы *были* противниками ихъ, но очень странными. У насъ была одна любовь, но не одинаковая. У нихъ и у насъ запало съ раннихъ лѣтъ одно сильное, безсчетное, физіологическое страстное чувство, которое они принимали за воспоминаніе, а мы за пророчество—чувство безграничной, обхватывающей все существованіе любви къ русскому быту, къ русскому складу ума.

„Они все, всю любовь, всю нѣжность перенесли на угнетенную мать. У насъ, воспитанныхъ внѣ дома, эта связь ослабла. Мы были на рукахъ французской гувернантки, поздно узнали, что мать наша не она, а загнанная крестьянка, и то мы сами догадались по сходству въ чертахъ, да потому, что ея пѣсни были намъ роднѣе водевилей. Мы сильно ее полюбили, но жизнь ея была слишкомъ тѣсна... Мы знали и другое, что ея счастье впереди, что подъ ея сердцемъ бьется зародышъ,—это нашъ меньшій братъ, которому мы безъ чечевицы уступимъ старшинство.

„Такова была наша семейная разладица лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Много воды утекло съ тѣхъ поръ; *время, исторія, опытъ сблизили насъ* не потому, чтобы они насъ перетянули къ себѣ или мы ихъ, а потому, что *и они, и мы ближе къ истинному воззрѣнію теперь, чѣмъ были тогда*, когда безпощадно терзали другъ друга въ журнальныхъ статьяхъ“... [1]).

Намъ совершенно понятно, что эти и многія другія строки изъ позднѣйшихъ писаній Герцена приводятъ, напр., Страхова къ убѣжденію въ томъ, что Герценъ сталъ ближе *къ нимъ*, къ славянофиламъ: „Совершенно ясно,—говоритъ Страховъ,—что эта вѣра (Герцена) въ Россію носитъ на

---

[1]) Томъ VII, стр. 316—317.

себѣ отпечатокъ славянофильства... Вначалѣ онъ былъ однимъ изъ самыхъ ярыхъ противниковъ славянофильства, но потомъ *все больше и больше сталъ раздѣлять его мнѣнія*" [1]); все это повторяемъ совершенно понятно, но на мнѣнія Герцена, высказанныя имъ въ приведенной послѣдней цитатѣ изъ его сочиненій, смотрятъ, какъ на справедливыя, и писатели, *казалось бы*, съ славянофильствомъ ничего общаго не имѣющіе.

Такъ, приведя эту самую цитату изъ Герцена о томъ, что „они (славянофилы) и мы (западники) *ближе къ истинному воззрѣнію теперь* (въ 1861 году), чѣмъ были тогда" (пятнадцать лѣтъ передъ этимъ), г. Вѣтринскій говоритъ: „такой взглядъ, заявленный тридцать пять лѣтъ назадъ, нынѣ можетъ считаться окончательно установившимся" [2]).

Мы не знаемъ, насколько такой взглядъ „можетъ считаться окончательно установившимся", но если бы это даже и было такъ, то „окончательное установленіе" видимо невѣрныхъ взглядовъ лишній разъ свидѣтельствовало бы лишь о „бѣдности русской мысли".

Въ 1861 году славянофилы не уступили западникамъ *ни іоты* изъ своего, въ сущности, очень стройнаго, хотя, разумѣется, совершенно ненаучнаго и не выдерживающаго критики міросозерцанія. Благодаря большей свободѣ печати, они лишь развили его шире и полнѣе. Въ вопросахъ религіозномъ и національномъ, въ воззрѣніяхъ экономическихъ и политическихъ славянофилы были тѣмъ же въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ, чѣмъ были и въ сороковыхъ. Въ чемъ уступили они западникамъ? Развѣ Хомяковъ, Константинъ Аксаковъ, Кирѣевскіе, Самаринъ были *когда-нибудь* противъ освобожденія крестьянъ, противъ

---

[1]) Страховъ. Борьба съ западомъ въ нашей литературѣ, кн. 1, стр. 102—103 и мн. другія.

[2]) Вѣтринскій. Т. Н. Грановскій и его время, стр. 75.

широкаго *мѣстнаго* самоуправленія, противъ свободы печати? Такъ въ чемъ же измѣнились они-то? Кажется, ни въ чемъ. А между тѣмъ сближеніе ихъ воззрѣній и воззрѣній Герцена, дѣйствительно, произошло, но не потому, что обѣ стороны („они и мы", какъ выражался Герценъ) стали „ближе къ истинному воззрѣнію", а потому что Герценъ сдѣлалъ большой шагъ къ нимъ принятіемъ ихъ *экономической программы*. Это оказало очень большое вліяніе на строй воззрѣній такъ называемыхъ народниковъ, и г. Пыпинъ совершенно вѣрно замѣтилъ, что „считающее себя новѣйшимъ общественнымъ принципомъ народничество" очень въ этомъ заблуждается, такъ какъ его „первые источники мы несомнѣнно найдемъ въ движеніи сороковыхъ годовъ,— одну сторону—либерально-освободительную въ идеяхъ школы Гоголя и Бѣлинскаго, другую—мистико-сентиментальную въ славянофильствѣ" [1]).

„Мистико-сентиментальное" вѣрованіе въ „народъ", которое исповѣдывалъ Герценъ въ шестидесятыхъ годахъ, было не приближеніемъ къ „истинному воззрѣнію", а шагомъ *назадъ*, ненужнымъ и вреднымъ протягиваніемъ руки славянофиламъ, такою „ступенью" въ развитіи, которую давнымъ давно отбросилъ, напр., Бѣлинскій.

„Мой вѣрующій другъ и наши *славянофилы*,—писалъ Бѣлинскій въ 1848 году къ одному изъ своихъ друзей,— *помогли* мнѣ сбросить съ себя *мистическое* вѣрованіе въ народъ" [2]). Бѣлинскому славянофилы „помогли" „сбросить съ себя мистическое вѣрованіе въ народъ", и онъ окончательно отъ нихъ отошелъ въ другую сторону, а Герцену они поспособствовали „послѣ бурь сороковыхъ годовъ" *принять* значительную долю ихъ вѣрованій, и *этою стороною*

---

[1]) Пыпинъ. «Народничество». «Вѣст. Евр.» 1884 г., январь, стр. 163—164.

[2]) «Бѣлинскій, его жизнь и переписка», стр. 524, а также «В. П. Анненковъ и его друзья», стр. 612.

онъ приблизился къ славянофиламъ. Въ результатѣ получилось то будто бы болѣе близкое къ „истинному воззрѣнію“, а въ сущности эклектическое міросозерцаніе, которое многими нашими писателями и теперь считается за правильное. Читатель только что слышалъ отъ г. Вѣтринскаго, что высказанныя Герценомъ въ шестьдесятъ первомъ году воззрѣнія на славянофильство и названныя имъ самимъ „болѣе близкимъ къ истинному воззрѣнію“, — „нынѣ“ считаются „окончательно установившимся“...

Рискуя высказать большую ересь, беремъ на себя смѣлость совершенно не согласиться съ „окончательно установившимся“ нынѣ на этотъ предметъ взглядомъ...

Нѣтъ сомнѣнія, что, *какъ личности*, первые основатели славянофильства (Хомяковъ, Кирѣевскіе, К. Аксаковъ, Самаринъ) возбуждаютъ большую симпатію; нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что ихъ міросозерцаніе гораздо стройнѣе, полнѣе и логичнѣе, чѣмъ міросозерцаніе народниковъ (возьмите хоть такую мысль Кошелева: „общинное владѣніе землею служитъ прочною основою государственной устойчивости“), но едва ли можно сомнѣваться и въ томъ, что отстаивать *свои* идеи касательно „надстроекъ“ можно лишь путемъ не признанія славянофильскихъ взглядовъ за „болѣе близкія къ истинному воззрѣнію“, а путемъ полнаго опроверженія самыхъ *основъ* славянофильской доктрины и притомъ не національныхъ и мистико-философскихъ только, а и экономическихъ. Этимъ и только этимъ объясняется та ненависть, которую возбуждаетъ „новое теченіе русской мысли“ у современныхъ эпигоновъ славянофильства и ихъ расшаркиваніе передъ народниками... Мы знаемъ, что сколько-нибудь сильныхъ представителей славянофильства въ настоящее время не существуетъ,—это признаютъ и сами эпигоны славянофильскаго ученія [1]),—и потому, faute de mieux, возьмемъ считающаго

[1]) См. брошюру Кирѣева: «Славянофильство и націонализмъ», стр. 10.

себя продолжателемъ дѣла славянофиловъ г. Шарапова. Осыпая площадною бранью противниковъ народничества („новые монголы", „шуты гороховые" и т. д.), г. Шараповъ писалъ въ „Русскомъ Трудѣ" такія строки: „фактъ остается фактомъ: народники „Русскаго Богатства" почувствовали себя очень плохо и выдали свою полную слабость, какъ школа, какъ литературная партія. Это для насъ тѣмъ болѣе прискорбно, что во многихъ положеніяхъ славянофильство и народничество *сходятся принципіально, особенно въ области экономической*, и, если бы у народническаго лагеря не было чисто книжнаго поклоненія предразсудкамъ, Богъ вѣсть откуда почерпнутымъ, вѣрнѣе, унаслѣдованнымъ, намъ можно было бы *добрую половину дороги* идти вмѣстѣ и съ пользою работать для русскаго народа" [1]).

Основаніе для всѣхъ подобныхъ воззрѣній на дѣло и для выводовъ изъ нихъ далъ никто другой, какъ Герценъ, занявшій въ шестидесятыхъ годахъ среднее, половинчатое положеніе между славянофилами и западниками.. Это была одна изъ величайшихъ ошибокъ блестящаго писателя, и эту-то ошибку признаютъ „нынѣ" за нѣчто вѣрное, его отношеніе этого времени къ славянофильскому ученію считаютъ за болѣе близкое къ истинѣ, его завѣдомо невѣрные на этотъ предметъ взгляды дѣломъ „окончательно установившимся"... Такова сила предразсудка!...

Мы не будемъ болѣе останавливаться на московской жизни Герцена, на восторгѣ, вызванномъ публичными лекціями Грановскаго, „въ лицѣ котораго,—говоритъ Герценъ,—московское общество привѣтствовало рвущуюся къ свободѣ мысль запада, мысль умственной независимости и борьбы за нее" [2]) на елагинскихъ, свербеевскихъ и чаадаевскихъ вечерахъ, и

---

[1]) «Русскій Трудъ», 1899 г., № 18, передовая статья.
[2]) Сочиненія, т. VII, стр. 291.

остановимся вкратцѣ лишь на особенно блестяще проявившейся въ это время литературной дѣятельности Александра Ивановича.

Мы уже говорили, что если не считать нѣкоторыхъ переводовъ, напечатанныхъ Герценомъ, еще въ концѣ двадцатыхъ годовъ, началомъ выступленія его на литературное поприще надо считать напечатаніе имъ статьи „Гофманъ". Она датирована двѣнадцатымъ апрѣля 1834 года, но появилась въ печати гораздо позже. Самымъ обильнымъ періодомъ литературной дѣятельности Герцена было время пребыванія его въ Москвѣ передъ поѣздкой за границу. Къ этому періоду его жизни относятся такія превосходныя вещи, какъ „По поводу одной драмы", „Сорока-воровка" и многое другое. Семейный вопросъ, съ одной стороны, и положеніе вообще угнетенной *личности*, будь то мужчина, женщина или ребенокъ все равно, съ другой,—усиленно занимали вниманіе Герцена. „Бракъ, когда отъ него отлетѣлъ духъ, позорнѣйшая и нелѣпѣйшая цѣпь",—писалъ онъ въ своемъ „дневникѣ".—„Я безъ хвастовства могу сказать,—писалъ онъ въ другомъ мѣстѣ дневника, что я прожилъ собственнымъ опытомъ и до дна всѣ фазы семейной жизни и увидѣлъ всю непрочность связей крови; онѣ крѣпки, когда ихъ поддерживаетъ духовная связь (то-есть когда ихъ не нужно), а безъ нихъ держатся до перваго толчка. Vanitas! Vanitas!" [1]). Эти идеи о бракѣ и семейной жизни и развивалъ Герценъ въ своихъ печатныхъ произведеніяхъ. Замѣчательная психика и замѣчательный талантъ Герцена отличаются одною поразительною особенностью: этотъ человѣкъ умѣлъ увидѣть въ самыхъ, казалось бы, *простыхъ*, *обыкновенныхъ* вещахъ такія стороны, которыхъ тысячи людей не замѣтятъ, пройдутъ мимо, а если вы имъ на нихъ укажете, то величественно пожмутъ плечами и отвѣтятъ какою-нибудь пошлостью въ родѣ употребляемой въ такихъ

---

[1]) Ibid., т. I, стр. 37, 54.

случаяхъ фразы: „кто же этого не знаетъ?...“ Герценъ былъ въ театрѣ. Шла „самая обыкновенная“ пьеса. Это была драма, но драма, повторяемъ, самая „простая“. Указывая на это обстоятельство, Герценъ говоритъ о ней такъ: „Если вы не видали подобной у себя въ домѣ, то навѣрно могли видѣть у котораго-нибудь изъ сосѣдей. Дѣвица 28 лѣтъ, по имени Генріэтта, болѣзненная и печальная, влюблена до безумія въ юношу 20 лѣтъ, а тотъ, беззаботный и веселый, живетъ себѣ, не думая о ней, да сверхъ того, кажется, ни о чемъ другомъ. Докторъ, другъ отца Генріэтты, понявъ дѣло, захотѣлъ съ патологическимъ благоразуміемъ помочь и, само собою разумѣется, страшно повредилъ. Онъ торжественно и таинственно разсказалъ юношѣ о любви къ нему Генріэтты, требуя отъ него, чтобы онъ уѣхалъ, скрылся. Вѣсть о любви сильно отозвалась въ сердцѣ юноши; сознаніе быть любимымъ и притомъ въ 20 лѣтъ обняла огнемъ всю грудь его— и съ этой минуты онъ самъ ее любилъ“. Юноша женится на дѣвушкѣ. Первое время они счастливы, но проходитъ пять лѣтъ, и у мужа любовь къ женѣ исчезаетъ. „Теперь онъ влюбленъ въ свою родственницу, жившую въ ихъ домѣ— Полину“. Молодой человѣкъ благороденъ и честенъ: онъ понимаетъ святость своихъ обязанностей и болѣе—онъ исполненъ безпредѣльнаго уваженія къ любящей, кроткой, доброй Генріэттѣ. Но онъ ее не любитъ, не любитъ, потому что не любитъ: логика чувствъ и страстей коротка. Сгнетенная страсть растетъ; онъ ей не даетъ шага, онъ уничтожается, разлагается въ этой борьбѣ, но борется. Жена догадалась, и они *быстро влекутъ другъ друга къ гибели во имя любви.* Генріэтта въ отчаяніи: она ничего не имѣетъ внѣ мужа, ея жизнь только любовь къ нему; а онъ еще больше въ отчаяніи: онъ безчестенъ въ своихъ глазахъ, онъ клятвопреступникъ, онъ подлый обманщикъ,—тутъ притворяясь, что любитъ; тамъ притворяясь, что не любитъ“. Полина въ свою очередь тайно любитъ молодого человѣка. Желая принести себя въ

жертву возможности семейнаго счастья для мужа, Генріэтта симулируетъ самоубійство. Молодой человѣкъ женится на Полинѣ. Узнавши это, Генріэтта не выноситъ и умираетъ, „прощая ему и совѣтуя беречь Полину". „И двоеженецъ, поверженный въ прахъ, остается съ страшными угрызеніями совѣсти, которыя, вѣроятно, проводятъ его черезъ всю жизнь. Вотъ и пьеса!" [1]). „Когда опустился занавѣсъ, говорилъ Герценъ, мнѣ было невыразимо тяжело. Точно я присутствовалъ *при инквизиторской пыткѣ невинныхъ*. Всѣ люди въ этой драмѣ—люди добрые, обыкновенные, даже честные и исполняющіе долгъ свой, а между тѣмъ одинъ изъ нихъ казненъ смертью, двое другихъ—участіемъ въ этой казни".

Именно, „инквизиторская пытка невинныхъ"! Немного здѣсь строкъ, но страшно много мысли. Неестественность существующихъ отношеній между полами, масса ненужныхъ условностей, благодаря существованію которыхъ такъ часто затягивается мертвая петля вокругъ шеи вполнѣ порядочныхъ людей, необходимость найти такой выходъ, при которомъ не надо будетъ ни участвовать, ни присутствовать при „инквизиторской пыткѣ невинныхъ", —вотъ вопросы, которые заняли Герцена и надъ разрѣшеніемъ которыхъ онъ сильно и плодотворно поработалъ.

„Не отвергнуться влеченій сердца, не отречься отъ своей индивидуальности и всего частнаго, не предать семейство—всеобщему, но раскрыть свою душу всему человѣческому, страдать и наслаждаться страданіями и наслажденіями современности, работать столько же для рода, сколько для себя, словомъ, развить эгоистическое сердце во всѣхъ скорбящее, обобщить его разумомъ и въ свою очередь оживить имъ разумъ,—„вотъ выходъ, который предлагалъ Герценъ въ той же статьѣ". Человѣкъ безъ сердца какая-то безстрастная машина мышленія, не имѣющая ни семьи, ни друга,

---

[1]) По поводу одной драмы. Въ сборникѣ «Раздумье», стр. 71—73.

ни родины; сердце составляетъ прекрасную и неотъемлемую основу духовнаго развитія; изъ него пробѣгаетъ по жиламъ струя огня всесогрѣвающаго и живительнаго; имъ живое сотрясается въ наслажденіе, радо себѣ. Поднимаясь въ сферу всеобщаго, страстность не утрачивается, но преображается, теряя свою дикую, судорожную сторону; предметъ ея выше, святѣе, по мѣрѣ расширенія интересовъ, уменьшается сосредоточенность около своей личности, а съ нею и ядовитая жгучесть страстей"... [1]).

„Любовь—пышный, изящный цвѣтокъ, вѣнчающій и оканчивающій идивидуальную жизнь; но онъ, какъ всѣ цвѣты, долженъ быть раскрытъ одною стороной, лучшей стороной своей къ небу—всеобщаго... Любовь—одинъ моментъ, а не вся жизнь человѣка; любовь вѣнчаетъ личную жизнь въ ея индивидуальномъ значеніи: но за исключительною личностью есть великія области, также принадлежащія человѣку, или, лучше, которымъ принадлежитъ человѣкъ и въ которыхъ его личность, не переставая быть личностью, теряетъ свою исключительность. Монополію любви надо подорвать вмѣстѣ съ прочими монополіями. Мы отдали ей принадлежащее; теперь скажемъ прямо: человѣкъ не для того только существуетъ, чтобы *любиться*; неужели *вся* цѣль мужчины—обладаніе такою-то женщиною, вся цѣль женщины—обладаніе такимъ-то мужчиною? Никогда! Какъ неестественна такая жизнь, всего лучше доказываютъ герои почти всѣхъ романовъ. Что за жалкое потерянное существованіе какого-нибудь Вертера, — чтобы указать на знаменитость;—сколько сумасшедшаго и эгоистическаго въ немъ при всей блестящей сторонѣ, которую всегда придаетъ человѣку сильная страсть. Не должно ошибаться: это блескъ очей лихорадочнаго; онъ имѣетъ въ себѣ магнитическое, притягивающее, а между тѣмъ онъ выражаетъ не огонь жизни, а пламя, разрушающее

---

[1]) Ibid., стр. 81—86.

ее. При всѣхъ поэтическихъ выходкахъ Вертера, вы видите, что эта нѣжная, добрая душа не можетъ выступитъ изъ себя; что, кромѣ маленькаго міра его сердечныхъ отношеній, ничто не входитъ въ его лиризмъ; у него ничего нѣтъ ни внутри, ни внѣ, кромѣ любви къ Шарлоттѣ, не смотря на то, что онъ почитываетъ Гомера и Оссіана. Жаль его!" [1]).

Такія богатѣйшія и глубокія мысли Герценъ высказывалъ почти шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ! Герценъ стоитъ здѣсь во весь ростъ, здѣсь онъ дома, въ своей сферѣ, здѣсь онъ великолѣпенъ! Весь знаменитый романъ Герцена „Кто виноватъ", помимо значенія его, какъ одного изъ литературныхъ протестовъ противъ крѣпостного права, представляетъ собою лишь дополненіе, развитіе, поясненіе и иллюстрацію къ мыслямъ, высказаннымъ авторомъ въ превосходной статьѣ „По поводу одной драмы". Это одна изъ лучшихъ вещей, написанная по такъ называемому женскому или „семейному" вопросамъ.

Другимъ важнымъ вопросомъ, занимавшимъ Герцена, былъ вопросъ о наукѣ и ея значеніи для жизни. И здѣсь Герценъ проявилъ необыкновенную силу мысли. Въ статьяхъ „Дилеттантизмъ въ наукѣ", „Дилеттанты - романтики", „Цехъ ученыхъ и буддизмъ въ наукѣ" Герценъ настаиваетъ, чтобы наука не замыкалась въ себѣ самой, не облекалась въ мантіи, часто прикрывающія сухость, а то и ничтожество носителей мантій, а *служила бы жизни*,—это разъ,—и чтобы въ своемъ дѣлѣ она не боялась бы *выводовъ*, какъ бы выводы эти ни противорѣчили ходячимъ предразсудкамъ и какъ бы предразсудки эти ни были дороги подъ часъ и самимъ ученымъ,—это два. Человѣкъ науки долженъ быть одновременно рыцаремъ истины и борцомъ за правду. Сплошь и рядомъ дѣйствительность не отвѣчаетъ такому требованію, и въ этой

---

[1]) Ibid., стр. 85—86.

области встрѣчаются либо „дилеттанты“, либо особаго рода „ученые“.

„Различіе ученыхъ съ дилеттантами весьма ярко: дилеттанты смотрятъ въ телескопъ; отъ того видятъ только тѣ предметы, которые по меньшей мѣрѣ далеки, какъ луна отъ земли,—а земного и близкаго ничего не видятъ. Ученые смотрятъ въ микроскопъ и потому не могутъ видѣть ничего большаго... Каждый дилеттантъ занимается всѣмъ scibile да еще, сверхъ того, тѣмъ, чего знать нельзя, т.-е. мистицизмомъ, магнетизмомъ, физіогномикой и пр. Ученый, наоборотъ, посвящаетъ себя одной главѣ, отдѣльной вѣтви какой-нибудь спеціальной науки и, кромѣ ея, *ничего не знаетъ и знать не хочетъ*“ [1]).

Само собою разумѣется, что и тотъ и другой типъ человѣка науки далеко не отвѣчаетъ требованіямъ развивающейся жизни.

Много еще вопросовъ занимало въ то время Герцена, онъ шелъ впередъ, неудержимо развивался, но, за исключеніемъ Огарева, никто изъ московскаго интеллигентнаго круга за нимъ не поспѣвалъ. Вслѣдствіе этого, Герценъ чувствовалъ нѣкоторое одиночество и все болѣе и болѣе стремился на просторъ, въ ширь, въ Европу. Всецѣло понималъ Герцена Бѣлинскій, но онъ не жилъ въ это время въ Москвѣ. Изъ московскаго же круга даже Грановскій робѣлъ и пугался выводовъ, къ которымъ приходилъ Герценъ. „Грановскій былъ нашимъ съ самаго пріѣзда изъ Германіи“,—говоритъ Герценъ. [2]) Это вѣрно лишь въ весьма условномъ смыслѣ. Когда, послѣ извѣстныхъ публичныхъ лекціи Грановскаго, въ Москвѣ ретрограды напали съ ожесточеніемъ на знаменитаго профессора за его „западни-

---

[1]) Цехъ ученыхъ и буддизмъ въ наукѣ. Въ сборникѣ «Раздумье», стр. 335.

[2]) Сочиненія, т. VII, стр. 150.

чество“ [1]), то онъ отвѣчалъ: „меня обвиняютъ, что я пристрастенъ къ Западу,—я взялся читать часть его исторіи, я дѣлаю это съ любовью и не вижу, почему мнѣ должно бы читать ее съ ненавистью“, и т. д. въ томъ же родѣ. Такъ робко защищалъ свое „западничество“, по выраженію Бѣлинскаго, „модерантный“ Грановскій. Статьи Герцена о „дилеттантизмѣ въ наукѣ“ и другія коробили Грановскаго, и по поводу одной изъ нихъ между нимъ и Герценомъ вышла сильная и очень характерная для Грановскаго размолвка.

Грановскій похвалилъ одно изъ герценовскихъ „писемъ объ изученіи природы“.

— Да что же тебѣ нравится,—спросилъ Герценъ:—неужели одна наружная отдѣлка? Съ внутреннимъ смысломъ *ты не можешь быть согласенъ*.—Грановскій отвѣчалъ, что такія мнѣнія его интересуютъ лишь съ исторической точки зрѣнія. Герценъ замѣтилъ, что „развитіе науки, современное состояніе ея *обязываетъ* къ принятію кое-какихъ истинъ, независимо отъ того, хотимъ мы этого или нѣтъ“.—„Все это такъ мало обязательно,—возразивъ Грановскій,—что я никогда не приму вашей сухой, холодной мысли единства тѣла и духа; съ ней исчезаетъ безсмертіе души. Личное безсмертіе мнѣ необходимо“. Когда же Огаревъ замѣтилъ съ своей стороны, что такой предвзятый образъ мыслей равносиленъ „бѣгству отъ несчастья“, то „Грановскій, блѣдный и, придавая себѣ видъ посторонняго“, отвѣтилъ: „Послушайте, вы меня искренне обяжете, если не будете никогда говорить со мной *объ этихъ предметахъ*“.

Въ другой разъ Грановскій горько сѣтовалъ на Герцена

---

[1]) Грановскаго обвиняли въ томъ, что въ своихъ ученіяхъ по исторіи онъ никогда не упоминаетъ о волѣ и руцѣ Божіей, управляющей событіями и судьбами народовъ. (Станкевичъ. — Т. Н. Грановскій, стр. 241).

и Огарева, что ихъ общество „лишаетъ его безсмертія души“... Дружба дала „трещину“...

„Трещина эта,—говоритъ Герценъ,—увеличивалась, какъ всегда бываетъ, мелочами, недоразумѣніями, ненужной откровенностью тамъ, гдѣ лучше было бы молчать, и вреднымъ молчаніемъ тамъ, гдѣ необходимо было говорить“...

Дышать становилось тяжело. Единомышленниковъ почти не было. Съ Грановскимъ дѣло не ладилось. Чаадаевъ—но вѣдь это „голосъ изъ могилы“; славянофилы,—это, конечно, хорошіе умные люди,—но „не наши“ и притомъ находятся въ общеніи съ такими субъектаии, отъ которыхъ слѣдуетъ держаться подальше. Дышать было, дѣйствительно, трудно! Для иллюстраціи ненависти, которую возбуждала западническая мысль въ проникнутыхъ націонализмомъ московскихъ кругахъ, приведемъ два надѣлавшія въ свое время много шума стихотворенія Языкова. Одно изъ нихъ, называющееся „Посланіе къ Чаадаеву“, гласило:

Вполнѣ чужда тебѣ Россія,
Твоя родимая страна!
Ея преданія святыя
Ты ненавидишь всѣ сполна.
Ты ихъ отрекся малодушно,
Ты лобызаешь туфлю папъ...
Почтенныхъ предковъ сынъ ослушный,
Всего чужого гордый рабъ!..
Свое ты все презрѣлъ и выдалъ,
И ты еще не сокрушенъ;
Ты все стоишь, красивый идолъ
Строптивыхъ душъ и слабыхъ женъ!
Ты цѣлъ еще!.. Тебѣ донынѣ
Вѣнки плететъ большой нашъ свѣтъ,
Твоей насмѣшливой гордынѣ
У насъ находишь ты привѣтъ.
Намъ не смѣшно, намъ не обидно,
Не страшно намъ тебя ласкать,
Когда изволишь ты безстыдно
Свои хуленья изрыгать

На все, на все, что́ намъ священно,
На все, чѣмъ Русь еще жива...
Тебя мы слушаемъ смиренно...
Твои преступныя слова
Мы осыпаемъ похвалами,
Другъ другу ихъ передаемъ
Страннопріимными устами
И небрезгливымъ языкомъ...
А ты тѣмъ выше, тѣмъ ты краше:
Тебѣ любезенъ этотъ срамъ,
Тебѣ пріятно рабство наше.
О горе намъ... О горе намъ!..

Другое стихотвореніе называется „Къ не нашимъ“ и полно столь же „патріотическихъ“ мыслей.

О вы, которые хотите
Преобразить, испортить насъ
И обнѣмечить Русь,—внемлите
Простосердечный мой возгласъ!
Кто бъ ни былъ ты—одноплеменникъ
И братъ мой,—жалкій ли старикъ,
Ея торжественный измѣнникъ,
Ея надменный клеветникъ;
Иль ты, сладкорѣчивый книжникъ,
Оракулъ юношей-невѣждъ,
Ты, легкомысленный сподвижникъ
Безпутныхъ мыслей и надеждъ;
Иль ты, невинный и любезный
Поклонникъ темныхъ книгъ и словъ,
Восприниматель достослезный
Чужихъ сужденій и грѣховъ.
Вы, людъ заносчивый и дерзкій,
Вы, опрометчивый оплотъ
Ученья школы богомерзкой,
Вы всѣ—не русскій вы народъ!
Не любо вамъ святое дѣло,
И слава нашей старины,
Въ васъ не живетъ, въ васъ помертвѣло
Родное чувство. Вы полны
Не той высокой и прекрасной
Любовью къ родинѣ; не тотъ
Огонь чистѣйшій, пламень ясный

Васъ поднимаетъ; въ васъ живетъ
Любовь не къ истинѣ, не къ благу!
Народный гласъ—онъ Божій гласъ.
Не онъ рождаетъ въ васъ отвагу:
Онъ страшенъ, дикъ, онъ чуждъ для васъ.
Вамъ наши лучшія преданья
Смѣшно, безсмысленно звучатъ,
Могучихъ прадѣдовъ дѣянья
Вамъ ничего не говорятъ:
Ихъ презираетъ гордость ваша.
Святыня древняго Кремля,
Богатство, сила, крѣпость наша
Ничто вамъ! Русская земля
Отъ васъ не приметъ просвѣщенія.
Вы страшны ей: вы влюблены
Въ свои предательскія мнѣнья
И святотатственные сны.
Хулой и лестію своею
Не вамъ ее преобразить.
И не сумѣете вы съ нею
Ни жить, ни пѣть, ни говорить.
Умолкнетъ ваша злость пустая,
Замретъ проклятый вашъ языкъ.
Крѣпка, надежна Русь святая,
И русскій Богъ еще великъ!..

Душно-душно было жить въ странѣ, гдѣ на высказанное и выстраданное убѣжденіе извѣстный поэтъ и beau-frère Хомякова не находитъ другого отвѣта, кромѣ восклицанія: „ты цѣлъ еще!“ „ты еще не сокрушенъ!“ а западническіе взгляды квалифицируетъ, какъ „предательскія мнѣнія“ и „святотатственные сны“; тысячу разъ былъ правъ Герценъ, когда заносилъ въ свой дневникъ такія слова:

„Слава Петру, отрекшемуся отъ Москвы! Онъ видѣлъ въ ней зимующіе корни узкой народности, которая будетъ противодѣйствовать европеизму и стараться снова отторгнуть Русь отъ человѣчества“ [1]).

---

[1]) Сочиненія, т. I, стр. 53.

Надо было ѣхать, но это легче было сказать, чѣмъ сдѣлать. Достать заграничный паспортъ стоило огромныхъ трудовъ, но и это препятствіе наконецъ сломлено, и Герценъ стоитъ „передъ воротами Европы“.

Самыя разнообразныя чувства волновали его въ это время, но мысль была свѣжа, ясна, крѣпка. Что оставлялъ онъ позади себя? Русь чиновную, отъ которой онъ видѣлъ лишь „крутицкія казармы“, Пермь, Вятку, Владиміръ на Клязьмѣ, Новгородъ, препятствія къ осуществленію давнишняго желанія побывать въ Европѣ; Москву, за отреченіе отъ которой онъ благословлялъ Петра Великаго; кругъ московской интеллигенціи, который впослѣдствіи представлялся ему окруженнымъ поэтическимъ ореоломъ, но которому въ моментъ отъѣзда онъ хорошо зналъ истинную цѣну; наконецъ, русскій народъ,—народъ, возбуждающій законную жалость и состраданіе, но котораго тогда Герценъ еще далеко не идеализировалъ. Во второмъ письмѣ изъ „Avenue Marigny“ онъ писалъ такія строки: „Мы выѣзжали изъ Россіи зимою, зимою снѣжной, холодной, съ коротенькими днями и со всѣми неудобствами зимняго ухабистаго пути, который выдаютъ за дарованную намъ природой желѣзную дорогу“. Вспоминая лежавшую по пути Псковскую губернію, эту одну изъ областей, столь идеализированныхъ впослѣдствіи Щаповымъ, Костомаровымъ и другими „сѣверно-русскихъ народоправствъ“, онъ писалъ: „Псковскій крестьянинъ дичѣе подмосковныхъ; онъ, кажется, не попалъ ни правой, ни лѣвой ногой на тотъ путь, который ведетъ отъ патріархальности къ гражданскому развитію,—путь, который называютъ прогрессомъ, воспитаніемъ, разсказъ о которомъ называютъ исторіей. Онъ живетъ *возлѣ полуразвалившихся бойницъ и ничего не знаетъ о нихъ*... Сомнѣваюсь, *слыхалъ ли онъ объ осадѣ Пскова*... Событія послѣднихъ полутора вѣковъ прошли надъ его головою, *не возбудивши даже любопытства*. Поколѣнія черезъ два-три мужичокъ перестраиваетъ свои

бревенчатыя избы, безслѣдно гніющія, старѣетъ въ нихъ, передаетъ свой плугъ въ руки сына, полежитъ годъ, два, три на теплой печи, потомъ незамѣтно переходитъ въ мерзлую землю, иногда вспомянутъ его дѣти или внучата гречневыми блинами въ родительскую субботу, при новой ревизіи его имя исключатъ изъ числа живыхъ, и внуки посѣдѣютъ, и не будь рекрутской повинности, они такъ же какъ предки, ничего бы не знали о томъ, что̀ дѣлается въ Питерѣ, въ Россіи“ [1]).

Вотъ что оставлялъ Герценъ за собою, покидая Россію, и, будь тогда уже написаны строки:

Страшна суровая среда,
Гдѣ поколѣнія людей
Живутъ безсмысленнѣй звѣрей
И мрутъ безъ всякаго слѣда
И безъ урока для дѣтей,

онѣ нашли бы себѣ сочувственный откликъ въ сердцѣ Герцена, ибо развѣ не заключаютъ онѣ въ себѣ много общаго съ тѣмъ, что̀ писалъ перваго мая 1847 года самъ Герценъ о псковскомъ крестьянинѣ?.. Этимъ мы однако не хотимъ сказать, что взгляды Герцена на данный предметъ уже въ это время *окончательно* и *безповоротно* установились. Нѣтъ, на ряду съ выводами трезвой мысли, въ немъ все еще бродили впечатлѣнія отъ всякихъ россійскихъ черноземныхъ и нечерноземныхъ полей. Они и принесли свои плоды. Но объ этомъ въ свое время.

Біографы Герцена говорятъ обыкновенно, что завершеніе поѣздки его за границу эмиграціей явилось дѣломъ совершенно случайнымъ. Въ моментъ отъѣзда за границу,— говоритъ, напр., г. Смирновъ,—„едва ли даже отдаленная мысль объ эмиграціи мелькала въ головѣ Герцена“. Намъ кажется, что этотъ вопросъ еще долженъ быть выясненъ.

---

[1]) Письма изъ «Avenue Marigny». Въ сборникѣ «Раздумье», стр. 210.

Рѣшенія эмигрировать у Герцена, навѣрно, не было, но трудно допустить, чтобы онъ ее не представлялъ себѣ даже въ видѣ возможности. Вѣдь не въ качествѣ же простого туриста отправлялся онъ въ Европу? Голова его была набита такими планами, а душа полна такими желаніями, изъ которыхъ возможность эмиграціи уже вытекала, какъ естественное послѣдствіе. Герценъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы этого не понимать.

Въ 1843 году онъ писалъ въ своемъ „дневникѣ“:

„Противники мысли объ экспатріаціи совѣтуютъ ѣхать подобру, поздорову. Строгановъ, испуганный, преслѣдуетъ порядочныхъ профессоровъ требованіемъ иначе читать; они хотятъ бѣжать изъ Москвы, искать слушателей въ другихъ университетахъ. Что-то будетъ? Ударъ не минуетъ моей головы, меня знаютъ они давно. Впрочемъ, я на все готовъ. А, кажется, въ самомъ дѣлѣ, лучше бы ѣхать только не тогда, когда другіе ждутъ цѣпей,—felonie“ [1]).

Мы говорили въ свое время, что, послѣ назначенія на службу въ Новгородъ, Герценъ написалъ гнѣвное письмо Огареву въ отвѣтъ на совѣтъ послѣдняго предаться „резиньяціи“. Письмо это оканчивается такъ: „Omni casu; первое января 1845 года мы встрѣчаемъ въ Женевѣ, т.-е. каждый съ своей стороны пусть дѣлаетъ все отъ него зависящее: à l'impossible nul n'est tenu. Давай руку, и съ этой надеждой я поѣду въ Новгородъ. Ты любишь эту землю. Понятно. И я любилъ Москву, а жилъ въ Перми, Вяткѣ, не переставая ее любить, и жилъ годъ въ Петербургѣ, да ѣду въ Новгородъ! *Попробуемъ полюбить земной шаръ, — оно лучше. Куда ни поѣзжай тогда, все будешь въ любимомъ мѣстѣ* [2]).

Сопоставьте съ этимъ намѣреніемъ ѣхать въ Женеву,

---

[1]) Томъ I, стр. 165.

[2]) Анненковъ. Идеалисты тридцатыхъ годовъ, «Вѣст. Евр.» апрѣль, 1883 г., стр. 518.

дабы, вмѣсто любви къ Москвѣ, „полюбить весь земной шаръ“, такія строки изъ „Былого и Думъ“:

Жалуясь на страшную несправедливость къ нему со стороны сильныхъ міра, извѣстный Александръ Лаврентьевичъ Витбергъ говорилъ Герцену при прощаніи:

— Если бы не семья, не дѣти, я вырвался бы изъ Россіи и пошелъ бы по міру съ моимъ владимірскимъ крестомъ на шеѣ, спокойно протягивалъ бы прохожимъ руку, которую жалъ императоръ Александръ, и разсказывалъ бы имъ мой проектъ и судьбу художника въ Россіи.

„Судьбу твою, мученикъ, — думалъ я, — узнаютъ въ Европѣ,—*я тебѣ за это отвѣчаю*“ (курсивъ Герцена) [1]).

Такія мысли носились въ головѣ Герцена въ 1846 году, т.-е. почти наканунѣ отъѣзда его за границу.

Въ перепискѣ Герцена съ Огаревымъ встрѣчаются также мѣста, подтверждающія, что мысль объ „экспатріаціи“ была имъ далеко не чужда. Что касается собственно Огарева, то о поѣздкѣ за границу для литературной дѣятельности онъ мечталъ еще въ юныхъ годахъ:

„Помнишь ли ты,—писалъ онъ въ одномъ письмѣ,—какъ мы проводили утро, когда я хотѣлъ ѣхать въ Берлинъ издавать журналъ съ покойнымъ Гегелемъ“ [2])?

Это, конечно, было только юношеской мечтой и ничѣмъ болѣе, но мечтой очень характерной.

Во второй половинѣ сороковыхъ годовъ среди близкихъ Герцену людей (товарища по университету и крутицкимъ казармамъ Сазонова, М. А. Бакунина и др.) не только мелькала мысль объ эмиграціи, но составился даже очень опредѣленный планъ образованія „русской колоніи эмигрантовъ“. Къ этому предпріятію предполагалось привлечь не только Герцена, — что̀ само собою разумѣлось,—но даже и Бѣлин-

---

[1]) Томъ VI, стр. 352.

[2]) «Идеалисты тридцатыхъ годовъ». В. Е., мартъ 1883 г., стр. 171.

скаго. Въ воспоминаніяхъ Панаевой-Головачовой существуетъ объ этомъ предметѣ очень интерестный разсказъ:

„Возможно ли человѣку свободно излагать свои мысли и убѣжденія,—говорилъ Панаевой о Бѣлинскомъ Бакунинъ,—когда его мозгъ сдавленъ тисками, когда онъ можетъ каждую минуту ожидать, что къ нему явится будочникъ, схватитъ его за шиворотъ и посадитъ въ будку. Непростительно такому даровитому человѣку, подобно безпутному моту, расточать свое духовное богатство безъ пользы. Онъ преждевременно истлѣетъ отъ внутренняго огня, который постоянно долженъ тушить въ себѣ“.

Бѣлинскій отнесся къ предложенію Бакунина вполнѣ отрицательно.

„Я знаю безъ него,—сказалъ онъ въ отвѣтъ на такое предложеніе Панаевой,—что истлѣю преждевременно при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ нахожусь, но все-таки ненамѣренъ осуществить его планъ. Между нимъ и мною огромная разница: во-первыхъ, онъ космополитъ въ душѣ, во-вторыхъ, съ своимъ знаніемъ языковъ и энциклопедическимъ образованіемъ, онъ можетъ чувствовать твердую почву подъ ногами, гдѣ бы онъ ни очутился. А что же я-то буду дѣлать, если меня оторвать отъ моей почвы и моей дѣятельности, въ которую я вложилъ свою душу? Я такъ же прекрасно вижу, что не могу принести той пользы, къ которой порываюсь, но лучше сдѣлать мало, чѣмъ ничего.—И Бѣлинскій круто измѣнилъ разговоръ“ [1]).

Существовали ли такія же причины для отказа осуществить мысли Бакунина у Герцена, и былъ ли онъ уже въ значительной степени подготовленъ къ подобной мысли всей своей предыдущей жизнью? На первый вопросъ можно смѣло отвѣчать отрицательно, на второй,—въ виду всѣхъ выше-

---

[1]) А. Я. Панаева-Головачова. «Русскіе писатели и артисты», стр. 139—140.

приведенныхъ соображеній,—съ большою вѣроятностью утвердительно.

Повторяемъ, мы не утверждаемъ, что у Герцена уже созрѣло въ 1847 году рѣшеніе покинуть Россію навсегда, но нельзя же категорически утверждать противное, говоря, что „едва ли даже *самая отдаленная* мысль объ эмиграціи носилась въ его головѣ“. Намъ кажется, что вся обстановка, при которой Герценъ отправлялся за границу, и его страстное желаніе окунуться съ головою въ самые бурные потоки европейскаго движенія не могли не наводить Александра Ивановича на вѣроятность или, по крайней мѣрѣ, возможность эмиграціи.

Какъ бы то ни было, но, оставляя Россію, Герценъ находился въ самомъ приподнятомъ настроеніи духа. Онъ испытывалъ чувство выпущеннаго на широкій просторъ изъ душной тюрьмы много-много лѣтъ проведшаго въ ней узника. И радостно, и какъ-то жутко становилось при видѣ открывающагося приволья.

Ну, радуйтесь! Я отпущенъ!
Я отпущенъ въ страны чужія!
Да это, полно ли, не сонъ?
Нѣтъ, завтра жъ кони почтовые,
И я скачу vom Ort zu Ort
Отдавши деньги за паспортъ.
Поѣду... Что-то будетъ тамъ?
Не знаю вѣрно, но темно
Грядущее передъ очами.
Богъ вѣсть, что мнѣ сулитъ оно!
Стою со страхомъ предъ дверями
Европы...

Русская граница осталась позади. Вотъ Кенигсбергъ, который въ сравненіи съ русскими городами уже представляется Герцену „свободнымъ городомъ“. Но Германіей Герценъ мало интересуется. Онъ высоко цѣнитъ ея науку, ея литературу, ея философію, но относится болѣе чѣмъ равнодушно не только къ общественно-политической сторонѣ

жизни Германіи, но и къ самому характеру нѣмецкаго народа, благодаря которому, думалъ Герценъ, изъ Германіи никогда не будетъ ничего путнаго. Эту странную антипатію къ Германіи сохранилъ Герценъ на всю жизнь. За ея бюрократизмомъ и милитаризмомъ онъ не разсмотрѣлъ въ ней мощнаго зерна для развитія въ будущемъ иныхъ общественныхъ отношеній. Въ этомъ отношеніи грѣшны, впрочемъ, многіе другіе выдающіеся русскіе люди. Для Тургенева и даже для Щедрина, т.-е. для современниковъ такихъ событій въ жизни Германіи, которыя ясно указывали на ея великое будущее, страна эта по большей части олицетворялась въ Бисмаркѣ... Что же касается Герцена, то, предсказывая подъ конецъ жизни съ замѣчательною прозорливостью разгромъ Германіей наполеоновской Франціи, онъ даже и тогда не понималъ судебъ родины Гёте и Шиллера. Обрисовавши полное паденіе Франціи во время наполеоновскаго режима, Герценъ вспоминаетъ фразу Филиппа Второго великому инквизитору въ „Донъ-Карлосѣ" Шиллера: „святой отецъ, теперь ваше дѣло!" и говоритъ: „эти слова мнѣ такъ и хочется повторить Бисмарку. Груша зрѣла, и безъ его сіятельства дѣло не обойдется. Не церемоньтесь, графъ!".

Если принять во вниманіе, что строки эти помѣчены тридцать первымъ декабря 1867 года, то нельзя не увидѣть изумительной прозорливости Герцена. Но рядомъ съ такой прозорливостью Герценъ обнаруживаетъ тутъ же и удивительное, почти филистерское непониманіе событій внутренней жизни Германіи, той Германіи, гдѣ уже закончилъ тогда свою дѣятельность Лассаль, гдѣ начинались еще невиданныя міромъ формы общественнаго движенія.

„Я не вѣрю, чтобы судьбы міра оставались надолго въ рукахъ нѣмцевъ и Гогенцоллерновъ. *Это невозможно, это противно человѣческому смыслу, противно человѣческой эстетикѣ.* Я скажу, какъ Кентъ Лиру, только обратно: „Въ тебѣ, Боруссія, *нѣтъ ничего*, что бы я могъ назвать царемъ".

Антипатія къ нѣмцамъ проходитъ черезъ всю заграничную жизнь Герцена, ее распространилъ онъ почти на всѣхъ встрѣтившихся ему на жизненномъ пути нѣмцевъ, и въ особенности на Карла Маркса. Обстоятельство это имѣло, какъ мы увидимъ дальше, серьезное значеніе.

Итакъ въ 1847 году Герценъ вступилъ впервые въ предѣлы Европы. Берлинъ, Кёльнъ и другіе города едва мелькнули мимо него, его „Sehnsucht“ было направлено къ Франціи, и въ особенности столицѣ ея—Парижу.

Но вотъ и онъ. Радостное чувство всецѣло овладѣло Герценомъ. Онъ находился въ самомъ радужномъ настроеніи.— Онъ съ юныхъ лѣтъ зналъ и любилъ Парижъ, любилъ страстно, какъ столицу міра, какъ средоточіе, очагъ и центръ всѣхъ великихъ, волновавшихъ весь міръ событій, любилъ его, какъ поклонникъ Сенъ-Симона и Прудона, какъ непреклонный,—такъ казалось, по крайней мѣрѣ, ему самому,— западникъ. Въ его запискахъ находятся такія, исполненныя энтузіазма строки:

„Итакъ я, дѣйствительно, въ Парижѣ, не во снѣ, а наяву: вѣдь это Вандомская калонна и rue de la Paix... Объ этой минутѣ я мечталъ съ дѣтства... Дайте же взглянуть на Hôtel de Ville, на café Foy въ Пале-Роялѣ, гдѣ Камиллъ Демуленъ сорвалъ зеленый листъ и прикрѣпилъ его къ шляпѣ вмѣсто кокарды съ крикомъ: „à la Bastille!“ Дома я не могъ оставаться; я одѣлся и пошелъ бродить зря... искать Бакунина, Сазонова. Вотъ rue St. Honoré, Елисейскія поля... всѣ эти имена, сроднившіяся съ давнихъ лѣтъ... Да вотъ и самъ Бакунинъ. Его я встрѣтилъ на углу какой-то улицы... Я былъ внѣ себя отъ радости“ [1]).

Вскорѣ однако Герценъ разглядѣлъ, что Франція Луи Филиппа, Франція, насквозь пропитанная буржуазностью, духомъ торгашества въ ея среднихъ кругахъ и самымъ откро-

---

[1]) Томъ VIII, стр. 218.

веннымъ развратомъ на верхахъ, являлась далеко не той Франціей, которою она представлялась ему, если не изъ „прекраснаго“, то все же „далека“. Его взоръ останавливался лишь съ удовлетвореніемъ на „Парижѣ, за цензомъ стоящемъ“, т.-е. на Парижѣ рабочемъ, оттертомъ высокимъ цензомъ отъ участія въ государственномъ механизмѣ страны. Тамъ находилъ онъ высоко симпатичныя черты характера, уваженіе къ ближнему, мужество, соединенное съ мягкостью и отзывчивостью къ чужой бѣдѣ, несчастью или просто слабости.

„Въ праздникъ на Елисейскихъ поляхъ ребенокъ тянется увидѣть комедію на открытомъ воздухѣ, но какъ же ему видѣть изъ-за толпы? Не безпокойтесь: какой-нибудь блузникъ посадитъ его къ себѣ на плечо; устанетъ,—передаетъ другому, тотъ—третьему, и малютка, переходя изъ рукъ въ руки, преспокойно досмотритъ представленіе... Дѣти играютъ на просторѣ, и сотни прохожихъ обойдутъ ихъ, чтобы имъ не помѣшать“.

„На дняхъ мальчикъ лѣтъ девяти несъ по улицѣ Helder мѣшокъ размѣнной серебряной монеты; мѣшокъ прорвался, и деньги разсыпались; мальчикъ разревѣлся, но въ одну минуту блузники составили около денегъ кругъ, другіе бросились подбирать; подобрали, сосчитали,—деньги были всѣ налицо,—завернули и отдали мальчику“.

Таковъ былъ парижскій „блузникъ“, такъ сказать, въ „мирное время“; кто хочетъ знать, какимъ онъ былъ тогда во время „военное“, пусть прочтетъ, напр., чудный разсказъ И. С. Тургенева „Наши послали“... Такого героизма, героизма величественнаго именно своею *простотою*, не сознающаго всей своей высоты и видящаго въ немъ лишь самое обыкновенное дѣло, словомъ, героизма тургеневскаго блузника въ разсказѣ „Наши послали“, мало представляютъ примѣровъ даже самыя бурныя эпохи въ другихъ странахъ. Было на чемъ отвести душу!

Но зато другіе слои французскаго общества!

„Французскія правительства,—писалъ Герценъ, — съ девятаго термидора 1794 года не вѣрятъ ни въ свою законность, ни въ свою прочность, имъ все мерещится гильотина, и они защищаются, чѣмъ попало“.

„Развратъ проникъ всюду: въ семью, въ законодательный корпусъ, въ литературу, прессу. Онъ настолько обыкновененъ, что его никто не замѣчаетъ, да и замѣчать не хочетъ. И это развратъ не широкій, не рыцарскій, а мелкій, бездушный, скаредный. Это развратъ торгаша“.

По собственнымъ словамъ Герцена, онъ былъ уже въ 1847 году „испуганъ Парижемъ“. Это немножко странно, если вспомнить, что характеристика парижскаго блузника „въ мирное время“,—а 1847 годъ былъ еще временемъ мирнымъ,—принадлежитъ его же перу. Свойство Герцена—оттѣнять особенно рѣзко какую-нибудь одну сторону явленія и не обращать вниманія на то, къ чему эта сторона приросла и можно ли ихъ раздѣлить,—проявилось довольно рѣзко съ первыхъ же писемъ Герцена изъ-за границы, и по мѣрѣ того, какъ событія катились все дальше и дальше, Герценъ терялъ окончательно всякое чувство мѣры, всякое пониманіе *историческаго* смысла совершающихся соціальныхъ явленій.

Вѣрно подмѣчая одну сторону дѣла, Герценъ былъ далекъ отъ пониманія соціальныхъ явленій во всемъ ихъ объемѣ и уже тогда вызывалъ, даже со стороны нѣкоторыхъ изъ своихъ московскихъ друзей, въ особенности В. П. Боткина, упрекъ въ непониманіи *исторической роли* буржуазіи.

„Вы меня браните,—писалъ Анненкову Боткинъ,—за то, что я защищаю bourgeoisie, но, ради Бога, какъ же не защищать ее... Я понимаю гиперболы въ устахъ французскаго работника, но когда ихъ говоритъ нашъ умный Герценъ, то онѣ кажутся мнѣ не болѣе, какъ забавными. Тамъ борьба, духъ партій заставляетъ прибѣгать къ преувеличеніямъ,—это понятно, а здѣсь, вмѣсто самобытнаго взгляда, вмѣсто

живой индивидуальной мысли, вдругъ встрѣчаешь общія мѣста, ей Богу, досадно“ [1]).

„Я вовсе не поклонникъ буржуазіи,—писалъ Боткинъ Анненкову въ другомъ письмѣ,—и меня не менѣе всякаго другого возмущаетъ и грубость ея нравовъ, и ея сальный прозаизмъ... Въ качествѣ угнетеннаго классъ рабочій, безъ сомнѣнія, имѣетъ всѣ мои симпатіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ не могу не прибавить: дай Богъ, чтобы у насъ была буржуазія! Cet air de matador, съ которымъ Герценъ все рѣшаетъ во Франціи, очень милъ, увлекателенъ, я его, мочи нѣтъ, какъ люблю въ немъ, именно потому, что знаю мягкое, голубиное сердце этого матадора, но вѣдь *рѣшеніе Герцена ровно ничего не уясняетъ*. Оно только скользитъ по вещамъ [2]).

Конечно, и за всѣмъ тѣмъ Боткинъ остается Боткинымъ, а Герценъ Герценомъ, — разница между тѣмъ и другимъ неизмѣрима, Боткинъ по многимъ причинамъ не достоинъ въ общемъ развязать ремня у обуви Герцена, — все это не подлежитъ сомнѣнію, но развѣ это исключаетъ обязанности безпристрастнаго писателя отмѣтить „съ сочувствіемъ“ то обстоятельство, что взгляды Боткина на событія европейской жизни конца сороковыхъ годовъ были *шире и глубже* взглядовъ Герцена.

Странное впечатлѣніе производитъ поэтому замѣчаніе г. Вѣтринскаго автору одной изъ статей въ „Новомъ Словѣ“, отмѣчавшему „съ большимъ сочувствіемъ“ взгляды на эти предметы Боткина.

„Замѣтимъ,—говоритъ г. Вѣтринскій,—что они (взгляды Боткина) не только не имѣли никакого вліянія, такъ какъ въ печати и не высказывались, но и врядъ ли ихъ вліяніе могло быть сколько-нибудь полезно, такъ какъ едва ли эта реабилитація буржуазіи могла бы народить въ то время

---

[1]) «П. В. Анненковъ и его друзья». Стр. 542.
[2]) Ibid., 551—552.

что-либо, кромѣ недоразумѣній, какъ это мы видимъ и теперь, когда къ такъ называемому „марксизму“, будто бы „оправдывающему“ буржуазію, примазываются несомнѣнные „буржуи“ [1]).

Здѣсь что ни слово, то „недоразумѣніе“ именно того свойства, порожденія которыхъ такъ боится г. Вѣтринскій. Отмѣтить „съ большимъ сочувствіемъ“ проницательность того или иного писателя—не значитъ ли это лишь воздать ему должное и ничего болѣе? Взгляды Боткина, по нашему мнѣнію, далеко опередили взгляды другихъ его современниковъ. Это значитъ, что живи онъ *въ настоящее время*, его взгляды, какъ наиболѣе отвѣчающіе состоянію современныхъ общественно-экономическихъ отношеній въ Россіи, были бы гораздо болѣе прогрессивными, чѣмъ, напр., взгляды на тотъ же предметъ Герцена. Очень возможно, что пропаганда въ сороковыхъ годахъ боткинскаго „своего рода экономическаго матеріализма“ (выраженіе г. Вѣтринскаго) и породили бы не мало „недоразумѣній“, но что же изъ этого? Вѣдь, напр., зерно тѣхъ астрономическихъ взглядовъ, которые нынѣ составляютъ общепринятыя истины, можно найти у Аристарха Самосскаго. Вѣроятно, широкая пропаганда Аристархомъ Самосскимъ его взглядовъ вызвала бы не мало „недоразумѣній“. По логикѣ г. Вѣтринскаго, отсюда слѣдуетъ, что цитировать взгляды Аристарха „съ большимъ сочувствіемъ“ никакъ невозможно. Мы, конечно, не сравниваемъ Аристарха Самосскаго съ Боткинымъ уже по одному тому, что взгляды перваго были продуктомъ его *самостоятельнаго* творчества, а второй цѣликомъ заимствовалъ ихъ у нѣкоторыхъ европейскихъ мыслителей, но вѣдь и другіе русскіе писатели того времени не могутъ похвалиться особенной „самостоятельностью“ своихъ воззрѣній, и потому *среди нихъ*

---

[1]) Ч. Вѣтринскій. «Въ сороковыхъ годахъ», стр. 168.

Боткинъ былъ несомнѣнно однимъ изъ проницательнѣйшихъ людей.

Въ подтвержденіе своего взгляда на вѣроятность обилія „недоразумѣній“ въ сороковыхъ годахъ, начни Боткинъ тогда же пропаганду „своего рода экономическаго матеріализма“, г. Вѣтринскій ссылается на современность, въ которой „къ такъ называемому „марксизму“ примазываются несомнѣнные буржуи“.

Примазываются, —это г. Вѣтринскій замѣтилъ совершенно вѣрно. Но развѣ не таже исторія была и съ дарвинизмомъ, выудивши изъ котораго идею переживанія въ борьбѣ за существованіе лучшихъ, нѣкоторые европейскіе и отечественные мудрецы подняли знамя „оправданія“, во имя „науки“, самаго необузданнаго эгоизма? Они несомнѣнно „примазывались“ къ дарвинизму, а отсюда, надо сдѣлать выводъ, что „такъ называемый“ дарвинизмъ, какъ плодящій „недоразумѣнія“ и какъ дающій возможность „примазываться“ къ нему элементамъ, ничего общаго съ нимъ, конечно, неимѣющимъ,—вещь въ нашемъ любезномъ отечествѣ мѣста имѣть не долженствующая...

Но вернемся къ Герцену.

Атмосфера „мѣщанства“ шокировала въ Парижѣ аристократическо-артистическую натуру Герцена и его потянуло въ Италію, гдѣ наступалъ поэтическій моментъ жизни итальянскаго народа; тамъ начиналось знаменитое „rinanscimento“.

„Испуганный Парижемъ 1847 года,—писалъ Герценъ,—я было раньше раскрылъ глаза, но снова увлекся событіями, кипѣвшими возлѣ меня. Вся Италія просыпалась на моихъ глазахъ! Я видѣлъ неаполитанскаго короля, сдѣланнаго ручнымъ, и папу, смиренно просящаго милостыню народной любви. Вихрь, поднявшій все, увлекъ и меня; вся Европа взяла одръ свой и пошла въ припадкѣ лунатизма. принятаго нами за пробужденіе [1]).

---

[1]) Западныя арабески, т. VII. стр. 230.

Эти дни вспоминалъ Герценъ впослѣдствіи съ упоеніемъ.

„О, Римъ! Какъ я люблю возвращаться къ твоимъ обманамъ, какъ охотно перебираю я день за днемъ время, въ которое я былъ пьянъ тобою...

„Темная ночь. Корсо покрыто народомъ, кое-гдѣ факелы. Въ Парижѣ уже съ мѣсяцъ провозглашена республика. Новости пришли изъ Милана,—тамъ дерутся, народъ требуетъ войны; носится слухъ, что Карлъ-Альбертъ идетъ съ войскомъ. Говоръ недовольной толпы похожъ на перемежающійся ревъ волны, которая то приливаетъ съ шумомъ, то тихо переводитъ духъ. Толпы строятся, онѣ идутъ къ пьемонскому послу узнать, —объявлена ли война?

— Въ ряды, въ ряды съ нами!, — кричатъ намъ десятки голосовъ.

— Мы иностранцы.

— Тѣмъ лучше, Santo Dio, вы наши гости.

Пошли и мы. И толпа съ страстнымъ крикомъ одобренія разступилась, Чичероваккіо и съ нимъ молодой римлянинъ, поэтъ народныхъ пѣсенъ, пробираются съ знаменемъ, жмутъ руки дамамъ и становятся съ нами во главѣ 10—12 тысячъ человѣкъ, и все двинулось въ томъ величавомъ и стройномъ порядкѣ, который свойственененъ только одному римскому народу [1]).

Но какъ ни поэтична была жизнь въ Римѣ, а на этотъ разъ захотѣлось снова быть въ Парижѣ.

„Мнѣ,—писалъ Герценъ,—казалось измѣной всѣмъ моимъ убѣжденіямъ не быть въ Парижѣ, когда въ немъ республика... Я съ внутреннимъ удовольствіемъ смотрѣлъ на печать консульской визы, на которой были вырѣзаны грозныя слова: „Republique française“.

Событія неслись съ головокружительною быстротою. Грозно пронесся надъ всей Европой 1848 годъ, много радужныхъ надеждъ на ближайшее торжество новыхъ

---

[1]) Ibid стр. 230—231.

началъ, на возможность пересоздать міръ однимъ лишь геройскимъ вдохновеніемъ меньшинства унесъ онъ съ собою въ могилу. Сами вышедшіе изъ буржуазной среды „демократы“ часто, очень часто, оказывались не на высотѣ своего назначенія. Въ особенности много горя и невзгодъ выпало въ это время на долю Франціи вообще и Парижа въ частности. Герценъ былъ очевидцемъ многихъ событій такого рода и его обычный скептицизмъ нашелъ себѣ широкій просторъ. Вчерашніе „пророки и апостолы“ демократіи превратились въ „риторовъ“, „жалкихъ друзей“, „пустыя сердца“ и т. д.

Но не на всѣхъ французскихъ дѣятелей того времени распространилъ Герценъ, однако, свое отрицаніе и негодованіе. Былъ тогда во Франціи человѣкъ, о которомъ Герценъ отзывался въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ. Этотъ человѣкъ былъ Прудонъ. Его сочиненія составляютъ, по мнѣнію Герцена, „переворотъ не только въ исторіи соціализма, но и *въ исторіи французской логики*“; это „одинъ изъ величайшихъ мыслителей нашего вѣка“, „геній“, „яркій боецъ“, „великій иконоборецъ“, „неукротимый гладіаторъ“, „человѣкъ, начавшій собою новый рядъ французскихъ мыслителей“ и т. д. и т. д. въ томъ же родѣ.

„Чтеніе Прудона, какъ чтеніе Гегеля,—писалъ впослѣдствіи Герценъ,—даетъ особый пріемъ, оттачиваетъ оружіе, даетъ не результаты, а средства. Прудонъ по преимуществу діалектикъ, контроверзистъ соціальныхъ системъ. Французы въ немъ ищутъ экспериментaлиста и, не находя ни смѣты фаланстера, ни икарійской управы благочинія, пожимаютъ плечами и кладутъ книгу въ сторону“ [1]).

„Послѣ того, какъ Voix du Peuple былъ въ 1850 году задушенъ, пришлось замолкнуть *единственному человѣку во Франціи, которому было еще что сказать*“.

---

[1]) Соч. т. IX. стр. 44.

Какъ читатель видитъ, здѣсь на лицо та степень преклоненія, далѣе которой идти уже некуда.

Что же было такъ ужъ особенно дорого Герцену въ Прудонѣ? А вотъ что:

„Политическая дѣятельность не составляла ни его (Прудона) силы, ни основы той мысли, которую облекалъ онъ во всѣ доспѣхи своей діалектики. Совсѣмъ напротивъ, вездѣ ясно видно, что политика въ смыслѣ стараго либерализма и конституціонной республики стоитъ у него на второмъ планѣ, какъ что то полупрошедшее, уходящее. Въ политическихъ вопросахъ онъ *равнодушенъ, готовъ дѣлать уступки, потому что не приписываетъ особой важности формамъ, которыя, по его мнѣнію, не существенны* [1]).

Таковъ образецъ, которому надо слѣдовать! Едва ли не въ первый разъ въ этихъ строкахъ была ясно выражена со стороны писателя „западническаго“ лагеря мысль о несущественности „формъ“, мысль, давшая впослѣдствіи богатые ростки и развившаяся до понятія о противоположности „политики“ съ одной стороны и такъ называемаго „соціализма“ съ другой. Впрочемъ, какъ мы увидимъ еще не разъ, многіе изъ воззрѣній позднѣйшаго народничества были впервые совершенно ясно и отчетливо формулированы именно Герценомъ. Между имѣвшимъ за собою четырнадцать поколѣній крестьянъ „безансонскимъ мужикомъ“ и нашимъ соотечественникомъ аристократическаго происхожденія, было много сроднаго въ психикѣ. Страстная, мятущаяся, съ признаками геніальности натура Прудона выростала подъ часъ подъ его перомъ до необыкновеннаго величія, но проходила минута и вмѣсто ослѣпительнаго образа, только что мелькнувшаго передъ вашими глазами, появлялась довольно таки умѣренная фигура идеолога мелкой буржуазіи. Нѣчто подобное было и въ Герценѣ: таже небоязнь собственной мысли,

---

[1]) Ibid. стр. 48.

куда бы выводы изъ нея его не привели, тотъ же ослѣпительный блескъ, но и тѣже гири отъ впечатлѣній всякихъ россійскихъ черноземныхъ и нечерноземныхъ полей боролись въ его психикѣ и, когда брали верхъ послѣднія, въ Герценѣ нельзя не видѣть своего рода дальтониста, терявшаго способность различать, казалось бы, самые опредѣленные цвѣта. Одинаково сильный, ѣдкій и колкій умъ Герцена и Прудона и одинаковая любовь обоихъ къ *крестьянству*, въ которомъ такъ тѣсно переплетены классовыя особенности *рабочихъ и мелкой буржуазіи*, любовь, сдѣлавшая и того и другаго идеологами именно этого слоя, вотъ та психическая почва, на которой они близко сошлись. Сходство и этимъ не ограничивалось еще вполнѣ. Написавшій лѣтъ десять тому назадъ біографію Прудона Туганъ-Барановскій прекрасно охарактеризовалъ французскаго мыслителя слѣдующимъ образомъ:

„Кто ищетъ въ книгѣ прежде всего знанія, того сочиненія Прудона не легко удовлетворятъ; такому читателю придется потратить не мало труда, чтобы разобраться въ причудливомъ фейерверкѣ словъ, остроумныхъ замѣчаній и парадоксовъ, которые характеризуютъ писательскую манеру Прудона. За то въ литературномъ отношеніи многія его произведенія не уступаютъ лучшимъ образцамъ французской прозы. Они написаны сильнымъ, энергичнымъ языкомъ, возвышающимся иногда до самаго могучаго лиризма. Читатель невольно поддается очарованію, соглашается съ авторомъ, не столько убѣжденный его доводами, сколько увлеченный искренностью его негодованія противъ всякаго рода зла и несправедливости въ человѣческихъ отношеніяхъ“.

Эта вполнѣ вѣрная характеристика Прудона, по нашему мнѣнію, совершенно приложима и къ Герцену. Писательская манера Прудона напоминаетъ самому Туганъ-Барановскому манеру земляка Прудона, Виктора Гюго, но, повторяемъ, на нашъ взглядъ, она напоминаетъ несравненно больше

Герцена, напоминаетъ до такой степени, что, если бы не знать, что дѣло идетъ о Прудонѣ и спросить,—чьи это сочиненія отличаются „причудливымъ фейерверкомъ словъ, остроумныхъ замѣчаній и парадоксовъ“, кто возвышается въ нихъ „до самаго могучаго лиризма“, чьему „очарованію читатель невольно поддается, не столько убѣжденный доводами автора, сколько искренностью его негодованія противъ всякаго рода зла и несправедливости въ человѣческихъ отношеніяхъ“, то, едва ли долго вы будете раздумывать, чтобы отвѣтить:—это Герценъ.

Замѣчательно, что издательская дѣятельность Герцена на русскомъ языкѣ въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, уже не одобрялась такъ называемымъ анархистомъ, а въ сущности очень умѣреннымъ Прудономъ.

„Combien j'eusse souhaité,—писалъ онъ 3 ноября 1865 г. Ю. Ф. Самарину,—que le-jour ou Alexandre II entrait dans la grande voie de l'emancipation Hertzen arretât le mouvement de la „Cloche“... C'était chose admirable de faire la guerre à un Nicolas; c'a été un grave inconvenient si non une maladresse de ne pas modifier la polémique contre Alexandre. Je sais bien qu'un autocrate est toujouss un aurocrate, mais enfin, il y avait une consideration plus haute que l'Empereur; c'était le respect du peuple Rnsse lui même. Il fallait voir, avant tout, ce que deviendrait ce peuple, rendu à la liberté, à la proprieté, à une part du gouvernement“ [1]).

Такъ относился Прудонъ къ Герцену впослѣдствіи, но въ 1848 году онъ съ удовольствіемъ принялъ его въ соредакторы предпринятаго имъ изданія „La Voix du Peuple“.

„Я знаю одного свободнаго француза,—писалъ Прудону Герценъ, посылая ему 24000 франковъ за изданіе Voix du Peuple,—это васъ. Ваши революціонеры—консерваторы. Они христіане, не зная того и монархисты, сражаясь за респуб-

---

[1]) Напечатано въ № 2 аксаковской «Руси», за 1881 годъ, стр. 31.

лику. Вы одни подняли вопросъ негаціи и переворота на высоту науки и вы первый сказали Франціи, что нѣтъ спасенія внутри разваливающагося зданія, что и спасать изъ него нечего, что самыя понятіи его о свободѣ и революціи проникнуты консерватизмомъ и реакціей. Дѣйствительно, политическіе республиканцы составляютъ не больше, какъ одну изъ варіацій на ту же конституціонную тему, на которую играютъ свои варіаціи Гизо, Одилонъ Баро и др. Вотъ этотъ взглядъ слѣдовало бы проводить въ разборѣ послѣднихъ европейскихъ событій, преслѣдовать реакцію, католицизмъ, монархизмъ не въ ряду нашихъ враговъ,—это чрезвычайно легко, но въ собственномъ нашемъ станѣ. Надобно обличать круговую поруку демократовъ и власти. Если мы не боимся затрогивать побѣдителей, то не будемъ бояться изъ ложной сантиментальности затрогивать и побѣжденныхъ“ [1]).

Если-бы выраженную здѣсь мысль развить вполнѣ, то оказалось бы, что съ этой точки зрѣнія и Прудонъ являлся несомнѣннымъ, по терминологіи Герцена, „реакціонеромъ“ и что предъявленнымъ Герценомъ требованіямъ отвѣчаетъ другое ученіе, уже складывавшееся въ то время и получившее свое выраженіе въ знаменитомъ „Манифестѣ“. Но по всему складу своей психики, и по особымъ обстоятельствамъ, о которыхъ мы упомянемъ ниже, Герценъ прошелъ *мимо* этого ученія. Восторгаясь Прудономъ, пристально изучая его сочиненія и будучи хорошо знакомъ съ „Philosophie de la misère“, Герценъ нигдѣ, ни однимъ словомъ, не упоминаетъ объ извѣстной критикѣ этой книги Маркса „La misère de la philosophie“. Зналъ-ли онъ о самомъ ея существованіи? Можно думать, что нѣтъ...

Между тѣмъ, кое кто изъ русскихъ былъ въ это время знакомъ съ Марксомъ, а извѣстный Анненковъ состоялъ съ нимъ уже съ 1846 года въ перепискѣ. Одно изъ такихъ

---

[1]) Сочиненія, т. IX, стр. 54—55.

писемъ, впослѣдствіи опубликованное въ „Вѣстникѣ Европы“, настолько замѣчательно, что мы считаемъ полезнымъ его привести:

„Въ одномъ только я схожусь съ г. Прудономъ,—писалъ Марксъ, — это въ его отвращеніи къ плаксивому соціализму. Ранѣе его я уже нажилъ себѣ множество враговъ моими насмѣшками надъ чувствительнымъ, утопическимъ, бараньимъ соціализмомъ (socialisme moutonier). Но г. Прудонъ страшно ошибается, замѣняя одинъ видъ сантиментализма другимъ, именно сантиментализмомъ мелкаго буржуа и своими декламаціями о святости домашняго очага, супружеской любви и другихъ, тому подобныхъ, вещахъ,—той сантиментальностью, которая вдобавокъ еще и глубже была выражена у Фурье, чѣмъ во всѣхъ самодовольныхъ пошлостяхъ нашего добраго г. Прудона. Да онъ и самъ хорошо чувствуетъ свою неспособность трактовать объ этихъ предметахъ, потому что по поводу ихъ отдается невыразимому бѣшенству, возгласамъ, всѣмъ гнѣвамъ честной души—irae hominis probi: онъ пѣнится, клянется, доноситъ, кричитъ о позорѣ и чумѣ, бьетъ себя въ грудь и призываетъ Бога и людей въ свидѣтели того, что не причастенъ къ гнусностямъ соціалистовъ. Онъ занимался не критикой ихъ сантиментализма, а, — какъ настоящій святой или папа — отлученіемъ немощныхъ грѣшниковъ, причемъ воспѣваетъ хвалу маленькой буржуазіи и ея пошленькимъ патріархальнымъ доблестямъ, ея любовнымъ упражненіямъ. И это не спроста. *Самъ г. Прудонъ съ головы до ногъ есть философъ и экономистъ маленькой буржуазіи.* Что такое маленькій буржуа? Въ развитомъ обществѣ онъ, вслѣдствіе своего положенія, неизбѣжно дѣлается съ одной стороны экономистомъ, а съ другой соціалистомъ. Онъ въ одно время и ослѣпленъ великолѣпіями знатной буржуазіи и сочувствуетъ страданіямъ народа. Онъ мѣщанинъ и вмѣстѣ—народъ. Въ глубинѣ своей совѣсти онъ восхваляетъ себя за безпристрастіе, за то, что нашелъ тайну

равновѣсія, которое будто бы не подходитъ на „juste-milieu“— золотую середину. Такой буржуа вѣруетъ въ противорѣчіе, потому что онъ самъ есть не что иное, какъ соціальное противорѣчіе въ дѣйствіи. Онъ представляетъ на практикѣ то, что̀ говоритъ теорія, и г. Прудонъ достоинъ чести быть научнымъ представителемъ маленькой французской буржуазіи. Это его положительная заслуга, потому что мелкая буржуазія войдетъ непремѣнно значительной составной частью въ будущіе соціальные перевороты“ [1]).

Все это было Герцену, повидимому, совершенно чуждо...

Участіе Герцена въ прудоновской газетѣ не могло, разумѣется, остаться тайной для французскихъ властей, и въ 1849 году ему пришлось бѣжать въ биткомъ набитую эмигрантами всѣхъ странъ Женеву. Здѣсь написалъ онъ свое, доставившее ему громкую извѣстность въ Европѣ, сочиненіе „Von andern Ufer“. Объ этомъ, проникнутомъ мрачными взглядами на судьбы Европы, сочиненіи, равно какъ и о нѣсколькихъ послѣдующихъ за нимъ (Le peuple russe et le socialisme“—lettre à Mr Michelet, „Le vieux monde et la Russie“—à Mr lettre Linton и пр.) въ нашей литературѣ существуютъ отзывы не въ пользу высказанныхъ въ этихъ сочиненіяхъ Герценомъ идей (мы говоримъ о статьѣ г. Скабичевскаго „Три человѣка сороковыхъ годовъ“, книжкѣ г. Смирнова „Жизнь и дѣятельность Герцена въ Россіи и заграницей“ и др.)—но, насколько намъ извѣстно,—ни одинъ изъ писавшихъ объ этомъ предметѣ авторовъ не указалъ, въ чемъ же была кардинальная ошибка разсужденій Герцена и что именно просмотрѣлъ онъ въ жизни современной ему Европы, вслѣдствіе чего онъ долженъ былъ неизбѣжно впасть въ соціальный пессимизмъ, а это должно было въ свою очередь заставить его перекинуть мостъ къ славянофильскимъ воззрѣніямъ.

---

[1]) Замѣчат. десятилѣтіе, «Вѣст. Евр.», 1880 г., № 4, стр. 501—502.

Въ своей „Борьбѣ съ Западомъ“ Страховъ замѣчаетъ, что Герценъ „въ цѣлой Европѣ, во всѣхъ ея ученіяхъ, какъ самыхъ старыхъ, такъ и самыхъ передовыхъ, не нашелъ *ни единой основы, ни единой точки опоры для построенія новой веси.* Во всѣхъ его сочиненіяхъ нѣтъ никакого самаго слабаго слѣда какой-нибудь соціальной утопіи, никакихъ предположеній и плановъ о будущемъ счастіи человѣчества. Это было чистое, голое отрицаніе, которое въ силу своей искренности и сознательности, не могло тѣшиться дѣтскими и грубыми фантазіями“ [1]).

Съ мыслью Страхова можно было бы согласиться, если бы, вмѣсто словъ: „во всѣхъ ученіяхъ Европы“, сказать: „во всѣхъ *извѣстныхъ Герцену* ученіяхъ Европы“, ибо въ томъ-то и дѣло, что „ученія Европы“ извѣстны были ему не всѣ; этого обстоятельства одинаково не замѣтили, какъ Страховъ, такъ и господа Скабичевскій, Смирновъ и др. біографы Герцена. Если бы Герценъ былъ дѣйствительно знакомъ „со всѣми ученіями Европы“, то онъ не могъ бы не найти „основы“ и „точекъ опоры“ для построенія „новой веси“. Утопическій соціализмъ послѣ событій 1848 г. потерялъ всякій кредитъ, и потому Герцену ничего другого и не оставалось, кромѣ „чистаго и голаго отрицанія“. Будущее представлялось ему безпросвѣтнымъ, Европа обреченною на гибель, и по мѣрѣ того, какъ реакція вступала въ свои права, тонъ „Писемъ“ Герцена (мы говоримъ о „Письмахъ изъ Франціи и Италіи“) дѣлается все мрачнѣе и мрачнѣе. Нѣсколько выписокъ изъ этихъ „Писемъ“ дадутъ понятіе о соціальномъ пессемизмѣ Герцена, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о той, если можно такъ выразиться, геніальной путаницѣ, которая царила въ это время въ его головѣ.

Изъ письма одиннадцатаго: „Все въ Европѣ стремится

---

[1]) Н. Страховъ. «Борьба съ западомъ въ нашей литературѣ», ч. I. 1882 г., стр. 121.

съ необычайною быстротой къ коренному перевороту или къ коренной гибели, нѣтъ точки, на которую бы можно опереться; все горитъ, какъ въ огнѣ,—преданія и теоріи, религія и наука, новое и старое. Въ одинъ годъ Франція износила блестящую мечту политической республики, а Германія всѣ остальныя мечтанія“ [1]).

Изъ письма тринадцатаго: „Революція не остановилась. Вмѣсто неосторожныхъ попытокъ и заговоровъ, работникъ думаетъ крѣпкую думу и ищетъ связи не съ цѣховыми революціонерами, не съ редакторами журналовъ, а съ *крестьянами* (курсивъ Герцена). Съ тѣхъ поръ, какъ грубая рука полиціи заперла клубы и электоральныя собранія, трибуна работника перенеслась въ *деревню*. Въ груди крестьянина собирается тяжелая буря... онъ слушаетъ работника. Когда онъ его дослушаетъ и пойметъ хорошенько, онъ смететъ съ лица земли старое общественное устройство [2]).

И такъ, здѣсь ясно выраженъ взглядъ на крестьянина какъ на силу, которой предназначено обновить дряхлѣющій организмъ Европы.

Забѣгая впередъ отмѣтимъ тутъ-же мнѣніе Герцена о томъ же крестьянствѣ, высказанное имъ долгое время спустя.

„*Во всей Европѣ подымется за старые порядки сплошь все крестьянское населеніе.* А развѣ мы не знаемъ, что такое сельское населеніе, какова его упорная сила и упорная колкость (косность?). Отобравъ изъ рукъ революціи земли эмигрантовъ, оно то и подсидѣло республику и революцію“ [3]). Конечно, эти два мнѣнія исключаютъ одно другое и, конечно, болѣе вѣрнымъ надо признать болѣе позднее.

Изъ письма четырнадцатаго: Наполеонъ III затѣетъ

---

[1]) Томъ VI. стр. 336.
[2]) Ibid. стр. 369.
[3]) Посмертныя сочиненія. стр. 299.

войну. „Вся Европа выйдетъ изъ фугъ своихъ, будегъ втянута въ общій разгромъ; предѣлы странъ измѣнятся, народы соединятся другими группами, національности будутъ сломлены и оскорблены. Города взятые приступомъ, ограбленные, обѣднѣютъ, образованіе падетъ, фабрики остановятся, въ деревняхъ будетъ пусто, земля останется безъ рукъ, какъ послѣ тридцатилѣтней войны, усталые, заморенные народы, покорятся всему, военный деспотизмъ замѣнитъ всякую законность и всякое управленіе. Тогда побѣдители начнутъ драку за добычу. Испуганная цивилизація, индустрія, побѣгутъ въ Англію, въ Америку, унося съ собой, кто—деньги, кто—науку, кто—начатый трудъ. Изъ Европы сдѣлается нѣчто въ родѣ Богеміи послѣ Гусситовъ. И тутъ, на краю гибели и бѣдствій, начнется другая война, домашняя, своя расправа неимущихъ съ имущими“ [1]).

Дальше въ соціальномъ пессимизмѣ идти кажется, некуда... Мечты о „соціальной республикѣ“ не сбылись и, послѣ втораго декабря 1851 года Герценъ окончательно пропѣлъ Европѣ отходную въ статьѣ: „Vive le mort“, которую было-бы очень любопытно сравнить съ статьею по тому же поводу Маркса„ Der Achtzehnte Brumaire des Louis Bonopartes. Такое сравненіе сразу выяснило бы все коренное различіе психики обоихъ авторовъ. Мечты о „соціальной республикѣ“ не сбылись, значитъ, все пропало, думалъ Герценъ, и его статья „Vive le mort“ полна самаго глубокаго отчаянія. Не такъ смотрѣлъ на это дѣло Марксъ, писавшій тоода же, что „при данныхъ обстоятельствахъ и отношеніяхъ и при достигнутой массой ступени образованія“ осуществленіе „соціальной республики“ являлось полной утопіей и указывалъ объективныя условія, при которыхъ подобная идея должна будетъ реализоваться въ жизни. Находясь въ 1858 году въ Путнеѣ, Герценъ написалъ къ своимъ „Письмамъ изъ Фран-

---

[1]) Т. IV. стр, 382—383.

ціи и Италіи“ предисловіе, изъ котораго мы также приведемъ нѣсколько отрывковъ, особенно любопытныхъ въ томъ отношеніи, что въ нихъ уже замѣтенъ поворотъ Герцена къ славянофильству. „Когда *послѣдняя надежда исчезла*, когда осталось самоотверженно склонить голову и молча принимать довершающіе удары, какъ послѣдствія страшныхъ событій, вмѣсто отчаянія въ груди моей возвращалась юная вѣра тридцатыхъ годовъ, и я съ упованіемъ и любовью возвратился назадъ... Вѣра въ Россію спасла меня на краю *нравственной гибели*“ [1]).

Вслѣдъ затѣмъ произносится знаменитый парадоксъ: „мы (русскіе) въ нѣкоторыхъ вопросахъ потому дальше Европы и свободнѣе ея, что такъ отстали отъ нея“ [2]).

Письмо къ Мишле. (Le peuple Russe et le socialisme) изобилуетъ такими же идеями: указавши, по обыкновенію, на близкую гибель Европы, Герценъ писалъ: „среди этого хаоса, среди этого предсмертнаго томленія и мучительнаго возрожденія, среди этого міра, распадающагося въ прахъ вокругъ колыбели, взоры невольно обращаются *къ востоку*“ [3]).

Въ другой статьѣ (Крещеная Собственность) онъ идетъ въ этомъ направленіи еще дальше:

„Артель лучшее доказательство того естественнаго безотчетнаго сочувствія славянъ съ соціализмомъ, о которомъ мы столько разъ говорили. Артель вовсе не похожа на на германскій цехъ, она не имѣетъ ни монополи, ни исключительныхъ правъ, она не для того собирается, чтобы мѣшать другимъ, она устроена для сего, а *не противъ* (курсивъ Герцена) кого-либо. Артель собраніе вольныхъ людей одного мастерства на общій прибытокъ, общими силами“ [4]).

---

[1]) т. VI. стр. 120.
[2]) Ibid.
[3]) т. V. стр. 178.
[4]) Ibid. стр. 238.

Небезъинтересно будетъ привести здѣсь же для сравненія отзывъ объ артели главы славянофильской школы А. С. Хомякова:

„Кругъ дѣйствія артелей, писалъ онъ, шире всѣхъ подобныхъ учрежденій въ другихъ земляхъ. Въ артель собираются люди, которые съ малыхъ лѣтъ уже жили по своимъ деревнямъ жизнью общинною. Вся основа—крестьяне или вышедшіе изъ крестьянства. Въ артеляхъ мало, почти нѣтъ, мѣщанъ, мало дворовыхъ. Это не случайность, а слѣдствіе нравственнаго закона и жизненныхъ привычекъ“ [1]).

Мы утверждадмъ, что проповѣдовавшіеся Герценомъ послѣ событій 1848 года взгляды на общину, артель, славянское племя и т. д. истекали изъ славянофильскаго источника. Вотъ доказательства:

Еще въ 1842 году, по поводу указа объ обязанныхъ крестьянахъ, Хомяковъ напечалалъ въ „Московитянинѣ“ двѣ статьи „о сельскихъ условіяхъ“, въ которыхъ отстаивалъ особенности русскаго землевладѣнія. Само собою разумѣется, что, вслѣдствіе цензурныхъ условій того времени, высказываться по вопросу, имѣвшему тѣснѣйшую связь съ крѣпостнымъ правомъ, вполнѣ ясно было нельзя, и потому разъясненія мысли Хомякова надо искать въ его позднѣйшихъ сочиненіяхъ и перепискѣ съ друзьями. Мы это и находимъ. Отстаивая уже прямо общинное начало, Хомяковъ писалъ въ № 28 „Молвы“ за 1857 году слѣдующія строки: „тому лѣтъ восемнадцать (т. е., значитъ, указывается между прочимъ на статьи „о сельскихъ условіяхъ“), теперешніе сотрудники „Русской Бесѣды“ высказали, что славянское племя и по преимуществу русское отличается отъ всѣхъ другихъ *особенностями своего общиннаго быта*. Этимъ положено было начало новаго умственнаго движенія“.

Что же противопоставляется,—спрашивалъ далѣе Хомя-

---

[1]) Русскій Архивъ. 1884 г. вып. IV второй книги. стр. 268.

ковъ,—общинному землевладѣнію его противниками и отвѣчалъ такимъ образомъ; „нарушеніе всѣхъ обычаевъ и чувствъ народныхъ, сосредоточеніе собственности въ сравнительно немногихъ рукахъ, пролетаріатъ или, по крайней мѣрѣ наемничество всѣхъ остальныхъ, безсвязность народа и отсутствіе всякаго *общественно—нравственнаго воспитанія*“ [1]).

Замѣтимъ въ скобкахъ, что Хомяковъ былъ очень послѣдователенъ, такъ какъ ясно понималъ, что „наемничество“ и „пролетаріатъ“ не только не явятся факторами для желательнаго *съ его точки зрѣнія* „общественно-нравственнаго воспитанія“, но и поведетъ къ самымъ печальнымъ результатамъ. Онъ былъ послѣдователенъ. А Герценъ? А народники?

Тотъ же Хомяковъ писалъ въ 1849 году Кошелеву слѣдующее:

„Община есть одно уцѣлѣвшее гражданское учрежденіе всей русской исторіи *отнимите его, не останется ничего;* изъ его развитія можетъ развиться цѣлый гражданскій міръ„ [2]).

Бестужевъ-Рюминъ говоритъ, что „Гакстгаузенъ, отрывшій русскую общину, обязанъ своимъ открытіемъ Хомякову“ [3]).

Герценъ приписываетъ эту же заслугу Константину Аксакову, но, если принять во вниманіе взаимныя отношенія Хомякова и Аксакова, то это, въ сущности все равно. „Константинъ Аксаковъ, — писалъ Герценъ въ „Быломъ и Думахъ“,—въ началѣ 40-хъ годовъ проповѣдывалъ сельскую общину, міръ и артель. Онъ научилъ Гакстгаузена пони-

---

[1]) Современный вопросъ. Полное собраніе сочиненій Ал. Ст. Хомякова, изд. второе, т. I. стр. 636—938.

[2]) Лясковскій—Алексѣй Степановичъ Хомяковъ, его жизнь и сочиненія, стр. 59.

[3]) Славянофильское ученіе и его судьбы. Отечественныя Записки, 1862, мартъ, стр. 35.

мать ихъ и, послѣдовательный до дѣтства, первый опустилъ панталоны въ сапоги и надѣлъ рубашку съ кривымъ воротомъ“ [1]).

Въ самихъ сочиненіяхъ Константина Аксакова на это нѣтъ указаній, но, не взирая на наше несогласіе въ очень многомъ съ С. А. Венгеровымъ, намъ представляется очень вѣрнымъ слѣдующее замѣчаніе этого писателя: „славянофильскій кружокъ представлялъ собою нѣчто до такой степени сплоченное и слитное, что отдѣлять, гдѣ начинаются мнѣнія одного изъ членовъ кружка и гдѣ кончаются мнѣнія другого, является дѣломъ почти невозможнымъ. Первые славянофилы были тѣсно связаны не только единствомъ духовныхъ стремленій, но и личнымъ общеніемъ. Почти ежедневно собирались они вмѣстѣ либо въ домѣ Хомякова, либо у Кирѣевскихъ, либо, наконецъ, у Аксаковыхъ и въ живомъ обмѣнѣ мыслей разработывали детали общаго имъ всѣмъ міросозерцанія. Иниціатива принадлежала тутъ всѣмъ вмѣстѣ и каждому въ отдѣльности. Одинъ дѣлалъ намекъ, другой его подхватывалъ, третій подбиралъ доказательства и въ общемъ получался тезисъ, родительскія права на который въ одинаковой степени должны приписываться всѣмъ членамъ кружка безраздѣльно. Вотъ почему, между прочимъ, первоначальные славянофилы вовсе не знали фракцій. Тутъ люди до того спѣлись *предварительно* дома, что выступали въ печать уже съ совершенно законченнымъ міровозрѣніемъ, вошедшемъ въ плоть и кровь каждаго, принимавшаго участіе въ выработкѣ его. Слѣдовательно, *печатное* первенство въ дѣлѣ возвѣщенія славянофильскихъ принциповъ можетъ имѣть исключительно библіографическій интересъ и всегда есть простая случайность. Юр. Самарину по конкретной надобности пришлось говорить объ общинномъ началѣ,—онъ

---

[1]) Т. IV, стр. 306.

его и провозгласилъ, а К. Аксакову въ 1847 году, надобности такой не было, онъ и не высказывался“ [1]).

Статья Самарина, о которой упоминаетъ здѣсь г. Венгеровъ, называется „О мнѣніяхъ Современика историческихъ и литературныхъ“ и помѣщена имъ первоначально въ „Москвитянинѣ“ за 1847 г. подъ обычнымъ псевдонимомъ Самарина М... З... К... Полемизируя въ ней съ Кавелинымъ, Самаринъ говоритъ, что „германское племя или точнѣе, романо-германскій міръ дошелъ до отвлеченной формулы, до требованія такого начала, которое составляетъ природу племени славянскаго, что послѣднее даетъ живой, *въ самомъ бытіи его заключающійся* отвѣтъ на *послѣдній вопросъ* западнаго міра“ [2]). „Общинное начало,—писалъ онъ далѣе,—составляетъ основу, грунтъ всей русской исторіи прошедшей настоящей и будущей... Никакое дѣло, никакая теорія, отвергающая это основу, не достигнетъ своей цѣли, не будетъ жить“ [3]).

Въ статьѣ „Константинъ Аксаковъ“ г. Пыпинъ говоритъ, что „славянофильство считало западъ отжившимъ, недававшимъ надеждъ на будущее и, напротивъ, славянству и въ особенности русскому народу предоставлялось внести въ жизнь человѣчества новое оживляющее начало. Основаніе къ этому видѣли и тогда, какъ и послѣ, кромѣ православія, *въ общинѣ*“ [4]).

Отсюда г. Пыпинъ дѣлаетъ совершенно справедливый выводъ, что „славянофильскіе взгляды вошли частью въ новѣйшую народническую школу“; надо было только добавить, что „мостомъ“, по которому они вошли былъ никто другой, какъ Герценъ, а затѣмъ Чернышевскій, писавшій, напр., такія строки: „читатели, зная нашъ образъ мыслей, не мо-

---

[1]) Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ, т. I. стр. 281—282.

[2]) Сочиненія Ю. Ф. Самарина, т. I, стр. 40.

[3]) Ibid, стр. 51.

[4]) «Константинъ Аксаковъ». Вѣст. Евр. 1884 г. мартъ. стр. 157.

гутъ, конечно, предположить въ насъ особеннаго расположенія къ тѣмъ примѣсямъ славянофильской системы, которыя находятся въ противорѣчіи съ идеями, выработанными современною наукою и съ характеромъ нашего времени. Но мы, повторяемъ, что выше этихъ заблужденій есть въ славянофильствѣ *элементы здоровые, вѣрные, заслуживающіе сочувствія*" [1]).

Тѣ же мысли Чернышевскій высказывалъ много разъ, но ихъ же и совершенно такимъ же образомъ развивалъ еще раньше Герценъ. „На славянофилахъ,—писалъ онъ,—лежитъ грѣхъ, что мы долго не понимали ни русскаго народа, ни его исторіи; ихъ иконописные идеалы и дымъ ладона мѣшали намъ разглядѣть народный бытъ и основы сельской жизни. Православіе славянофиловъ, ихъ историческій патріотизмъ и преувеличенное раздражительное чувство народности были вызваны крайностями въ другую сторону. *Важность* ихъ воззрѣнія, его *истина* и *существенная часть* вовсе не здѣсь, а въ тѣхъ *стихіяхъ* (курсивъ Герцена) русской жизни, которыя они открыли подъ удобреніемъ искусственной цивилизаціи" [1]).

„Въ его (Петра Кирѣевскаго) взглядѣ,—и это я оцѣнилъ гораздо послѣ,—была доля тѣхъ горькихъ, подавляющихъ истинъ объ общественномъ состояніи запада, до котораго мы дошли послѣ бурь 1848 года. Онъ понялъ ихъ печальнымъ ясновидѣніемъ, догадался ненавистью, местью за зло, причиненное Петромъ во имя запада" [3]).

Для Европы,—писалъ Герценъ,—„деспотизмъ или соціализмъ; выбора нѣтъ...—А между тѣмъ Европа показала удивительную *неспособность* (курсивъ Герцена) къ соціальному перевороту. Мы думаемъ, что Россія не такъ неспособна

---

[1]) Замѣтки о современной литературѣ. стр. 245—246,
[2]) Соч. т. IV. стр. 268.
[3]) Ibid. стр. 303.

къ нему и на этомъ сходимся съ славянами (Герценъ, какъ мы уже замѣчали, часто употребляетъ слова „славяне“ и „славянофилы“ въ одномъ и томъ же значеніи; эта привычка сохранилась у него еще съ московскаго періода жизни В. Б.). На этомъ основана наша вѣра въ ея будущность, вѣра которую я проповѣдывалъ съ конца 1848 года“ [1]).

Гдѣ же тѣ силы, благодаря которымъ Россія окажется не такъ „неспособна“ къ обновленію, чѣмъ Европа? Силами этими являются: во первыхъ существо и историческое прошлое русскаго народа и во вторыхъ русская интеллигенція или „мы“. Корни русскаго народничества находятся здѣсь.

„Само собою разумѣется,—писалъ Герценъ,—что ни въ коммунизмѣ деревень, ни въ казацкихъ республикахъ мы не могли бы найти удовлетворенія нашимъ стремленіямъ. Все это было слишкомъ дико, молодо, неразвито, но изъ этого не слѣдуетъ, что намъ должно ломать эти незрѣлыя начинанія; напротивъ, ихъ надо продолжать, развивать, образовывать. Тутъ нѣтъ большого достоинства, что мы неподвижно сохранили нашу общину, въ то время, когда германскіе народы ее утратили, но это большое счастіе и его не надобно выпускать изъ рукъ. Мы долго ждали, долго временили, *воспользуемся опытностью нашихъ сосѣдей*; она имъ страшно дорого стоитъ“ [2]).

Итакъ, вопросъ о томъ сохранится-ли наша община при новыхъ условіяхъ жизни и можетъ-ли она перейти въ высшую форму или нѣтъ, зависитъ не отъ внутренней логики ея собственнаго развитія, не отъ „самокритики вещей“, а отъ того съумѣемъ ли „мы“ или нѣтъ „воспользоваться опытностью нашихъ сосѣдей.

Такъ-то новый видъ утопизма овладѣвалъ шагъ за ша-

---

[1]) Ibid. стр. 289.
[2]) Ibid. стр. 240.

гомъ мыслями даже такой необыкновенно сильной личности, какъ Герценъ. Все это оказало сильное вліяніе и на складъ воззрѣній русской интеллигенціи послѣдующихъ лѣтъ.

„Должна ли Россія пойти всѣми фазами европейскаго развитія, или ея жизнь пойдетъ по инымъ законамъ, писалъ Герценъ въ статьѣ „Le vieux monde et la Russie". *Я совершенно отрицаю необходимость этихъ повтореній.* Мы, пожалуй, должны пройти трудными и скорбными исканіями нашихъ предшественниковъ, но такъ, какъ зародышъ проходитъ до рожденія всѣ низшія ступени зоологическаго существованія" [1]).

Такимъ образомъ мысль г. Оболенскаго о томъ, что Россія можетъ ограничиться однимъ „теоретическимъ переживаніемъ капитализма", имѣетъ за собой почтенную давность лѣтъ въ пятьдесятъ...

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ Герценъ пріѣхалъ въ Лондонъ въ расчетѣ отдохнуть тамъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ отъ европейскихъ бурь, но, оглядѣвшись, увидѣлъ, что ему, собственно говоря „ѣхать некуда", и онъ остался на долгіе годы въ столицѣ Англіи. Началась жизнь эмигранта, окруженнаго такими же выходцами изъ всѣхъ странъ, началось и подготовленіе къ вольному слову на русскомъ языкѣ. Въ это же время Герценъ написалъ по французски чрезвычайно интересную брошюру: „Du developpement des idées" ets (Не вошедшую почему то впослѣдствіи въ полное собраніе его сочиненій). По поводу этой брошюры въ сборникѣ посмертныхъ сочиненій Герцена приведено въ высшей степени любопытное письмо къ нему нѣкоего доктора Coeurderoi. Вотъ оно:

„C'est une belle étude, organiqne et originale, il y a la veritable vigueur, travail serieux, verités nues, passages profondement emouvants. C'est jeune et fort comme la race

---

[1]) Ibid. стр. 278.

slave; on sent parfaitement que ce n'est ni un Parisien, ni un Paléologue, ni un Philisstre d'Allemagne qui ont écrit des lignes aussi brûlantes; ni un republicain constitutionnel, ni un socialist théocrate et moderé,—mais un Cosaque (vous ne vous effrayez pas ce nom, n'est ce pas?) grandement anarchiste, utopiste et poète, acceptant la negation et l'affirmation la plus hardie du XIX siècle. Ce que peu de revolutionnaires français osent faire" [1]).

Трудно лучше охарактеризовать Герцена того времени, чѣмъ это сдѣлалъ Coeurderoi въ этихъ немногихъ строкахъ. Брошюра, какъ и все другое выходившее изъ подъ пера Герцена, очень умна, въ высшей степени блестяща, обнаруживаетъ въ авторѣ громадный литературный талантъ, но въ ней такъ и сквозитъ самъ авторъ—въ сильной степени романтикъ или какъ выражается Coeurderoi „cosaque" и притомъ „grandemet utopiste et poète". Названіе „anarchiste", конечно къ Герцену не можетъ быть вполнѣ приложимо, но его временами крайне капризная мысль и стремительный романтизмъ давали основанія и къ такого рода заключеніямъ. Въ ослѣпительно-блестящей, посвященной К. Д. Кавелину, статьѣ: „Робертъ Оуэнъ", которую самъ Герценъ считалъ однимъ изъ лучшихъ своихъ произведеній, страницы замѣчательно трезваго реализма перемежаются съ страницами по истинѣ анархическими.

„Гейнцъ, литературный холопъ Меттерниха, за обѣдомъ во Франкфуртѣ, сказалъ Оуэну:

„Положимъ, что вы бы успѣли, что же бы изъ этого вышло?"—

— Очень просто, отвѣчалъ Оуэнъ, вышло бы то, что каждый былъ бы сытъ, хорошо одѣтъ и получилъ бы дѣльное воспитаніе.

---

[1]) Посмертныя сочиненія. стр. 100.

— Да, вѣдь, именно, этого то мы и не хотимъ, замѣтилъ Цицеронъ вѣнскаго конгресса.

Гейнцъ, чего нѣтъ въ другихъ, былъ откровененъ [1]).

„Ахиллова пята Оуэна не въ ясныхъ и простыхъ основаніяхъ его ученія, а въ томъ, что онъ думалъ, что обществу легко понять его *простую* (курсивъ Герцена) истину [2]).

Эти чреватыя богатѣйшими выводами мысли авторъ вдругъ запутываетъ вопросомъ: „совмѣстно ли вообще разумное сознаніе и нравственная независимость съ государственрымъ бытомъ“, и рѣшаетъ его чисто анархически. Для этого онъ ставитъ рядъ вопросовъ и даетъ тутъ же на нихъ отвѣты.

— Что-же, вы думаете Оуэнъ былъ республиканецъ?

— Я думаю, что Оуэнъ предпочиталъ *ту форму правительства* (курсивъ Герцена), которая наиболѣе соотвѣтствуетъ принимаемой имъ церкви.

— Помилуйте, у него нѣтъ никакой церкви.

— Ну, вотъ видите.

— Однако, нельзя быть безъ правительства.

— Безъ сомнѣнія; хоть какое-нибудь, а надобно. Гоголь разсказываетъ о доброй старухѣ, говорившей: „Ну, что-жъ, что дурная погода; все же лучше, чтобы была дурная, чѣмъ, еслибъ совсѣмъ погоды не было.

— Хорошо, смѣйтесь, да, вѣдь, государство погибнетъ безъ правительства.

— А мнѣ что за дѣло! [3]).

Какъ видите, вопросъ рѣшенъ по анархически.

Всякія „точки опоры“ для построенія „новой веси“, дѣйствительно, исчезали при такомъ взглядѣ на дѣло изъ

---

[1]) Томъ IX. стр. 304.
[2]) Ibid. стр. 29.
[3]) Ibid. стр. 312—313.

сознанія Герцена. Посмотрите для этого хотя бы на слѣдующую выдержку изъ той же статьи „Робертъ Оуэнъ“.

„Если въ самомъ дѣлѣ подумать объ этой цивилизаціи, которая осѣдаетъ лаццаронами и лондонской чернью, людьми, свернувшими съ полдороги и возвратившимися къ состоянію лимуровъ и обезьянъ, въ то время, какъ на вершинахъ ея цвѣтутъ бездарные меровинги... и тщедушные ацтеки всѣхъ аристократій, дѣйствительно голова закружится. Вообразите себѣ *этотъ звѣринецъ на волѣ*, безъ церкви, безъ инквизиціи, безъ суда и палача“ [1]).

Обстоятельства, какъ видите, сдѣлали свое дѣло, и умный, высоко талантливый Герценъ безсильно кружился, точно въ какомъ-то заколдованномъ кругѣ. Выхода онъ не видѣлъ, и глаза его невольно стали обращаться отъ „больничной койки“ Европы къ дѣвственному „востоку“. Но, само собою разумѣется, что тамъ его ожидали еще горшія разочарованія.

Какъ уже сказано, въ Лондонѣ проживало въ это время много выходцевъ изъ всѣхъ странъ и притомъ выходцевъ съ огромными историческими именами: то были Маццини, Кошутъ, Ледрю Ролленъ, Луи Бланъ, Ворцель, Марксъ и многіе другіе. Съ большинствомъ выходцевъ Герценъ не былъ близокъ по той причинѣ, что,—какъ это ни странно,—считалъ ихъ „неполными революціонерами“, какъ будто онъ самъ былъ „полнымъ“. „Я, съ своей стороны,—писалъ онъ Маццини въ отвѣтъ на его предложеніе сдѣлаться членомъ международной юнты,—проповѣдую полный разрывъ съ неполными революціонерами; отъ нихъ на двѣсти шаговъ вѣетъ реакціей. Нагрузивъ себѣ на плечи тысячи ошибокъ, они ихъ до сихъ поръ оправдываютъ; лучшее доказательство, что они ихъ повторяютъ“ [2]). Тѣмъ не менѣе, со мно

---

[1]) Ibid., стр. 297.
[2]) Томъ IX, стр. 46.

гими изъ эмигрантовъ Герценъ поддерживалъ добрыя личныя отношенія. Исключеніе составляла лишь эмиграція нѣмецкая и въ особенности глава ея Карлъ Марксъ,—къ которымъ Герценъ относился крайне враждебно.

Мы упомянули уже, что Герценъ былъ, повидимому, совершенно незнакомъ съ сочиненіями Маркса. Неизвѣстна была, кажется, ему и вышедшая въ 1845 году замѣчательная книга Энгельса „Die Lage der Arbeitende Klasse in England“ [1]), неизвѣстно и многое другое, знакомство съ чѣмъ могло бы дать ему тѣ „точки опоры“, отсутствіе которыхъ подмѣтилъ у Герцена Страховъ.

Ко всей нѣмецкой эмиграціи у Герцена не было другого отношенія, какъ къ „шайкѣ нѣмецкихъ государственныхъ людей, окружавшихъ неузнаннаго генія первой величины Маркса“, Schwefelbande“, „марксовой шайкѣ“ и т. д. Причиною такого отношенія Герцена къ Марксу были, по объясненію Герцена, пущенныя Марксомъ инсинуаціи и клеветы на Бакунина и нѣкоторыхъ другихъ лицъ.

„Марксъ, очень хорошо знавшій Бакунина, который чуть не сложилъ голову за нѣмцевъ подъ топоромъ саксонскаго палача,—писалъ Герценъ,—выдалъ его за русскаго шпіона. Онъ разсказалъ въ своей газетѣ цѣлую исторію, какъ Жоржъ Зандъ слышалъ отъ Ледрю Роллена, что, когда онъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, то видѣлъ какую-то компрометирующую Бакунина переписку. Навели справки у Жоржъ Зандъ, и оказалось, что никогда ничего подобнаго она отъ Ледрю Роллена не слыхала. Объ этомъ она прислала письмо, которое Марксъ и помѣстилъ въ своей газетѣ, добавивши лишь, что компрометирующая Бакунина статья „была помѣщена въ его отсутствіе“. Потомъ, разска-

[1]) Нѣкоторыя выдержки изъ этой книги были приведены нами въ нашей статьѣ «Что такое земледѣльческіе идеалы?» помѣщенной въ мартовской книжкѣ «Начала» за 1899 годъ.

зываетъ Герценъ, „красный Марксъ избралъ самый черно-желтый журналъ въ Германіи „Аугсбургскую газету“ и въ ней сталъ выдавать *анонимно* Карла Фогта за агента принца Наполеона, Кошута съ Телеки, Пульскаго и пр., какъ продавшихся Наполеону. Вслѣдъ затѣмъ онъ напечаталъ: „Герценъ, по самымъ вѣрнымъ источникамъ, получаетъ большія деньги отъ Наполеона. Его близкія сношенія съ Palais Royal'емъ были и прежде не тайной“ [1]).

Само собою разумѣется, что такіе поступки Маркса не могли не раздражать противъ него Герцена до глубины души. Но такъ ли все это было, какъ разсказываетъ Герценъ, былъ-ли писавшій въ „Аугсбургской Газетѣ“ анонимъ, дѣйствительно, Марксъ или нѣтъ, мы точно не знаемъ и приведемъ лишь то, что удалось намъ найти объ отношеніяхъ между Герценомъ и Марксомъ въ другихъ источникахъ. Въ 1864 г. Бакунинъ видѣлся съ Марксомъ и объ этомъ свиданіи разсказывалъ самъ слѣдующее: „Герценъ мнѣ говорилъ, что гражданинъ Карлъ Марксъ принималъ активное участіе въ клеветахъ на меня. Я этому не удивился очень, зная по прежнему опыту,—такъ какъ я знаю его съ 1845 г., что знаменитый нѣмецкій соціалистъ, котораго великимъ качествамъ я отдавалъ и не примину отдавать всегда полную справедливость, имѣетъ, однако, въ своемъ характерѣ нѣкоторыя черты, которыя я съ меньшимъ удивленіемъ встрѣтилъ бы у еврейскаго беллетриста, корреспондента нѣмецкихъ газетъ, чѣмъ у такого серьезнаго защитника человѣчества и справедливости. Поэтому, прибывъ въ 1862 году въ Лондонъ, я удержался отъ визита ему, мало желая возобновить свое съ нимъ знакомство. Но въ 1864 г., при моемъ проѣздѣ черезъ Лондонъ, онъ пришелъ ко мнѣ самъ и увѣрялъ меня, что онъ не принималъ ни прямо, ни кос-

---

[1]) Посм. ст.; стр. 59, 71 и др.

венно участія въ этихъ клеветахъ, которыя онъ самъ считалъ гнусными. Я долженъ былъ этому вѣрить“ [1]).

Въ „письмахъ М. А. Бакунина къ А. И. Герцену и Н. П. Огареву“ находится также слѣдующее письмо Бакунина къ Герцену отъ 28 октября 1869 года: „На счетъ Маркса вотъ мой отвѣтъ: я знаю такъ же хорошо, какъ и ты, что Марксъ виноватъ противъ насъ, какъ и всѣ другіе, что онъ былъ зачинщикомъ и подстрекателемъ всѣхъ гадостей, взводимыхъ на насъ. Почему же я его пощадилъ и даже назвалъ великаномъ? Первая причина—справедливость. Оставляя въ сторонѣ всѣ его гадости противъ насъ, нельзя не признать, я, по крайней мѣрѣ, не могу не признать за нимъ огромныхъ заслугъ по дѣлу соціализма, которому онъ служитъ умно, энергично и вѣрно, вотъ, уже скоро двадцать пять лѣтъ съ моего съ нимъ знакомства и въ которомъ онъ несомнѣнно *опередилъ всѣхъ насъ*. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ, чуть-ли не главнымъ основателемъ Интернаціональнаго Общества, а это, въ моихъ глазахъ, заслуга огромная, которую я всегда признавать буду, чтобы онъ противъ насъ не надѣлалъ“. [2])

Вторая причина „тактика“, но тутъ мы за Бакунинымъ не послѣдуемъ, такъ какъ это завело ны насъ далеко въ сторону:

Въ письмѣ къ Огареву отъ 16 декабря 1869 г. Бакунинъ писалъ: „мнѣ закаазанъ переводъ страшной книги Маркса—„Das Kapital“, 784 страницы мелкой печати за 900 рублей, изъ которыхъ я уже получилъ впередъ 300 руб. Переводъ страшно трудный. Сначала я не могъ перевести трехъ страницъ въ утро, теперь дошелъ до пяти, надѣюсь скоро дойти до десяти Тогда дѣло будетъ въ шляпѣ“. [3])

---

[1]) Письма, стр. 234.

[2]) La théologie politique de Mazzini et l'Internationale. 1871, p. 46. Приведено также во «введеніи» къ «письмамъ М. А. Бакунина къ А. И. Герцену и Н. П. Огареву. стр. XXXIX.

[3]) Письма, стр. 249.

Изъ письма къ Огареву: „въ письмѣ, переданномъ тобою ему (Жуковскому), я его спрашивалъ, можетъ ли Адя на извѣстныхъ условіяхъ переписывать мой переводъ Маркса. Если можетъ, то я немедленно перешлю ей листовъ десять, а отъ меня уже требуютъ первыхъ листовъ, такъ что, не не получая отвѣта отъ Жука, я самъ началъ ихъ переписывать“ [1]). Обо всемъ этомъ до конца 1869 года, т. е. почти до самой смерти своей Герценъ ничего не зналъ, что слѣдуетъ изъ такого, приводимаго Татьяной Пассекъ, его письма къ Огареву отъ 29 сентября 1869 г.: „Дай Богъ успѣха Бакунинскому переводу Маркса. Я одного не понимаю, почему же онъ держалъ подъ сурдинкой свои сношенія съ нимъ? Вся вражда моя къ марксидамъ изъ-за Бакунина“ [2]).

Марксъ относился къ Герцену въ свою очередь далеко не дружелюбно. Извѣстенъ его отзывъ о нашемъ соотечественникѣ въ первомъ изданіи перваго тома „Капитала“. („Если на европейскомъ континентѣ... все найдется по старому... то все это можетъ, наконецъ, сдѣлать неизбѣжнымъ обновленіе Европы посредствомъ кнута и насильственнаго смѣшенія европейской крови съ калмыцкой, о чемъ такъ ревностно пророчествуетъ полурусскій и вполнѣ „москвичъ“ Герценъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что этотъ беллетристъ сдѣлалъ свое открытіе „русскаго“ коммунизма не въ Россіи, а въ сочиненіи прусскаго регирунгсрата Гакстгаузена) [3]). Былъ ли Марксъ знакомъ съ Герценомъ лично? На это у самого Герцена нѣтъ указаній, но въ статьѣ *Н. Берга* „Морская экспедиція повстанцевъ 1863 года“, основаніемъ для которой послужилъ помѣщенный въ №№ 180—227 за

---

[1]) Ibid. Въ примѣчаніи издатели «писемъ» говорятъ: Бакунинъ перевелъ лишь начало «Капитала».

[2]) Изъ дальныхъ лѣтъ, т. III, стр. 221.

[3]) Капиталъ, т. I, стр. 643. Въ послѣдующихъ изданіяхъ «Капитала» это мѣсто было Марксомъ исключено.

1878 годъ польской газеты „Gazeta Narodowa“ самимъ начальникомъ экспедиціи полковникомъ Лапинскимъ разсказъ о ней, мы находимъ между прочимъ такія строки: „у Герцена собралось нѣсколько революціонныхъ тузовъ, бывшихъ тогда въ Лондонѣ—Маццини, Ледрю-Ролленъ, Марксъ, повидимому, съ тѣмъ, чтобы подѣйствовать на Лапинскаго, когда бы онъ поколебался. Изъ поляковъ, сверхъ Лапинскаго, былъ только Цвѣрцякевичъ; изъ русскихъ—Огаревъ. Сначала говорили болѣе всего о польскомъ возстаніи. Герценъ утверждалъ, что польской революціи необходимо искать союза со всѣми недовольными въ Россіи, а такихъ очень много. Есть возможность ожидать тамъ даже революціонной вспышки: тогда революція, естественно, подастъ руку революціи—и пошла писать!

— Э,—сказалъ болѣе практическій и прозорливый Марксъ, занимавшійся очень серьезно жареной телятиной,—въ Россіи можетъ быть только такой или другой бунтъ, при чемъ достанется нѣмецкимъ платьямъ, а революціи никакой и никогда не будетъ.—Это вызвало горячія возраженія со стороны Герцена и Огарева. Ледрю-Ролленъ и Цвѣрцякевичъ имъ вторили. Маццини и Лапинскій больше молчали“ [1]).

Въ посвященномъ тому же предмету разсказѣ Герцена „*Пароходъ Ward Jackson*“ объ этомъ свиданіи совсѣмъ не упоминается, и потому разсказы Берга, надо думать, вполнѣ апокрифическіе.

Изъ послѣдняго письма Герцена къ Огареву видно, что почти передъ смертью стало складываться въ мысляхъ Герцена иное отношеніе къ Марксу и „марксидамъ“. Но было уже поздно.

Мы, разумѣется, не хотимъ сказать, что ознакомься Герценъ своевременно съ ученіемъ Маркса и Энгельса, онъ сталъ бы подъ ихъ знамя; нѣтъ, весь складъ психики

---

[1]) Историческій Вѣстникъ. Январь 1881 г., стр. 79.

Герцена заставляетъ думать, что этого бы не случилось, Герценъ былъ для этого слишкомъ „русскій человѣкъ“, но такое знакомство избавило бы, надо полагать, Герцена отъ многихъ вопіющихъ,—зачѣмъ бояться словъ, говоря даже и о людяхъ огромной величины,—абсурдовъ, до которыхъ онъ договаривался, „потерявши вѣру въ Европу“. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ психикѣ Герцена замѣчалась ясно выраженная двойственность; онъ является передъ нами то романтикомъ, проповѣдующимъ идеи рѣшительно ни на чемъ не основанныя, то чрезвычайно трезвымъ реалистомъ, высказывающимъ геніальныя мысли. Такъ, разсказавши одинъ эпизодъ изъ жизни Н. Х. К. (въ статьѣ того же названія. Безъ сомнѣнія, Н. Х. Кетчеръ), Герценъ писалъ: „перехожу къ тому вреду, который мы сдѣлали бѣдной С. Ошибка, сдѣланная нами, *родовая ошибка всѣхъ утопій и идеализмовъ*. Вѣрно схватывая одну сторону вопроса, обыкновенно не обращается никакого вниманія, *къ чему эта сторона приросла, и можно ли ее отдѣлить*,—никакого вниманія на глубокое сплетеніе жилъ, *связывающихъ дикое мясо со всѣмъ организмомъ*. Мы еще все думаемъ, что достаточно сказать хромому: „возьми одръ свой и ступай“, онъ и пойдетъ“ [1]).

Если бы Герценъ приложилъ эту замѣчательно глубокую мысль къ тѣмъ вопросамъ, которые занимали его въ русской жизни, то онъ не могъ бы не увидѣть, что его воззрѣнія на общину, артель, роль интиллигенціи въ Россіи и т. д. страдаютъ „родовой ошибкой всѣхъ утопій и идеализмовъ“, что „вѣрно схвативши одну сторону вопроса“, онъ (а за нимъ и всѣ народники до нашихъ дней), не обращаютъ вниманія на то, „къ чему эта сторона приросла и можно ли ее отдѣлить“ и на глубокое сплетеніе жилъ, связывающихъ дикое мясо со всѣмъ организмомъ“. Во взглядѣ на названные вопросы русской жизни именно Герценъ и его

---

[1]) Сб. посмерт. ст., стр. 25.

послѣдователи думали, что „стоитъ сказать хромому: „возьми одръ свой и ступай“, онъ и пойдетъ. Къ такимъ же мыслямъ Герценъ подходилъ не разъ.

„Мы не любимъ простого, мы не уважаемъ природу по преданію, хотимъ распоряжаться ею, хотимъ лѣчить заговореніемъ и удивляемся, что больному не лучше; физика насъ оскорбляетъ своею независимою самобытностью,—намъ хочется алхиміи, магіи, а жизнь и природа равнодушно идутъ своимъ путемъ, покоряясь человѣку по мѣрѣ того, какъ онъ выучивается *дѣйствовать ихъ же средствами* [1]).

„Занимался ли кто-нибудь серьезно физіологіей общественной жизни, исторіей, какъ, дѣйствительно, объективной наукой? Никто; ни консерваторы, ни радикалы, ни философы, ни историки“ [2]).

„Доктора разсуждаютъ о трудно больномъ не такъ, какъ безутѣшные родственники; они могутъ въ душѣ плакать, но для борьбы съ болѣзнью надобно *пониманіе, а не слезы*“ [3]).

Вотъ, поистинѣ, геніальныя мысли, развитіе которыхъ спасало бы Герцена отъ многихъ заблужденій. Въ особенности плодотворна была бы спинозовская мысль о необходимости „пониманія, а не слезъ“. (У Спинозы эта мысль выражена въ видѣ извѣстнаго афоризма почти въ тѣхъ же словахъ, „не плакать, не смѣяться, а понимать“).

Характеризуя французскую эмиграцію, Герценъ писалъ: „въ ихъ рядахъ есть люди умные, острые, очень добрые, съ горячей религіею и съ готовностью ей пожертвовать всѣмъ, но понимающихъ людей, людей, которые бы изслѣдовали свое положеніе, свои вопросы такъ, *какъ естествоиспытатель изслѣдуетъ явленіе* или *патологъ болѣзнь*, почти

---

[1]) Соч., т. V, стр. 22.
[2]) Ibid., стр. 75.
[3]) Соч., т. V, стр. 81.

вовсе нѣтъ“ [1]). Именно такихъ людей, которые изслѣдовали бы соціальные вопросы, какъ „естествоиспытатель изслѣдуетъ явленіе“, Герценъ могъ найти *только* въ нѣмецкой эмиграціи пятидесятыхъ годовъ, но уже обстоятельства такъ сложились, что онъ прошелъ *мимо* единственнаго выхода изъ лабиринта мысли, въ который онъ попалъ и все болѣе и болѣе склонялся, поэтому, къ воззрѣніямъ славянофиловъ, *залагая* вмѣстѣ съ тѣмъ *основы русскому народничеству*. Весьма вѣроятно, что Марксъ былъ виноватъ передъ Герценомъ и Бакунинымъ, но отчего же первый не былъ такъ же безпристрастенъ, какъ второй? Почему Герценъ разглядѣлъ многое хорошее въ эмиграціи французской, хотя и тамъ происходили иногда просто ужасныя вещи (вспомните напр. разсказъ Герцена о дуэли между Бартелеми и Курне) или эмиграціи польской, не смотря на то, что отъ него не ускользнули и ея темныя стороны, имъ же разсказанныя въ статьѣ „Параходъ Ward Jakson“ и нѣкоторыхъ другихъ.

О томъ, что такое нѣмецкая эмиграція, Герценъ могъ бы узнать, напр., отъ Анненкова, описавшаго впослѣдствіи свое въ высшей степени любопытное свиданіе съ Марксомъ, во время котораго послѣдній предсталъ предъ изумленными глазами нашего соотечественника во весь свой колоссальный ростъ.

Этотъ разсказъ на столько интересенъ, что мы позволимъ себѣ привести здѣсь его подробно.

„По дорогѣ въ Европу, — расказываетъ Анненковъ, — я получилъ рекомендательное письмо къ извѣстному Марксу отъ нашего степного помѣщика, также извѣстнаго въ своемъ кругу за отличнаго пѣвца цыганскихъ пѣсенъ, ловкаго игрока и опытнаго охотника. Онъ находился, какъ оказалось, въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ учителемъ Лассаля и будущимъ главою Интернаціональнаго Общества. Онъ увѣ-

---

[1]) Сб. посм. ст. стр. 106—107.

рилъ Маркса, что, предавшись душой и тѣломъ его лучезарной проповѣди и дѣлу водворенія экономическаго порядка въ Европѣ, онъ ѣдетъ обратно въ Россію съ намѣреніемъ продать все свое имѣніе и бросить себя и весь свой капиталъ въ жерло предстоящей революціи. Далѣе этого увлеченіе идти не могло, но я убѣжденъ, что. когда лихой помѣщикъ давалъ всѣ эти обѣщанія, онъ былъ въ ту минуту искрененъ. Возвратившись же на родину, сперва въ свое имѣніе, а затѣмъ въ Москву, онъ забылъ и думать о горячихъ словахъ, произнесенныхъ нѣкогда такъ эффектно передъ изумленнымъ Марксомъ и умеръ не такъ давно престарѣлымъ, но еще пылкимъ холостякомъ въ Москвѣ. Немудрено, однако, что послѣ подобныхъ продѣлокъ, какъ у самого Маркса, такъ и у многихъ другихъ, сложилось и долгое время длилось убѣжденіе, что на всякаго, русскаго, къ нимъ приходящаго, прежде всего должно смотрѣть какъ на подосланнаго шпіона или какъ на безсовѣстнаго обманщика... Я воспользовался, однако, письмомъ моего пылкаго помѣшика, который, отдавая его мнѣ, находился еше въ энтузіастическомъ настроеніи и былъ принятъ Марксомъ въ Брюсселѣ очень дружелюбно... Съ перваго свиданія Марксъ пригласилъ меня на совѣщаніе, которое должно было состояться у него на другой день вечеромъ съ портнымъ Вейтлингомъ, оставившимъ за собою въ Германіи довольно большую партію работниковъ. Совѣщаніе назначалось для того, чтобы опредѣлитъ по возможности общій образъ дѣйствій между руководителями рабочаго движенія. Я не замедлилъ явиться на приглашеніе... Отрекомендовавшись наскоро другъ другу и притомъ съ оттѣнкомъ изысканной учтивости со стороны Вейтлинга, мы сѣли за небольшой зеленый столикъ, на одномъ концѣ котораго помѣстился Марксъ, взявъ карандашъ въ руки и склонивъ свою львиную голову на листъ бумаги, между тѣмъ, какъ неразлучный его спутникъ и сотоварищъ по пропагандѣ, высокій, прямой, по

англійски важный и серьезный, Энгельсъ открылъ засѣданіе рѣчью... Онъ еще не кончилъ рѣчи, когда Марксъ, поднявъ голову, обратился прямо къ Вейтлингу съ вопросомъ: „Скажите же намъ, Вейтлингъ, вы, который надѣлали такъ много шуму въ Германіи своими коммунистическими проповѣдями и привлекли къ себѣ столькихъ работниковъ, лишивъ ихъ мѣста и куска хлѣба, какими основаніями оправдываете вы свою революціонную и соціальную дѣятельность и на чемъ думаете утвердить ее въ будущемъ?“ Я очень хорошо помню самую форму рѣзкаго вопроса, потому что съ него начались горячія пренія, продолжавшіяся, какъ сейчасъ окажется, очень недолго. Вейтлингъ видимо хотѣлъ удержать совѣщаніе на общихъ мѣстахъ либеральнаго разглагольствованія. Съ какимъ-то серьезнымъ, озабоченнымъ выраженіемъ на лицѣ, онъ сталъ объяснять, что цѣлью его было не созидать новыя экономическія теоріи, а принять тѣ, которыя всего способнѣе, какъ показалъ опытъ во Франціи, открыть рабочимъ глаза на ужасъ ихъ положенія, на всѣ несправедливости, которыя по отношенію къ нимъ сдѣлались лозунгомъ правителей и обществъ, научить ихъ не вѣрить уже никакимъ обѣщаніямъ со стороны послѣднихъ и надѣяться только на себя, устраиваясь въ демократическія и коммунистическія общины. Онъ говорилъ долго, но, къ удивленію моему и въ противоположность съ рѣчью Энгельса, сбивчиво... Онъ имѣлъ теперь совсѣмъ другихъ слушателей, чѣмъ тѣ, которые обыкновенно окружали его станокъ или читали его газету... Вейтлингъ, вѣроятно, говорилъ бы еще долѣе, если бы Марксъ съ гнѣвно-стиснутыми бровями не прервалъ его и не началъ своего возраженія. Сущность саркастической его рѣчи заключалась въ томъ, что возбуждать населеніе, не давая ему никакихъ твердыхъ, продуманныхъ основаній для дѣятельности—значитъ просто обманывать его. Возбужденіе фантастическихъ надеждъ, о которомъ говорилось сейчасъ,—замѣчалъ далѣе Марксъ,—ве-

детъ только къ конечной гибели, а не къ спасенію страдающихъ. Особенно въ Германіи обращаться къ работнику безъ строго научной идеи и положительнаго ученія равносильно съ пустой и безчестной игрой въ проповѣдники, при которой, съ одной стороны, полагается вдохновенный пророкъ, а съ другой—допускаются только ослы, слушающіе его, разинувъ ротъ. „Вотъ, — прибавилъ онъ, вдругъ указывая на меня рѣзкимъ жестомъ, — между нами есть одинъ русскій. Въ его странѣ, Вейтлингъ, ваша роль могла бы быть умѣстна тамъ, дѣйствительно, только и могутъ удачно составляться и работать союзы между нелѣпыми пророками и нелѣпыми послѣдователями“. Въ цивилизованной землѣ, какъ Германія,—продолжалъ развивать свою мысль Марксъ,—люди безъ положительной доктрины ничего не могутъ сдѣлать, да и ничего не сдѣлали до сихъ поръ, кромѣ шума, вредныхъ вспышекъ и гибели самого дѣла, за которое принялись.— Краска выступила на блѣдныхъ щекахъ Вейтлинга, и онъ обрѣлъ живую, свободную рѣчь. Дрожащимъ отъ волненія голосомъ сталъ онъ доказывать, что человѣкъ, собравшій сотни людей во имя справедливости, солидарности и братской другъ къ другу помощи подъ одно знамя, не можетъ назваться совсѣмъ пустымъ и празднымъ человѣкомъ, что онъ, Вейтлингъ, утѣшается отъ сегодняшнихъ нападокъ воспоминаніемъ о тѣхъ сотняхъ писемъ и заявленій благодарности, которыя получилъ со всѣхъ сторонъ своего отечества и что, можетъ быть, скромная подготовительная его работа важнѣе для общаго дѣла, чѣмъ критика и кабинетные анализы доктринъ вдали отъ страдающаго свѣта и бѣдствій народа. При послѣднихъ словахъ взбѣшенный окончательно Марксъ ударилъ кулакомъ по столу такъ сильно, что зазвенѣла и зашаталась лампа на столѣ, и вскочилъ съ мѣста, проговаривая: „Никогда еще невѣжество никому не помогло!“ Мы послѣдовали его примѣру и тоже вышли изъ-за стола. Засѣданіе кончилось, и покуда Марксъ ходилъ взадъ и впе-

редъ въ необыкновенномъ раздраженіи по комнатѣ, я наскоро распрощался съ нимъ и его собесѣдниками и ушелъ домой, пораженный всѣмъ мною видѣннымъ и слышаннымъ“ [1]).

Вездѣ и всюду вниманіе Герцена привлекало все сильное, мощное, цѣльное,—почему же въ данномъ случаѣ этого не случалось? Или Анненковъ не разсказывалъ ему паразившую его сцену? Не знаемъ...

Къ концу жизни Герценъ писалъ свои „письма къ старому товарищу“ (Бакунину), которыя весьма замѣчательны во многихъ отношеніяхъ. Уже самый къ нимъ эпиграфъ, взятый изъ письма Іереміи Бентама къ Александру Первому: „одни мотивы, какъ бы они ни были достаточны, не могутъ быть дѣйствительны безъ достаточныхъ средствъ“, указываетъ на точку зрѣнія, которой хотѣлъ держаться Герценъ въ этихъ письмахъ“. Онъ высказываетъ мысль, что скачки въ исторіи невозможны не только потому, что этому противодѣйствуютъ всякія „внѣшнія препятствія“, но и потому, что „старое“ имѣетъ слишкомъ глубокіе корни во всемъ прошломъ. „Большинство, наиболѣе страдающее, стремится одною частью,—городскихъ рабочихъ,—выйти изъ него, но удерживается старымъ традиціоннымъ міросозерцаніемъ другой и самой многочисленной части“ (крестьянства) [2]).

„Петрограндизмомъ соціальный переворотъ дальше каторжнаго равенства Гракха Бабефа и коммунистической барщины Кабе не пойдетъ“ [3]).

„Изъ міра нравственной неволи и подъавторитетности мы и бьемся выйти *въ ширь пониманія*, въ міръ *свободы въ разумѣ* [4]).

„Я нисколько не боюсь слова „постепенность“, опошленнаго шаткостью и невѣрнымъ шагомъ разныхъ реформи-

---

[1]) Замѣчательное десятилѣтіе. «Вѣстникъ Европы» 1880 г., № 4, стр. 496—499.

[2]) Сбор. посм. ст., стр. 289.

[3]) Ibid., стр. 291.

[4]) Ibid., стр. 298.

рующихъ властей. Постепенность, такъ какъ непрерывность, неотъемлема всякому процессу разумѣнія. Математика передается постепенно, отчего же конечные выводы мысли о соціологіи могутъ прививаться, какъ оспа, или вливаться въ мозги, какъ вливаютъ лошадямъ сразу лѣкарство въ ротъ" [1]).

„Ни ты, ни я не измѣнили нашихъ убѣжденій, но розно стали къ вопросу. Ты рвешься впередъ попрежнему со страстью разрушенія, которую принимаешь за творческую страсть, ломая препятствія и уважая исторію только въ будущемъ. Я не вѣрю въ прежніе пути, стараюсь понять *шагъ людской* (курсивъ Герцена) въ быломъ и настоящемъ, иду съ нимъ въ ногу, не отставая и не забѣгая въ такую даль, въ которую люди не пойдутъ за мною, не могутъ идти [2]).

„Каждый восходящій или воплощающійся принципъ въ исторической жизни представляетъ *высшую правду* (курсивъ Герцена) своего времени, и тогда онъ поглощаетъ лучшихъ людей; за него льется кровь и ведутся войны, потомъ онъ дѣлается *ложью* (курсивъ его же) и наконецъ *воспоминаніемъ*" [3]).

„Между мнѣніемъ Лассаля и проповѣдью о неминуемомъ распущеніи государства въ федерально-коммунальную жизнь лежитъ вся разница обыкновеннаго рожденія и выкидыванія" [4]).

Читатель видитъ, что Герценъ очень часто подходилъ весьма близко къ принципамъ „объективизма", но онъ овладѣлъ ими далеко не вполнѣ и запутывалъ ихъ воззрѣніями совсѣмъ изъ другой области:

„Проповѣдь нужна людямъ, — писалъ онъ сейчасъ же послѣ вышеприведенныхъ строкъ,—проповѣдь неустанная, ежели путная проповѣдь, равно обращенная къ работнику и хозяину, къ земледѣльцу и мѣщанину. Апостолы намъ нужны прежде авангардовъ офицеровъ, прежде саперовъ

---

[1]) Ibid., стр. 298.
[2]) Ibid., стр. 302.
[3]) Ibid., стр. 308.
[4]) Ibid., стр. 309.

разрушенія. Апостолы, проповѣдующіе не только своимъ, но и чужимъ“ [1]).

Смерть застала Герцена такъ и не примирившимъ роившіяся въ его головѣ противорѣчія....

Помимо сочиненій Герцена, въ высшей степени интересна его переписка съ разными лицами; знакомство съ этой перепиской безусловно необходимо для пониманія духовной физіономіи знаменитаго писателя [2]). Это былъ человѣкъ избалованный, принимавшій преклоненіе предъ собою, какъ должное и никогда не задумывавшійся обрывать отношенія къ кому-бы то ни было, если тотъ дѣлалъ не то, что̀ слѣдовало дѣлать по мнѣнію Герцена. Въ числѣ его многочисленныхъ поклонниковъ находился и К. Д. Кавелинъ, писавшій ему такія письма:

„Я не могу любить тебя, какъ совершенно равнаго, потому что преклоняюсь предъ тобою и вижу въ тебѣ великаго человѣка... Тебѣ лавровый вѣнокъ, представителю русской мысли, свободной, чающей свое величіе и свою неизмѣримую будущность“ [3]).

„Я выбиралъ эти бисеринки изъ твоихъ статей, которыя казались мнѣ программами для цѣлыхъ будущихъ трактатовъ, и благоговѣлъ передъ этими проблесками геніальности, закладывавшими мысль за столѣтіе впередъ“ [4]).

„Когда ты обличалъ все съ неслыханной и невиданной

---

[1]) Ibid., стр. 318.

[2]) Часть переписки, о которой идетъ рѣчь, читатель найдетъ въ статьѣ г. В. Батуринскаго «Герценъ и Тургеневъ», помѣщенной въ январской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1900 г. Обширныя извлеченія изъ той же переписки находятся въ статьѣ г. В. Б. «Герценъ и Тургеневъ», помѣщенной въ январьской и слѣдующихъ книжкахъ «Вѣстника Всемірной Исторіи» за 1900 годъ. Наши цитаты заимствованы изъ книги, въ которой напечатано наиболѣе полное собраніе писемъ Тургенева, Кавелина и другихъ лицъ къ Герцену.

[3]) Переписка Тургенева и Кавелина съ Герценомъ, стр. 12.

[4]) Ibid., стр. 55.

смѣлостью, когда ты бросалъ въ геніальныхъ своихъ статьяхъ и памфлетахъ мысли, которыя забѣгали на вѣка впередъ, а для текущаго дня ставилъ требованія самыя умѣренныя, самыя ближайшія, стоявшія на очереди, ты мнѣ представлялся тѣмъ великимъ человѣкомъ, которымъ должна начаться новая русская исторія. Я плакалъ надъ твоими статьями, зналъ ихъ наизусть, выбиралъ изъ нихъ эпиграфы для будущихъ историческихъ трудовъ, изслѣдованій политическихъ и философскихъ“ [1]).

„Повторяю, мысли, которыя ты бросаешь мимоходомъ, какъ будто невзначай, кажутся мнѣ программами на вѣка“ [2]).

Увлеченіе Кавелина такой высокозамѣчательной личностью, какъ Герценъ, было, разумѣется, вполнѣ естественно и законно,—Герценъ былъ человѣкъ страшно крупный, имъ нельзя не увлекаться и теперь,—но у Кавелина увлеченіе это переходило всякую мѣру, и онъ,—да проститъ намъ читатель вульгарное выраженіе, — нерѣдко „поддакивалъ“ и даже забѣгалъ впередъ подчасъ самыхъ невозможныхъ абсурдовъ Герцена.

Судите сами:

„Идите бодро своей дорогой, — писалъ онъ Герцену и Огареву двадцать перваго августа 1859 года,—сѣмена, которыя вы сѣете (дѣло шло объ изданіяхъ на русскомъ языкѣ), падутъ на добрую почву, т.-е. на подпочву русскую, свѣжую, *не развращенную излишнимъ книжнымъ ученіемъ*. Тамъ здраваго смысла больше, чѣмъ въ нашихъ слояхъ, и тамъ все это будетъ понято“... [3]).

Рѣдкія свиданія съ Герценомъ казались Кавелину изъ праздниковъ праздниками, о которыхъ онъ съ восторгомъ упоминалъ потомъ въ своихъ письмахъ. Все это Герценъ принималъ снисходительно и даже посвятилъ Кавелину сво-

---

[1]) Ibid., стр. 60.
[2]) Ibid., стр. 77.
[3]) Ibid., стр. 13.

его „Роберта Оуэна“, о чемъ самъ упоминаетъ въ письмахъ къ Кавелину два раза: одинъ въ тонѣ дружескомъ, другой—тономъ раздраженнымъ, какъ бы раскаивающимся въ этомъ посвященіи [1]). Но вотъ тотъ же Кавелинъ написалъ брошюру, находившуюся въ большомъ, по нашему мнѣнію, согласіи съ славянофильско-народническо-демократическими взглядами Герцена *противъ* дворянско-конституціонныхъ замысловъ нѣкоторыхъ лицъ въ шестидесятыхъ годахъ. Брошюру эту Кавелинъ издалъ въ 1862 году въ Берлинѣ подъ заглавіемъ: „Дворянство и освобожденіе крестьянъ“. Герценъ страшно на это разсердился и писалъ Кавелину: „буду ждать твоего отвѣта, или не буду ждать и тебя“... [2]).

Письмо это, которое Кавелинъ называлъ „однимъ изъ самыхъ тяжкихъ событій его жизни“, вызвало обширный отвѣтъ Кавелина Герцену. Между прочимъ онъ писалъ ему:

„Горько мнѣ писать тебѣ такое письмо. Теперь я спрашиваю: можешь и хочешь ли ты меня видѣть у себя, или нѣтъ? Если да, я буду очень счастливъ и готовъ дать тебѣ всѣ объясненія, какія потребуешь. Если нѣтъ, — будь по твоему. Это будетъ не первое и не послѣднее мое горе, но помочь ему нельзя. Я не могу отступиться ни отъ одной іоты моихъ убѣжденій, прежде чѣмъ самъ не увижу, что ошибался. Но тогда я скажу объ этомъ во всеуслышаніе отъ самого себя, по доброй волѣ, а не по чьему-либо требованію. Такихъ аккордныхъ пунктовъ я не принималъ и не приму никогда. Жду отъ тебя категорическаго отвѣта: долженъ я пріѣхать къ тебѣ или нѣтъ. Прежде, чѣмъ отвѣтить, взвѣсь хорошенько это письмо и мои вины. У тебя много поклонниковъ и почитателей; друзей осталось мало. Я и теперь люблю тебя по старому, хотя ты и несправедливъ ко мнѣ,—несправедливъ, какъ не бываютъ и посторон-

---

[1]) Ibid., стр. 45 и 53.
[2]) Ibid., стр. 61.

ніе. Если ты меня и оттолкнешь отъ себя, я все-таки не перестану тебя любить, потому что дружба не старые башмаки: ихъ не выбросишь за окно, когда захочешь" [1]).

Отвѣтное письмо Герцена отъ седьмого іюня 1862 года Кавелинъ называетъ „такою же радостью, какъ депеша изъ Эмса о пріѣздѣ его жены съ дочерью". Доставить „радость" Кавелину было, очевидно, не трудно, онъ довольствовался малымъ, ибо въ томъ же письмѣ къ Герцену, въ которомъ сообщалъ о своей „радости",—онъ писалъ ему:

„Итакъ, ты не хочешь меня видѣть! Это большое для меня горе. По крайней мѣрѣ, пришли мнѣ самый твой послѣдній портретъ—карточку; я хоть такъ тебя увижу. А можетъ быть, не стерплю, пріѣду навѣстить тебя, только не у тебя, а гдѣ-нибудь въ нейтральномъ мѣстѣ. Я уважаю твое положеніе, твои заслуги, твое право вѣрить, думать, дѣлать такъ, какъ ты считаешь лучшимъ по своему убѣжденію и совѣсти. Я хочу видѣть тебя, какой ты есть, съ твоими заблужденіями, ошибками, — столь необходимымъ балластомъ каждаго человѣка, потому что ты мнѣ дорогъ весь, какъ ты есть. Спорить съ тобой я не стану. Къ чему это? Не убѣждать же я тебя хочу; а если бъ хотѣлъ, гораздо лучше писать: въ письмѣ раздраженію нѣтъ мѣста" [2]).

Размолвка по поводу брошюры Кавелина всѣми этими письмами не уладилась. Вскорѣ въ „Колоколѣ" появилась рѣзкая, затрогивающая Кавелина, статья, послѣ чего Кавелинъ написалъ очень сухое письмо къ Огареву.

„Надѣюсь, — писалъ онъ ему,—что и мое теперешнее письмо ты примешь, какъ дань прошлому, а не какъ желаніе видѣть оговорку въ „Колоколѣ", въ которой я нисколько не нуждаюсь" [3]). Подъ письмомъ стоитъ простая под-

---

[1]) Ibid., стр. 54.
[2]) Ibid., стр. 79.
[3]) Ibid., стр. 84.

пись „Кавелинъ“ безъ всякихъ къ ней прежнихъ дружескихъ прибавленій. Это письмо и завершаетъ собою „переписку“ между Герценомъ, Огаревымъ и Кавелиномъ.

Еще рѣзче обходился Герценъ съ И. С. Тургеневымъ, который не разъ начиналъ свои къ нему письма фразами въ родѣ такой: „гнѣвенъ же ты, любезный Александръ Ивановичъ, ужъ такъ гнѣвенъ, что и сказать нельзя“... Впрочемъ, не смотря на мягкость своего характера, Тургеневъ болѣе другихъ *позволялъ себѣ* возражать Герцену по теоретическимъ вопросамъ, касавшимся Россіи. Какъ послѣдовательный западникъ, онъ, конечно, не могъ соглашаться въ очень многомъ съ Герценомъ, воззрѣнія котораго мѣтко называлъ „неперебродившей соціально-славянофильской брагой“, а его самого „непослѣдовательнымъ славянофиломъ“ [1]).

Въ высшей степени интересное письмо Тургенева къ Герцену отъ восьмого ноября 1862 года гласитъ между прочимъ слѣдующее:

„Врагъ мистицизма и абсолютизма, ты мистически преклоняешься передъ русскимъ тулупомъ и въ немъ то видишь великую благодать и новизну и оригинальность будущихъ общественныхъ формъ,—das Absolnte, однимъ словомъ,—то самое Absolute, надъ которымъ ты тамъ смѣешься въ философіи. Всѣ твои идолы разбиты, а безъ идола жить нельзя,—такъ давай воздвигать алтарь этому новому невѣдомому богу, благо о немъ почти ничего неизвѣстно — и опять можно молиться, и вѣрить, и ждать. Богъ этотъ дѣлаетъ совсѣмъ не то, что́ вы отъ него ждете,—это, по вашему, временно, случайно, насильно привито ему внѣшней властью; богъ вашъ любитъ до обожанія то, что́ вы ненавидите, и ненавидитъ то, что̀ вы любите,—богъ принимаетъ именно то, что̀ вы за него отвергаете, вы отворачиваете глаза, затыкаете уши и съ экстазомъ, свойственнымъ всѣмъ

---

[1]) Ibid., стр. 171 и 198.

скептикамъ, которымъ скептицизмъ надоѣлъ, съ этимъ специфическимъ, ультра-фанатическимъ экстазомъ, твердите о „весенней свѣжести, о благодатныхъ буряхъ и т. д..... Исторія, филологія, статистика—все-все ни по чемъ; ни по чемъ факты, хотя бы, напр., тотъ несомнѣнный фактъ, что мы, русскіе, принадлежимъ и по языку, и по породѣ къ европейской семьѣ „genus Europaeum“ и, слѣдовательно, по самымъ неизмѣннымъ законамъ физіологіи должны идти по той же дорогѣ. Я не слыхалъ еще объ уткѣ, которая, принадлежа къ породѣ утокъ, дышала бы жабрами, какъ рыба. А между тѣмъ, въ силу вашей душевной боли, вашей усталости, вашей жажды положить свѣжую крупинку снѣга на изсохшій языкъ, вы бьете по всему, что̀ каждому европейцу, а потому и намъ, должно быть дорого, по цивилизаціи, по законности, по самой революціи наконецъ, и, наливъ молодыя головы вашей еще *неперебродившей соціально-славянофильской брагой*, пускаете ихъ хмѣльными и отуманенными въ міръ, гдѣ имъ предстоитъ споткнуться на первомъ шагу. Что вы все это дѣлаете добросовѣстно, честно, горестно, съ горячимъ, искреннимъ самоотверженіемъ,—въ этомъ я не сомнѣваюсь, но отъ этого не легче“... [1]). Тургеневъ зналъ народную Россію, разумѣется, гораздо лучше, чѣмъ давно оставившій родину Герценъ, и отрезвлялъ горячія увлеченія на ея счетъ своего друга замѣчательными письмами.

„Россія не Венера Милосская въ черномъ тѣлѣ и узахъ,—писалъ онъ.—Это такая же дѣвица, какъ и старшія ея сестры, и она... и такъ же будетъ таскаться, какъ и тѣ“ [2]).

„Отъ общины Россія не знаетъ, какъ отчураться, а что до артели, я никогда не забуду выраженія лица, съ которымъ мнѣ сказалъ въ нынѣшнемъ году одинъ мѣщанинъ: „кто артели не знавалъ, не знаетъ петли“. Не дай Богъ,

---

[1]) Ibid., стр. 171.
[2]) Ibid., стр. 170.

чтобы безчеловѣчно-эксплуататорскія начала, на которыхъ дѣйствуютъ наши артели, когда-нибудь примѣнились въ болѣе широкихъ размѣрахъ“ [1]).

Любопытно будетъ привести здѣсь и мнѣніе о томъ же предметѣ Бакунина.

Разочаровавшись въ Европѣ, Герценъ писалъ: „Бѣдное село наше съ своей скромной общинной жизнью, съ своимъ общиннымъ землевладѣніемъ, наша черная Русь и крестьянская изба невольно вырисовываются на сценѣ, съ которой больше и больше исчезаютъ въ туманѣ фаланстеры, икаріи, національные рабочіе, государственные потребы и проч.“.

Въ отвѣтъ на это Бакунинъ писалъ такія строки:

„Почему ты не прибавилъ, что, если фаланстеры и исчезаютъ въ туманѣ, зато ваша хваленая русская община болѣе тысячи лѣтъ недвижно коснѣетъ въ навозѣ“.

Далѣе слѣдуетъ такая характеристика общины:

„Дикое невѣжество и суевѣріе, патріархальный развратъ, тупоумное царство китайской обрядности, отсутствіе всякаго личнаго права, презрѣніе къ достоинству человѣка или, лучше сказать, незнаніе, совершеннѣйшее неподозрѣваніе его, безцеремонность наивнаго насилія, холодно-звѣрская жестокость и полнѣйшее рабство обычая, мысли, чувства и воли,—вотъ душа этого тысячелѣтняго безсмысленнаго, гніющаго трупа“ [2]).

Герценъ отвѣчалъ на все это не только письмами, но и цѣлыми статьями („Концы и начала“, „Еще варіаціи на старую тему„ и др.).

„На нашей движущейся, не сложившейся почвѣ только и есть консервативнаго, что *сельская община*, т.-е. только то, что̀ слѣдуетъ сохранить“ [3]).

---

[1]) Ibid., стр. 198.

[2]) Письма А. И. Герцена къ М. А. Бакунину и Н. П. Огареву, стр. 522.

[3]) Еще варіаціи на старую тему, стр. 285.

„Государство и крѣпостное право по-своему сохранили родовую общину; постоянное, *зимующее* (курсивъ Герцена) начало, оставшееся въ ней изъ патріархализма, вовсе не утратилось: общинное владѣніе землей, міръ и выборы составляютъ почву, на которой легко можетъ вырости новая общественная жизнь, почву, которой, какъ нашего чернозема, почти нѣтъ въ Европѣ. Вотъ почему, любезный другъ, я, середь мрачнаго, раздирающаго душу реквіема, среди темной ночи, которая падаетъ на усталый, больной Западъ, отворачиваюсь отъ *предсмертнаго* стона великаго борца, котораго уважаю, но которому *помочь нельзя*, и съ упованіемъ смотрю на нашъ родной Востокъ, *внутри радуясь, что я русскій*“ [1]).

Начавши еще съ письма къ Мишле страстную проповѣдь объ особыхъ самобытныхъ путяхъ, которымъ предстоитъ развиваться Россіи, объ общинѣ, артели и прочихъ „стихіяхъ русской жизни“, на коихъ должно созиждиться зданіе будущаго, Герценъ такъ и умеръ съ убѣжденіемъ въ истинности своихъ объ этомъ предметѣ воззрѣній. Свою основную идею онъ выразилъ въ такихъ словахъ: „одна вещь узнана нами и не искоренится изъ сознанія грядущихъ поколѣній,—это то, что *разумное и свободное развитіе русскаго народнаго быта совпадаетъ съ стремленіями западнаго соціализма*“ (курсивъ Герцена) [2]).

„Россія никогда не будетъ juste-milien“,—писалъ Герценъ въ своемъ „письмѣ къ Мишле“,—и это потому, что въ Россіи нѣтъ почвы для развитія въ ней капитализма, буржуазіи или, какъ обыкновенно выражался Герценъ, „мѣщанства“, „мѣщанскихъ отношеній“.

Когда нѣкоторые русскіе писатели упрекали Герцена въ концѣ пятидесятыхъ годовъ за проповѣдь „соціализма“,

---

[1]) Ibid., стр. 292.
[2]) Сочиненія, т. IV, стр. 290.

до котораго,—писали они ему,—„*теперь* (курсивъ Герцена) Россіи дѣла нѣтъ“, то онъ отвѣчалъ такъ:

„Европа *идетъ ко дну* оттого, что не можетъ отдѣлаться отъ своего груза; въ немъ бездна драгоцѣнностей, набранныхъ въ дальнемъ, опасномъ плаваніи; у насъ это искусственный балластъ; за бортъ его, и на всѣхъ парусахъ—въ широкое море!“

„Мы входимъ въ исторію дѣятельно и полные силъ именно въ то время, когда всѣ политическія партіи поблекли, стали анахронизмомъ и всѣ указываютъ,—съ упованіемъ одни, съ отчаяніемъ другіе,—на приближающуюся тучу экономическаго переворота. Вотъ и мы, глядя на сосѣдей, перепугались грозы и, какъ они, не находимъ лучше средства, какъ молчать объ опасности.

Полноте бояться, успокойтесь, на нашей почвѣ есть громоотводъ — *общинное владѣніе землей*“ (курсивъ Герцена) [1]).

Всѣ эти иллюзіи Герцена проникли глубоко въ сознаніе русскихъ дѣятелей народническаго направленія, котораго *Герценъ и явился главнымъ родоначальникомъ и основоположникомъ.*

Чтобы покончить съ нашимъ очеркомъ жизни А. И. Герцена, намъ надо еще сказать о заграничной журнальной дѣятельности на русскомъ языкѣ знаменитаго эмигранта. Само собою разумѣется, что предмета этого намъ придется коснуться лишь самымъ поверхностнымъ образомъ. Мы дадимъ лишь небольшую группировку относящихся сюда, въ разное время уже опубликованныхъ, матеріаловъ, освѣтивши ихъ съ той же точки зрѣнія, которой мы держались на протяженіи всего нашего очерка.

Четыре года прожилъ Герценъ въ Лондонѣ, при сгустившихся сумеркахъ европейской и въ особенности русской

---

[1]) Ibid., стр. 125—126.

реакціи. Изрѣдка доходившія до него вѣсти съ родины были самаго мрачнаго свойства. Образчикомъ ихъ можетъ служить цитированное неоднократно разными авторами въ русской литературѣ, полученное Герценомъ въ это время отъ Грановскаго письмо, въ которомъ скромный, умѣренный профессоръ писалъ такія строки:

„Положеніе наше становится нестерпимѣе день ото дня. Всякое движеніе на Западѣ отзывается у насъ стѣснительной мѣрой. Доносы идутъ тысячами. Обо мнѣ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ два раза собирали справки. Но что значитъ личная опасность въ сравненіи съ общимъ страданіемъ и гнетомъ! Университеты предполагалось закрыть. Теперь ограничились пока слѣдующими приведенными въ исполненіе мѣрами: возвысили плату съ студентовъ и уменьшили ихъ число закономъ, вслѣдствіе котораго ни въ одномъ изъ русскихъ университетовъ не можетъ быть болѣе трехсотъ студентовъ. Пріемъ въ университеты пріостановленъ. Даже невѣжды вопятъ противъ этой мѣры, лишающей ихъ дѣтей университетскаго аттестата.

Для кадетскихъ корпусовъ составлены новыя программы. Іезуиты позавидовали бы военному педагогу, составителю этой программы. Священникамъ предписано внушать кадетамъ, что величіе Христа заключалось преимущественно въ покорности властямъ.

Онъ выставляется образцомъ подчиненія и дисциплины. Учитель исторіи долженъ разоблачать мишурныя добродѣтели древнихъ республикъ и показать величіе *непонятой историками имперіи римской*, которой недоставало только одного—наслѣдственности. Даже учителю танцевъ поручена нравственная пропаганда. О литературѣ и говорить нечего. Благо Бѣлинскому, умершему во время! Много порядочныхъ людей впало въ отчаяніе и съ тупымъ спокойствіемъ смотрятъ на происходящее. Когда же развалится этотъ міръ?! Приняты мѣры противъ фабричныхъ рабочихъ. За ними

тоже слѣдятъ. Слышенъ глухой общій ропотъ, но гдѣ силы для оппозиціи? Тяжело, Герценъ, а выхода нѣтъ живому".

Такъ обстояли дѣла въ нашемъ отечествѣ, но экономическое развитіе Россіи шло впередъ и приходило все болѣе и болѣе въ противорѣчіе съ основой русскаго быта—крѣпостнымъ правомъ. Это ясно понималъ самъ императоръ Николай. Принимая депутацію отъ Смоленскаго дворянства въ 1846 году, Николай указалъ ей въ рѣшительныхъ выраженіяхъ на крѣпостное право, какъ на тормозъ для развитія торговли и промышленности [1]).

Безъ надлежащаго же развитія промышленности, торговли, путей сообщенія и пр. становилось очень сомнительнымъ и само внѣшнее могущество государства. Униженіе и съ этой стороны не заставило себя долго ждать. Севастопольскій разгромъ обнаружилъ полную несостоятельность россійскаго „ancien regime'a, и „эпоха реформъ" стала неизбѣжною. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ событій воспрянулъ духомъ и знаменитый изгнанникъ, уже раньше основавшій въ Лондонѣ первую вольную русскую типографію и начавшій выпускать „Полярную Звѣзду". Но такого рода изданіе было слишкомъ тяжелымъ и неуклюжимъ орудіемъ борьбы за злобы дня, и потому надо было подумать объ иномъ. Въ 1856 году въ Лондонъ пріѣхалъ другъ дѣтства Герцена Николай Платоновичъ Огаревъ, а черезъ годъ послѣ его пріѣзда на берегахъ Темзы зазвонилъ русскій „Колоколъ".

„Вскорѣ послѣ появленія „Колокола",—разсказываетъ въ приложенной къ воспоминаніямъ Пассекъ статьѣ „Ал. Ив. Герценъ за границей" г-жа Огарева,—Ив. Сер. Тургеневъ возсталъ противъ его изданія; онъ увѣрялъ, что „Колоколъ" не можетъ и не будетъ имѣть успѣха въ Россіи. Конечно, его не послушали, и „Колоколъ" продолжалъ звонить" [2]).

---

[1]) См. у Колюпанова въ біографіи Кошелева, стр. 96.
[2]) Изъ дальнихъ лѣтъ, т. III, стр. 133.

Возможно, что въ этотъ моментъ дѣло обстояло именно такъ, какъ разсказываетъ Огарева, но изъ „переписки“ Тургенева съ Герценомъ теперь извѣстно, что Иванъ Сергѣевичъ сталъ вскорѣ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ поставщиковъ матеріаловъ и статей для „Колокола“.

Успѣхъ „Колокола“ превзошелъ всякія ожиданія его основателей. „Не прошло и года,—разсказываетъ Пассекъ,—какъ со всѣхъ концовъ Россіи стали присылать всевозможныя статьи, слѣдственныя дѣла и пр. Кромѣ собственныхъ статей, изъ Россіи постоянно высылалась такая бездна матеріала для „Колокола“, что тѣ статьи, которыя не соотвѣтствовали направленію „Колокола“, стали печататься, какъ „прибавленія“ отдѣльными брошюрками подъ заглавіемъ „Голоса изъ Россіи“. „Въ этотъ періодъ времени,—продолжаетъ Огарева,—много нашихъ соотечественникъ перебывало у Герцена, отъ придворныхъ и до самыхъ простыхъ. Всѣ пріѣзжали нарочно ради Герцена и Огарева. Англія лежитъ въ сторонѣ для праздныхъ туристовъ. Въ эти посѣщенія входило и любопытство, и желаніе похвалиться свиданіемъ съ Герценомъ, и новизна смѣлаго шага двухъ лицъ, которые ничего не желаютъ, ничего не ищутъ, кромѣ блага своей страны“ [1]).

Надо вспомнить то время, которое только что пережили тогда образованные русскіе люди, и сознанную очень многими необходимость реформъ, чтобы понять громадную популярность „Колокола“ съ его чрезвычайно умѣренной вначалѣ программой.

Программа эта сводилась къ тремъ пунктамъ:

1) Освобожденіе крестьянъ отъ помѣщиковъ.

2) Освобожденіе слова отъ цензуры.

3) Освобожденіе податнаго состоянія отъ побоевъ.

Программѣ этой, конечно, могли сочувствовать очень мно-

---

[1]) Изъ дальнихъ лѣтъ, т. III, стр. 133.

гіе „умѣренные“ элементы въ Россіи, и „Колоколъ“ пріобрѣлъ огромное значеніе. Извѣстно, что въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ его постоянно читалъ императоръ Александръ II, а Ростовцевъ раздавалъ „Колоколъ“ для „пользы дѣла“ членамъ редакціонной комиссіи по вопросу объ освобожденіи крестьянъ [1]). Корреспондентами „Колокола“ состояли представители ученаго и литературнаго міра, аристократическихъ и даже придворныхъ сферъ. Чѣмъ „секретнѣе“ было то или иное „распоряженіе“ или „циркуляръ“, чѣмъ темнѣе дѣяніе сильнаго человѣка, тѣмъ больше шансовъ имѣло все это увидѣть свѣтъ на страницахъ „Колокола“. Это время было зенитомъ славы и популярности Герцена. Тургеневъ разсказываетъ о томъ, какъ извѣстный артистъ Щепкинъ, испробовавшій всѣ пути добиться правды по одному дѣлу, припугнулъ свое начальство тѣмъ, что онъ „пожалуется въ „Колоколъ“, и какъ, благодаря этому, Щепкинъ тотчасъ же выигралъ свое дѣло [2])...

Когда, однажды, г. Б. Ч. послалъ Герцену письмо, наполненное упреками въ „легкомысліи“ „Колокола“, то Герценъ нашелъ нужнымъ напечатать это письмо и, явившись, по его выраженію, самъ „обвиняемымъ передъ русской публикой“, отдалъ это дѣло на ея судъ. Эффектъ получился необыкновенный: со всѣхъ сторонъ посыпались къ Герцену письма съ протестами противъ г. Б. Ч. и просьбами продолжать начатое дѣло. Тутъ были письма отъ Тургенева, Кавелина, Костомарова и многихъ другихъ извѣстнѣйшихъ писателей и дѣятелей того времени. Кавелинъ сожалѣлъ, что въ эту минуту не было въ живыхъ Бѣлинскаго. „Будь онъ еще живъ,—обращался онъ къ г. Б. Ч..—то-то громъ гремѣлъ бы теперь надъ вами!..“ Но такъ дѣло могло тогда продолжаться, повторяемъ, лишь при условіи „умѣренности“

---

[1]) См. Иванюковъ. «Паденіе крѣпостного права», и др.

[2]) «Переписка съ Герценомъ», стр. 116.

программы, такъ какъ въ Россіи того времени рѣшительно не было ни одного класса и очень немного отдѣльныхъ лицъ которыя бы пошли за рѣзко выраженною крайнею програм, мою. Измѣненіе программы „Колокола“ въ эту сторону должнбыло повлечь за собою паденіе его популярности. Такъ о случилось. Перваго января 1862 года въ Лондонѣ появилси бѣжавшій изъ Сибири черезъ Америку М. А. Бакунинъя подъ вліяніемъ котораго „Колококолъ“ взялъ сильно влѣво, и... быстро потерялъ болѣе трехъ четвертей своихъ подписчиковъ. Это Герцену предсказывали „умѣренные элементы“ тогда же:

„Изъ мыслителя-обличителя,—писалъ Герцену Кавелинъ 30 мая 1862 года,—ты сталъ политическимъ агитаторомъ, главою партіи, которая во что бы то ни стало хочетъ теперь же, сію минуту, водворить у насъ новый порядокъ и, если нельзя мирными средствами, то переворотомъ. Мнѣ больше по сердцу прежняя твоя дѣятельность. Я думаю, что на этой только почвѣ и можно у насъ работать съ пользой. Твои требованія, направленныя исключительно къ реформѣ, поддержанныя не однимъ громаднымъ талантомъ и любовью къ Россіи, но и отсутствіемъ всякой тѣни насилія, имѣли неотразимую силу, производили потрясающее впечатлѣніе. Я убѣжденъ, что, измѣнивъ этотъ путь, ты ослабилъ себя и подкрѣпилъ враговъ дѣла“ [1]).

Судите и думайте, какъ хотите,—писалъ онъ же Герцену и Огареву шестого августа 1862 года,—а я убѣжденъ, что вы портите дѣло „Колокола“. Чѣмъ рѣшительнѣе, открытѣе онъ будетъ знаменемъ соціальной революціи въ Россіи, тѣмъ больше и больше онъ будетъ терять свое прежнее вліяніе; *попомните мои слова*“ [2]).

Впослѣдствіи въ этомъ убѣдился и самъ Герценъ:

---

[1]) «Переписка», стр. 61.
[2]) Ibid. стр. 80.

„Въ 1862 году, — писалъ онъ Огареву одиннадцатаго августа 1869 года, то есть уже послѣ прекращенія „Колокола“, — Тургеневъ говорилъ, что Бакунинъ, недовольный „Колоколомъ“, увѣрялъ, что дастъ ему иное направленіе. Онъ пріѣхалъ перваго января 1862 года; черезъ годъ „Колоколъ“ *сталъ падать, какъ кирпичъ, брошенный въ воду.* У него глазъ дуренъ“ [1]).

Такъ смотрѣлъ на дѣло самъ Герценъ.

„Въ 1861 году,—разсказываетъ извѣстный докторъ Бѣлоголовый,—я видѣлъ его (Герцена) въ зенитѣ его славы; его имя и „Колоколъ“ пользовались въ Россіи не только популярностью, но и представляли изъ себя своего рода высшуу. инстанцію, къ которой апеллировали всѣ искавшіе правды, и даже правительство не оставалось совсѣмъ глухо и нечувствительно къ тѣмъ внушеніямъ и замѣчаніямъ, какими такъ щедро и въ такой остроумной формѣ надѣлялъ его нашъ знаменитый публицистъ „съ того берега“. Съ тѣхъ поръ много измѣнилось: польское возстаніе и радикальное отношеніе къ нему „Колокола“, наступившая затѣмъ и постепенно усилившаяся реакція,—все это прямо отозвалось на положеніи Герцена, тѣмъ болѣе, что *русское общество* не могло оказать ему существенной поддержки, *а огромное реакціонное большинство* съ жадностью прислушивалось къ инсинуаціямъ противъ Герцена, и индифференты легко проникались ими“ [2]).

Въ разсказѣ этомъ очень интересны сообщаемые авторомъ факты, но, разумѣется, даваемыя Бѣлоголовымъ объясненія паденія популярности „Колокола“ ровно ничего не объясняютъ. Ужъ какое тутъ объясненіе, когда авторъ *противопоставляетъ* „русское общество“, т.-е. *цѣлое*, кото-

---

[1]) *Пассекъ.* «Изъ дальнихъ лѣтъ», т. III, стр. 216.

[2]) Н. А. Бѣлоголовый, «Три встрѣчи». Воспоминанія и другія статьи. Москва, 1890, стр. 629.

рое „не могло оказать Герцену существенной поддержки“, его *части*, а часть эта, какъ самъ онъ говорилъ, составляла „огромное реакціонное большинство“. Не правильнѣе ли было бы назвать „обществомъ“ именно „огромное реакціонное большинство“, а столь же „огромное“, очевидно, меньшинство чѣмъ угодно, но только не „обществомъ“..

Какъ бы то ни было, но популярность „Колокола“, дѣйствительно, упала. Враги Герцена ликовали.

„Агитаторское вліяніе Герцена упало еще при его жизни,—пишетъ Страховъ.—Начиная съ 1865 года, листокъ „Колокола“ былъ величайшею рѣдкостью въ самомъ Петербургѣ, потому что никто не интересовался, никто не находилъ не только важнымъ, а даже любопытнымъ взглянуть, что́ думалъ и писалъ Герценъ. Трудно найти примѣръ болѣе быстраго и глубокаго паденія. Если бы въ 1866, 1867 годахъ „Колоколъ“ свободно продавался въ Россіи, то его, навѣрное, покупали бы очень немногіе, какъ курьезъ, какъ явленіе, не имѣющее никакого смысла, никакого отношенія къ дѣйствительности“ [1]). По своему обыкновенію, Страховъ конечно, не поскупился на краски для выраженія своихъ излюбленныхъ идеекъ: до такой степени дѣло никогда не доходило: поклонники „Колокола“ оставались до конца его существованія,—примѣромъ ихъ можетъ служить тотъ же докторъ Бѣлоголовый, убѣждавшій Герцена продолжать изданіе „Колокола“ даже тогда, когда въ невозможности этого убѣдился самъ Герценъ, но фактъ остается фактомъ: въ русской жизни почти не оказалось элементовъ для поддержанія того направленія, которое принялъ „Колоколъ“ съ 1862 года. Самъ Герценъ долго не хотѣлъ этого замѣчать и упорно продолжалъ свое дѣло, но тѣмъ тяжелѣе становилась день ото дня обнаружившаяся яснѣе очевидность. То должна была быть цѣлая драма въ душѣ человѣка, болѣе и болѣе убѣждавшагося

---

[1]) Борьба съ западомъ въ нашей литературѣ, кн. I, стр. 2.

въ неправильности взятаго имъ курса. Убѣдившись въ невозможности говорить съ Россіей, Герценъ задумалъ говорить о Россіи и съ перваго января 1868 года сталъ издавать „Колоколъ“ въ Женевѣ на французскомъ языкѣ. Журналъ обѣщалъ выходить два раза въ мѣсяцъ, перваго и пятнадцатаго числа каждаго мѣсяца; но вышло его только пятнадцать номеровъ, и перваго декабря того же года изданіе окончено было письмомъ Герцена къ Огареву. Передъ окончательнымъ прекращеніемъ „Колокола“,—Герценъ писалъ къ Огареву (изъ Ліона двадцать пятаго октября 1868 года): „Напечатаемъ по-французски и по-русски мое письмо къ тебѣ. Такой финалъ безъ обращенія къ публикѣ—страшно грубъ и потому мнѣ нравится“ [1]). Вотъ и все, что̀ осталось въ утѣшеніе послѣ почти двѣнадцатилѣтней дѣятельности по изданію „Колокола“...

Съ какимъ, дожно быть, отчаяніемъ въ душѣ выливались изъ-подъ пера Герцена такія письма къ Огареву:

Послѣ прекращенія „Колокола“ изъ Ниццы:

„Въ „Figaro“ было нѣсколько строкъ о прекращеніи „Колокола“ и приведенъ весь анекдотъ о NN. Замѣть, ни одного русскаго голоса—*ни даже частнаго*. „Колоколъ умеръ, какъ Клейнмихель, „никѣмъ не оплаканъ“, а мы-то лѣзли изъ шкуры для этой милой св.....“ [2]).

Огаревъ, вѣроятно, ссылался на цензурныя условія въ Россіи, вслѣдствіе которыхъ нельзя было говорить объ этомъ предметѣ, но Герценъ на это отвѣчалъ такими строками:

„Ты все воображаешь, что мы въ 1859 — и что о насъ боятся говорить. Родіоновъ дѣлаетъ выписки изъ „Колокола“ въ „Голосѣ“. „Спб. Вѣдомости“ говорятъ обо мнѣ, какъ говорятъ о Мѣрославскомъ и пр. *Стало, сомнѣнія*

---

[1]) Изъ дальнихъ лѣтъ, т. III. стр. 197.
[2]) Ibid., 154.

нѣтъ, что они могли говорить о прекращеніи и просто пропустили“ [1]).

И затѣмъ въ письмѣ отъ семнадцатаго марта 1869 года: „Все, что́ мы печатаемъ за границей по-русски—филантропія и себѣ обманъ, ничего не идетъ“ [2]).

Въ 1869 году Огаревъ продолжалъ еще мечтать о возобновленіи „Колокола“, но Герценъ отвѣчалъ ему на это въ письмѣ изъ Брюсселя отъ двадцать шестого сентября 1869 такими строками: „Какъ я ни прикидываю, не могу понять, изъ чего ты думаешь составить „Колоколъ“? „Полярная Звѣзда“ еще можетъ пробиваться „задами“, т.-е. статьями, писанными заранѣе. Но „Колоколъ“, и гдѣ же корреспонденціи?.. И для кого же издавать „Колоколъ“? Гдѣ его публика?“ [3]).

Страшны были такія строки: „гдѣ его публика?“

Чтобы понять это глубоко трагическое явленіе, необходимо помнить, что, взявши послѣ 1862 года сильно „налѣво“, „Колоколъ“ продолжалъ въ теоретическомъ направленіи своемъ придерживаться „соціально-славянофильской браги“. Онъ отрицалъ всякое значеніе такъ называемыхъ „образованныхъ классовъ“ и возлагалъ всѣ свои упованія на народъ.

Отсюда и весь трагизмъ. Это опять-таки очень хорошо понималъ послѣдовательный западникъ Тургеневъ. „Главное наше несогласіе съ Огаревымъ и Герценомъ,—писалъ онъ къ одному пріятелю,—состоитъ въ томъ, что они, презирая и чуть не топча въ грязь образованный классъ въ Россіи, предполагаютъ реформаторское начало *въ народѣ*. На дѣлѣ это *совсѣмъ наоборотъ*“ [4]).

---

[1]) Ibid., стр. 202.

[2]) Ibid., стр. 208.

[3]) Ibid., стр. 219—220.

[4]) Переписка А. И. Герцена съ И. С. Тургеневымъ и К. Д. Кавелинымъ, стр. 153.

„Роль образованнаго класса въ Россіи,—писалъ онъ же Герцену и Огареву,—быть передавателемъ цивилизаціи народу съ тѣмъ, чтобы онъ самъ уже рѣшилъ, что̀ ему принимать или отвергать: это, въ сущности, скромная роль, хотя въ ней подвизались Петръ Великій и Ломоносовъ хотя ее приводитъ въ дѣйствіе революція; эта роль, по моему, еще не кончена. Вы же, господа, напротивъ, — нѣ, мецкимъ процессомъ мышленія (какъ славянофилы), абстрагируя изъ едва понятой и понятной субстанціи народа тѣ принципы, на которыхъ вы предполагаете, что онъ построитъ свою жизнь, кружитесь въ туманѣ, и, *что̀ всего важнѣе*, въ сущности, отрекаетесь отъ *революціи*, потому что народъ предъ которымъ вы преклоняетесь, *консерваторъ par excel, lence* и *даже носитъ въ себѣ зародыши такой буржуазіи*- въ дубленомъ тулупѣ, теплой и грязной избѣ, и отвращеніемъ ко всякой гражданской отвѣтственности, что далеко оставитъ за собою всѣ мѣтко-вѣрныя черты, которыми ты изобразилъ западную буржуазію въ своихъ письмахъ. Далеко нечего ходить, — посмотри на нашихъ купцовъ. Я не даромъ употребилъ слово абстрагировать. Земство, о которомъ вы мнѣ въ Лондонѣ протрубили уши,—это пресловутое земство оказалось на дѣлѣ такой же вымученной штучкой, какъ родовой бытъ Кавелина и т. д. Въ теченіе лѣта я потрудился надъ Щаповымъ [1]) (истинно потрудился!), и ничто не перемѣнитъ теперь моего убѣжденія. Земство либо значитъ то же, что̀ значитъ любое односильное западное слово, либо ничего не значитъ и въ Щаповскомъ смыслѣ непонятно *ровно ста мужикамъ изъ ста*“ [2]).

Этихъ весьма близкихъ къ истинѣ мнѣній Тургенева не хотѣлъ признавать Герценъ, и отсюда весь страшный трагизмъ его положенія...

---

[1]) Т. е. надъ книгой Щапова «Земство и расколъ».

[2]) Переписка, стр. 160—161.

Докторъ Бѣлоголовый разсказываетъ въ „Воспоминаніяхъ“ про свой слѣдующій разговоръ съ Герценомъ, происшедшій въ одно изъ ихъ свиданій: „Я предупредилъ Герцена, — говоритъ Бѣлоголовый, — что вскорѣ къ нему явится одинъ мой пріятель, человѣкъ уже пожилой, умный и знакомство съ которымъ могло бы быть только пріятно Герцену. Говоря объ этомъ господинѣ, я упомянулъ также, что онъ хочетъ совсѣмъ порвать связи съ Россіей и примкнуть къ числу эмигрантовъ. На этомъ Герценъ прервалъ меня съ необыкновенной живостью. „Бога ради, уговорите вашего пріятеля не дѣлать этого; эмиграція для русскаго человѣка—вещь ужасная; говорю по собственному опыту; это не жизнь и не смерть, а нѣчто худшее, чѣмъ послѣдняя,— какое-то глупое, безтолковое прозябаніе... Мнѣ не разъ приходилось раздумывать на эту тему и, — вѣрьте, не вѣрьте, — но если бы мнѣ теперь предложили на выборъ мою теперешнюю скитальческую жизнь или сибирскую каторгу, я бы безъ колебаній выбралъ послѣднюю. Я не знаю на свѣтѣ положенія болѣе жалкаго, болѣе безцѣльнаго, какъ положеніе *русскаго эмигранта*. Герценъ всегда былъ человѣкомъ искреннимъ и далекимъ отъ всякой рисовки,—прибавляетъ Бѣлоголовый, — а потому и этимъ словамъ его нельзя не вѣрить“ [1]).

Такъ взглянулъ самъ Герценъ на итоги своей заграничной дѣятельности.

Необходимо замѣтить, что характеристика, данная Герценомъ въ этихъ строкахъ эмиграціи, относится не къ эмиграціи вообще, а къ эмиграціи спеціально русской. А онъ превосходно зналъ и эмиграцію изъ всѣхъ другихъ странъ.

Въ чемъ же разница между ними?

А въ томъ, что эмигранты другихъ странъ, принимаясь за печатный станокъ, обращались въ своихъ странахъ къ

---

[1]) Воспоминанія и др. статьи, стр. 631—632.

опредѣленнымъ аудиторіямъ; они имѣли ихъ, чувствовали біеніе сердецъ тѣхъ именно читателей и слушателей, къ которымъ была направлена ихъ рѣчь;—въ Россіи же шестидесятыхъ годовъ для того направленія, которое взялъ „Колоколъ“, такой аудиторіи найти было нельзя; *ее не было*; образованные классы отрицались русской эмиграціи, „народъ“ не зналъ и о существованіи эмигрантовъ...

Вотъ почему, по выраженію самого Герцена, „Колоколъ“ умеръ, „какъ Клейнмихель, никѣмъ неоплаканный“, и вотъ почему изъ самой глубины сердца Герцена вылились въ концѣ концовъ эти ужасныя, по своему трагизму, строки: „а мы-то лѣзли изъ кожи для этой милой св.....!“

Въ тотъ именно моментъ, когда проповѣдовавшаяся Герценомъ „соціально-славянофильская брага“ (читатель припомнитъ, что такая характеристика воззрѣній Герцена принадлежитъ И. С. Тургеневу) не находила никакого отклика въ русской жизни, въ Россіи звучалъ голосъ Д. И. Писарева. Проповѣдь этого замѣчательнаго писателя была безконечно далека отъ какихъ бы то ни было славянофильскихъ элементовъ, и она-то, чуждая всякой мистики, свѣтлая и ясная, была близка нарождавшимся въ Россіи послѣ освобожденія крестьянъ новымъ элементамъ. Отсюда весь огромный успѣхъ Писарева въ то именно время, когда закатилась звѣзда такого блестящаго писателя, какъ Герценъ.

Но это предметъ, разумѣется, и самъ по себѣ очень сложный, и мы его едва касаемся. Не будемъ мы, по многимъ причинамъ, касаться совершенно и отношенія Герцена къ слѣдующему поколѣнію русской эмиграціи.

Въ русской жизни Герценъ оказался „не ко двору“. Что же изъ этого?

Онъ не перестанетъ все-таки быть Герценомъ еще многомного лѣтъ, т.-е. человѣкомъ, читать произведенія котораго съ великою пользою и великимъ наслажденіемъ будетъ еще не одно поколѣніе.

Мы отнеслись критически къ тѣмъ изъ воззрѣній Герцена, которыя, сильно скрашены славянофильствомъ, ибо славянофильскіе элементы въ извѣстной области подлежатъ, по нашему мнѣнію, упраздненію и въ ихъ послѣднихъ убѣжищахъ, но намъ, разумѣется, не могла приходить и въ голову дерзновенная мысль развѣнчивать великаго человѣка. Нѣтъ, лавровый вѣнокъ уже надѣла на голову Герцена исторія, и никакія силы въ мірѣ не лишатъ его этого заслуженнаго вѣнка.

Но самое глубокое уваженіе къ писателю и человѣку не должно исключать критическаго отношенія къ его общественнымъ воззрѣніямъ, иначе это будетъ уже не уваженіе, а идолопоклонство. Будемъ же чтить нашихъ великихъ людей, но не будемъ впадать въ фетишизмъ!

Нѣкоторыя стороны воззрѣній, на которыя мы указывали на протяженіи всего нашего очерка, представляются намъ совершенно невѣрными, а упорное отстаиваніе ихъ истинности *въ настоящее время* дѣломъ вреднымъ съ той самой точки зрѣнія, съ которой представители народническаго направленія стараются ихъ отстоять. Полагаемъ, что уваженіе къ Герцену отъ этого нисколько не страдаетъ.

Пусть онъ ошибался въ тѣхъ или другихъ вопросахъ, но выше его теоретическихъ ошибокъ стоитъ тотъ душевный „неугомонъ“, тотъ „священный огонь“, который неугасимо горѣлъ въ его груди до гробовой доски.

Да и помимо этого въ воззрѣніяхъ Герцена есть другія стороны, которыя составляютъ непреложную истину сами по себѣ, и въ нихъ-то и лежитъ нетлѣнная слава его жизни и дѣятельности.

Страстная отзывчивость на явленія жизни, глубокая вѣра въ мощь науки и чисто рыцарское служеніе ея истинамъ составляютъ существеннѣйшіе черты духовной физіономіи Герцена. Но и этимъ еще не исчерпывается все значеніе дѣятельности знаменитаго писателя. Въ ней есть

стороны, которыхъ, по извѣстнымъ причинамъ, намъ пришлось или едва-едва коснуться, или вовсе не касаться, и потому личность Герцена, — мы сами это прекрасно сознаемъ,—обрисована нами далеко не полно.

Сказаннымъ мы полагаемъ, что исчерпали вопросъ объ „уваженіи“ и оттѣнили свое отношеніе къ вопросу о „преемственности“ или „наслѣдствѣ“.

Эти вопросы когда-то занимали и Герцена, который съ свойственнымъ ему блескомъ формулировалъ рѣшеніе ихъ слѣдующимъ изреченіемъ:

„Пора отцамъ-сатурнамъ не закусывать своими дѣтьми, но пора и дѣтямъ не брать примѣра съ камчадаловъ, которые убивали стариковъ“.

Этими золотыми словами Александра Ивановича Герцена мы и закончимъ нашъ очеркъ его жизни и дѣятельности.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

«Философическія письма» П. Я. Чаадаева и его «Апологія Сумасшедшаго».

(Переводъ съ французскаго.)

Письмо второе.

«Можно задать вопросъ, какимъ образомъ, среди столькихъ потрясеній, междоусобныхъ войнъ, заговоровъ, преступленій и безумій, нашлось еще столько людей, которые культивировали искусства полезныя и искусства пріятныя въ Италіи, а затѣмъ и въ другихъ христіанскихъ странахъ, т.-е. какимъ образомъ случилось то, чего мы не находимъ подъ владычествомъ турокъ».

Вольтеръ. *Essai sur les moeurs.*

Сударыня!

Вы уже видѣли въ моихъ предыдущихъ письмахъ [1]), насколько является важнымъ пониманіе движенія мысли въ теченіе вѣковъ, но тамъ вы должны были также найти и другую мысль: когда проникнешься основной идеей, что нѣтъ другой истины въ душѣ человѣка, кромѣ той, которую Богъ собственноручно вложилъ въ него, когда извлекъ его изъ праха, тогда нельзя смотрѣть на движеніе вѣковъ съ вульгарной точки зрѣнія. Тогда открываешь, что не только Провидѣніе или безконечно мудрый разумъ направляетъ теченіе событій, но что онъ и оказываетъ прямое и постоян-

---

[1]) Это выраженіе заставляетъ насъ думать, что у насъ недостаетъ одного или нѣсколькихъ писемъ Чаадаева; ихъ мы не нашли.

Прим. кн. Гагарина.

ное дѣйствіе на человѣческій духъ. Въ самомъ дѣлѣ, допустивъ однажды необходимость, что разумъ созданнаго существа для его дальнѣйшаго развитія получилъ первоначальный импульсъ не изъ своей собственной природы, что его первыя идеи, его первыя познанія не могли быть ничѣмъ инымъ, какъ чудесными дарами высшаго разума, нельзя не прійти къ заключенію, что и въ дальнѣйшемъ своемъ движеніи сила, его создавшая, должна была продолжать оказывать на него то же дѣйствіе, которое она оказала въ моментъ сообщенія ему перваго толчка.

Этотъ способъ пониманія разумнаго существа и его исторіи, впрочемъ, долженъ стать вамъ совершенно яснымъ, если вы хорошо усвоили предметы, о которыхъ мы говорили раньше. Вы уже видѣли, что чисто метафизическое разсужденіе показываетъ совершенно ясно непрерывность воздѣйствія извнѣ на человѣческій разумъ; но въ этомъ случаѣ даже нѣтъ надобности прибѣгать къ метафизикѣ; слѣдствіе является неоспоримымъ само по себѣ, его нельзя отрицать, не отрицая посылокъ, изъ которыхъ оно вытекаетъ. Если поразмыслить о самомъ способѣ непрерывнаго проявленія божественнаго разума въ мірѣ нравственномъ, то найдешь, сверхъ только что установленнаго нами факта полнаго согласія такого проявленія съ тѣмъ первоначальнымъ толчкомъ, который данъ имъ человѣческому духу, еще и слѣдующее: божественный разумъ долженъ проявляться такимъ способомъ, чтобы духъ человѣка оставался совершенно свободнымъ и могъ развивать полностью свою дѣятельность. Нѣтъ ничего удивительнаго, что былъ народъ, въ нѣдрахъ котораго преданія о божественныхъ сообщеніяхъ сохранились чище, чѣмъ у другихъ, и что время отъ времени появлялись люди, въ лицѣ которыхъ, такъ сказать, возобновлялась первоначальная сила нравственнаго порядка.

Не будь этого народа и этихъ избранныхъ людей, при-

шлось бы предположить, что у всѣхъ народовъ во всѣ эпохи жизни человѣчества, въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ божественная мысль обнаруживалась полностью и въ одинаковой степени: это значило бы, какъ вы видите, разрушить всякую индивидуальность и всякую свободу въ интеллектуальномъ мірѣ, а это было бы отрицаніемъ очевидности.

Очевидно, что внѣ этого условія нѣтъ ни личности, ни свободы, такъ какъ онѣ проявляются лишь въ различіи ума, различіи нравственныхъ силъ, различіи знаній. Предполагать, что среди народовъ существуютъ только отдѣльные индивиды, отдѣльные избранные умы, какъ бы спеціально поставленные на стражу къ сокровищницѣ нравственныхъ идей, въ чрезвычайной степени подчиняющіеся священному преданію или съ необыкновенною силою понимающіе истину, нѣкогда дарованную свыше человѣческому духу,—предполагать это не значитъ абсолютно ничего другого, кромѣ установленія въ нравственномъ мірѣ того же факта, аналогію которому мы видимъ непрерывно передъ нашими глазами, именно, что лишь опредѣленные народы и опредѣленные индивиды обладаютъ такою степенью просвѣщенія, какой не обладаютъ другіе народы и другіе индивиды.

Въ остальной части человѣческаго рода эти великія традиціи сохранились, болѣе или менѣе, чистыми, въ зависимости отъ различныхъ положеній народовъ, и человѣкъ всегда шелъ по указанной ему дорогѣ при свѣтѣ истинъ, которыя иной, нежели его собственный разумъ, ему даровалъ. Но былъ лишь одинъ источникъ, откуда этотъ свѣтъ исходилъ на землю. Правда, этотъ источникъ свѣта не проявлялся въ блескѣ, какъ это бываетъ среди людей; онъ не распространялъ широко обманчиваго свѣта; сосредоточенный въ одномъ только пунктѣ, лучезарный и невидимый въ одно и то же время, какъ всѣ великія тайны міра, пламенный, но скрытый, какъ огонь жизни, онъ все освѣщалъ

этимъ непостижимымъ свѣтомъ, и все тяготѣло къ этому общему центру, между тѣмъ, какъ казалось, что все свѣтилось своимъ собственнымъ свѣтомъ и направлялось къ цѣлямъ совершенно противоположнымъ [1]). Когда наступилъ моментъ великой катастрофы въ интеллектуальномъ мірѣ, всѣ призраки, которые человѣкъ создалъ себѣ, вдругъ поблекли, и онъ остался, среди общаго смятенія, единою скиніею вѣчной истины.

Вотъ какъ понимается религіозное единство исторіи, и какъ это понятіе возвышается до истинной философіи исторіи, которая показываетъ намъ, что разумное существо подчинено тому же общему закону, какъ и все остальное твореніе. Мнѣ бы очень хотѣлось, сударыня, чтобы вы могли понимать исторію съ этой глубокой точки зрѣнія; ничто такъ не возвышаетъ нашу мысль и не очищаетъ нашу душу, какъ такой взглядъ на Провидѣніе, управляющее вѣками и ведущее родъ человѣческій къ его конечному предназначенію.

Но постараемся создать себѣ такую философію исторіи, которая распространитъ на все обширное поле человѣческихъ воспоминаній свой свѣтъ, подобно зарѣ, знаменующей наступленіе дня. Мы извлечемъ изъ этого предварительнаго изученія исторіи столько познаній, сколько ихъ можно извлечь изъ цѣлой системы, которая въ крайности могла бы и удовлетворить насъ, если бы, случайно, что-нибудь насъ остановило въ нашемъ дальнѣйшемъ изученіи. Впрочемъ, имѣйте въ виду, сударыня, что эти размышленія я посвящаю вамъ не съ высоты каѳедры, и что эти письма представляютъ только продолженіе тѣхъ нашихъ прерванныхъ

---

[1]) Безполезно искать точное мѣсто на землѣ, гдѣ находился этотъ источникъ свѣта; но неоспоримо, что преданія всѣхъ народовъ міра согласно видятъ источникъ первоначальныхъ познаній людей въ одномъ и томъ же мѣстѣ земного шара. *Прим. автора.*

бесѣдъ, изъ которыхъ я черпалъ столько сладкихъ минутъ и которыя,—я люблю это повторять,—были для меня истиннымъ утѣшеніемъ въ то время, когда я такъ нуждался въ немъ. Не подумайте, что на этотъ разъ я буду болѣе дидактичнымъ, чѣмъ обыкновенно, и прошу васъ, сударыня, дополняйте вашими собственными силами то, что́ окажется неполнымъ въ этомъ письмѣ. Вы успѣли уже, безъ сомнѣнія, замѣтить, что современный человѣкъ стремится облечь всякаго рода знанія въ *историческую* форму. Размышляя о философскихъ основахъ исторической мысли, нельзя не замѣтить ея стремленія въ настоящее время возвыситься до значенія безконечно большаго, чѣмъ она имѣла когда-либо раньше; можно сказать, что разумъ находилъ себѣ мѣсто только въ области исторіи; что человѣческая мысль возвращается къ временамъ протекшимъ, ищетъ новыхъ силъ только въ резюмированіи прошлыхъ событій, въ разсматриваніи пройденнаго пути, въ изученіи силъ, которыя направляли ея движеніе въ теченіе вѣковъ; и путь, на который вступила наука, путь, конечно, очень счастливый. Уже пора понять, что мысль, извлекаемая человѣческимъ разумомъ изъ узкой сферы настоящаго, не есть еще мысль полная, что существуетъ другая сила, которая, соединяя воедино времена прошедшія и обѣтованныя, развиваетъ свою истинную сущность и ставитъ его въ истинную сферу дѣятельности.

Но не находите ли вы, сударыня, что разсказанная исторія, по необходимости, никогда не заключаетъ въ себѣ того, что́ остается въ воспоминаніяхъ людей? Не все случившееся въ ней остается.

Очевидно, что́ нынѣшняя историческая точка зрѣнія не въ состояніи удовлетворить разума. Не смотря на полезныя работы критики, не смотря на то содѣйствіе, которое естественныя науки оказали ей въ послѣднее время, вы видите, что нынѣшняя наука не могла еще достигнуть ни того

единства, ни той высокой нравственности, которая вытекала бы изъ яснаго пониманія универсальнаго закона движенія временъ. Разумъ человѣческій, въ созерцаніи протекшихъ вѣковъ, всегда стремился къ этому великому результату; но поверхностныя познанія, извлекаемыя столь разнообразными способами изъ историческихъ изслѣдованій, эти уроки банальной философіи, эти примѣры сомнительныхъ добродѣтелей, какъ будто бы добродѣтель выставляется на показъ на большой сценѣ міра, эта тривіальная нравственность исторіи, не давшая еще ни одного честнаго человѣка, но создавшая цѣлую толпу негодяевъ и глупцовъ и стремящаяся лишь къ увѣковѣченію несчастной комедіи міра сего,— все это отклонило разумъ отъ истинныхъ познаній, которыя предназначены были ему открыться черезъ преданія.

Когда духъ христіанскій господствовалъ въ наукѣ, глубокая, хотя и плохо формулированная, мысль распространяла и на эту область знаній долю того священнаго вдохновенія, изъ котораго она истекала; но въ ту эпоху историческая критика еще была мало развита, много фактовъ,— въ особенности изъ временъ первобытныхъ,—сохранились еще въ такомъ обезображенномъ видѣ въ воспоминаніяхъ человѣческаго рода, что весь свѣтъ религіи не могъ разсѣять глубокихъ сумерокъ, и исторія, хотя и освѣщенная высшимъ свѣтомъ, могла двигаться лишь terre à terre. Въ настоящее время разумное изслѣдованіе историческаго матеріала дало бы гораздо болѣе существенный результатъ. Въ наше время разумъ требуетъ совершенно новую философію исторіи, философію, которая столь же мало будетъ походить на существующую, какъ ученые анализы астрономовъ нашихъ дней мало походятъ на гномоническія наблюденія Гиппарха и другихъ древнихъ астрономовъ. Надо только замѣтить, что никогда не будетъ фактовъ въ такомъ количествѣ, чтобы все доказать, и что ихъ было болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы предчувствовать истину уже со временъ Моисея

и Геродота. Сколько бы ихъ ни накопилось, они не приведутъ никогда къ полному познанію, которое можетъ происходить лишь отъ способа ихъ группировки, пониманія и расположенія. Такимъ образомъ, опытъ вѣковъ, оказавшійся достаточнымъ для открытія Кеплеромъ законовъ движенія планетъ, былъ недостаточнымъ для открытія имъ закона всемірнаго тяготѣнія; открытіе же послѣдняго, какъ извѣстно, обязано своимъ происхожденіемъ роду откровенія, явившагося среди благочестивыхъ размышленій.

Прежде всего, спрашиваю я васъ: что означаютъ эти сближенія вѣковъ и народовъ, какія дѣлаетъ тщеславная ученость? Что такое генеалогія языковъ, народовъ и идей? Слѣпая или упрямая философія всегда сумѣетъ освободиться отъ нихъ или своимъ старымъ аргументомъ о всеобщемъ единообразіи человѣческой природы, или посредствомъ излюбленной теоріи объ естественномъ развитіи человѣческаго духа безъ вмѣшательства Провидѣнія и безъ всякой иной причины, кромѣ присущей ему динамической силы. По этой философіи, какъ извѣстно, человѣческій разумъ не больше, какъ снѣжный комъ, который, катясь, увеличивается,—вотъ и все. Въ концѣ концовъ эта философія видитъ повсюду прогрессъ и естественное совершенствованіе, которые прирождены человѣческому существу и въ которыхъ она находитъ одно лишь движеніе безъ мотива и безъ смысла. Въ зависимости отъ мрачности или ясности взгляда, философія эта видитъ въ человѣкѣ то существо, безсмысленно суетящееся, подобно мухѣ на солнцѣ, то нѣчто величественное и высокое, но достигшее этого лишь дѣйствіемъ своей собственной возвышенной природы; тутъ всегда человѣкъ—и болѣе ничего. Ей, умышленно ограничивающей свой горизонтъ, міръ физическій, который она воображаетъ, какъ ею вполнѣ постигнутый, не говоритъ ничего, кромѣ того, что онъ можетъ дать лишь поверхностному любопытству ума и чувства. Великій свѣтъ, непрерывно истекающій

изъ этого міра, не достигаетъ до нея; и если бы въ концѣ концовъ эта философія рѣшилась признать извѣстный планъ, намѣреніе и смыслъ въ движеніи вещей, подчинить имъ умъ человѣческій и принять всѣ послѣдствія, проистекающія отсюда касательно всеобщаго феномена нравственнаго міра,— то это было бы для нея невозможнымъ. Не стоитъ поэтому ни связывать между собою времена, ни работать непрестанно надъ матеріаломъ изъ фактовъ; надо постараться нравственно характеризовать великія эпохи исторіи, надо стараться строго указать черты каждаго вѣка, согласно законамъ разума. Кромѣ того, если хорошо всмотрѣться, то можно замѣтить, что историческіе матеріалы почти исчерпаны, что люди разсказали почти всѣ свои преданія, что, если истекшія эпохи еще когда-нибудь могутъ быть лучше освѣщены (да въ состояніи ли будетъ и это сдѣлать критика, которая умѣетъ лишь шевелить прахъ вѣковъ, и то процессами только логическими?), касательно фактовъ точно извѣстныхъ, то не останется уже больше ничего извлекать; наконецъ, что исторіи теперь ничего другого и не остается дѣлать, какъ размышлять. Допуская это, исторія естественно войдетъ въ общую систему философіи и станетъ съ той минуты ея интегральной частью. Многое, конечно, отойдетъ отъ нея тогда къ романистамъ и поэтамъ, но еще большее количество выйдетъ изъ туманной атмосферы, въ которой оно еще находится, чтобы занять наиболѣе видныя мѣста въ новой системѣ. Послѣднія перестанутъ болѣе считаться истинами только въ зависимости отъ хронологіи, а, подобно тому, какъ въ аксіомахъ философіи естествознанія, открытыхъ опытомъ и наблюденіемъ, но облеченныхъ математическимъ разумомъ въ формулы, нравственный разумъ наложитъ на нихъ печать достовѣрности. Такова, напримѣръ, эпоха первыхъ моментовъ христіанской эры, —эпоха, такъ мало понятая нами еще (и это не по отсутствію данныхъ и памятниковъ, а по отсутствію идеи), эпоха, гдѣ со-

прикасаются между собою всѣ времена, гдѣ все кончается и все начинается, эпоха, о которой можно сказать безъ преувеличенія, что въ ней все прошлое человѣческаго рода сливается съ его будущимъ. Настанетъ день,—я въ этомъ не сомнѣваюсь,—когда историческое размышленіе уже не будетъ въ состояніи отдѣлаться отъ величественнаго зрѣлища какъ всѣхъ древнихъ знаменитостей, уже обратившихся въ прахъ, такъ и отъ грядущихъ въ міръ новыхъ славъ. Таковъ же тотъ длинный періодъ, который слѣдовалъ и за обновленіемъ человѣческаго существа и продолжалъ его,—періодъ, о которомъ предразсудокъ и философскій фанатизмъ раньше давали столь ложное представленіе, періодъ, когда блестящіе свѣточи скрывались въ глубинѣ густыхъ сумерокъ, когда самыя разнообразныя силы сохранялись и поддерживались среди очевиднаго застоя разума, и который стали понимать только тогда, когда историческія наблюденія приняли новое направленіе.

Затѣмъ гигантскія фигуры, теперь затерянныя въ толпѣ историческихъ дѣятелей, выступятъ изъ окутывающей ихъ тѣни, между тѣмъ, какъ многія славы, которымъ люди слишкомъ долго расточали преступное и безсмысленное почтеніе, низвергнутся навсегда въ бездну забвенія.

Такая судьба постигнетъ между прочими нѣкоторыхъ библейскихъ дѣятелей, непризнанныхъ или неглижированныхъ человѣческимъ разумомъ, и нѣкоторыхъ языческихъ мудрецовъ, окруженныхъ незаслуженной ими славой; напримѣръ, *Моисея и Сократа, Давида и Марка Аврелія.* Узнаютъ разъ навсегда, что Моисей далъ людямъ истиннаго Бога, тогда какъ Сократъ оставилъ имъ малодушное сомнѣніе; что Давидъ есть образчикъ самаго священнаго героизма, тогда какъ Маркъ Аврелій въ сущности не болѣе, какъ любопытный примѣръ искусственнаго величія и тщеславной добродѣтели. Точно такъ же и Катонъ, раздирающій свое тѣло, будетъ вспоминаться только для того, чтобы оцѣнить по

достоинству философію, заставляющую удивляться этой неистовой добродѣтели и ничтожному величію человѣка, который это продѣлывалъ. Среди славныхъ именъ язычества я думаю, что имя Эпикура будетъ освобождено отъ предразсудковъ, тяготѣющихъ надъ нимъ, и что его память получитъ новый интересъ. Другія славныя лица подвергнутся той же участи. Напримѣръ, имя Стагирита (Аристотеля) будетъ произноситься не иначе, какъ съ нѣкоторой долей ужаса, а имя Магомета съ глубокимъ уваженіемъ. Перваго будутъ считать мрачнымъ ангеломъ, сдерживавшимъ въ теченіе многихъ вѣковъ всѣ добрые порывы людей,—второго существомъ добродѣтельнымъ, однимъ изъ тѣхъ, которыя наиболѣе способствовали осуществленію плана, созданнаго божественной мудростью для спасенія человѣческаго рода. Наконецъ, сказать ли вамъ это? Можетъ быть, великое имя Гомера будетъ связано съ нѣкотораго рода безчестіемъ. Осужденіе, произнесенное религіознымъ инстинктомъ Платона этому развратителю людей, не будетъ уже болѣе разсматриваться въ качествѣ одной изъ утопическихъ выходокъ Платона, но явится однимъ изъ изумительныхъ примѣровъ его провидѣнія будущаго. Неизбѣжно наступитъ день, когда будутъ только краснѣть при воспоминаніи о преступномъ чародѣѣ, способствовавшемъ такимъ ужаснымъ образомъ развращенію человѣческой природы; необходимо, чтобы люди раскаялись въ воскуреніи ѳиміама, который они расточали этому потворщику ихъ самыхъ низменныхъ страстей, человѣку, который, чтобъ имъ угодить, грязнилъ священныя традиціи истины и наполнялъ ихъ сердца нечистью. Всѣ эти идеи, до сихъ поръ едва коснувшіяся человѣческаго разума и въ лучшемъ случаѣ пребывавшіе безжизненно въ нѣсколькихъ независимыхъ умахъ, тогда безусловно войдутъ въ нравственное чувство рода человѣческаго и станутъ аксіомами здраваго смысла.

Однимъ изъ важнѣйшихъ уроковъ исторіи, понимаемой

въ этомъ смыслѣ, было бы установленіе въ памяти людей относительнаго значенія народовъ, сошедшихъ со сцены, и наполненіе сознанія существующихъ націй идеей предназначенія, которое они призваны осуществить. Отдавая себѣ ясно отчетъ въ прошедшихъ эпохахъ своей жизни, каждый народъ сумѣлъ бы понять также во всей его истинѣ свое настоящее и до извѣстной степени предугадывать дорогу, которую ему предстоитъ пройти въ будущемъ. Такимъ способомъ у всѣхъ народовъ существовало бы истинное національное сознаніе, которое состояло бы изъ извѣстнаго количества положительныхъ понятій и очевидныхъ истинъ, извлеченныхъ изъ ихъ воспоминаній и глубокихъ убѣжденій, въ большей или меньшей степени господствующихъ надъ всѣми умами и направляющихъ всѣхъ къ одной и той же цѣли. Тогда національности, до сихъ поръ только раздѣлявшія людей, освободившись отъ ихъ ослѣпленія и страстныхъ интересовъ, соединились бы вмѣстѣ, чтобы добиться одной гармонической и всеобщей цѣли, и тогда, быть можетъ, мы увидѣли бы, что народы протягиваютъ другъ другу руки въ искреннемъ чувствѣ сознанія общихъ интересовъ человѣчества, которые, въ сущности, ничто иное, какъ хорошо сознанные интересы каждаго народа въ отдѣльности. Я знаю, что это сліяніе людей въ разумѣ обѣщано нашими мудрецами, какъ дѣло философіи и прогресса просвѣщенія вообще. Но когда подумаешь, что народы, хотя существа сложныя, на самомъ дѣлѣ суть существа такія же моральныя, какъ отдѣльныя личности, что вслѣдствіе этого одинъ и тотъ же законъ управляетъ интеллектуальной жизнью какъ тѣхъ, такъ и другихъ, то увидишь, я думаю, что дѣятельность большихъ человѣческихъ семействъ непремѣнно зависитъ отъ личнаго чувства, заставляющаго ихъ смотрѣть на себя, какъ на нѣчто отдѣльное отъ остального человѣческаго рода, какъ на нѣчто, имѣющее собственное существованіе и личный интересъ; уви-

дишь, что это чувство есть необходимый элементъ универсальнаго интеллекта, что оно составляетъ, такъ сказать, *я* коллективнаго существа, что въ нашихъ упованіяхъ на свѣтлое будущее и безконечное совершенствованіе понятія о большихъ человѣческихъ персоналитетахъ (grandes personnalités humains) такъ же нельзя игнорировать, какъ и о понятія объ отдѣльныхъ личностяхъ, ихъ составляющихъ, и что необходимо, слѣдовательно, абсолютно принять ихъ. какъ начала и средства, данныя для достиженія болѣе совершеннаго состоянія.

Космополитическое будущее, обѣщаемое философіей, одна только химера. Нужно сначала заняться созданіемъ домашней нравственности народовъ, отличной отъ ихъ нравственности политической; надо, чтобы народы сначала научились познавать самихъ себя и смотрѣть на себя, какъ на индивидовъ; надо, чтобы они знали свои пороки и свои добродѣтели; надо, чтобы они научились раскаяваться въ совершенныхъ ошибкахъ, заглаживать зло, которое они причинили, и упорно двигаться по пути добра, на который они вступили. Вотъ, по нашему мнѣнію, главныя условія для истиннаго совершенствованія массъ, точно такъ же, какъ и для отдѣльныхъ индивидовъ: только, оборачиваясь къ своему прошедшему, тѣ и другіе могутъ научиться исполнять свое предназначеніе, и только въ ясномъ пониманіи своего прошлаго они найдутъ силу вліять на свое будущее.

Такимъ образомъ, вы видите, что историческая критика не была бы ограничена однимъ лишь удовлетвореніемъ праздной любознательности, но оказалась бы самымъ великимъ судьей. Она оказалась бы въ высшей степени справедливою по отношенію къ величію и славамъ всѣхъ вѣковъ; она разобрала бы добросовѣстно всѣ реноме, всѣ знаменитости; она указала бы надлежащее мѣсто каждому фантому, каждому историческому престижу; она занялась бы уничтоженіемъ ложныхъ образовъ, нагроможденныхъ въ

памяти людей, дабы изъ прошедшаго, представленнаго разуму въ своемъ настоящемъ видѣ, можно было извлечь нѣсколько истинныхъ слѣдствій для настоящаго, провести свои взгляды съ увѣренностью въ безконечныя области, открывающіяся въ будущемъ. Я думаю, что громадная слава—слава Греціи,—поблекнетъ почти всецѣло; я вѣрю, что придетъ время, когда нравственная мысль будетъ останавливаться на этой землѣ обмана и иллюзій, лишь съ святою грустью,—на землѣ, откуда геній клеветы такъ долго изливалъ на остальную часть земного шара развратъ и ложь; тогда ужъ не увидятъ чистой души Фенелона, нѣжно питающейся сладострастными представленіями, порожденными самымъ ужаснымъ вырожденіемъ, до котораго когда-либо падало человѣческое существо, и могучихъ мыслителей [1]), увлекаемыхъ чувственными вдохновеніями Платона; но, наоборотъ, старыя мысли религіозныхъ умовъ, теперь почти забытыя, идеи нѣкоторыхъ сильныхъ мыслителей, истинныхъ героевъ мысли, указывавшихъ на зарѣ новаго общества, одной рукой путь для будущаго и отбивавшихся другою отъ бившагося въ агоніи чудовища политеизма, чудесныя концепціи мудрецовъ, которымъ Богъ поручилъ хранить первыя слова, произнесенныя въ присутствіи имъ сотвореннаго,—все это найдетъ тогда приложеніе столь же изумительное, сколь и неожиданное. И, вѣроятно, такъ же, какъ въ странныхъ видѣніяхъ будущаго, дарованныхъ нѣкоторымъ избраннымъ людямъ, познаютъ тогда особенно ясно абсолютную связь временъ, найдутъ, что эти предсказанія не относятся въ сущности ни къ какой опредѣленной эпохѣ, но служатъ указаніями, безразлично для всѣхъ временъ и, что стоитъ лишь оглянуться вокругъ себя, чтобы увидѣть ихъ вѣчное исполненіе, обнаруживающееся во всѣхъ послѣдовательныхъ фазахъ общества, какъ обычныя и лучезарныя проявленія

---

[1]) Шлейермахеръ, Шеллингъ, Кузенъ и др.

вѣчнаго закона нравственнаго міра; да и самый фактъ пророчества будетъ тогда столько же осязаемъ, какъ и тѣ событія, которыя насъ окружаютъ [1]). Вотъ наиболѣе важный урокъ, который повѣдаетъ намъ такимъ образомъ понятая исторія; въ нашей системѣ этотъ урокъ, содѣйствуя нашему пониманію всемірной жизни интеллектуальнаго существованія, можетъ одинъ дать отвѣтъ на загадку человѣчества и резюмировать всю философію исторіи. Вмѣсто того, чтобы угодливо принимать безсмысленную систему механическаго совершенствованія нашей натуры, такъ явно опровергаемаго опытомъ всѣхъ вѣковъ, узнали бы, что человѣкъ, предоставленный самому себѣ, шелъ всегда, наоборотъ, по пути безконечнаго вырожденія, и что, если и были отъ времени до времени эпохи прогресса у всѣхъ народовъ, минуты просвѣтленія въ жизни человѣчества, возвышенные порывы разума, чудесныя усилія его натуры, то,—и этого уже никто не можетъ отрицать,—ничто не доказываетъ непрерывности и постоянства такого движенія общества вообще; истинное движеніе впередъ и постоянная наличность принципа прогресса замѣчается лишь въ томъ обществѣ, котораго мы состоимъ членами и которое не является продуктомъ рукъ человѣческихъ. Мы, безъ сомнѣнія, восприняли то, что̀ было выработано древними до насъ, воспользовались этимъ и замкнули такимъ образомъ кольцо великой цѣпи временъ, прерванное варварствомъ; но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что люди достигли бы состоянія, въ которомъ они теперь

---

[1]) Въ предсказаніяхъ люди не будутъ стараться видѣть, какъ это дѣлали раньше, опредѣленнаго великаго Вавилона въ такомъ-то или такомъ-то могущественномъ государствѣ, но будутъ чувствовать, что они живутъ среди самаго шума его паденія, т.-е. имъ будетъ ясно, что вдохновенный историкъ будущихъ вѣковъ, который разскажетъ объ этомъ ужасномъ крушеніи, не будетъ подразумѣвать какую-нибудь отдѣльную страну, но будетъ говорить о матеріальномъ обществѣ вообще, какимъ мы его теперь видимъ. *Прим. автора.*

находятся, безъ того историческаго явленія, которое безусловно не имѣетъ антицедентовъ, находится внѣ всякой естественной зависимости отъ человѣческихъ идей въ обществѣ, внѣ всякой необходимой связи вещей, и отдѣляетъ міръ древній отъ міра новаго.

Далѣе, сударыня, если взоръ мудреца обратится къ прошедшему, то увидитъ въ истинномъ свѣтѣ міръ въ тотъ моментъ, когда сверхъестественная сила ему указала совершенно новое направленіе; этотъ міръ былъ тогда развращеннымъ, окровавленнымъ, изолгавшимся. Тогда мудрецъ узнаетъ, что прогрессъ народовъ и поколѣній, которымъ онъ такъ восхищался, на дѣлѣ довелъ людей лишь до скотства, безконечно болѣе низкаго, чѣмъ то, въ которомъ пребываютъ народы, называемые дикарями; ему станетъ ясно, что цивилизаціи древняго міра были несовершенны, и онъ, безъ сомнѣнія, найдетъ, что въ нихъ нѣтъ никакого прочнаго начала, никакого постоянства. Глубокая мудрость Египта, очаровательная прелесть Іоніи, строгія добродѣтели Рима, ослѣпительный блескъ Александріи, во что вы превратились?— спроситъ онъ. Блестящіи цивилизаціи,—старцы всѣхъ временъ,—взлелѣянныя всѣми силами земли, связанныя со всѣми славами, со всѣми героями, со всѣмъ владычествомъ надъ вселенной, величайшими владыками, которыхъ когда-либо производила земля [1]), міровымъ суверенитетомъ,—цивилизаціи эти,—какимъ образомъ могли вы быть уничтоженными? Къ чему была вся эта работа вѣковъ, всѣ эти чудныя дѣянія интеллекта, если новые народы, пришедшіе неизвѣстно откуда, не пріобщенные ни малѣйшимъ образомъ къ этимъ цивилизаціямъ, должны были все это разрушить, опрокинуть великолѣпное зданіе и запахать самое мѣсто, на которомъ оно стояло? Развѣ человѣкъ создавалъ только для того,

---

[1]) Александръ, Селевкидъ, Маркъ Аврелій, Юлій Цезарь, Лагиды и т. д. *Прим. автора.*

чтобы въ одинъ прекрасный день увидѣть труды своихъ рукъ превращенными въ прахъ? Развѣ собиралъ онъ все это для того, чтобы въ одинъ день потерять? Развѣ для того поднялся онъ такъ высоко, чтобы сразу низринуться такъ низко?

Но не думайте, сударыня, что это варвары разрушили древній міръ; нѣтъ, это уже былъ разложившійся трупъ, и они только развѣяли по вѣтру его прахъ. Развѣ эти самые варвары не нападали и раньше на древнія общества, и однако они не были въ состояніи покорить ихъ. Дѣло въ томъ, что принципъ жизни, поддерживавшій до тѣхъ поръ человѣческое общество, былъ исчерпанъ; что матеріальный интересъ, или, если хотите, реальный интересъ, который до тѣхъ поръ исключительно управлялъ соціальнымъ движеніемъ, такъ сказать, исполнилъ свою задачу и завершилъ предварительное просвѣщеніе человѣческаго рода; что человѣческій разумъ при всемъ его желаніи выйти изъ его земной сферы, можетъ лишь изрѣдка возноситься въ высшія области, гдѣ находится истинное начало соціальнаго бытія и, что поэтому онъ не могъ придать обществу его окончательной формы.

Слишкомъ долго привыкли разсматривать міръ, лишь какъ отдѣльныя государства; въ этомъ-то и заключается причина того, что громадное превосходство новаго общества надъ древнимъ не было еще надлежащимъ образомъ оцѣнено. Никому и въ голову не пришло, что въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ это общество покоилось на основѣ федераціи, которая была разорвана только реформаціей, и что народы Европы до этого печальнаго событія смотрѣли на себя не иначе, какъ на единый соціальный организмъ, географически раздѣленный на разныя государства, но составляющій съ нравственной точки зрѣнія единое цѣлое; что между ними долго не было другого публичнаго права, кромѣ постановленій церкви; что войны представлялись тогда междуусобіями; что, наконецъ, единый интересъ одушевлялъ тогда

міръ, и что одна и та же тенденція приводила его въ движеніе. Исторія среднихъ вѣковъ была, въ буквальномъ смыслѣ слова, исторіей одного народа—народа христіанскаго. Движеніе нравственнаго сознанія составляло ея основаніе; событія чисто политическія стояли на второмъ планѣ; все это обнаруживалось съ особенною ясностью въ религіозныхъ войнахъ, т.-е. въ событіяхъ, которыхъ такъ ужасалась философія прошлаго вѣка; Вольтеръ очень удачно замѣчаетъ, что войны изъ-за мнѣній происходили только у христіанъ; но не слѣдовало ограничиваться лишь констатированіемъ этого, необходимо было возвыситься до уразумѣнія причины такого единственнаго въ своемъ родѣ явленія. Ясно, что царство мысли не могло и утвердиться иначе въ мірѣ, какъ придавая самому принципу мысли полную реальность. И если теперь положеніе вещей измѣнилось, то это явилось результатомъ схизмы, которая, разрушивъ единство мысли, разрушила тѣмъ самымъ единство общества; но основаніе остается и теперь все то же, и Европа все еще христіанская страна, что бы она тамъ ни дѣлала, что бы она ни говорила. Безъ сомнѣнія, она уже больше не возвратится къ тому состоянію, въ которомъ находилась въ эпоху своей юности, своихъ упованій, но нельзя также сомнѣваться, что придетъ день, когда черты, отдѣляющія другъ отъ друга христіанскіе народы, исчезнутъ, и что основной принципъ современнаго общества проявится снова въ новой формѣ и съ еще большей силой, чѣмъ когда-либо раньше. Для христіанина это дѣло вѣры; ему столь же непозволительно сомнѣваться въ такомъ будущемъ, какъ и въ прошедшемъ, на которомъ покоятся его вѣрованія, но для всякаго серьезнаго ума это еще подлежитъ и *доказательству*. Кто знаетъ, не ближе ли этотъ день, чѣмъ обыкновенно думаютъ? Теперь глубокіе умы заняты обширной религіозной работой, замѣтенъ поворотъ въ самой наукѣ, замѣтно проявленіе верховной силы вѣка, и еще нѣчто торжественное и знаменательное, чему я не нахожу

имени; кто знаетъ, не въ этомъ ли заключаются предвѣстники великихъ соціальныхъ явленій, долженствующіе означать появленіе въ интеллектуальной природѣ какого-то универсальнаго движенія, которое замѣнитъ разумнымъ сознаніемъ то, что̀ составляетъ въ настоящее время предметъ вѣры? Слава Богу, реформація не все еще разрушила; слава Богу, общество уже было создано для вѣчности, когда бичъ обрушился на христіанскій міръ.

Изучать истинный характеръ новой общественности можно лишь въ томъ большомъ обществѣ, которое образуетъ семью европейскихъ народовъ, а не въ той или иной отдѣльной странѣ; здѣсь находится истинный элементъ устойчивости и прогресса, отличающій новый міръ отъ древняго; въ немъ содержатся всѣ великіе свѣточи исторіи. Мы видимъ, напримѣръ, что, не смотря на всѣ революціи, имъ пережитыя, оно не только не утратило ни въ какой мѣрѣ своей жизненности, но что оно постоянно растетъ въ силѣ, и что новыя силы въ немъ все нарождаются. Мы видимъ, напримѣръ, что арабы, татары и турки не только ничего не могли въ немъ уничтожить, но что, наоборотъ, все дѣлали для его укрѣпленія. Надо замѣтить, что первые два народа сперва нападали на него до изобрѣтенія пороха и что, слѣдовательно, оно было спасено отъ разрушенія не благодаря огнестрѣльному оружію, и что одинъ изъ этихъ народовъ въ одно и то же время овладѣлъ двумя изъ прежнихъ уцѣлѣвшихъ въ настоящее время обществъ [1]).

---

[1]) Можно вывести важныя поученія изъ картины положенія Индіи и Китая. Благодаря этимъ странамъ, мы являемся свидѣтелями такого міра, котораго мы находимъ вокругъ себя лишь прахъ. По нимъ мы можемъ составить себѣ представленіе объ участи, которая ожидала человѣчество, если бы ему не былъ данъ новый импульсъ къ жизни всемогущею рукою.

Замѣтьте, что Китай владѣлъ съ незапамятныхъ временъ тремя великими орудіями, наиболѣе, какъ утверждаютъ, способствовавшими прогрессу человѣческаго ума среди насъ: компасомъ, книгопечатаніемъ

Паденіе римской имперіи любятъ приписывать порчѣ нравовъ и явившемуся ея результатомъ деспотизму; но, говоря о всеобщемъ переворотѣ, мы имѣемъ въ виду не одинъ только Римъ; погибъ не Римъ только, но вся древняя цивилизація: Египетъ Фараоновъ, Греція Перикла, второй Египетъ Лагидовъ, вся имперія Александра, простиравшаяся до самаго Инда, наконецъ, само іудейство послѣ того, какъ оно эллинизировалось, все это спаялось въ одну массу народа римскаго и составило одно общество, представлявшее

и порохомъ. Но къ чему же послужило все это китайцамъ? Развѣ они объѣхали вокругъ свѣта? Развѣ они открыли новый свѣтъ? Развѣ ихъ литература обширнѣе той, которою мы обладали до изобрѣтенія книгопечатанія? Что касается Индостана, то низкое состояніе, въ которомъ находится эта страна послѣ завоеванія ея сначала татарами, потомъ англичанами, показываетъ, мнѣ кажется, очень ясно то безсиліе и то начало смерти, которыя свойственны всѣмъ обществамъ, не основаннымъ на истинѣ, исходящей непосредственно отъ высшаго разума. Что касается меня, то я вѣрю, что это необыкновенное униженіе народовъ-блюстителей наиболѣе древнихъ источниковъ естественнаго просвѣщенія и зеренъ всякой человѣческой мудрости, заключаетъ въ себѣ, сверхъ того, и еще нѣкоторое особенное поученіе! Не указываетъ ли приложеніе этого закона къ коллективному интеллекту народовъ того же, что мы видимъ каждый день и на отдѣльныхъ индивидахъ, именно: если разумъ, по какимъ бы то ни было причинамъ, не извлекаетъ ничего изъ массы идей, распространенныхъ среди человѣческаго рода, не подчиняется дѣйствію всеобщаго закона, находится изолированнымъ отъ другихъ человѣческихъ обществъ и замкнутымъ въ самомъ себѣ, то онъ неизбѣжно вырождается, при чемъ вырожденіе это совершается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе его собственная дѣятельность была недисциплинированной. Была ли когда-нибудь, въ самомъ дѣлѣ, доведена нація до такого униженія, чтобы сдѣлаться добычею не другого народа, но нѣсколькихъ купцовъ, водворившихся въ ея собственной странѣ, сдѣлавшихся абсолютными властителями въ ней самой? Да и, сверхъ этой безпримѣрной деградаціи индусовъ, самый упадокъ индускаго общества начинается, какъ извѣстно, гораздо раньше. Начиная отъ его литературы и философіи и до языка, на которомъ онѣ были изложены, все это принадлежитъ порядку вещей. уже давно переставшему существовать.

собою всѣ протекшія поколѣнія съ начала міра, содержавшее всѣ нравственныя и умственныя силы, какія только могла развить до тѣхъ поръ человѣческая природа. Такимъ образомъ, уничтожена была не имперія, а цѣлое человѣческое общество, начавшее новую жизнь съ этого же момента. Съ тѣхъ поръ земной шаръ сталъ владѣніемъ новаго, какъ бы выплывшаго изъ океана міра—міра европейскаго; старый міръ былъ перестроенъ Европою, остатки древнихъ народовъ подчинились ей и всецѣло зависятъ отъ ея усмотрѣнія; тутъ ужъ легко понять, что̀ происходило на землѣ, какъ разрушалось старое зданіе и какъ на его мѣстѣ чудеснымъ образомъ выростало новое; это явленіе означало, что нравственный элементъ природы получилъ новый законъ, новую организацію. Матеріалы древняго міра, безъ сомнѣнія, послужили для созиданія новаго, такъ какъ высшій разумъ не могъ разрушить работу собственныхъ рукъ, и неизбѣжно нужно было, чтобы матеріальная база нравственнаго міра оставалась всегда та же; но другія, совершенно новыя, человѣческія свойства, извлеченныя изъ области безусловно не использованной древней цивилизаціей, были дарованы самимъ Провидѣніемъ; могущественныя и сосредоточенныя въ себѣ силы Сѣвера соединились съ рвущимися наружу силами Юга и Востока. Можно сказать, что всѣ интеллектуальныя силы, разсѣянныя до тѣхъ поръ по землѣ, собрались и соединились, чтобы создать цѣлые ряды идей, элементы которыхъ были до тѣхъ поръ скрыты въ самыхъ таинственныхъ глубинахъ человѣческаго сердца. Но ни планъ зданія, ни цементъ, соединявшій эти различные матеріалы, не были дѣломъ рукъ человѣческихъ; *это было твореніемъ духа истины.* Вотъ что намъ крайне важно понять, и вотъ огромный фактъ, который разсужденіе чисто историческое, обставленное всѣми данными, извлекаемыми имъ изъ той эпохи, не будетъ никогда въ состояніи постигнуть настолько, чтобы удовлетворить духъ. Вотъ ось, на которой вертится вся

сфера исторіи, и вотъ чѣмъ вполнѣ объясняется весь феноменъ воспитанія человѣческаго рода. Величіе событія и его внутренняя наобходимая связь съ тѣмъ, что̀ ему предшествовало и что̀ за нимъ слѣдовало, уже достаточны, чтобы его поставить внѣ обычнаго теченія человѣческихъ дѣлъ и узрѣть здѣсь присутствіе посредника, чего-то, обладающаго волей; непосредственное дѣйствіе этого событія на интеллектъ, новыя силы, которыми оно внезапно обогатило его, новыя потребности, вдругъ имъ созданныя, и сверхъ всего, это поразительное уравненіе умовъ, проявившееся въ томъ, что человѣкъ *сталъ желать истины и сдѣлался способнымъ ее постигнуть*, въ какомъ бы онъ ни находился положеніи,—вотъ что накладываетъ на тотъ историческій моментъ изумительную печать Провидѣнія и высшаго разума. Обратимъ также вниманіе на то, что человѣческій разумъ, не смотря на свои частыя уклоненія назадъ къ тому, чего уже нѣтъ, что̀ не должно и не можетъ болѣе существовать, всегда привязанъ въ основѣ своей къ этому моменту. Посмотрите, развѣ сознаніе преобладающаго разума теперь не входитъ всецѣло въ новый нравственный міръ, и развѣ эта часть универсальнаго интеллекта, увлекающая за собою всю остальную массу, не ведетъ дѣйствительно своего происхожденія отъ перваго дня нашей эры? Я не знаю, можетъ быть, линія, раздѣляющая насъ отъ древняго міра, не для всѣхъ очевидна, но, безъ сомнѣнія, она хорошо замѣтна для всякаго разума, способнаго, благодаря нравственному воспитанію, познавать въ нѣкоторой степени какъ то, что̀ раздѣляетъ элементы интеллектуальной природы, такъ и то, что̀ ихъ соединяетъ. Настанетъ время, повѣрьте мнѣ, когда родъ возвращенія къ язычеству, проявившійся въ XV вѣкѣ и названный совершенно невѣрно возрожденіемъ наукъ и искусствъ, сохранится въ памяти новыхъ народовъ лишь постолько, посколько сохраняется въ памяти человѣка, ставщаго на хорошую дорогу, воспоминаніе

о какомъ-нибудь глупомъ и преступномъ заблужденіи его молодости.

Замѣтимъ также, что, благодаря нѣкотораго рода оптическому обману, древность представляется намъ безконечной цѣпью вѣковъ, тогда какъ современный періодъ кажется намъ начавшимся только со вчерашняго дня. Исторія древняго міра, беря ее, напримѣръ, лишь до появленія Пелазговъ въ Греціи, обнимаетъ періодъ времеми всего на одно столѣтіе больше нашей эры; но историческая эпоха не имѣетъ даже и такого протяженія. И вотъ въ такой-то короткій промежутокъ времени сколько погибло обществъ древняго міра, тогда какъ въ исторіи новыхъ народовъ, вы видите лишь перемѣщеніе географичсскихъ границъ, а самое общество и народы остаются *неприкосновенными*! Излишне будетъ говорить вамъ, что такіе факты, какъ изгнаніе мавровъ изъ Испаніи, истребленіе американскихъ народностей, уничтоженіе татаръ въ Россіи, только подтверждаютъ наше разсужденіе. Такимъ же образомъ, напримѣръ, предстоитъ близкое паденіе оттоманской имперіи, т.-е. предстоитъ зрѣлище одной изъ тѣхъ великихъ катастрофъ, которыхъ христіанскимъ народамъ не суждено испытывать; далѣе настанетъ очередь другихъ нехристіанскихъ народовъ, соприкасающихся съ крайними точками поселенія европейскихъ народовъ. Таковъ кругъ дѣйствія всемогущей истины; то разъединяя народы, то заключая ихъ въ свою окружность, кругъ этотъ безпрестанно расширяется и приближаетъ насъ къ временамъ возвѣщеннымъ. Удивителенъ, надо сознаться, тотъ индифферентизмъ, съ которымъ долгое время взирали на новѣйшую цивилизацію. Однакожъ вы видите, что надо только ее хорошенько постигнуть, чтобы тѣмъ самымъ разрѣшить соціальную проблему. Вотъ поэтому-то и приходится волей-неволей при самыхъ широкихъ обобщеніяхъ философіи исторіи, возвращаться къ этой цивилизаціи. Въ самомъ дѣлѣ, не заключаетъ ли она результатовъ всѣхъ про-

текшихъ вѣковъ и не чревата ли она грядущими вѣками? Бытіе моральное есть ничто иное, какъ бытіе, созданное временемъ и которое времена должны закончить. Масса идей, разбросанныхъ по поверхности земли, никогда не была такъ сконцентрирована, какъ въ настоящемъ обществѣ, никогда ни въ одинъ періодъ общей жизни человѣчества, единая мысль не обнимала такъ всецѣло дѣятельности его природы, какъ въ наши дни. Прежде всего, мы положительно являемся наслѣдниками всего того, что̀ было когда-либо сказано или сдѣлано людьми; далѣе, нѣтъ ни одной точки на землѣ, которая не подчинялась бы вліянію нашихъ идей; наконецъ, во всей вселенной нѣтъ другой силы, кромѣ интеллектуальной; такимъ образомъ, всѣ основные вопросы нравственной философіи непремѣнно совмѣщаются въ единомъ вопросѣ о новѣйшей цивилизаціи. Когда произносили великія слова о человѣческомъ совершенствѣ, о прогрессѣ человѣческаго разума, думали, что этимъ самымъ все уже сказано, все объяснено: говорили, что человѣкъ только и дѣлалъ, что подвигался впередъ, никогда не останавливаясь, никогда не возвращаясь назадъ; что въ движеніи интеллектуальной природы никогда не было ни остановокъ, ни регресса, а всегда были лишь развитіе и прогрессъ. Если бы это было такъ, то почему эти народы, о которыхъ я вамъ только что упоминалъ, не подвинулись ни на шагъ съ тѣхъ поръ, какъ мы ихъ знаемъ? Почему народы Азіи остановились въ развитіи? Причиной стаціонарнаго состоянія, въ которомъ они теперь находятся, явилось отсутствіе у нихъ присущаго намъ духа изысканій, изобрѣтеній, открытій. Какъ же это случилось, что, дойдя до извѣстной точки, они остановились и не сумѣли изобрѣсти ничего новаго? [1]). Отвѣтъ на это очень простъ; дѣло въ томъ,

[1]) Когда говорятъ о цивилизованной націи, что она остановилась въ развитіи, надо указать, съ какого времени это случилось,—иначе это будетъ все ровно, что ничего не сказать. *Прим. автора.*

что прогрессъ человѣческой природы не представляетъ собою, какъ это воображаютъ, движеніе безконечное; для него существуетъ предѣлъ, его же не прейдеши. Вотъ почему цивилизаціи древняго міра не двигались постоянно впередъ. Вотъ почему Египетъ, съ тѣхъ поръ, какъ его посѣтилъ Геродотъ, не подвинулся впередъ до эпохи господства грековъ; вотъ почему римскій міръ, такой прекрасный, такой блестящій, гдѣ находились источники свѣта, распространявшіеся отъ Геркулесовыхъ столбовъ и до Ганга, въ ту минуту, когда новая мысль озарила человѣческій умъ, сталъ на ту точку замерзанія, которою неизбѣжно оканчивается всякое движеніе чисто человѣческое. Стоитъ лишь немного остановиться, безъ классическихъ предубѣжденій, на этомъ моментѣ, столь богатомъ послѣдствіями, чтобы увидѣть, что, кромѣ крайняго разложенія нравовъ этой эпохи, кромѣ потери добродѣтели, свободы, любви къ отечеству, кромѣ крайняго упадка въ нѣкоторыхъ отрасляхъ человѣческаго знанія, явился еще полный всеобщій застой, и что умы людей дошли до возможности дальнѣйшаго движенія только въ такомъ узкомъ кругѣ, изъ котораго былъ выходъ лишь въ область безсмысленнаго разврата. Истина состоитъ въ томъ, что разъ удовлетворенъ матеріальный интересъ, человѣкъ не подвигается болѣе впередъ: и благо ему, если онъ еще не пойдетъ назадъ! Незачѣмъ закрывать глаза на тотъ фактъ, что въ Греціи, какъ и въ Индостанѣ, въ Римѣ такъ же, какъ и въ Японіи, всякая работа духа, какъ бы она ни была удивительна, всегда тяготѣетъ и будетъ тяготѣть къ одному и тому же: поэзіи, философіи, искусству, т.-е. ко всему тому, что̀ всегда было и будетъ предназначено только для удовлетворенія физической стороны существованія. Все, что̀ есть наиболѣе высокаго въ ученіяхъ и въ интеллектуальныхъ привычкахъ Востока, не только не отрицаетъ этого общаго явленія, но, наоборотъ, его подтверждаетъ; кто же не видитъ, въ самомъ дѣлѣ, что вся безпорядочная распущенность мысли, которую

мы тамъ находимъ, проистекаетъ исключительно изъ иллюзій и престижа физическаго человѣка. Однако не надо думать, что этотъ земной интересъ, вѣчный двигатель человѣческой дѣятельности, былъ ограниченъ чувственными наклонностями. Это, просто, общая потребность благосостоянія, проявляющагося во всѣхъ видахъ согласно большей или меньшей степени развитія общества, согласно разнымъ мѣстнымъ причинамъ, подъ самыми разнообразными формами, но которыя отнюдь не возвышаются до потребности существованія чисто моральнаго. Одно только христіанское общество истинно вдохновляется интересомъ мысли, въ этомъ-то и лежитъ причина прогресса новыхъ народовъ и тайна ихъ цивилизаціи. Какіе бы ни существовали другіе интересы, но въ христіанскихъ обществахъ они всегда подчинены могущественному началу, захватывающему всѣ способности души, овладѣвающему всѣми силами ума и чувства и заставляющему все въ человѣкѣ служить исполненію его предназначенія. Этотъ интересъ, конечно, никогда не можетъ быть удовлетворенъ: онъ по своей природѣ безконеченъ. Надо только, чтобы христіанскіе народы шли впередъ. И хотя цѣль, къ которой они стремятся, не имѣетъ ничего общаго съ матеріальнымъ благосостояніемъ, единственнымъ стимуломъ для нехристіанскихъ народовъ, но и оно достигается ими попутно и служитъ имъ на пользу; блага жизни, которыя составляютъ единственную цѣль другихъ народовъ, они получаютъ согласно слѣдующему завѣту Спасителя: „*Ищите же прежде Царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся Вамъ*“ [1]).

Огромное развитіе всѣхъ интеллектуальныхъ силъ, порождаемыхъ разумомъ, доставляетъ христіанскимъ обществамъ столько же матеріальныхъ благъ, сколько и духовныхъ. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что между нами

---

[1]) Матѳ. VI. 33.

невозможны ни китайская неподвижность, ни греческій упадокъ; еще труднѣе себѣ представить полное уничтоженіе нашей цивилизаціи. Стоитъ только оглянуться вокругъ, чтобы въ этомъ убѣдиться. Для того, чтобы наша настоящая цивилизація была разрушена, надо было бы, чтобы весь земной шаръ перевернулся вверхъ дномъ, чтобы повторился переворотъ, подобный тому, который далъ ему его настоящую форму. Чтобы погасить до тла всѣ источники нашего просвѣщенія, понадобился бы, по крайней мѣрѣ, второй всемірный потопъ. Если бы, напримѣръ, было поглощено одно изъ полушарій, — то и того, что́ осталось бы на другомъ, было бы достаточно для обновленія человѣческаго духа. Мысль, долженствующая покорить вселенную, никогда, никогда не остановится, никогда не погибнетъ или, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока на это не будетъ велѣнія Того, кто вложилъ эту мысль въ человѣческую душу. Этотъ философскій результатъ размышленія надъ исторіей является болѣе положительнымъ, болѣе очевиднымъ и болѣе поучительнымъ, если не ошибаюсь, чѣмъ тѣ поученія, которыя банальная исторія по своему выводитъ изъ картины вѣковъ, призывая себѣ на помощь почву, климатъ, человѣческіе расы и въ особенности свою излюбленную теорію *необходимаго совершенствованія.* Надо также признать, что если вліяніе христіанства на общество, на развитіе человѣческаго духа и на современную цивилизацію еще не вполнѣ оцѣнено, то вина въ этомъ, главнымъ образомъ, принадлежитъ протестантамъ. Вы знаете, что протестанты во всѣхъ пятнадцати вѣкахъ, предшествовавшихъ реформаціи или, по крайней мѣрѣ, до того времени, какъ уничтожилось, по ихъ мнѣнію, первоначальное христіанство, не видѣли ничего, кромѣ папизма; они не интересовались движеніемъ среднихъ вѣковъ; это было для нихъ пустымъ пространствомъ времени. Какъ же было имъ понять просвѣщеніе современныхъ народовъ? Ничто такъ не послужило къ обезображе-

нію картины новой исторіи, какъ предразсудокъ протестантизма. Протестантизму угодно было преувеличить значеніе возрожденія наукъ и искусствъ, котораго, въ сущности, никогда не существовало, ибо никогда онѣ вполнѣ и не исчезали; онъ же изобрѣлъ массу разнообразныхъ причинъ прогресса, которыя, въ дѣйствительности, или играли лишь второстепенную роль, или же исходили изъ главной причины. Къ счастію, теперь явилась новая философія, менѣе пристрастная, болѣе возвышенная въ своихъ точкахъ зрѣнія, философія, которая посредствомъ взгляда назадъ, на протекшіе времена, исправила наши познанія объ этомъ интересномъ періодѣ. Благодаря ей, открылось вдругъ, такъ много совершенно новаго, что самое упорное недоброжелательство не могло противостоять ея свѣту и, да позволено намъ будетъ выразить надежду, что если въ планъ Провидѣнія входитъ просвѣщеніе людей этимъ путемъ, то уже недалекъ моментъ, когда великій свѣтъ озаритъ тьму, покрывающую пока еще часть исторіи новаго общества [1]).

Мы не можемъ не указать еще разъ на это упорное игнорированіе протестантами христіанства послѣ второго или третьяго столѣтія. Если имъ вѣрить, то выходитъ, что съ того времени христіанства осталось лишь постолько, посколько нужно было для того, чтобы оно не погибло окончательно; суевѣріе и невѣжество этихъ одиннадцати или двѣнадцати вѣковъ представляются имъ въ такомъ видѣ, что они усматриваютъ тамъ лишь идолопоклонство еще худшее, чѣмъ идолопоклонство язычниковъ; если имъ вѣрить, то выходитъ, что не будь вальденцевъ, нить священнаго преданія окончательно была бы прервана, и что, не явись позднѣе Лютеръ, то же случилось бы съ религіей Христа. Какъ же, спрашиваю я васъ, узрѣть печать божественнаго происхо-

---

[1]) Съ тѣхъ поръ, какъ эти строки были написаны, Гизо исполнилъ большею частью наши надежды. *Прим. автора.*

жденія въ томъ безсильномъ, непостоянномъ и безжизненномъ ученіи, которое они сдѣлали изъ христіанства, въ томъ преходящемъ и лживомъ ученіи, которое вмѣсто того, чтобы обновить человѣческій родъ и вдохновить его новой жизнью, согласно его обѣщанію, сверкнуло на минуту, дабы потухнуть, народилось, дабы тотчасъ же умереть или служить только орудіемъ для человѣческихъ страстей? Развѣ назначеніе церкви ограничивалось только желаніемъ Льва X окончить постройку базилики Св. Петра и посылкою имъ съ этой цѣлью продавать индульгенціи въ Германіи, и развѣ здѣсь надо искать слѣды христіанства?

Я не знаю, существуетъ ли что-нибудь, лучше доказывающее радикальную несостоятельность реформаціи, нежели это узкое и мелкое разсужденіе о судьбахъ религіи Откровенія. Развѣ дѣлать такъ—не значитъ противорѣчить словамъ самого Іисуса Христа и всему смыслу его религіи? Если слова Его должны пережить небо и землю и самъ Онъ долженъ постоянно пребывать среди насъ, то какъ же это возможно, чтобы храмъ, сооружаемый Его руками, могъ быть сокрушенъ въ одинъ моментъ? И какъ это могло быть, чтобы столь долго храмъ этотъ могъ оставаться пустымъ, какъ покинутый домъ, готовый превратиться въ развалины? Однако надо сознаться, что протестанты были послѣдовательны. Если сначала они предали пламени всю Европу, если они разорвали затѣмъ всѣ связи, соединявшія христіанскіе народы и составлявшія, благодаря этому, одну семью, то не значило ли это, что христіанство было уже на краю гибели? Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не надо было всѣмъ пожертвовать, чтобы спасти христіанство? Но вотъ фактъ: ничто не доказываетъ лучше божественнаго происхожденія нашей религіи, чѣмъ ея постоянное дѣйствіе на человѣческій духъ, то дѣйствіе, которое, примѣняясь постоянно къ временамъ, сообразуясь съ различными потребностями народовъ и вѣковъ, никогда однако не ослаблялось и тѣмъ болѣе

не прекращалось всецѣло. Вотъ это-то зрѣлище верховной силы, постоянно дѣйствующей среди безконечныхъ препятствій, не перестающихъ возбуждаться пороками нашей природы и мрачнымъ наслѣдіемъ язычества, и можетъ лучше всего удовлетворить запросы человѣческаго разума.

Что означаетъ утвержденіе, что католицизмъ испортилъ первоначальную церковь? Развѣ отцы церкви уже не оплакивали съ третьяго столѣтія порчу христіанскихъ обществъ? И развѣ не раздавались, во всѣ вѣка, на всѣхъ соборахъ, однѣ и тѣ же жалобы? Развѣ истинное благочестіе не возвышало постоянно своего голоса противъ злоупотребленій и пороковъ духовенства, а когда это было нужно, то и противъ узурпаціи іерархической власти? Нѣтъ ничего изумительнѣе зрѣлища этого яркаго свѣта, изливавшагося время отъ времени изъ нѣдръ темной ночи, покрывавшей землю; то это были примѣры самыхъ высокихъ добродѣтелей, то чудесное дѣйствіе вѣры на духъ народовъ и отдѣльныхъ личностей; все это церковь собирала, и въ этомъ состояла ея сила и ея богатство; такъ создавалось вѣчное построеніе способомъ, который наилучшимъ образомъ могъ придать ему его необходимую форму. Первоначальная чистота христіанства естественно не могла сохраниться навсегда, нужно было, чтобы христіанство прошло черезъ всѣ фазы порчи, чтобы оно носило на себѣ отпечатки, наложенные на него свободой человѣческаго разума. Болѣе того, совершенство апостолической церкви было совершенствомъ малочисленной общины, потерянной среди громадныхъ общинъ языческихъ; оно не могло быть такимъ среди цѣлаго общества человѣческаго рода. Золотой вѣкъ Церкви, какъ извѣстно, былъ вѣкомъ самыхъ большихъ страданій,—вѣкомъ, когда совершалась печальная работа выработки новаго строя, вѣкомъ, когда еще струилась кровь Спасителя; безразсудно мечтать о возвращеніи такого положенія вещей, которое было лишь ре-

зультатомъ безчисленныхъ страданій, обрушившихся на первыхъ христіанъ.

Хотите ли вы знать, что сдѣлала реформація, гордящаяся тѣмъ, что она снова обрѣла христіанство? Вы видите, что это одинъ изъ самыхъ великихъ вопросовъ, которые только можетъ задать исторія. Реформація возвратила міръ въ состояніе разрозненности (desunité) язычества; она снова создала великія нравственныя индивидуальности и то одиночество душъ и умовъ, которое Спаситель пришелъ уничтожить. Если она и содѣйствовала прогрессу человѣческаго ума, то зато отняла у человѣческаго интеллекта плодотворную и возвышенную идею всеобщности. Дѣло каждаго раскола въ христіанскомъ мірѣ собственно и состоитъ въ разрывѣ того таинственнаго единства, въ которомъ и заключается вся божественная мысль христіанства и вся его сила. Вотъ почему католическая церковь никогда не мирилась съ отдѣльными исповѣданіями. Къ несчастію для нея и къ несчастію для христіанства, фактъ раздѣленія признавался иногда законной властью. При такомъ условіи все скоро превратилось бы снова въ хаосъ человѣческихъ идей, ложь, развалины и прахъ. Только видимое, такъ сказать, осязаемое постоянство истины могло сохранить царство духа на землѣ; только, облекаясь въ формы, прирожденныя человѣку, это царство мысли могло быть постояннымъ и непрерывнымъ. Далѣе, къ чему служитъ таинство причащенія, это чудесное открытіе христіанскаго разума, которое, если позволительно такъ выразиться, матеріализуетъ души, скорѣе чѣмъ соединяетъ ихъ нравственно, если людямъ не нужно видимаго единенія, если достаточно одной внутренней общности мнѣній, безъ ея внѣшняго выраженія? Зачѣмъ соединяться со Спасителемъ, если люди раздѣляются между собою? Меня нисколько не удивляетъ то обстоятельство, что свирѣпый Кальвинъ, убійца Сервета, драчунъ Цвингли, тиранъ Генрихъ VIII съ своимъ лицемѣромъ Кранмеромъ

не признавали силы любви и единенія, заключающейся въ этомъ великомъ таинствѣ; но какъ случилось, что умы, глубоко и истинно религіозные среди лютеранской церкви, столь странно взглянули на таинство Евхаристіи съ точки зрѣнія, противъ которой ожесточенно боролся самъ основатель лютеранства, и отдались во власть мертвящей мысли кальвинизма,—вотъ вопросъ, который не находитъ себѣ отвѣта. Надо сознаться, что во всѣхъ протестантскихъ церквахъ существуетъ особый вкусъ къ разрушенію; кажется, какъ будто они только и мечтаютъ о самоуничтоженіи и не заботятся ни о чемъ для своего упроченія. Но развѣ въ этомъ заключается ученіе Того, Кто принесъ жизнь на землю и Кто побѣдилъ смерть? Развѣ мы уже на небѣ, что мы можемъ безнаказанно отвергать условія настоящей экономіи? И что другое означаетъ эта экономія, какъ не соединеніе чистыхъ мыслей духовнаго бытія съ необходимостью его существованія? А вѣдь первая изъ этихъ необходимостей это—общество, соприкосновеніе умовъ, сліяніе идей и чувствъ; только удовлетворяя этой необходимости, истина становится живою и изъ области умозрѣнія она входитъ въ область реальности, изъ мысли она превращается въ фактъ, и, наконецъ, получаетъ характеръ силы природы, и ея дѣйствіе становится такимъ же вѣрнымъ, какъ дѣйствіе всякой другой естественной силы. Но какъ могло бы все это быть въ обществѣ идеальномъ, существовавшемъ только въ желаніи и воображеніи? А въ этомъ-то и состоитъ невидимая церковь протестантовъ: такъ же не видимая, какъ не видимо ничто.

Только тогда всѣ христіанскія исповѣданія соединятся, когда всѣ отдѣльныя исповѣданія рѣшатся признать съ глубочайшимъ раскаяніемъ и смиреніемъ, что, отдѣлившись отъ церкви, они далеко удались и отъ смысла слѣдующей молитвы Спасителя: „Отче святый! соблюди ихъ во имя тѣхъ,

которыхъ Ты Мнѣ далъ, чтобы они были едино, какъ и Мы [1]).“

Что папство было, какъ на этомъ настаиваютъ, учрежденіемъ человѣческимъ, что входящіе въ него элементы созданы челевѣческими руками, я охотно это признаю, но сущность папства исходитъ изъ самого духа христіанства. Это видимый знакъ единства, а такъ какъ христіанство было разрознено, то и самый знаменательный образъ его единенія. При такомъ значеніи папства, какъ было не дать ему верховенства надъ всѣми христіанскими обществами? И кто не изумится его необыкновеннымъ судьбамъ? Не смотря на всѣ превратности и всѣ бѣдствія, не смотря на свои собственныя ошибки, не смотря на всѣ нападенія со стороны невѣрія— оно стоитъ болѣе твердо, чѣмъ когда бы то ни было! Лишенное своего человѣческаго блеска, оно стало отъ того только сильнѣе, а проявляемый по отношенію къ нему индифферентизмъ лишь упрочиваетъ еще болѣе и обезпечиваетъ еще лучше его существованіе. Нѣкогда ему давало жизнь всеобщее почитаніе христіанскаго міра и инстинктъ народовъ, который подсказывалъ имъ видѣть въ папствѣ источникъ ихъ спасенія во временной и вѣчной жизни; нынѣ папству даетъ жизнь его униженное состояніе посреди земного величія. Но какъ тогда, такъ и теперь оно въ совершенствѣ исполняетъ свое назначеніе: оно *централизуетъ* мысли христіанскихъ народовъ, влечетъ ихъ другъ къ другу, напоминаетъ имъ самимъ о томъ, что̀ связываетъ ихъ воедино, о верховномъ началѣ ихъ вѣрованій, и, будучи запечатлѣно печатью небеснаго характера, паритъ надъ міромъ матеріальныхъ интересовъ. Какъ бы ни было мало положеніе, которое оно занимаетъ въ настоящее время, но на невозможность его исчезновенія съ лица земли указываютъ уже тѣ заблужденія, въ которыя впадаютъ всѣ религіозныя общества,

---

[1]) Іоаннъ, XVII, 11.

какъ только перестаютъ находиться въ соприкосновеніи съ этимъ живымъ памятникомъ исторіи объ общинѣ великой. Это видимое единство, которымъ такъ мало дорожатъ, желали бы найти повсюду, но оно нигдѣ не обнаруживается. И замѣчательное дѣло: драгоцѣнное сознаніе о своемъ будущемъ, наполняющее теперь христіанскіе умы, сообщающее имъ ту высшую жизнь, которою они отличаются отъ умовъ обыкновенныхъ, исчезаетъ въ то время, такъ же, какъ исчезаютъ надежды, основанныя на памяти о настоящемъ бытіи. Ихъ теряютъ въ тотъ моментъ, когда эта дѣятельность представляется безрезультатною и когда самая память о нашемъ прошломъ исчезаетъ, какъ безполезная.

Письмо третье.

Сударыня!

Чѣмъ больше вы будете размышлять о томъ, что̀ я вамъ недавно сказалъ, тѣмъ больше вы будете находить, что это было уже сказано сто разъ людьми разныхъ партій и разныхъ мнѣній, и что мы только придаемъ всему этому такое значеніе, которое ему еще не придавалось. Я однако не сомнѣваюсь, что если эти письма выйдутъ когда-нибудь въ свѣтъ, то ихъ сочтутъ парадоксальными. Когда кто-нибудь настаиваетъ съ нѣкоторымъ убѣжденіемъ на идеяхъ, даже самыхъ обычныхъ, то въ этомъ всегда видятъ что-то до странности новое. Что касается меня, то я думаю, что время парадоксовъ и системъ безъ реальныхъ обоснованій настолько прошло, что только глупецъ можетъ впасть въ старыя заблужденія человѣческаго разума. Хотя и вѣрно, что человѣческій разумъ нашей эпохи не такъ обширенъ, не такъ высокъ, не такъ плодотворенъ, какъ въ великіе вѣка вдохновеній, изобрѣтеній, но онъ безконечно строже, трезвѣе, точнѣе, методичнѣе, наконецъ, вѣрнѣе въ своихъ выводахъ, чѣмъ когда-либо; и я прибавлю съ чувствомъ искренняго удовлетворенія, что съ нѣкотораго времени онъ сталъ еще болѣе объективенъ, чѣмъ когда-либо, а это лучшая гарантія противъ слишкомъ смѣлыхъ частныхъ мнѣній.

Если мы пришли, размышляя надъ человѣческими воспоминаніями, къ собствененнымъ воззрѣніямъ, которыя не со-

глазуются съ установившимся предразсудкомъ, то это потому, что мы думаемъ, что настало время выступить открыто съ опредѣленной задачей по отношенію къ исторіи, какъ это сдѣлали въ прошломъ вѣкѣ по отношенію къ естественнымъ наукамъ, т. е. настало время постигнуть ее во всей ея раціональной идеальности такъ, какъ постигли естественныя науки въ ихъ эмпирической реальности. Объектъ исторіи и средства его познаванія всегда одни и тѣ же; ясно, что кругъ историческаго опыта долженъ наконецъ замкнуться; приложенія не кончатся никогда, но къ закону, разъ найденному, прибавить уже будетъ нечего. Въ естественныхъ наукахъ каждое новое открытіе раскрываетъ новые перспективы уму, новое поле для наблюденій; чтобы недалеко ходить, укажемъ на микроскопъ: не познакомилъ ли онъ съ цѣлымъ новымъ міромъ, неизвѣстнымъ древнимъ натуралистамъ? Въ изученіи природы прогрессъ необходимо становится безконечнымъ; но въ исторіи предметомъ изученія всегда остается человѣкъ и средства для такого изученія всегда одни и тѣ же. Такимъ образомъ, если въ исторіи сокрытъ великій урокъ, то необходимо, чтобы когда-нибудь дошли до понятія точнаго, обнимающаго всѣ возможные опыты, т. е. до понятія совершенно раціональнаго. Это та прекрасная мысль Паскаля, которую я вамъ уже, кажется, разъ цитировалъ: *всѣ послѣдовательныя поколѣнія людей есть ничто иное, какъ только одинъ вѣчно-живущій человѣкъ*; надо наконецъ, чтобы эта мысль не была болѣе фигуральнымъ выраженіемъ абстрактнаго принципа, а чтобы она стала реальнымъ фактомъ человѣческаго разума, который тогда будетъ черезъ это, такъ сказать, принужденъ касаться при своей работѣ всякій разъ всей громадной цѣпи человѣческихъ идей, проходящихъ черезъ всѣ вѣка.

Но спрашивается, можетъ ли человѣкъ когда-либо замѣнить свое индивидуальное, обособленное, находящееся въ немъ самомъ сознаніе, сознаніемъ общимъ, которое за-

ставитъ его постоянно чувствовать себя частью большого моральнаго цѣлаго? Да, безъ сомнѣнія! Подумайте только: помимо чувства личной индивидуальности, мы хранимъ въ нашемъ сердцѣ чувство нашей связи съ отечествомъ, съ семьей, съ общественнымъ мнѣніемъ, часть которыхъ мы составляемъ; это чувство часто бываетъ даже живѣе, чѣмъ первое. Зерно высшаго сознанія живетъ воистину въ насъ, оно составляетъ сущность нашей природы; наше собственное *я* совсѣмъ не навязано намъ неизбѣжнымъ закономъ, но мы сами его себѣ вложили въ душу; понявши это, увидятъ, что единственное назначеніе человѣка въ мірѣ—это работать надъ уничтоженіемъ своего личнаго существа, замѣщая его существомъ совершенно соціальнымъ, безличнымъ. Вы уже видѣли, что эта единственная основа нравственной философіи. Теперь вы видите, что эта же основа и исторической мысли, и вы увидите еще, что всѣ иллюзіи, которыя прикрываютъ или искажаютъ различные возрасты общей жизни человѣческаго существа будутъ разсматриваться не только съ холоднымъ интересомъ науки, но съ подобающимъ имъ глубокимъ чувствомъ нравственной истины; какъ отожествить себя съ вещью, которая никогда не существовала? Какъ связать себя съ *ничто*? Только въ истинѣ обнаруживаются притягательныя силы той или другой природы. Чтобы воспитать себя для этихъ высотъ, необходимо, чтобы при изученіи исторіи мы поставили себѣ за правило не считаться ни съ грёзами воображенія, ни съ привычными воспоминаніями, но стремились бы горячо отыскать положительное и достовѣрное такъ, какъ мы стремились къ живописному, забавному. Дѣло не въ томъ, чтобы наполнить нашу память фактами, зачѣмъ это? Заблуждается тотъ, кто думаетъ вывести истину изъ одной только массы фактовъ. Обыкновенно не недостатокъ фактовъ дѣлаетъ гипотетической историческую концепцію, ни тѣмъ болѣе ихъ игнорированіе влечетъ за собою незнаніе исторіи, причина

этого—недостатокъ размышленія и порочность разсужденія. Если бы хотѣли дойти до истины и положительнаго знанія въ этой области науки только черезъ накопленіе фактовъ, то не ясно ли, что ихъ никогда не будетъ достаточно? Часто одна, хорошо схваченная черта, освѣщаетъ и доказываетъ лучше цѣлой хроники. Вотъ наше правило: будемъ придумывать факты, которые мы знаемъ и постараемся воспринять въ наше сознаніе больше живыхъ образовъ, чѣмъ мертваго матеріала.

Пусть другіе, сколько имъ угодно, роются въ старой исторической пыли, у насъ есть другое дѣло. Мы будемъ разсматривать историческій матеріалъ, какъ нѣчто всегда полное. Мы не будемъ довѣрять логикѣ исторіи; она заставитъ насъ всегда имѣть дѣло съ интеллектомъ. Если мы ничего не будемъ видѣть въ волнахъ временъ, кромѣ человѣческаго разума и совершенно свободныхъ проявленій воли, то сколько бы, какъ это дѣлаютъ другіе, мы не загромождали фактами наше сознаніе, какъ бы мы чудесно ни выводили ихъ одинъ изъ другого, мы не найдемъ въ исторіи ничего изъ того, что̀ ищемъ; при такихъ условіяхъ мы увидимъ въ ней лишь ту же игру человѣческихъ существъ, которую въ ней всегда видѣли [1]). Это была бы та же динамическая и психологическая исторія, о которой я столько говорилъ, исторія, которая хочетъ объяснить все дѣйствіемъ индивидовъ, воображаемымъ сцѣпленіемъ причинъ и слѣдствій, фантазіями людей и неизбѣжными выводами изъ этихъ фантазій, исторія, видящая въ человѣческомъ разумѣ и его собственный законъ, и такимъ образомъ не понимающая того, что именно разуму-то и должно бы быть наиболѣе

---

[1]) Нельзя упрекать ни Геродота, ни Тита Ливія, ни Григорія Турскаго въ томъ, что они не вводили Провидѣнія въ человѣческія дѣла; но нужно ли говорить, что мы бы не хотѣли видѣть человѣческій умъ возвращающимся къ предразсудочной идеѣ постояннаго вмѣшательства Бога въ обычную жизнь? *Прим. авт.*

очевиднымъ, дѣйствія высшаго закона, безконечнаго превосходства цѣлаго надъ частью [1]). Позвольте мнѣ, сударыня, взять одинъ изъ замѣчательныхъ примѣровъ ложности нѣкоторыхъ вульгарныхъ историческихъ концепцій. Вы знаете, что греки вывели изъ искусства широкую идею человѣче-

---

[1]) Въ этомъ Римѣ, о которомъ такъ много говорятъ, который каждый стремится увидѣть, но который понимаютъ такъ мало, находится одинъ удивительный памятникъ: можно сказать, что это древній фактъ, который еще продолжаетъ существовать, событіе другой эпохи, уцѣлѣвшее отъ протекшихъ временъ. Я говорю о Колизеѣ. По моему мнѣнію, нѣтъ другого факта въ исторіи, который вызывалъ бы столько глубокихъ мыслей, какъ видъ этихъ развалинъ, наилучшимъ образомъ указывающихъ на характеръ двухъ эпохъ въ исторіи человѣчества и прекрасно демонстрирующихъ ту аксіому, что до христіанской эпохи никогда не было ни истиннаго прогресса, ни истинной прочности въ человѣческомъ обществѣ. Не стоитъ ли передъ нами арена, гдѣ явилась масса римскаго народа упиться кровью, гдѣ весь языческій міръ такъ хорошо срезюмировался въ своей страшной игрѣ, гдѣ вся жизнь тѣхъ временъ развернулась въ своихъ наиболѣе яркихъ наслажденіяхъ, въ своей сверкающей роскоши,—не стоитъ ли она, чтобы повѣдать намъ о состояніи, достигнутомъ міромъ, въ ту эпоху, когда все, что находится въ силахъ человѣка, было уже израсходовано на сооруженіе соціальнаго зданія, когда паденіе этого зданія возвѣщалось уже со всѣхъ сторонъ и когда уже чувствовалось приближеніе новой эпохи варварства? Вѣдь отсюда задымилась въ первый разъ та кровь, которая должна была оросить фундаментъ новаго зданія. Такимъ образомъ одинъ этотъ монументъ стоитъ цѣлаго тома историческихъ трудовъ. И странная вещь, онъ никогда не внушалъ исторической мысли полностью заключенныхъ въ немъ великихъ истинъ. Среди тучъ слоняющихся по Риму путешественниковъ былъ одинъ, имѣвшій возможность созерцать Колизей съ сосѣднихъ очень извѣстныхъ высотъ; онъ думалъ, по его собственнымъ словамъ, что видитъ вѣка, пробѣгающіе предъ его глазами и открывающіе ему тайну своего движенія... И что же? Онъ видѣлъ лишь тріумфаторовъ и капуциновъ! Какъ будто въ прошломъ ничего другого и не было, кромѣ тріумфовъ и процессій! Бѣдная и узкая точка зрѣнія, которой мы обязаны всѣмъ извѣстными ложными представленіями. Воистину это проституированіе одного изъ наиболѣе прекрасныхъ историческихъ геніевъ, которые когда надо существовали! *Прим. автора.*

скаго разума. Но въ чемъ же состоитъ это великолѣпное созданіе ихъ генія? Въ томъ, что все матеріальное въ человѣкѣ было идеализировано, возвеличено, обожествлено; естественный и законный порядокъ былъ извращенъ; то, что́ по происхожденію должно было находиться въ низшихъ слояхъ интеллектуальнаго міра, было поставлено въ уровень съ высочайшими человѣческими мыслями, дѣйствіе чувствъ на умъ было преувеличено до безконечности, демаркаціонная линія, отдѣляющая божественное отъ человѣческаго, была порвана въ умахъ.

Отсюда хаотическая смѣсь всѣхъ нравственныхъ элементовъ. Разумъ набросился съ одинаковою страстью, какъ на вещи наименѣе достойныя, чтобы ими заниматься, такъ и на наиболѣе важныя для познанія; равная привлекательность распространилась на всѣ области мысли; на мѣсто примитивной поэзіи разума и истины проникла въ воображеніе поэзіи чувствъ и лжи, и эта мощная способность, позволяющая намъ постигать непостижимое и зрѣть незримое, служила лишь для того, чтобы осязаемое сдѣлать еще болѣе осязаемымъ, земное еще болѣе земнымъ. Выводомъ изъ этого явилось возвеличеніе нашего физическаго существа въ той самой степени, въ какой унижалось существо нравственное. И если такіе мудрецы, какъ Пиѳагоръ и Платонъ боролись противъ зловѣщей тенденціи умовъ ихъ времени, то и сами они болѣе или менѣе были охвачены тѣмъ же духомъ; ихъ усилія не привели ни къ чему, и лишь послѣ того, какъ христіанство обновило умы, ихъ доктрины пріобрѣли настоящее вліяніе. Вотъ что сдѣлало греческое искусство. Нельзя отрицать, что искусство это было лишь апотеозомъ матеріи. Но развѣ таково его значеніе? Греческому искусству многаго недостаетъ. Когда смотрятъ на оставленные ими памятники, то не понимаютъ ихъ значенія; когда восхищаются при видѣ этихъ чудесныхъ вдохновеній генія, который, къ

счастью, не находится болѣе на землѣ, то не подозрѣваютъ, какъ наполняется сердце нечистью, а умъ ложью; вѣдь это культъ опьяненія и очарованія, культъ, въ которомъ тонетъ всецѣло нравственное чувство. Нужно только хладнокровно отдать себѣ отчетъ въ чувствѣ глупаго восторга, охватывающаго при этомъ насъ, чтобы признать источникомъ его самую низменную часть нашего существа. Мы воспринимаемъ такъ сказать, тѣлами нашими эти тѣла изъ мрамора и бронзы. И замѣтьте: вся красота, все совершенство этихъ фигуръ происходитъ отъ полнаго безсмыслія, которое они выражаютъ; какъ только слѣды мысли осмѣлятся отразиться въ ихъ чертахъ, такъ тотчасъ исчезаетъ очаровывающій насъ идеалъ. Мы созерцаемъ тутъ не образъ мыслящаго существа, а образъ какого-то человѣка-животнаго, образъ фиктивный, родъ чудовища, получившагося отъ чрезмѣрной распушенности духа, чудовища, изображеніе котораго должно было бы скорѣй насъ отталкивать, чѣмъ плѣнять. Вотъ, какъ самыя серьезныя вещи искажаются или затемняются въ философіи исторіи тѣми предразсудками, школьными привычками, рутиной ума и очарованія обманчивыхъ иллюзій, которыя и составляютъ концепцію вульгарной исторіи.

Вы, можетъ быть, спросите меня, былъ ли я самъ всегда чуждъ этихъ соблазновъ искусства? Нѣтъ, сударыня, напротивъ: прежде чѣмъ узнать истину, какой-то невѣдомый мнѣ инстинктъ заставилъ меня ее предчувствовать, какъ сладкую прелесть, которая должна наполнить мою жизнь. Когда одно изъ великихъ событій нашего вѣка привело меня въ ту столицу, въ которой побѣда соединила на короткое время столько чудесъ, я дѣлалъ то же, что̀ другіе, и съ еще большимъ, чѣмъ они, усердіемъ бросалъ фиміамъ на алтарь идоловъ. Потомъ, когда я ихъ снова увидѣлъ подъ ихъ роднымъ небомъ, я опять упивался ими съ наслажденіемъ. Но надо сказать правду: въ глубинѣ этого наслажденія скрывалось что-то

горькое, похожее на раскаяніе и, потому, когда явилась истина, я не уклонялся ни отъ одного вытекавшаго изъ нея слѣдствія и принялъ ихъ безъ компромиссовъ.

Но вернемся, сударыня, къ тѣмъ великимъ персонажамъ, о которыхъ я уже вамъ говорилъ однажды и которымъ, по моему мнѣнію, исторія не отводитъ подобающаго мѣста въ человѣческихъ воспоминаніяхъ. Безъ этого у васъ не получилось бы о нихъ полнаго представленія. Начнемъ съ Моисея, самой гигантской, самой величественной изъ всѣхъ историческихъ личностей.

Слава Богу, мы живемъ уже не въ тѣ времена, когда великій еврейскій законодатель былъ, даже для людей мыслящихъ, однимъ изъ существъ, принадлежащихъ міру фантазіи, подобно тѣмъ героямъ, полу-богамъ и пророкамъ, которые находятся на первой страницѣ всякой исторіи древнихъ народовъ, поэтическимъ лицемъ, въ которомъ историческая мысль старалась открыть лишь поучительный для эпохи, куда отнесли его человѣческія преданія, символъ или ея выраженіе. Теперь уже нѣтъ никого, кто бы сомнѣвался въ исторической реальности Моисея. Ясно, что священная атмосфера, окружающая его имя, для него не благопріятна, ибо она мѣшаетъ ему занять подобающее мѣсто... Вліяніе, которое имѣлъ этотъ великій человѣкъ на человѣческій родъ, далеко еще не понято и надлежащимъ образомъ не оцѣнено. Его образъ остается еще слишкомъ окутаннымъ таинственностью. Будучи еще недостаточно изученъ, Моисей не даетъ всѣхъ тѣхъ уроковъ, которые являются результатомъ дѣятельности великихъ историческихъ лицъ. Ни общественный дѣятель, ни частный человѣкъ, ни мыслитель, ни практикъ не исчерпываютъ въ исторіи его жизни всей той назидательности, которую она въ себѣ заключаетъ; это является результатомъ привычекъ, сообщенныхъ разуму религіей; придавая библейскимъ фигурамъ сверхчеловѣческій

видъ, онѣ искажаютъ ихъ дѣйствительные образы [1]). Въ образѣ Моисея, между прочимъ, находится такая странная смѣсь величія и простоты, силы и добродушія, въ особенности же, суровости и мягкости, которыя неисчерпаемы для размышленія. Нѣтъ, кажется, ни одного характера во всей исторіи, который представлялъ бы соединеніе такихъ противоположныхъ чертъ и силъ. И когда я размышляю объ этомъ удивительномъ существѣ, я не знаю чему долженъ бы я больше удивляться: созданному ли имъ историческому феномену или феномену нравственному, который я вижу въ его личности. Съ одной стороны, это громадная концепція избраннаго народа, т. е. народа облеченнаго высшей миссіей хранить на землѣ идею единаго Бога, и картина неслыханныхъ средствъ, употребленныхъ для сохраненія этого народа такимъ способомъ, чтобы ввѣренная ему идея осталась не только нетронутой, но чтобы она могла нѣкогда явиться могучей, неотразимой, подобной силамъ природы, предъ которой силы человѣческія должны исчезнуть, и которой долженъ подчиниться весь духовный міръ; съ другой стороны, — человѣкъ простой, простой до слабости, человѣкъ, который не умѣетъ даже въ минуты гнѣва проявить силу, который не умѣетъ иначе повелѣвать, какъ истощаясь на увѣщанія, который позволяетъ себя поучать первому встрѣчному; удивительный геній, самый сильный и самый послушный изъ людей. Въ одно и то же время онъ создаетъ грядущія времена и смиренно подчиняется всему, что представляется ему подъ оболочкою правды; онъ является среди людей, какъ метеоръ, его голосъ звучитъ черезъ вѣка, онъ поражаетъ народы, какъ рокъ; но онъ же уступаетъ первому движенію чувствительнаго сердца, первому, достигающему до него здравому соображенію. Не заключается ли въ этомъ удивительнаго величія и безпримѣрнаго урока?

---

[1]) Замѣтьте, что, въ сущности, библейскіе персонажи должны быть

Люди старались умалить это величіе, говоря, что сначала онъ думалъ только объ освобожденіи своего народа отъ невыносимаго ига, отдавая, правда, честь геройству, которое онъ проявилъ при выполненіи своего дѣла, и стремились видѣть въ немъ только великаго законодателя; въ настоящее время, думается мнѣ, они находятъ въ его законахъ удивительной либерализмъ. Говорили еще, что Богъ Моисея былъ только Богомъ національнымъ, а что всю свою теософію онъ заимствовалъ у египтянъ. Конечно, онъ былъ патріотомъ, но имъ будетъ всякій великій духъ, какова бы не была его миссія. Это общій законъ: чтобы вліять на людей, нужно вліять на домашнюю среду, на соціальную семью, въ которой человѣкъ родился; чтобы говорить понятно людямъ, надо говорить съ своей націей, иначе человѣкъ не будетъ услышанъ и ничего не сдѣлаетъ. Чѣмъ реальнѣе и прямѣе нравственное воздѣйствіе человѣка на себѣ подобныхъ, тѣмъ оно надежнѣе и сильнѣе; чѣмъ больше слово связано съ личностью, тѣмъ оно могущественнѣе. Ничто такъ ясно не указываетъ на присутствіе высшаго начала, двигавшаго этимъ великимъ человѣкомъ, какъ полная цѣлесообразность и вѣрность средствъ, которыми онъ пользовался, чтобы выполнить взятое имъ на себя дѣло. Возможно также, что онъ нашелъ у своего народа или какого-либо другого идею національнаго Бога, и что онъ воспользовался этими данными, какъ и многими другими, которыя нашлись въ естественныхъ антицедентахъ, чтобы

намъ наиболѣе извѣстны, такъ какъ ихъ черты наилучшимъ образомъ обрисованы. Это одна изъ великихъ особенностей Священнаго Писанія. Ему нужно было дать возможность отождествить себя этимъ способомъ съ людьми, дѣйствующими непосредственно на наиболѣе интимныя стороны нашего духа, дабы приготовить черезъ это души къ необходимому подчиненію вліянію Христа, и оно нашло секретъ такъ нарисовать черты этихъ лицъ, что ихъ образы запечатлѣлись въ сознаніи съ ясностью, оставляемо лишь образами людей, коротко съ нами знакомыхъ.

Прим. автора.

ввести въ познаніе людей свой возвышенный монотеизмъ. Но отсюда не слѣдуетъ чтобы Іегова не былъ для него, какъ онъ есть у христіанъ,—Богомъ всей земли. Чѣмъ больше вникаешь въ его старанія выдѣлить и закрѣпить въ своей націи этотъ великій догматъ и въ тѣ исключительныя средства, которыя онъ употреблялъ, чтобы прійти къ такому результату, тѣмъ больше открываешь во всей этой работѣ высшаго разума универсальную мысль—сохранить для цѣлаго свѣта, для всѣхъ будущихъ поколѣній, понятіе объ единомъ Богѣ. Какія же болѣе вѣрныя средства были въ его распоряженіи, чтобы воздвигнуть непоколебимый жертвенникъ истинному Богу среди многобожья, завладѣвшаго всей землей, какъ не внушеніе народу мысли хранить священный памятникъ, питать расовое отвращеніе ко всѣмъ идолопоклонникамъ, привязать все соціальное существо этого народа, всѣ его судьбы, всѣ его воспоминанія, всѣ его надежды къ этому единому началу? Почитайте Второзаконіе съ этой точки зрѣнія и вы будете удивлены свѣтомъ, который оттуда разольется не только на Моисеевъ законъ, но и на всю вытекающую оттуда философію.

Въ каждомъ словѣ этой удивительной книги проглядываетъ сверхчеловѣческая мысль, владѣвшая умомъ ея автора. Оттуда же вытекаютъ страшныя, приказываемыя Моисеемъ, требованія уничтоженій, такъ странно противорѣчащія его мягкой натурѣ и такъ возмущавшія философію, еще болѣе ничтожную, чѣмъ нечистую. Эта философія не понимала, что человѣкъ, который былъ чудодѣйственнымъ орудіемъ въ рукахъ Провидѣнія, повѣреннымъ всѣхъ его тайнъ, могъ дѣйствовать только, какъ оно, какъ природа; что времена и поколѣнія не имѣли для него цѣны; что его миссія заключалась не въ томъ, чтобы дать міру образецъ справедливости и нравственнаго совершенства, но въ томъ, чтобы провести въ человѣчество грандіозную идею, которую человѣческій умъ не могъ вывести самъ собой. Думаютъ ли,

когда онъ, подавляя крикъ своего сострадательнаго сердца, руководилъ избіеніемъ націй и опускалъ мечъ божескаго правосудія, что онъ и тогда стремился только колонизировать тупой и непокорный народъ, который онъ велъ? Воистину превосходная психологія! Что дѣлаетъ эта философія вмѣсто того, чтобы подняться до истинной причины феномена, который она разсматриваетъ? Она выпутывается изъ затрудненія тѣмъ, что комбинируетъ въ одной душѣ черты самыя противорѣчивыя, черты, которыхъ ни одно наблюденіе не дало возможности видѣть соединенными въ одномъ и томъ же лицѣ!

Какая важность въ томъ, что Моисей почерпнулъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ египетской мудрости? Какая важность въ томъ, что сначала онъ только хотѣлъ вырвать свой народъ изъ рабства? Развѣ отъ этого становится менѣе вѣрно, что, реализируя въ этомъ народѣ мысль, почерпнутую имъ откуда бы то ни было или извлеченную изъ глубины его души, одѣвая ее всѣми свойственными человѣческой природы элементами для ея сохраненія, для увѣковѣченія, онъ далъ людямъ истиннаго Бога и, слѣдовательно, всѣмъ интеллектуальнымъ развитіемъ вытекающимъ изъ этого начала, человѣческій родъ обязанъ неоспоримо ему! Давидъ, одно изъ историческихъ лицъ, черты котораго намъ лучше всего были переданы. Его исторія самая живая, сама драматичная, самая вѣрная; его образъ самый характерный. Разсказъ объ его жизни, его чудныя пѣсни, гдѣ настоящее такъ удивительно теряется въ будущемъ, рисуютъ намъ такъ хорошо намѣренія его души, что во всемъ его существѣ нѣтъ положительно ничего, остающагося въ тѣни. Несмотря на это, только на умы не глубоко религіозныя онъ производитъ впечатлѣніе героевъ Греціи и Рима. Еще разъ, это потому, что всѣ великіе люди Библіи изъ другого совсѣмъ міра: блистающій на ихъ челѣ ореолъ удаляетъ ихъ, къ несчастію, въ область, куда умъ не очень любитъ переноситься, об-

ласть тѣхъ могущественныхъ силъ, которыя неуклонно повелѣваютъ подчиненіе, область, гдѣ становишься постоянно лицомъ къ лицу съ неумолимымъ закономъ, гдѣ не остается ничего другого, кромѣ паденія ницъ передъ этимъ закономъ. И однако какъ постигнуть движеніе временъ, если не изучать его тамъ, гдѣ принципъ, его порождающій, проявляется наиболѣе осязательно?

Противопоставляя Сократа и Марка Аврелія этимъ двумъ гигантамъ Священнаго Писанія, я хотѣлъ, чтобы вы оцѣнили изъ этого контраста двѣ различныя славы, два міра, изъ которыхъ они взяты. Почитайте у Ксенофонта разсказы о Сократѣ, отрѣшившись, если можете, отъ предвзятыхъ о немъ воспоминаній; подумайте о томъ, что̀ его смерть прибавила къ его имени; подумайте о его прославленномъ геніѣ, о его снисходительности къ пороку, которую онъ доводилъ иногда, надо признать, до странной степени [1]); подумайте о различныхъ обвиненіяхъ, которыя на него взводили его современники; вспомните слово, произнесенное имъ за минуту передъ смертью, которое показало потомству всю неувѣренность его мысли; наконецъ, подумайте о нелѣпыхъ и противорѣчивыхъ взглядахъ, вышедшихъ изъ его школы. Отбросимъ, тѣмъ болѣе, всякіе предразсудки и относительно Марка Аврелія. Продумайте получше его книгу, припомните побоище, ужаснаго человѣка, которому онъ ввѣрилъ міръ, время, въ которое онъ жилъ, высокое положеніе, которое онъ занималъ, всѣ средства для величія, которое давало ему его положеніе! Теперь сравните, пожалуйста, результаты философіи Сократа съ результатами религіи Моисея, личность римскаго императора, съ человѣкомъ, который изъ пастуха сталъ

---

[1]) Если бы я писалъ не къ женщинѣ, я бы настоятельно рекомендовалъ читателю для составленія понятія о вышесказанномъ, прочесть «Пиръ Платона» *Прим. авт.*

царемъ, поэтомъ, мудрецомъ, олицетворилъ въ себѣ широкую и таинственную концепцію пророка законодателя, сдѣлался центромъ того чудеснаго міра, въ которомъ должны были исполниться судьбы человѣческаго рода, закрѣпилъ въ своемъ народѣ исключительную и глубокую наклонность къ религіозному чувству до поглощенія всего его существованія, и создалъ такимъ образомъ на землѣ порядокъ вещей, который одинъ могъ сдѣлать возможнымъ ростъ истины въ здѣшнемъ мірѣ. Вы согласитесь, безъ сомнѣнія, что если поэтическая мысль представляетъ намъ такихъ людей, какъ Моисей и Давидъ, существами сверхчеловѣческими и окружаетъ ихъ особеннымъ блескомъ, то обыкновенное холодное разсужденіе покажетъ въ нихъ нѣчто большее, чѣмъ просто великихъ людей, людей исключительныхъ; нѣтъ, вамъ станетъ ясно, я думаю, что въ жизни духовнаго міра, эти люди были, конечно, прямымъ проявленіемъ высшаго закона, имъ управляющаго, и что ихъ появленіе соотвѣтствуетъ тѣмъ великимъ физическимъ переворотамъ, которые время отъ времени передѣлываютъ, освѣжаютъ природу [1]).

Затѣмъ идетъ Эпикуръ. Вы, конечно, не думаете, чтобы я придавалъ особенное значеніе репутаціи этого лица. Но нужно, чтобы вы знали во-первыхъ, что матеріализмъ Эпикура ничѣмъ не разнился отъ взглядовъ другихъ философовъ древности; только благодаря сужденію болѣе свободному, болѣе послѣдовательному, чѣмъ у большинства изъ нихъ, Эпикуръ не запутывался, подобно имъ, въ безконечныхъ противорѣ-

---

[1]) Но нѣтъ ничего естественнѣе однако громадной славы Сократа, единственнаго человѣка въ древнемъ мірѣ, умершаго за убѣжденія. Исключительный примѣръ геройской смерти за убѣжденія, долженъ былъ особенно поразить эти народы. Но намъ, видѣвшимъ, какъ цѣлые народы отдавали свою жизнь за истину, было бы безуміемъ впадать по отношенію къ Сократу въ заблужденіе древнихъ.

Прим. авт.

чіяхъ. Языческій деизмъ ему казался, какъ оно и было, нелѣпостью, а спиритуализмъ заблужденіемъ.

Его физика, заимствованная къ тому же у Демокрита, о которомъ Бэконъ гдѣ-то сказалъ, что это былъ единственный разумный физикъ древности, была не ниже физики другихъ натуралистовъ его времени, а что касается его атомовъ, то если отбросить метафизику, то теперь, — когда философія молекулъ стала такой положительной,—она не такъ ужъ смѣшна, какъ о ней говорили. Но вы знаете, что его имя связано главнымъ образомъ съ этикой и она-то его унижаетъ. Правда, эту нравственность мы судимъ по разнузданности его секты и по толкованьямъ болѣе или менѣе произвольнымъ, которыя были сдѣланы послѣ него; но, вѣдь, вы знаете, что его собственныхъ сочиненій на свѣтѣ болѣе не существуетъ. Позволительно Цицерону, конечно, содрогаться при одномъ имени — сладострастіе; но сравните, пожалуйста, эту такъ обезславленную мораль въ ея истинномъ значеніи, о чемъ можно судить по личности ея творца и путемъ игнорированія тѣхъ результатовъ, которые она имѣла въ языческомъ мірѣ, такъ какъ результаты эти обязаны своимъ происхожденіемъ болѣе общему состоянію умовъ того времени, чѣмъ самой доктринѣ, — сравните ее, говорю я, съ другими системами морали у древнихъ, и вы найдете, что, не будучи ни такъ высокомѣрной, ни такъ суровой, ни такъ непрактичной, какъ ученіе стоиковъ, ни такъ расплывчатой, ни такъ туманной, ни такъ безсильной, какъ платониковъ, она была настолько привлекательной, любвеобильной и гуманной, что содержала въ себѣ черты морали христіанской. Нельзя не признать, что существеннымъ элементомъ этой философіи была совершенно чуждая практической мысли древнихъ идея единенія, связи людей между собою, любви къ нимъ. Въ ней было особенно много здраваго смысла и въ ней отсутствовала гордость, т. е. въ ней находились черты, не встрѣчающіяся

ни въ одной изъ современныхъ ей философскихъ системъ. Она учила видѣть высшее благо въ душевномъ мірѣ и въ тихой радости, которыя отражаютъ на землѣ небесное счастье боговъ. Эпикуръ самъ подалъ примѣръ мирнаго существованія; онъ жилъ почти въ полной тѣни, среди самыхъ нѣжныхъ привязанностей и занятій. Если бы его ученіе укрѣпилось въ умахъ народовъ, не извратившись среди господствовавшихъ тогда порочныхъ нравовъ, то безъ сомнѣнія оно привило бы сердцамъ мягкость и гуманность, которыя, конечно, не могли распространить ни кичливая мораль Портика, ни мечтательныя спекуляціи академиковъ. Замѣтьте, пожалуйста, что Эпикуръ одинъ изъ всѣхъ мудрецовъ древности безупреченъ въ нравственномъ отношеніи и одинъ, воспоминаніе о которомъ отличалось у его учениковъ любовью и почитаніемъ, доходящими до культа [1]). Вы понимаете теперь, почему мы должны были постараться очистить немного наши воспоминанія объ этомъ человѣкѣ.

Къ Аристотелю мы больше возвращаться не будемъ. Хотя это и одна изъ главныхъ страницъ современной исторіи, но въ то же время это слишкомъ серьезный предметъ, чтобы о немъ говорить между прочимъ. Замѣтьте только, пожалуйста, что Аристотель до нѣкоторой степени созданье новаго духа. Естественно, что въ дни своей юности, мучимый страстной жаждой знанья, онъ привязался со всею силою къ этому интеллектуальному механизму, который своими ручными инструментами, своими рычагами, своими блоками заставлялъ двигаться пониманіе съ удивительной скоростью. И онъ былъ такъ же простъ, какъ арабы, которые первые его откопали и которымъ онъ такъ пришелся по вкусу. Этотъ, вырвавшійся откуда то народъ, не имѣлъ ничего своего, за что бы дер-

---

[1]) Пиѳагоръ не составляетъ исключенія. Это личность сказочная, которой приписывали все, что хотѣли. *Прим. авт.*

жаться, а потому цѣльное, законченное ученье должно было ему очень понравиться. Но все это ужъ прошло: арабы, схоласты и ихъ общій учитель,—все это выполнило свои различныя миссіи. Въ результатѣ разумъ сталъ содержательнѣе, увѣреннѣе, его движеніе обезпеченнѣе; онъ пріобрѣлъ привычки, облегчающія его движеніе, ускоряющія его работы. Все сдѣлалось къ лучшему, какъ вы видите: изъ дурнаго вышло хорошее, благодаря силѣ и свѣту, сокрытыхъ въ новомъ разумѣ. Теперь надо вернуться назадъ, нужно снова взять широкій путь тѣхъ временъ, когда у мысли не было другихъ орудій для употребленія, кромѣ золотыхъ и лазурныхъ крыльевъ ангельской природы.

Перейдемъ къ Магомету. Если хорошенько поразмыслить о результатахъ, произведенныхъ его религіей среди человѣчества, то увидимъ, что, во-первыхъ, она содѣйствовала вмѣстѣ съ другими болѣе могущественными причинами разрушенію политеизма и, во-вторыхъ, что она распространила по громадному пространству земного шара и даже въ странахъ, о которыхъ говорятъ, что онѣ недоступны просвѣщенію, идею о единомъ Богѣ и единой вѣрѣ, и что такимъ образомъ она подготовила безчисленное количество народовъ къ окончательнымъ судьбамъ человѣческаго рода; имѣя это въ виду, нельзя не признать, что этотъ великій человѣкъ, несмотря на то, что онъ уплатилъ дань своему времени и странѣ, въ которой родился, достоинъ человѣческихъ почестей несравненно болѣе, чѣмъ та толпа мудрецовъ, которая не съумѣла придать ни формы, ни жизни ни одной изъ своихъ мыслей, не сумѣла внѣдрить ни въ одно сердце глубокаго убѣжденія и, вмѣсто того, чтобы стараться соединять разрозненные элементы человѣческой природы, умѣла только ихъ разъединять. Исламизмъ есть одно изъ самыхъ удивительныхъ проявленій общаго закона; разсматривать его иначе, значило бы не признавать всемірнаго вліянія христіанства, отъ котораго онъ исходитъ. Самое существенное

свойство нашей религіи состоитъ въ ея способности облекаться въ самыя разнообразныя формы религіознаго сознанія, умѣніи комбинироваться, когда это нужно, даже съ заблужденіями для достиженія полностью своихъ цѣлей. Въ великомъ развитіи религіи Откровенія, религія Магомета обязательно должна разсматриваться, какъ одна изъ ея вѣтвей. Самый исключительный догматизмъ не можетъ не признать этого важнаго факта; онъ это увидитъ ясно, если хоть разъ дастъ себѣ отчетъ въ причинахъ, заставляющихъ насъ смотрѣть на магометанъ, какъ на естественныхъ враговъ нашей религіи, ибо именно отсюда то и проистекаетъ предразсудокъ [1]).

Впрочемъ, какъ вамъ извѣстно, въ Коранѣ нѣтъ почти ни одной главы, въ которой не шла бы рѣчь объ Іисусѣ Христѣ. Да и нельзя имѣть яснаго представленія о великомъ дѣлѣ Искупленія, нельзя постигнуть тайны царства Христова, если не видѣть дѣйствія христіанства вездѣ, гдѣ только произносится имя Спасителя, если не усматривать его вліянія на всѣ умы, имѣющіе въ какой бы то ни было формѣ касательство къ его ученію, иначе надо было бы исключить изъ христіанскаго міра множество людей, пользующихся благами Искупленія, цѣлыя массы, носящія названіе христіанъ. Но развѣ это не значило бы понимать чрезвычайно узко царство Христово и свести универсальность христіанства до комичной секты [2]).

Магометанство явилось результатомъ религіознаго броженія, начавшагося на Востокѣ, вслѣдствіе появленія новой

---

[1]) Въ началѣ магометане не питали никакой антипатіи къ христіанамъ; только послѣ долгихъ, происходившихъ между тѣми и другими, войнъ, родилась у нихъ ненависть и презрѣніе къ христіанамъ. Что касается христіанъ, то они, естественно, смотрѣли на магометанъ сначала, какъ на язычниковъ, а потомъ, какъ на враговъ своей религіи, чѣмъ они и стали въ дѣйствительности. *Прим. автора.*

[2]) Выраженіе утрированное, но сущность мысли не противорѣчитъ истинѣ. *Прим. кн. Гагарина.*

религіи. При первомъ взглядѣ магометанство кажется менѣе всего исходящимъ изъ христіанства, но это несомнѣнно. Такимъ образомъ, кромѣ безсознательнаго вліянія, которое оказало магометанство на образованіе христіанскаго общества введеніемъ частныхъ интересовъ народовъ въ общее дѣло спасенія, кромѣ многочисленныхъ матеріаловъ, заимствованныхъ нашей цивилизаціей у цивилизаціи арабовъ, въ чемъ надо видѣть употребленныя Провидѣніемъ косвенныя пути для завершенія обновленія человѣческаго рода, для воздѣйствія на духъ народовъ, этимъ способомъ ему подчинившійся, сверхъ всего этого необходимо признать и прямое вліяніе христіанства на образованіе магометанства. Христіанство сочеталось въ этомъ случаѣ съ нѣкоторыми обусловленными временемъ или мѣстомъ потребностями, дабы распространить на болѣе обширныя области сѣмена истины. Счастливы, конечно, тѣ, которые служатъ Христу сознательно и убѣжденно! Но не надо забывать, что на свѣтѣ есть безконечное множество существъ, подчиняющихся голосу Христа, не имѣя никакого понятія о высшей силѣ, которая ими руководитъ.

Теперь намъ остается поговорить о Гомерѣ. Въ наше время вопросъ о вліяніи, которое имѣлъ Гомеръ на духъ человѣческій, считается рѣшеннымъ окончательно. Теперь всѣмъ хорошо извѣстно, что такое гомерическая поэзія: извѣстно, какимъ образомъ она содѣйствовала опредѣленію характера древняго міра, извѣстно, что эта поэзія замѣнила собою другую, болѣе возвышенную, болѣе чистую, поэзію, отъ которой сохранились лишь жалкіе обрывки. Извѣстно также, что гомерическая поэзія дала новый порядокъ идей вмѣсто другого порядка, который не былъ дѣтищемъ греческой земли, и что эти первоначальныя, отвергнутыя новой мыслью, идеи укрылись либо въ мистеріяхъ Самоѳракіи, либо подъ сѣнью другихъ святилищъ утерянныхъ истинъ и существовали съ тѣхъ поръ лишь для небольшаго числа

избранниковъ и адептовъ [1]). Но чего, по моему мнѣнію, совсѣмъ не знаютъ, такъ этого того вліянія, которое оказываетъ Гомеръ и понынѣ на время, въ которое мы живемъ и того, что еще остается отъ Гомера и теперь во всеобщемъ сознаніи. А въ этомъ то и заключается интересъ истинной философіи исторіи, такъ какъ главный смыслъ ея изученія заключается, какъ вы уже видѣли, въ отысканіи постоянныхъ результатовъ и вѣчныхъ воздѣйствій историческихъ феноменовъ.

Для насъ Гомеръ есть ничто иное, какъ Тифонъ или Ариманъ, настоящаго міра, какимъ онъ былъ и для того, который имъ созданъ. Въ нашихъ глазахъ онъ является источникомъ мрачнаго героизма страстей, грязнаго идеала красоты, разнузданнаго вкуса ко всему земному. Замѣтьте, что никогда не было ничего подобнаго въ другихъ обществахъ цивилизованнаго міра. Только греки задумали идеализировать и обоготворять порокъ и преступленіе, поэзія зла находилась всегда только у нихъ и у тѣхъ, которые унаслѣдовали ихъ цивилизацію. Можно видѣть ясно то направленіе, которое приняло бы въ средніе вѣка мысль христіанскихъ народовъ, если бы она всецѣло отдалась руководившей ею рукѣ. Эта поэзія не могла къ намъ явиться отъ нашихъ сѣверныхъ предковъ: духъ народовъ Сѣвера созданъ совсѣмъ иначе и менѣе всего тяготѣетъ къ земному. Переплетшись съ христіанствомъ, оно, вмѣсто того, что случилось въ дѣйствительности, скорѣе потерялся бы въ туманной неопредѣ-

---

[1]) Дѣйствіе гомерической поэзіи естественно сливается съ вліяніемъ греческаго искусства, такъ какъ послѣднее является воплощеніемъ идеи перваго. Другими словами, оно создало искусство, и греческое искусство продолжало ея дѣйствіе. Существовалъ ли когда въ дѣйствительности человѣкъ Гомеръ или нѣтъ,—это безразлично. Историческая критика никогда не будетъ въ состояніи уничтожить память о Гомерѣ. Философію должна занимать идея, связываемая съ памятью Гомера, а не его личность. *Прим. автора.*

ленности грёзъ своего воображенія. Кромѣ того, у насъ не течетъ кровь, которая текла въ ихъ жилахъ, и мы должны искать уроковъ жизни не у народовъ, описанныхъ Цезаремъ и Тацитомъ, а у народовъ, принадлежавшихъ къ міру Гомера.

Лишь съ очень недавняго времени замѣчается возвращеніе къ нашему собственному прошлому въ нѣдрахъ нашей семьи и заставляетъ насъ мало по малу находить свое отцовское наслѣдіе. Отъ народовъ сѣвера мы унаслѣдовали только обычаи, преданія: духъ питается лишь знаніемъ; самыя закоренѣлыя привычки теряются, самыя укоренившіяся преданія сглаживаются, если онѣ не связаны съ знаніемъ. Всѣ наши идеи, исключая идей религіозныхъ, явились къ намъ, безъ сомнѣнія, отъ грековъ и римлянъ. Такимъ образомъ гомерическая поэзія, свергнувъ на старомъ западѣ теченіе мыслей, связывавшихъ людей съ великими днями творенія, сдѣлала то же и на новомъ западѣ; перенесшись къ намъ вмѣстѣ съ наукой, философіей и литературой древнихъ, она насъ такъ отожествила съ ними, что, каковыми бы мы не были теперь, мы еще висимъ между міромъ лжи и міромъ истины. Хотя теперь мало занимаются Гомеромъ и еще того менѣе его читаютъ, но его боги и его герои все еще оспариваютъ почву у христіанской мысли. Причина этому состоитъ въ удивительной обольстительности этой совершенно земной, совершенно матеріальной, такъ чудесно потакающей порокамъ нашей природы поэзіи, поэзіи, ослабляющей всѣ фибры разума, глупо держащей его прикованнымъ къ своимъ фантомамъ, къ своему престижу, къ колыбели и источнику своихъ могущественныхъ иллюзій. Но доколѣ глубокое нравственное чувство, исходящее изъ яснаго взгляда на весь древній міръ и изъ полнаго поглощенія духа въ христіанской истинѣ, не наполнитъ наши души презрѣніемъ и отвращеніемъ къ этимъ вѣкамъ обмана и безумія, къ этимъ истиннымъ сатурналіямъ человѣческаго рода,

къ которымъ мы все еще питаемъ такое пристрастіе, доколѣ нѣкотораго рода сознанное раскаяніе не заставитъ насъ краснѣть при воспоминаніи о безстыдномъ преклоненіи, которое мы такъ долго расточали передъ этими презрѣнными величіями, этими дикими добродѣтелями, этими грязными красотами, доколѣ всего этого не произойдетъ, дотолѣ старыя дурныя впечатлѣнія не перестанутъ составлять самый жизненный, самый дѣятельный элементъ нашего разума. Что касается до меня, то я думаю, что для нашего полнаго обновленія въ смыслѣ откровеннаго разума, намъ недостаетъ великаго покаянія, всемогущаго искупленія, чувствуемаго всѣми христіанами міра, обыкновенно ощущаемаго ими приближенія какъ бы физической катастрофы на поверхности нашей земли; я не понимаю, какимъ образомъ безъ этого мы могли бы освободиться отъ грязи, которая еще продолжаетъ осквернять нашу память [1])? Вотъ какимъ образомъ философія исторіи должна понимать гомеризмъ. Судите сами, какъ должна она послѣ этого смотрѣть и на личность самого Гомера. Развѣ послѣ этого она не обязана по совѣсти наложить на его чело печать несмываемаго позора!

Вотъ, сударыня, мы дошли до конца нашей галлереи. Я не сказалъ вамъ всего, что имѣлъ сказать, но надо кончать. Знаете ли вы одну вещь? Въ сущности, мы, русскіе, не имѣемъ ничего общаго съ Гомеромъ, съ греками, съ римлянами, съ германцами; все это намъ совершенно чуждо. Но чего же вы хотите? Надо говорить языкомъ Европы. Наша экзотическая цивилизація придвинула насъ къ Европѣ настолько, что, хотя у насъ нѣтъ ея идей, но у насъ и нѣтъ другого

---

[1]) Истинное счастіе для нашего времени, что новая область начавшая съ недавняго времени открываться для историческаго размышленія, не тронута гомеризмомъ. Уже вліяніе идей Индіи на движеніе философіи было очень полезно. Богу угодно, чтобы мы пришли возможно скорѣе по этой окольной дорогѣ къ точкѣ, къ которой болѣе короткая дорога до сихъ поръ не могла насъ вывести. *Прим. автора.*

языка, кромѣ языка Европы: такимъ образомъ намъ приходится говорить ея языкомъ.

Если по малому количеству привычекъ ума, преданій и воспоминаній, которыми мы обладаемъ, какъ и по нашему прошлому, которое не привязываетъ насъ ни къ какому народу на землѣ, мы не принадлежимъ въ сущности, ни къ какой изъ системъ нравственнаго міра, то, своей общественной поверхностью мы принадлежимъ однако къ міру Запада. Эта связь, въ сущности, очень слабая, не соединяя насъ съ Европой такъ крѣпко, какъ то думаютъ, не заставляя насъ чувствовать во всѣхъ пунктахъ нашего существа великое движеніе, которое тамъ совершается, однако ставитъ наши судьбы въ зависимость отъ судебъ европейскаго общества. Такимъ образомъ, чѣмъ болѣе мы будемъ стараться слиться съ этимъ обществомъ, тѣмъ лучше для насъ. До сихъ поръ мы жили совсѣмъ обособленно; то, чему мы научились отъ другихъ, осталось на нашей внѣшности просто, какъ украшеніе, не проникая въ глубину нашихъ душъ. Теперь силы *верховнаго общества* настолько выросли, его дѣйствіе на остальную часть человѣческаго рода такъ расширилось, что скоро мы будемъ унесены душой и тѣломъ во всеобщемъ вихрѣ. Что вѣрно, такъ это то, что намъ нельзя будетъ долго пребывать въ пустынѣ. Сдѣлаемъ же все, что можно, чтобы приготовить пути для грядущихъ поколѣній. Такъ какъ мы не можемъ оставить имъ то, чего у насъ самихъ не было: вѣрованій, разума, воспитаннаго временемъ, ярко очерченной личности, мнѣній, развитыхъ теченіемъ длинной интеллектуальной жизни, одушевленной, дѣятельной, богатой результатами, то оставимъ же имъ, по крайней мѣрѣ, нѣсколько идей, которыя, хотя мы ихъ не сами нашли, будучи передаваемы отъ поколѣнія къ поколѣнію, будутъ имѣть больше традиціоннаго элемента и, поэтому больше могущества, больше плодотворности, чѣмъ наши собственныя мысли. Такимъ об-

разомъ мы заслужимъ благодарность потомства, мы не напрасно пройдемъ по землѣ.

Прощайте, сударыня, отъ васъ будетъ зависѣть заставить меня снова заняться этимъ предметомъ, когда вы захотите. Впрочемъ, въ интимной бесѣдѣ, гдѣ хорошо тебя понимаютъ, къ чему развивать и взвѣшивать всякую мысль? Если того, что я вамъ уже сказалъ, достаточно для нахожденія нѣкоторыхъ новыхъ поученій при изученіи исторіи, нѣкотораго новаго интереса болѣе глубокаго, чѣмъ обыкновенно находятъ, въ исторіи, то большаго и не надо [1]).

Некрополисъ,
1829, 16 февраля.

---

[1]) Отдавая эти письма для печати, намъ надо, быть можетъ, попросить извиненія у читателя за ихъ погрѣшности и неправильности стиля. Такъ какъ мы ихъ писали на иностранномъ языкѣ, и никогда не претендовали на званіе литератора, то мы, конечно, и сами знаемъ всѣ стилистическія погрѣшности нашихъ писемъ. Но мы вѣримъ, что въ наше время свѣдущій читатель не придастъ, какъ это было раньше, особой важности той именно формѣ, которая ему нравится, и не побоится взять на себя небольшой трудъ перечитать лишній разъ мысль, если она показалась ему того достойною, каковы бы ни были несовершенства ея внѣшняго облаченія. Затѣмъ, мы вѣримъ, что въ настоящее время, болѣе чѣмъ когда-либо цивилизація требуетъ, чтобъ идеи распространялись подъ всякими формами, и что бываютъ такія обстоятельства и такія положенія, при которыхъ человѣкъ, имѣющій сказать что-нибудь человѣческому роду, не имѣетъ возможности выбирать для этого формы. Надо только, чтобъ онъ говорилъ языкомъ общеизвѣстнымъ, а не какимъ-нибудь комичнымъ патуа. Наконецъ, мы вѣримъ, что литературное царство слишкомъ великодушно, чтобы налагать на всѣхъ своихъ подданныхъ всѣхъ климатовъ и всѣхъ широтъ обязанность говорить академическимъ языкомъ его трибунала, и что оно требуетъ лишь, чтобы говорили истину, а хорошо или дурно она выражена,—это уже вещь второстепенная. Вотъ на что мы разсчитывали. *Прим. автора.*

Письмо четвертое.

(По архитектурѣ).

Вы находите, говорите вы, странное сходство геніевъ архитектуры египетской и архитектуры старо-германской, обыкновенно называемой готической, и вы меня спрашиваете, откуда это сходство, что общаго, по существу, между пирамидами фараоновъ и стрѣльчатой аркой, между Каирскимъ обелискомъ и шпицемъ западнаго храма?

Дѣйствительно, существуетъ поразительная аналогія между этими двумя фазами искусства, хоть и раздѣлены онѣ болѣе чѣмъ тридцатью вѣками, и я совсѣмъ не удивляюсь, что вы пришли къ этому интересному сближенію, такъ какъ оно, въ нѣкоторой степени, вытекаетъ изъ той точки зрѣнія, на которую мы становимся, вы и я, разсматривая исторію человѣчества. Прежде всего, замѣтьте, прошу васъ, тотъ геометрическій треугольникъ, который обрамляетъ эти два стиля и такъ хорошо ихъ вырисовываетъ. Вотъ выраженіе ихъ внѣшней формы, ихъ пластики. Примите во вниманіе затѣмъ этотъ характеръ безполезности или, если вы предпочитаете, простоты, свойственной имъ обоимъ. Это, по моему мнѣнію, и составляетъ ихъ внутреннюю идею, или существо общаго имъ обоимъ генія. Но вотъ что̀ чрезвычайно любопытно.

Поставьте лицомъ къ лицу вертикальную линію этихъ стилей съ горизонтальной линіею зодчества эллинскаго, и вы въ совершенствѣ охарактеризуете зодчество всѣхъ вѣковъ и всѣхъ странъ.

Эта огромная антитеза вамъ дастъ самую яркую черту каждой эпохи, каждаго мѣста, гдѣ она проявилась. Греческій стиль, такъ же, какъ и всѣ тѣ, которые къ нему болѣе или менѣе приближаются, воплощаетъ идеи очага, жилища, привязанности къ землѣ и къ ея благополучію,—стиль египетскій и готическій, — памятникъ прошлаго, мысль, стремленіе къ небу и къ его блаженствамъ; стиль греческій, какъ и всѣ отъ него происходящіе, служитъ матеріальнымъ нуждамъ человѣка, два другихъ—его нуждамъ нравственнымъ. Архитектура пирамидальная будетъ священной и небесной, архитектура горизонтальная — житейской и земной. Не правда ли, скажите мнѣ, не въ этомъ ли вся исторія человѣческой мысли: сначала въ своемъ дѣвственномъ состояніи она несется къ небу, затѣмъ, развратившись, она ползетъ по землѣ и снова бросается къ небу могущественной рукой Спасителя міра! Нужно замѣтить, что архитектура, которую мы и теперь созерцаемъ на берегахъ Нила положительно самая древняя въ мірѣ. Существуетъ, правда, древность еще болѣе отдаленная, но то не искусство. Циклопическія постройки, напримѣръ, и между ними постройки индійскія—самыя обширныя сооруженія этого рода — суть только намеки на идею искусства, но это еще, собственно говоря, не искусство.

Можно поэтому, по праву, разсматривать памятники Египта, какъ первые образцы истиннаго зодчества и первыя начала искусства вообще. Искусство египетское и готика расположены дѣйствительно на двухъ противоположныхъ концахъ дороги, пройденной человѣчествомъ. И нельзя отличить въ этой идентичности мысли человѣка первыхъ временъ отъ той, которая управляетъ его конечными судьбами. Это чудесный циклъ, обнимающій всѣ прошедшія времена и, быть можетъ, и всѣ будущія.

Но среди различныхъ формъ, въ которыя по очереди

облекалось искусство, существуетъ одна заслуживающая особеннаго вниманія съ нашей точки зрѣнія, — это готическая башня—чудное выраженіе строгаго и задумчиваго христіанства Сѣвера, въ которомъ кажется всецѣло резюмировался христіанскій принципъ. Немногихъ словъ вамъ будетъ достаточно, чтобы оцѣнить всю важность этого въ сферѣ искусства. Вы наете, какъ все отъ прозрачной атмосферы южныхъ странъ, ихъ чистаго неба и до поблекшей растительности, ярко выдѣляетъ памятники Греціи и Рима. Прибавьте къ этому массу очаровательныхъ воспоминаній, которыя носятся, группируются вокругъ нихъ и окружаютъ ихъ такимъ престижемъ и такими иллюзіями и вотъ вамъ всѣ элементы, составляющіе ихъ поэзію. Но готическая башня вмѣсто исторіи, имѣющей только темную легенду, разсказываемую у огонька маленькимъ дѣтямъ старою бабушкою, легенду унылую, оторванную, не заимствующую ничего изъ окружающаго, откуда же она беретъ свою поэзію? Вокругъ готической башни ничего, кромѣ развалинъ да облаковъ. Ея чары въ ней же самой. Не говорится ли тутъ о сильной и прекрасной мысли, которая одиноко рвется къ небу; объ идеѣ не здѣшней, о чудесной интуиціи безпричинной и неземного происхожденія, идеѣ, отрывающей васъ отъ этого міра и уносящей въ міръ лучшій. Наконецъ, еще вотъ черта, которая закончитъ изложеніе нашей мысли. Колоссы Нила, такъ же, какъ и храмы Востока, встаютъ предъ нами, сначала, только какъ простыя декораціи. Спрашиваешь себѣ—къ чему все это? Но если вы присмотритесь, то вы увидите, что абсолютно то же самое происходитъ съ красотами природы. Дѣйствительно, видъ звѣзднаго свода, бушующаго океана, цѣпи горъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ, африканской пальмы, качающейся въ пустынѣ, англійскаго дуба, отражающагося въ озерѣ, всѣ наиболѣе величественныя зрѣлища природы, предметы эти, какъ и все наиболѣе прекрасное, не порождаютъ

сначала въ умѣ никакой утилитарной идеи, но вызываютъ лишь мысли совершенно безкорыстныя; въ нихъ есть и польза, конечно, но она ускользаетъ при первомъ взглядѣ, открываясь потомъ при размышленіи. Такимъ же образомъ обелискъ, не давая даже достаточной тѣни, чтобы укрыть васъ отъ зноя почти тропическаго солнца, безполезенъ, но онъ заставляетъ подымать ваши взоры къ небу; точно такъ же и христіанскій храмъ: когда, въ сумерки вы блуждаете подъ его громадными сводами, и видите глубокій мракъ, уже охватившій его среднее пространство (nef) въ то время, какъ большія стекла купола горятъ еще огнемъ отъ лучей заходящаго солнца, храмъ этотъ васъ болѣе удивляетъ, чѣмъ чаруетъ, своими сверхчеловѣческими размѣрами; но эти размѣры говорятъ вамъ о томъ, что дано было человѣческому произведенію подняться однажды, во славу Божію до величія природы [1]). Наконецъ, когда лѣтнимъ мягкимъ вечеромъ, идя вдоль рейнской долины, вы приближаетесь къ одному изъ тѣхъ средне-вѣковыхъ селеній, которыя скромно расположились у подошвы громаднаго собора, а въ туманѣ лунный дискъ плыветъ уже надъ гигантскимъ шпицемъ, вы спрашиваете себя, зачѣмъ этотъ гигантъ здѣсь, предъ вами? Но, можетъ быть, онъ внушитъ вамъ какія-нибудь благочестивыя и глубокія грезы; быть можетъ вы падете съ новымъ жаромъ предъ Богомъ этой мощной поэзіи; быть можетъ, наконецъ, блестящій лучъ, упавъ съ вершины памятника, пронижетъ мракъ, окружающій васъ и вдругъ, освѣтя путь, вами пробѣгаемый,—сотретъ мрачный слѣдъ жизненныхъ ошибокъ и заблужденій! Вотъ зачѣмъ онъ тамъ, предъ вами, этотъ гигантъ!

Теперь пойдите посмотрѣть Пестумъ и поискать тамъ

---

[1]) Преднамѣренно мы смѣшали храмъ Петра и Павла въ Римѣ, съ готическими храмами, такъ какъ, по нашему мнѣнію, хотя они созданы изъ разныхъ элементовъ, но они пораждены однимъ и тѣмъ же принципомъ и носятъ его печать.—П. Ч.

впечатлѣній. Вотъ что съ вами случится: вся сладость, всѣ наслажденія языческаго міра, облеклись въ свои самыя соблазнительныя формы, вдругъ возстанутъ толпой вокругъ васъ и охватятъ васъ своей фантастической сѣтью: воспоминанія обо всѣхъ вашихъ безумнѣйшихъ наслажденіяхъ, вашихъ самыхъ страстныхъ увлеченіяхъ проснутся въ вашемъ умѣ и, забывая тогда ваши самыя искреннія вѣрованія, ваши самыя глубокія убѣжденія, вы станете обожать, вопреки вамъ самимъ, всѣми фибрами вашего земного существа ту нечистую силу, которую человѣкъ всасываетъ въ себя такъ долго въ опьяненіи своей плоти и духа. Дѣло въ томъ, что самый прекрасный греческій храмъ не говоритъ намъ о небѣ; что пріятнѣйшія чувства, которыя внушаетъ намъ прекрасная соразмѣрность его частей предназначена лишь къ тому, чтобы вѣрнѣе пробудить въ насъ земное сладострастіе; и это потому, что храмы древнихъ были, по существу своему, лишь прекрасными жилищами, сооруженными для ихъ обоготворенныхъ героевъ, тогда какъ наши церкви суть истинно религіозныя сооруженія. Вотъ почему, признаюсь, что касается меня, я испытывалъ въ тысячу разъ больше счастья у подошвы Страсбургскаго собора, чѣмъ передъ Пантеономъ или даже среди Колизея, этого царственнаго свидѣтеля двухъ великихъ славъ человѣчества суверeннаго Рима и нарождающагося христіанства... Г-жа Сталь гдѣ-то сказала, говоря о музыкѣ, что она только прекрасная безполезность, и что поэтому-то она и волнуетъ насъ такъ глубоко. Тутъ вся наша мысль, выраженная языкомъ генія; мы только указали тотъ же принципъ въ другой сферѣ. Въ качествѣ резюме мы признаемъ вѣрнымъ, что и прекрасное и благое вытекаютъ изъ одного и того же источника, повинуются одному и тому же закону, что они таковы только въ силу своей неутилитарности, и что исторія искусства, наконецъ, есть ни что иное, какъ символическая исторія человѣчества.

Апологія сумасшедшаго.

O my brethern! I have told
Most bitter truth, but without
bitterness [1]).
Coleridge.

Любовь, говоритъ апостолъ Павелъ, *все переноситъ и все претерпѣваетъ, не теряя вѣры.* Будемъ и мы, поэтому, претерпѣвать, переносить, вѣрить, любить. Но отмѣтимъ сначала, что катастрофа, которая исказила столь страннымъ образомъ наше интеллектуальное существованіе и разсѣяла по вѣтру труды цѣлой жизни, явилась въ дѣйствительности результатомъ зловѣщихъ воплей, раздавшихся въ извѣстномъ кругѣ общества при появленіи нашей статьи, рѣзкой, если хотите, но. конечно, заслуживавшей иного отношенія, чѣмъ то, которое она вызвала.

При такихъ условіяхъ правительство лишь исполнило свою обязанность; можно даже сказать, что, принятыя противъ насъ въ тотъ моментъ, мѣры строгости не заключали въ себѣ ничего чрезвычайнаго, потому что ожиданія многочисленной публики шли въ этомъ отношеніи гораздо дальше. Что же другое и должно было дѣлать самое благожелательное правительство, какъ не сообразовывать своихъ поступ-

---

[1]) О, мои братья, я сказалъ горчайшую правду, но сказалъ ее безъ горечи.

Перев.

ковъ съ тѣмъ, что оно считаетъ вѣрованіями и серьезными желаніями страны? Совсѣмъ другое дѣло вопли публики. Существуютъ различные роды любви къ отечеству; самоѣдъ, напримѣръ, любящій свои родные снѣга, ослабляющіе его зрѣніе, дымную юрту, въ которой онъ проводитъ, скорчившись, половину жизни, прогорьклый жиръ своихъ оленей, окружающій его тошнотворной атмосферой, самоѣдъ этотъ, безъ сомнѣнія, любитъ свою родину иначе, чѣмъ любитъ ее англійскій гражданинъ, гордящійся учрежденіями и высокой цивилизаціей своего славнаго острова. И, безъ сомнѣнія, было бы очень прискорбно, если бы еще продолжать любить нашу родину по образцу самоѣдовъ. Любовь къ отечеству вещь очень хорошая, но есть и нѣчто повыше ея: любовь къ истинѣ. Любовь къ отечеству порождаетъ героевъ, любовь къ истинѣ порождаетъ мудрецовъ, благодѣтелей человѣчества. Любовь къ отечеству раздѣляетъ народы, питаетъ національную ненависть и покрываетъ иногда землю трауромъ,—любовь къ истинѣ распространяетъ свѣтъ, создаетъ наслажденія для духа, приближаетъ людей къ Божеству. Дорога на небо ведетъ не черезъ любовь къ отечеству, а черезъ любовь къ истинѣ. Мы, русскіе, были, правда, очень мало озабочены во всѣ времена вопросомъ о томъ, что есть истина и что есть ложь. Не слѣдуетъ, по этому, быть въ особенной претензіи на страну, столь взволновавшуюся появленіемъ нѣсколько язвительной статьи, обличающей недостатки общества. По этой же причинѣ,—увѣряю васъ,—я далекъ отъ досады на эту милую публику, столь долго гладившую меня кошачьей лапкой. Въ своемъ странномъ положеніи я стараюсь отдать себѣ отчетъ хладнокровно и безъ всякаго раздраженія. Но позволительно ли,—спрашиваю я васъ защищать свои мнѣнія предъ лицомъ себѣ подобныхъ, предъ лицемъ своихъ согражданъ, предъ лицемъ самого Бога, человѣку, пораженному смасушествіемъ по приказанію высшей власти въ странѣ?

Я никогда не искалъ народныхъ овацій, никогда не домогался благосклонности толпы; я всегда думалъ, что человѣчество должно шествовать подъ водительствомъ своихъ естественныхъ главъ, помазанниковъ Божіихъ; что оно можетъ двигаться по пути истиннаго прогресса лишь подъ руководствомъ тѣхъ, кто такъ или иначе получилъ отъ самого неба назначеніе и силу для такого руководства; что всеобщій разумъ (la raison générale) не есть разумъ абсолютный, какъ это думалъ одинъ великій писатель нашихъ дней; что инстинкты большинства безконечно болѣе проникнуты страстями, болѣе узки и болѣе эгоистичны, чѣмъ инстинкты отдѣльнаго человѣка; что, такъ называемый, здравый смыслъ народа совсѣмъ не есть здравый смыслъ; что истина не истекаетъ изъ шумныхъ сборищъ; что ее нельзя изобразить какой-либо цифрой; что человѣческій интеллектъ, наконецъ, проявляется всегда во всей своей силѣ и во всемъ своемъ блескѣ лишь въ отдѣльномъ человѣкѣ, центрѣ и солнцѣ своей сферы. Какъ же это случилось, что въ одинъ прекрасный день я очутился предъ лицомъ разгнѣванной публики, той публики, на одобреніе которой я никогда не претендовалъ, поощренія которой меня никогда не радовали, а порицанія никогда не волновали? Какъ могло случиться, что мысль, которая не была адресована текущему вѣку, которую, не желая имѣть дѣла съ современниками, я ввѣрилъ, какъ глубочайшее мое убѣжденіе, грядущимъ поколѣніямъ, поколѣніямъ болѣе образованнымъ и освоившимся, благодаря долгой привычкѣ, съ такого рода произведеніями,—какъ могло случиться, что эта мысль, разорвавши всѣ пути, вырвалась изъ своего уединенія и очутилась на улицѣ, прыгая среди остолбенѣлой толпы? Этого я не могу объяснить, но вотъ что я утверждаю съ полною увѣренностью:

Уже триста лѣтъ, какъ Россія стремится слиться съ западной Европой, какъ она извлекаетъ оттуда всѣ свои самыя серьезныя идеи, всѣ плодотворнѣйшіе уроки, всѣ живѣйшія

наслажденія. Въ теченіе цѣлаго вѣка и даже болѣе она дѣлаетъ это все лучше. Величайшій изъ нашихъ царей, тотъ, о комъ говорятъ, какъ о начавшемъ новую эру, которому, говорятъ, мы обязаны нашимъ величіемъ, нашей славой и всѣми обладаемыми нами теперь благами, отрекся полтораста лѣтъ тому назадъ отъ старой Россіи предъ лицемъ всего міра. Онъ опрокинулъ своимъ могучимъ дуновеніемъ всѣ наши учрежденія; онъ вырылъ пропасть между нашимъ прошлымъ и нашимъ настоящимъ и посбрасывалъ въ нее, какъ попало, всѣ наши традиціи. Онъ отправился лично въ страны Запада въ качествѣ самого малаго и возвратился назадъ самымъ великимъ; онъ преклонился предъ Западомъ и поднялся нашимъ властелиномъ и нашимъ законодателемъ; онъ ввелъ въ нашъ языкъ выраженія Запада, свою новую столицу назвалъ именемъ Запада; онъ отбросилъ свой наслѣдственный титулъ и принялъ титулъ Запада; наконецъ, онъ почти отвергъ свое собственное имя и не разъ подписывалъ свои верховныя распоряженія именемъ Запада. Съ того времени наши глаза были постоянно обращены на Западъ, и мы только и дѣлали, что, такъ сказать, вдыхали въ себя и питались воздухомъ, приходившимъ къ намъ съ Запада. Надо замѣтить, что наши государи, почти всегда ведшіе насъ за руку, ведшіе страну на буксирѣ безъ всякаго со стороны ея участія, сами вводили у насъ нравы, языкъ, обычаи и костюмъ Запада. Мы учились, читая по складамъ, называть имена предметовъ по книгамъ Запада. Одинъ изъ западныхъ людей обучалъ насъ нашей собственной исторіи. Мы переводили литературу Запада, мы учили ее наизусть, мы рядились въ ея ветошь, мы считали, наконецъ, за счастье походить на Западъ и гордились, когда онъ признавалъ насъ за своихъ.

И надо согласиться, что прекрасно было это твореніе Петра Великаго, эта могучая мысль, завладѣвшая нами и указавшая намъ путь, который мы должны были пройти съ

такимъ блескомъ. Велика была глубина его слова, гласившаго намъ: видите ли вы тамъ эту цивилизацію, плодъ столькихъ трудовъ, эти науки, эти искусства, стоившія столько пота столькимъ поколѣніямъ? Все это будетъ ваше, но съ условіемъ, что вы отречетесь отъ вашихъ предразсудковъ, отбросите ваши суевѣрія, перестаните ревниво блюсти ваше варварское прошлое и хвастаться протекшими вѣками своего невѣжества, что вы будете честолюбиво стараться объ усвоеніи себѣ трудовъ всѣхъ народовъ и богатствъ, собранныхъ человѣческимъ умомъ подъ всѣми широтами земного шара. Этотъ великій человѣкъ трудился не для одного только своего народа. Люди, отмѣченные перстомъ Провидѣнія, посылаются всегда для всего человѣчества. Сначала народъ имъ противится, потомъ они растворяются среди человѣческаго рода, подобно большимъ рѣкамъ, которыя, оплодотворивши обширныя пространства земли, несутъ затѣмъ въ своихъ водахъ собранную дань океану. Что такое представляетъ собою для вселенной дѣло Петра, когда, покидая свое царское величіе и свое отечество, дабы укрыться среди послѣднихъ рядовъ цивилизованныхъ народовъ,—какъ не зрѣлище новыхъ усилій человѣческаго генія выйти изъ тѣсной ограды своей родины, чтобы водвориться среди великой сферы человѣчества? Таковъ былъ урокъ, который мы должны были воспринять. Мы его восприняли и до сихъ поръ шествовали по пути, указанномъ намъ великимъ императоромъ. Все наше громадное развитіе составляетъ не болѣе какъ исполненіе его чудной программы. Никогда народъ менѣе не самооболь-щался, чѣмъ народъ русскій въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ созданъ Петромъ Великимъ, и никогда народъ не достигалъ болѣе счастливыхъ плодовъ на пути прогресса. Высокій интеллектъ этого необыкновеннаго человѣка угадалъ въ совершенствѣ, каковъ долженъ былъ быть нашъ исходный пунктъ на дорогу цивилизаціи и пріобщенія къ умственному движенію всего міра. Онъ видѣлъ, что у насъ почти

совершенно отсутствуютъ историческія данныя, и что намъ нельзя утвердить нашего будущаго на этой слабой базѣ. Онъ прекрасно понялъ, что, поставленнымъ лицомъ къ лицу съ старой цивилизаціей Европы, послѣднимъ выраженіемъ всѣхъ предшествовавшихъ цивилизаціей, намъ не зачѣмъ было душить себя среди нашей собственной исторіи, не зачѣмъ тащиться, подобно народамъ Запада, черезъ хаосъ національныхъ предразсудковъ узкими дорожками собственныхъ идей, по ржавымъ выбоинамъ мѣстныхъ преданій, а слѣдовало овладѣть сохраненнымъ для насъ назначеніемъ посредствомъ свободнаго порыва собственныхъ силъ, и энергичнаго усилія національнаго сознанія. Онъ освободилъ насъ, поэтому, отъ всѣхъ антицедентовъ, которые стоятъ на пути историческихъ обществъ и затрудняютъ ихъ движеніе; онъ открылъ для нашего интеллекта всѣ великія и прекрасныя идеи, какія только существуютъ среди людей; онъ далъ намъ Западъ въ его цѣломъ, далъ намъ его въ томъ видѣ, въ какомъ его создали вѣка, далъ намъ всю его исторію взамѣнъ исторіи, все его будущее взамѣнъ будущаго.

Полагаете ли вы, что если бы Петръ нашелъ у своего народа богатую исторію, живыя преданія, глубоко укоренившіяся учрежденія, то онъ и тогда не поколебался бы швырнуть народъ въ новую литейню? Полагаете ли вы, что имѣй онъ дѣло съ національностью вполнѣ опредѣлившеюся, рѣзко очерченною, инстинктъ реформатора не подсказалъ бы ему взять у самой національности средства, необходимыя для возрожденія страны? А самая страна,—перенесла ли бы она въ этомъ случаѣ отнятіе у нея ея прошлаго и подстановку ей, въ нѣкоторомъ родѣ, прошлаго Европы? Но на дѣлѣ не было такъ. Петръ Великій нашелъ лишь листъ бѣлой бумаги и своей мощной рукою написалъ на немъ: *Европа* и *Западъ*. И съ тѣхъ поръ мы стали Европою и Западомъ. Не нужно заблуждаться: какой бы ни былъ геній этого человѣка, и какъ бы громадна ни была

энергія его воли, его дѣло возможно было лишь среди націи, антицеденты которой не указывали ей повелительно дороги для слѣдованія въ будущемъ, традиціи которой не были въ состояніи создать своего будущаго, воспоминанія которой могли быть безнаказанно изглажены смѣлымъ законодателемъ. Если мы были такъ покорны голосу государя, пріобщавшаго насъ къ жизни новой, то, вѣроятно, мы не имѣли въ своемъ прошломъ ничего такого, что могло бы узаконить сопротивленіе. Глубочайшая черта нашей исторической физіономіи,—это отсутствіе спонтонентности въ нашемъ соціальномъ развитіи. Посмотрите хорошенько, и вы увидите, что всякій важный фактъ нашей исторіи есть фактъ, внушенный извнѣ, всякая новая идея почти всегда идея пришлая. Нѣтъ ничего, чѣмъ національное сознаніе должно было оскорбляться съ своей точки зрѣнія. Если это вѣрно, его надо принять, вотъ и все. Существуютъ великія націи также, какъ существуютъ великіе историческіе персонажи, существо которыхъ нельзя объяснить обыкновенными законами нашего разума; ихъ посылаетъ въ своихъ неисповѣдимыхъ судьбахъ высшій разумъ Провидѣнія. Такъ было и съ нами, но повторяю еще разъ, что національному чувству тутъ не о чемъ было разсуждать. Исторія народа и есть только рядъ слѣдующихъ одинъ за другимъ фактовъ, она составляетъ сверхъ того серію связанныхъ между собою идей. Необходимо, чтобы фактъ воплощалъ идею, чтобы мысль, принципъ проходили черезъ событіе и стремились въ нихъ реализоваться. Только при такихъ условіяхъ фактъ не исчезаетъ, а оставляетъ такую борозду въ сознаніи и такой слѣдъ въ сердцѣ, которыя никакая сила въ мірѣ не въ состояніи искоренить. Такую исторію создаетъ не историкъ, а сила вещей. Когда явится историкъ, онъ найдетъ уже исторію готовою, и онъ ее только разскажетъ. Но придетъ ли онъ, или нѣтъ, исторія существуетъ независимо отъ того, такъ какъ каждый членъ исторической семьи, какъ бы

мало просвѣщенъ онъ ни былъ, какое бы ничтожное положеніе ни занималъ, уже носитъ ее въ нѣдрахъ своего существа. Но такой-то исторіи у насъ и нѣтъ. Намъ надо научиться это понимать, а не набрасываться съ остервенѣніемъ на людей, которые первые это замѣтили.

Наши фанатическіе славяне въ своихъ различныхъ изысканіяхъ можетъ быть и будутъ открывать время отъ времени какіе-нибудь раритеты для нашихъ музеевъ, нашихъ библіотекъ, но, я думаю, позволительно сомнѣваться, чтобы имъ удалось когда-либо извлечь изъ нашей исторической почвы что-либо такое, что̀ могло бы наполнить пустоту нашихъ душъ и придать очертанія опредѣленности нашимъ умамъ. Взгляните на средневѣковую Европу: тамъ нѣтъ событія, которое не было бы въ нѣкоторомъ смыслѣ абсолютною необходимостью, которое не оставило бы глубокихъ слѣдовъ въ сердцѣ человѣчества. А почему это такъ? Потому что позади каждаго событія вы находите тамъ идею, потому что исторія среднихъ вѣковъ есть исторія мысли новаго времени, стремящаяся воплотиться въ искусство, въ науку, въ человѣческую жизнь, въ общество. Какихъ только чертъ не провела эта исторія въ интеллектъ, работая на той почвѣ, на которой волновался человѣческій духъ! Я знаю хорошо, что не всѣ исторіи имѣютъ такое строгое шествіе, какъ логическій ходъ исторіи этой чудесной эпохи, въ нѣдрахъ которой вырабатывалось христіанское общество подъ управленіемъ верховнаго принципа, но не менѣе вѣрно и то, что въ этомъ именно и состоитъ истинный характеръ историческаго развитія,—будетъ ли то отдѣльный народъ или цѣлая семья народовъ, и что націи, лишенныя такого прошлаго, должны постараться найти элементы для своего развитія гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, а не въ своей прошедшей исторіи, не въ своихъ воспоминаніяхъ. Жизнь народовъ очень похожа на жизнь индивидовъ. Всѣ люди жили, но лишь человѣкъ геніальный или поставленный въ особыя

условія имѣетъ истинную исторію. Положимъ, напримѣръ, что народъ, стеченіемъ обстоятельствъ, не имъ созданныхъ, дѣйствіемъ географическихъ условій, которыя онъ не избиралъ, распространяется на огромномъ пространствѣ земли, не отдававая себѣ отчета въ томъ, что онъ дѣлаетъ и что въ одинъ прекрасный день онъ найдетъ себя народомъ могущественнымъ; это будетъ, конечно, явленіе удивительное, удивляться которому можно сколько угодно, но какъ вы думаете,—что сказать тутъ исторіи? По существу дѣла, это фактъ чисто матеріальный, фактъ, такъ сказать, географическій, въ громадныхъ размѣрахъ, безъ сомнѣнья, но и только. Исторія его подберетъ, занесетъ его на свои страницы, потомъ снова закроетъ ихъ и этимъ закончитъ свое дѣло. Истинная исторія этого народа начнется лишь въ тотъ день, когда народъ этотъ постигнетъ идею, которая ему ввѣрена и которую онъ призванъ реализовать и, когда онъ начнетъ осуществлять ее съ тѣмъ постояннымъ, хотя и сокровеннымъ, инстинктомъ, который ведетъ народы къ ихъ назначенію. Вотъ моментъ, который я призываю для моей родины всѣми силами сердца, вотъ задача, которую я желалъ бы видѣть, какъ принятую къ разрѣшенію вами, мои дорогіе друзья и сограждане, вами, которые живете въ вѣкѣ высокопросвѣщенномъ, вами, которые только что мнѣ показали, какъ живо горитъ въ васъ огонь священной любви къ отечеству.

Во всѣ времена міръ былъ раздѣленъ на двѣ части: Востокъ и Западъ. Это не только географическое раздѣленіе, это порядокъ вещей, истекающій изъ самой природы интеллектуальнаго бытія, это два принципа, отвѣчающіе двумъ динамическимъ силамъ природы, двумъ идеямъ, которыя объемлютъ всю экономію человѣческаго рода. Концентрируясь, собираясь и заключаясь въ себѣ самомъ, духъ человѣческій создалъ Востокъ. Распространяясь, блистая лучами во всѣхъ смыслахъ, борясь со всѣми препятствіями,—раз-

вился онъ на Западѣ. Создавшіяся общества, естественно, сложились на этихъ первоначальныхъ основаніяхъ. На Востокѣ мысль, извлеченная изъ себя самой, находящаяся на покоѣ, сокрытая въ пустынѣ поставила соціальную власть владыкою всѣхъ благъ на землѣ. На Западѣ идея, работающая повсюду, охватывающая всѣ потребности человѣка, стремящаяся къ всеобщему счастью, основала власть на принципахъ права. Тѣмъ не менѣе, какъ въ той, такъ и въ другой сферѣ жизнь была сильна и плодотворна. И здѣсь и тамъ человѣческій интеллектъ не чувствовалъ недостатка въ высокихъ вдохновеніяхъ, глубокихъ мысляхъ, возвышенныхъ твореніяхъ. Пришедши первымъ, Востокъ излилъ на землю волны свѣта изъ нѣдръ своего уединеннаго размышленія. Потомъ пришелъ Западъ, который, при помощи своей громадной активности, живаго слова и всемогущаго анализа, овладѣлъ всѣми дѣлами, окончилъ все, начатое Востокомъ, и вовлекъ, наконецъ, его самого въ свои нѣдра. Но на Востокѣ покорный и колѣнопреклоненный передъ проходящей властью интеллектъ истощилъ всего себя въ исполненіи задачи абсолютнаго подчиненія священному принципу и заснулъ въ плѣну у своей собственной неподвижной мысли, даже и не догадываясь объ уготованныхъ для него новыхъ судьбахъ; на Западѣ гордый и свободный интеллектъ, склоняющійся только предъ авторитетомъ разума и неба, останавливающійся лишь передъ невѣдомымъ, шелъ впередъ, со взоромъ, устремленнымъ въ безконечное будущее. И какъ вы знаете, онъ продолжаетъ свое движеніе и нынѣ и, какъ вамъ также извѣстно, мы со времени Петра Великаго полагаемъ, что движемся вмѣстѣ съ нимъ.

Но вотъ явилась новая школа. Западъ болѣе не признается, дѣло Петра Великаго отрицается, считается желательнымъ снова вернуться въ пустыню. Забывши все, что сдѣлалъ для насъ Западъ, будучи неблагодарны къ великому человѣку, который насъ цивилизовалъ, къ Европѣ,

которая насъ образовала, отрекаются и отъ Европы, и отъ великаго человѣка. Въ своемъ горячемъ усердіи новѣйшій патріотизмъ объявляетъ насъ любимѣйшими чадами Востока. Да и съ какой стати, говоритъ этотъ патріотизмъ, будемъ мы искать свѣта у западныхъ народовъ? Развѣ мы не имѣемъ у себя дома всѣхъ зародышей соціальнаго строя, безконечно болѣе предпочтительнаго, чѣмъ соціальный строй Европы? Отчего не предоставить сдѣлать все времени? предоставленныхъ самимъ себѣ, нашему свѣтлому разуму, плодотворному началу, сокрытому въ нѣдрахъ нашей могучей натуры и въ особенности нашей святой вѣры, мы скоро оставили бы позади всѣ эти народы, коснѣющіе въ заблужденіяхъ и лжи. И чему намъ завидовать на Западѣ? Его религіознымъ войнамъ, его папѣ, его рыцарству, его инквизиціи? Хорошія все это вещи, нечего сказать! И развѣ, въ самомъ дѣлѣ, Западъ является родиной науки и глубокой мудрости? Всякій знаетъ, что родина всего этого—Востокъ. Возвратимся же къ этому Востоку, съ которымъ мы соприкасаемся повсемѣстно, откуда мы воспріяли нѣкогда наши вѣрованія, наши законы, наши добродѣтели, словомъ, все, что̀ сдѣлало насъ могущественнѣйшимъ народомъ на землѣ. Старый Востокъ отходитъ въ вѣчность, и развѣ не мы его законные наслѣдники? Среди насъ должны остаться теперь жить на всегда его чудесныя традиціи, осуществляться всѣ тѣ его великія и таинственныя истины, храненіе которыхъ ему было завѣщано отъ начала вѣковъ. Вы понимаете теперь происхожденіе недавно разразившейся надо мною бури и вы видите, что среди насъ, среди нашей національной мысли, происходитъ настоящая революція, страстная реакція противъ просвѣщенія, противъ западныхъ идей, противъ того просвѣщенія и тѣхъ идей, которыя насъ сдѣлали тѣмъ, что мы есть и плодомъ которыхъ явилось даже самое настоящее движеніе, самая реакція. И на этотъ разъ импульсъ идетъ не сверху. Напротивъ, никогда еще въ высшихъ слояхъ

общества память о царственномъ реформаторѣ не была, говорятъ, въ большемъ почтеніи, чѣмъ нынѣ. Иниціатива движенія принадлежитъ всецѣло самой странѣ. Куда приведетъ насъ это первое проявленіе эмансипированной мысли націи? Богъ знаетъ. Но тотъ, кто искренно любитъ свое естество не можетъ не скорбѣть надъ этимъ отступничествомъ нашихъ наиболѣе просвѣщенныхъ людей отъ предметовъ, создавшихъ нашу славу и наше величіе. И добрый гражданинъ, думается мнѣ, долженъ постараться наилучшимъ образомъ оцѣнить это странное явленіе.

Мы расположились на востокѣ Европы,—это вѣрно,—но мы никогда не принимали участія въ жизни Востока. Востокъ обладаетъ исторіей, не имѣющей ничего общаго съ исторіей нашей страны. Онъ заключаетъ въ себѣ, какъ мы только что видѣли, плодотворную идею, которая привела его въ свое время къ громадному развитію интеллекта, которая выполнила свою миссію съ чудесною силою, но которой не предназначено снова появиться на міровой сценѣ. Эта идея создала принципъ духовной власти, стоящей на вершинѣ общества. Она подчинила всѣ власти верховному и неприкосновенному закону и глубоко осмыслила значеніе духовной іерархіи. Хотя она и замкнула жизнь въ очень ограниченную сферу, но избавила ее отъ всякаго внѣшняго воздѣйствія и положила на нее печать чудесной глубины. Ничего подобнаго у насъ нѣтъ. Всегда подчиненная свѣтской, духовная власть никогда не находилась у насъ на вершинѣ общества. Преданіе никогда не господствовало у насъ исключительно, жизнь не была построена на какомъ-либо неизмѣнномъ основаніи, а кастъ у насъ не было и слѣда. Сколько же по климату, сколько и по идеямъ, мы просто страна Сѣвера, равно далекая и отъ благоухающей долины Кашмира и отъ священныхъ береговъ Ганга. Нѣкоторыя изъ нашихъ областей лежатъ по сосѣдству съ Востокомъ,—это вѣрно,—но наши центры не тамъ, и наша жизнь начнетъ

протекать тамъ развѣ только въ томъ случаѣ, если, благодаря неизвѣстному перевороту во вселенной, земная ось измѣнитъ свое положеніе или новый катаклизмъ не швырнетъ еще разъ органическую жизнь Юга въ полярныя страны.

Мы еще никогда не разсматривали нашу исторію съ философской точки зрѣнія, — это не подлежитъ сомнѣнію. Ни одно изъ великихъ событій нашего національнаго существованія не было какъ слѣдуетъ охарактеризовано, ни одна изъ великихъ эпохъ не была толкомъ оцѣнена. Отсюда всѣ эти странныя фантазіи, всѣ эти утопіи касательно прошлаго, всѣ грезы о невозможномъ будущемъ, которыя мучатъ въ настоящее время умы нашихъ патріотовъ. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ нѣмецкіе ученые открыли нашихъ лѣтописцевъ. Карамзинъ разсказалъ затѣмъ высокимъ стилемъ дѣянія и подвиги нашихъ государей. Въ наши дни посредственные писатели, несвѣдующіе антикваріи, да нѣсколько поэтовъ - неудачниковъ, т. е. люди, не владѣющіе ни наукою нѣмцевъ, ни перомъ знаменитаго историка, фантазируютъ на тему изображенія или реставраціи временъ и нравовъ, о которыхъ никто изъ насъ не сохранилъ ни воспоминаній, ни любви. Таково оглавленіе всѣхъ нашихъ работъ по національной исторіи. Надо согласиться, что отсюда трудновато извлечь предчувствіе объ ожидающихъ насъ великихъ судьбахъ. Но теперь дѣло идетъ именно о томъ, чтобы разсмотрѣть исторію съ философской точки зрѣнія, такъ какъ лишь результаты такихъ работъ представляютъ въ наши дни весь интересъ историческихъ изслѣдованій.

Серьезная мысль нашего времени требуетъ строгаго размышленія и искренняго анализа такихъ моментовъ, въ которыхъ жизнь народа обнаружилась съ большей или меньшей глубиной или соціальное начало проявилось во всей своей истинѣ, ибо здѣсь-то и лежитъ будущее, здѣсь-то и находятся элементы возможнаго прогресса. Если такія

эпохи въ вашей исторіи рѣдки, если жизнь у васъ не текла сильно и глубоко, если законъ, управляющій вашими судьбами,—далекій отъ того, чтобы быть лучезарнымъ началомъ, вскармливающимъ въ великія эпохи національныя славы, представляетъ собою нѣчто блѣдное, тусклое, скрывающееся отъ свѣта солнца въ подземельяхъ вашей соціальной жизни,—не отталкивайте истины, не воображайте, что вы жили жизнью историческихъ націй, тогда какъ на самомъ дѣлѣ, похороненные въ вашей громадной могилѣ, вы жили только жизнью ископаемыхъ. Если вы, идя по этой пустотѣ, случайно натолкнетесь на моментъ, въ который нація проявила желаніе жить, когда ея сердце, дѣйствительно, начало трепетать, когда волны народной жизни обступили васъ, о,—остановитесь тогда, размышляйте, изучайте, вашъ трудъ не пропадетъ даромъ. Вы поймете тогда, чѣмъ можетъ быть ваша страна въ великіе дни и на что она должна надѣяться въ будущемъ. Таковъ былъ у насъ, напримѣръ, моментъ, въ который кончилась страшная драма междуцарствія, и когда доведенная до крайности нація устыдилась самое себя, услышала свой собственный возвышенный крикъ тревоги и, поразивши врага спонтанентнымъ порывомъ всѣхъ тайныхъ силъ своего существа, подняла на щитъ благородное семейство, царствующее до нашихъ дней. Это былъ моментъ единственный въ своемъ родѣ, которому нельзя не удивляться, особенно если вспомнить про пустоту предшествовавшихъ вѣковъ нашей исторіи и то особое положеніе, въ которомъ находилась страна въ эти приснопамятные дни. Отсюда видно, что я очень далекъ отъ приписываемаго мнѣ требованія отвернуться отъ всѣхъ нашихъ воспоминаній.

Я сказалъ только и повторяю еще разъ, что наступило время отдать себѣ ясный отчетъ въ нашемъ прошломъ и сдѣлать это не для того, чтобы извлекать оттуда старыя, сгнившія реликвіи, старыя, поглощенныя временемъ идеи,

старыя антипатіи, оцѣненныя уже давно по достоинству здравымъ смысломъ нашихъ государей и нашей страны, но для того, чтобы установить правильный взглядъ на наши антицеденты. Вотъ что пытался я сдѣлать въ трудѣ, оставшемся неоконченнымъ и къ которому введеніемъ должна была служить статья, такъ странно взволновавшая національное тщеславіе. Безъ сомнѣнія, въ ней была нетерпѣливость въ изложеніи, крайности въ мысляхъ, но проникающее ее въ цѣломъ чувство отнюдь не враждебно отечеству. Она подсказана чувствомъ горести, чувствомъ печали при видѣ нашихъ немощей,—вотъ и все.

Вѣрьте мнѣ, я люблю свое отечество больше, чѣмъ кто-либо изъ васъ и ревниво думаю о его славѣ; я умѣю цѣнить высокія качества нашего народа, но не менѣе справедливо также, что одушевляющее меня патріотическое чувство совершенно иного рода, чѣмъ то, бурныя проявленія котораго разрушили мое мирное существованіе и снова швырнули въ океанъ человѣческихъ бѣдствій мою, рушившуюся у подножія Креста, ладью. Я не научился любить отечество съ закрытыми глазами, съ склоненной головою, съ замкнутыми устами. Я нахожу, что быть полезнымъ отечеству можно лишь при ясномъ на него взглядѣ. Я вѣрю, что время слѣпой любви прошло, и что отечеству въ настоящее время нужна прежде всего истина. Я люблю свое отечество такъ, какъ научилъ меня его любить Петръ Великій. Я признаюсь, что во мнѣ нѣтъ того патріотизма ханжей и лѣнтяевъ, который умѣетъ видѣть во всемъ хорошее, который усыпляетъ себя этими иллюзіями, и къ которому, къ несчастью, склонны у насъ въ настоящее время многіе и изъ хорошихъ умовъ. Я думаю, что если мы пришли послѣ другихъ, то это для того, чтобы сдѣлать лучше, нежели другіе, не впасть въ ихъ ошибки, въ ихъ суевѣрія. По моему мнѣнію, было бы страннымъ не признавать роли, выпавшей на нашу долю и думать, что намъ

нужно повторять весь длинный рядъ нелѣпостей, совершенныхъ народами, находившимися въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ, и начать снова переиспытывать всѣ бѣдствія, которыя они претерпѣли. Я считаю наше положеніе счастливымъ, если мы только сумѣемъ его оцѣнить; это большое преимущество имѣть возможность созерцать и судить міръ съ высоты мысли, освобожденной отъ необузданныхъ страстей и жалкихъ интересовъ, которые у другихъ народовъ смущали человѣческую мысль и искажали ихъ сужденіе. Болѣе того: я глубоко убѣжденъ, что мы призваны рѣшить большую часть проблемъ соціальнаго строя, завершить большую часть идей, возникшихъ въ старыхъ обществахъ и высказаться о самыхъ серьезныхъ вопросахъ, которые занимаютъ человѣческій родъ. Я уже часто говорилъ и снова повторяю: мы поставлены силою вещей какъ бы составлять въ нѣкоторомъ родѣ безпристрастное жюри для сужденія о многихъ тяжбахъ, происходящихъ предъ великими трибуналами человѣческаго духа и человѣческаго общества.

Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, что происходитъ въ странахъ, которыя я, можетъ быть, слишкомъ восхвалялъ, но которыя все же являются самыми совершенными представителями всякаго рода цивилизаціи. Тамъ часто наблюдается слѣдующее: едва появляется новая идея, какъ въ тотъ же моментъ все, что̀ плаваетъ на поверхности общества узко эгоистическаго, ребячески тщеславнаго и упорно партійнаго, набрасывается на нее, овладѣваетъ ею, переряжаетъ ее въ свой костюмъ, искажаетъ ее, и черезъ моментъ, истрепанная этими разнообразными агентами, идея уже увлечена въ такія области, въ которыхъ она растворяется совершенно безплодно. Между нами нѣтъ этихъ страстныхъ интересовъ, этихъ готовыхъ мнѣній, этихъ упрочившихся предразсудковъ; мы встрѣчаемъ каждую новую идею дѣвственнымъ разумомъ. Въ нашихъ учрежденіяхъ, дѣломъ воли нашихъ государей, или слабыхъ слѣдахъ порядка вещей, вспахан-

наго ихъ всемогущимъ плугомъ, въ нашихъ нравахъ, странной смѣси неловкой подражательности и ветоши давно изжитаго соціальнаго строя, въ нашихъ мнѣніяхъ, которыя все еще тщетно пытаются установиться хотя бы относительно самыхъ простыхъ вещей, ничто не противодѣйствуетъ возможности непосредственнаго осуществленія всѣхъ благъ, которыя Провидѣніе назначило человѣчеству. Достаточно обнаружиться среди насъ суверенной волѣ, чтобы сгладились всѣ мнѣнія, чтобы смирялись всѣ вѣрованія, чтобы всѣ умы обратались къ предлагаемой имъ новой идеѣ. Я не знаю, лучше ли было бы, если бы мы прошли черезъ всѣ испытанія, пройденныя другими христіанскими народами,—и истощили, подобно имъ, силы и энергію на познаніе методологической стороны дѣла или, сохранивши свое изолированное положеніе, мы тѣмъ самымъ предохранили себя отъ бѣдствій, сопровождавшихъ длинное и трудное воспитаніе другихъ народовъ, но несомнѣнно, что въ настоящее время дѣло идетъ о томъ, чтобы понять истинный характеръ страны въ томъ видѣ, въ какомъ онъ данъ, какимъ онъ созданъ самою природою вещей и уже отсюда извлечь все, что возможно. Исторія не принадлежитъ намъ болѣе,—это вѣрно,—но наука принадлежитъ; мы не можемъ начинать сызнова всю работу человѣческаго ума, но мы можемъ пріобщиться къ его дальнѣйшимъ трудамъ. Прошедшее болѣе не въ нашей власти, но будущее въ нашей. Не подлежитъ сомнѣнію, что большая часть міра угнетена его преданіями, его воспоминаніями. Не будемъ завидовать узкому кругозору, въ которомъ онъ пребываетъ. Несомнѣнно, что въ сердцѣ большинства націй лежитъ глубокое чувство прошедшей жизни, владычествующей и надъ жизнью настоящей, неотступное воспоминаніе о былыхъ дняхъ, накладывающее свою печать и на дни настоящіе. Предоставимъ же имъ борьбу съ ихъ неизгладимымъ прошлымъ.

Мы никогда не жили подъ фатальнымъ гнетомъ логики

прошлаго,—никогда всемогущая сила не низвергала насъ въ бездны, которыя вырыли вѣка передъ народами. Воспользуемся же огромнымъ преимуществомъ подчиняться лишь голосу просвѣщеннаго разума и сознающей себя воли. Не будемъ забывать, что для насъ не существуетъ непреоборимой необходимости, что наше мѣсто не находится, слава Богу, на томъ порогѣ, черезъ который столько другихъ націй быстро влекутся къ ихъ неизвѣстнымъ судьбамъ, что намъ дана возможность измѣрить каждый дѣлаемый нами шагъ, обсудить каждую идею, озаряющую наше сознаніе, и что намъ позволительно, поэтому, надѣяться на благосостояніе еще болѣе обширное, чѣмъ то, о которомъ мечтаютъ самые пламенные служители прогресса; чтобы достигнуть этихъ окончательныхъ результатовъ, намъ достаточно только одного верховнаго акта той высшей воли, которая заключаетъ въ себѣ волю всей націи, которая выражаетъ собою всѣ ея упованія, которая не разъ уже открывала передъ народомъ новыя пути, развертывала передъ нимъ новые горизонты и вливала въ его сознаніе новое просвѣщеніе.

Неужели будущее, которое я предлагаю своему отечеству, ужъ такъ плохо? Находите ли вы, что судьбы, которыя я для него призываю, безславны? А между тѣмъ это великое будущее, которое осуществится, и прекрасныя судьбы, которыя совершатся, — не будемъ въ этомъ сомнѣваться,— явятся результатомъ особенностей русскаго народа, указанныхъ впервые въ роковой статьѣ. Тѣмъ не менѣе, мнѣ приходится сказать, и я счастливъ, что къ этому приведенъ, слѣдующее: да было преувеличеніемъ писать обвинительный актъ противъ великаго народа, вся вина котораго, въ послѣднемъ счетѣ, заключается въ томъ, что онъ былъ отброшенъ на границу цивилизованнаго міра, далеко отъ странъ, въ которыхъ естественно сосредоточилось просвѣщеніе, далеко отъ очаговъ, изъ которыхъ оно исходило въ теченіе вѣковъ; было преувеличеніемъ не признать, что мы пришли

въ міръ на почву, нетронутую и неоплодотворенную работою предшествовавшихъ поколѣній, пришли туда, гдѣ ничто не говорило намъ объ истекшихъ вѣкахъ, гдѣ не было никакого слѣда новаго міра. Было преувеличеніемъ не отдать должнаго нашей смиренной, а иногда и героической церкви, которая одна утѣшаетъ среди пустоты нашихъ лѣтописей, которой принадлежитъ честь каждаго мужественнаго дѣла, каждаго подвига самоотреченія нашихъ отцовъ, каждой прекрасной страницы нашей исторіи; наконецъ, было, можетъ быть, и преувеличеніемъ печалиться хоть на минуту за судьбу націи, произведшей на свѣтъ могучую натуру Петра Великаго, универсальный умъ Ломоносова и граціозный геній Пушкина.

Но затѣмъ надо также согласиться и съ тѣмъ, что фантазіи нашей публики изумительны.

Припомните, что вскорѣ послѣ злосчастной статьи, о которой я веду рѣчь, на нашей сценѣ была сыграна новая пьеса. Никогда еще нація не подвергалась такому бичеванію, такому надруганію, никогда еще не бросали въ лицо публикѣ столько грязи и никогда, однако, пьеса не проходила съ такимъ полнымъ успѣхомъ. Неужели же серьезный, глубоко размышляющій о своей странѣ, ея исторіи и характерѣ своего народа умъ долженъ быть осужденъ на молчаніе потому только, что ему не дано изобразить въ комедіи угнетающія его патріотическія чувства? Какая причина дѣлаетъ насъ снисходительными къ циническимъ поученіямъ комедіи и грозными къ серьезному слову, доискивающемуся корней явленій? Необходимо признать, что причина этому лежитъ въ томъ, что мы обладаемъ еще только патріотическими инстиктами; лежитъ въ томъ, что мы еще очень далеки отъ разумнаго патріотизма старыхъ націй, созрѣвшихъ для умственной работы, просвѣщенныхъ свѣтомъ науки, привыкшихъ къ научному мышленію; лежитъ въ томъ, что мы умѣемъ еще любить наше отечество лишь на манеръ тѣхъ юныхъ наро-

довъ, которые еще не мучились муками мышленія, которые только еще ищутъ принадлежащую имъ идею и роль, которую они призваны сыграть на міровой сценѣ; лежитъ въ томъ, что наши интеллектуальныя силы еще не упражнялись въ серьезныхъ предметахъ; лежитъ, однимъ словомъ, въ томъ, что умственная работа до сихъ поръ почти совершенно у насъ отсутствовала. Мы стали съ удивительной быстротой на извѣстную степень цивилизаціи, обстоятельство, составляюще предметъ справедливаго удивленія Европы. Наше могущество приводитъ въ ужасъ міръ, наша имперія занимаетъ пятую часть земнаго шара. Но необходимо признать, что все это обязано своимъ существованіемъ энергической волѣ нашихъ государей да физическимъ условіямъ обитаемой нами страны.

Отлитые въ опредѣленныя формы, созданные нашими государями и физическими условіями страны, мы сдѣлались великимъ народомъ, лишь благодаря покорности. Пробѣгите изъ конца въ конецъ наши лѣтописи и вы найдете на каждой страницѣ ихъ глубокое дѣйствіе власти, безпрерывное вліяніе почвы и почти никогда проявленія воли народа. Однако, справедливость требуетъ также сказать, что, отрекаясь отъ своей власти и передавая ее въ руки своихъ повелителей, уступая природѣ своей страны, русскій народъ далъ доказательство глубокой мудрости, ибо этимъ онъ признавалъ высшій законъ своихъ судебъ въ видѣ страннаго результата двухъ элементовъ различнаго порядка; и онъ не могъ этого не признать, не причиняя вреда своему существу, не ограничивая самаго принципа возможности своего прогресса. Быстрый взглядъ, брошенный на нашу исторію съ точки зрѣнія, съ которой мы изслѣдуемъ предметъ, покажетъ, надѣюсь, этотъ законъ во всей его очевидности.

II.

Существуетъ фактъ, верховно владычествующій надъ нашимъ историческимъ движеніемъ во всѣ его вѣка, проходящій черезъ всю нашу исторію, заключающій въ себѣ въ нѣкоторомъ смыслѣ всю философію, проявляющійся во всѣ эпохи нашей соціальной жизни, опредѣляющій ея характеръ, составляющій одновременно и существенный элементъ нашего политическаго величія и истинную причину нашего интеллектуальнаго безсилія; этотъ фактъ—фактъ географическій [1]).

104835

[1]) Здѣсь оканчивается рукопись и нѣтъ никакихъ признаковъ чтобы она когда либо была продолжена. *Прим. князя Гагарина.*

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
4	8 сн.	принятаго	принятымъ
11	14 св.	возрѣній	воззрѣній
—	18 »	возоблагали	возобладали
—	6 сн.	Метерниху	Меттерниху
12	4 св.	флигель-адьютанта	флигель-адъютанта
14	13 »	Шиллинга	Шеллинга
—	3 сн.	ноябрской	ноябрьской
15	13 »	снаменитый	знаменитый
16	4 св.	понимать... Онѣ	поминать... Они
—	7 »	иарода	народа
19	1 »	онѣ	они
20	16 »	разнившіеся	разнившіяся
—	10 сн.	который	который бы
21	21 св.	въ уроками	съ уроками
—	1 сн.	Iib.	Ibid.
—	3 »	томъ жэ	томъ же
22	3 »	тоже	то же
23	6 св.	Душъ	Думъ
24	15 »	не говоритъо	не говоритъ о
25	1 »	изрѣченія	изреченія
26	4 »	Разъединеніе	Разъединенію
29	17 »	«Телескопа»	„Телескопа“,
30	10 сн.	*насшоящее*	*настоящее*
31	17 св.	выражэнія	выраженія
—	18 »	онѣ	они
—	6 сн.	Бѣлинскимъ?	Бѣлинскимъ.
32	12 св.	нисшихъ	низшихъ

Стран.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
32	21 сн.	Еслибъ	Если бъ
—	11 »	Что̀жъ	Что жъ
33	7 св.	еслибъ въ тоже	если бъ въ то же
—	22 »	Обликитесь	Облекитесь
33	10 сн.	Чтожъ	Что жъ
34	11 »	чтобы	что бы
35	11 св.	юности;	юности,—
35	8 сн.	въ отношеніе	въ отношеніи
—	5 »	подобнымъ	подобномъ
36	15 »	къ нааъ	къ намъ
37	2 »	сущеетвованія	существованія
38	21 »	тоже	то же
—	12 »	нисшимъ	низшимъ
39	6 »	кряя	края
40	24 »	Свернувъ	Свергнувъ
—	18 »	характереъ	характеръ
—	10 »	Лапладнцами	Лапландцами
49	12 св.	*факшъ*	*фактъ*
—	7 сн.	*географпческій*	*географическій*
50	13 св.	французъ или	французъ
—	5 сн.	цріобщеніе	пріобщеніе
55	11 »	пе были	не были
56	1 »	Жихаревъ	Жихаревъ.
66	6 св.	выдаюшихся	выдающихся
69	3 »	[2])	[1])
—	11 сн.	къ двору	ко двору
—	4 »	Баршеневымъ	Бартеневымъ
70	14 »	Мсквѣ	Москвѣ
71	1 св.	положили	наложили
72	12 сн.	Герцена	Герцена;
76	1 св.	какъ-то	какъ то
—	8 »	что	это
81	10 »	*дутать п*	*думать и*
82	2 »	свое	свои
—	16, 17 св.	полити.ческаго	политическаго
85	17 св.	кь ней	къ ней
—	18 »	описывающее	описываемое
86	15 сн.	по этому	поэтому
—	13 »	*діалэктическую*	*діалектическую*
—	9 »	на лицо	налицо
—	4 »	произвело	произвела

Стран.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ.*
89	8 св.	полностъю	полностью
93	11 »	свего	своего
—	20 »	мнѣніями“	мнѣніями“,
97	2 сн.	общсственнаго	общественнаго
98	1 сн.	также	такъ же
99	3 »	Біографическя	Біографическая
99	1 »	стр. 298	стр. 298
100	11 св.	Тургеневъ,	Тургеневъ,—
—	15 »	Тургеневъ,	Тургеневъ,—
—	8 »	Туже	Ту же
102	15 св.	Чаадаевымъ	Чаадаевымъ:
105	21 »	рѣшаться	рѣшатся
106	14 »	Сочиненія,	Сочиненія
107	1 »	зтихъ	этихъ
—	14 сн.	время	время,—
—	5 »	Шевюревъ	Шевыревъ
108	10 »	чго	что
—	2—3 сн.	И такъ	Итакъ
—	2 »	крайностн	крайности
110	колонц.	западнника	западника
—	2 св.	набирай	набирать
—	6 сн.	пракильное	правильное
112	11 св.	еслибы	если бы
—	1 сн.	Пыпинъ	Пыпинъ, т. II,
113	14 св.	нѣмейкой	нѣмецкой
—	16 сн.	критикѣ	критики
—	12 »	обращики	образчики
114	13 »	тоже	то же
—	5 »	другаго	другого
—	3 »	*носишелей*	*носителей*
115	10 св.	марализировать	морализировать
—	15 »	статьѣ;	статьѣ:
—	2 сн.	Дюнайе	Дюнойе
116	6 св.	пришлось	пришлось
—	11 »	не задолго	незадолго
118	2 »	проповѣдаютъ	проповѣдуютъ
—	7 »	сознавія	сознанія
—	11 сн.	тоже	то же
—	8 »	черезъ чуръ	черезчуръ
120	7 св.	кнута.	кнута
—	10 »	глубоко-истиными	глубоко-истинными

Стран.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
121	13 сн.	Христа то	Христа-то
122	2 св.	чѣмъ-то	чѣмъ-то,
123	11 »	за то	зато
—	3 сн.	продержащимъ	придержащимъ
124	2 св.	нзвѣстнымъ	извѣстнымъ
—	10 »	харахтеръ	характеръ
—	18 »	мишуру,	мишуру
132	9 »	этомъ	этимъ
139	5 »	Остонавливаясь	Останавливаясь
141	7 »	какь	какъ
145	14 сн.	тѣже	тѣ же
—	13 »	таже	та же
150	13 »	запросовъ	запросахъ
161	17 св.	какой то тріумвартъ	какой-то тріумвиратъ
162	12 »	Полоникомъ [2])	Полоникомъ [2]),
—	13 »	Костенецкимъ	Костенецкимъ,
—	2 сн.	томъ	тотъ
165	3 св.	Сунгурора	Сунгурова
167	15 »	еслибъ	если бъ
168	17 сн.	заговоръ	заговоръ,
171	12 св.	вышеуказаной	вышеуказанной
181	17 сн.	Дмухоновскаго	Дмухановскаго
182	6 св.	сказааъ	сказавъ
187	6 сн.	*тоже*	*то же*
189	15 св.	Аненковъ	Анненковъ
190	3 сн.	Троякъ	Троянъ
191	13 »	какъ то необыкновенна	какъ-то необыкновенна,
192	1 св.	владимірѣ	Владимірѣ
—	13 сн.	влидимірской	владимірской
193	6 св.	кротости“	кротости“,
195	7 »	Тоже	То же
—	12—13 св.	за то	зато
196	2 »	не раздѣлялъ,	не раздѣлялъ
—	6 сн.	которые	которыя
—	5 »	хотя болѣе и	хотя и болѣе
200	2 св.	одинадцатаго	одиннадцатаго
—	3 сн.	правленія“	правленія“,
202	13 св.	ночальствомъ	начальствомъ
—	12 сн.	человѣкъ	человѣкъ,
203	18 »	приданныхъ	при данныхъ

Стран.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
206	4 сн.	нѣжпымъ	нѣжнымъ
207	8—9 св.	направленіи славяно-фильскаго	направленій—славянофильскаго
—	15 св.	не штыками	не штыками,
208	16 сн.	совѣщатетьнаго	совѣщательнаго
—	14 »	приводить	приводитъ
241	9 св.	таже	та же
242	колонц.	заиадника	западника
243	16 св.	Ето	Его
244	2 сн.	таже	та же
245	2 св.	тѣже	тѣ же
—	13 сн.	За то	Зато
246	13 »	toujouss	toujours
—	11 »	Rnsse	Russe
251	17 св.	И такъ	Итакъ
—	19 »	организмь	организмъ
252	8 сн.	тоода	тогда
—	5 »	утопіей	утопіей,
253	10 »	монополи	монополіи
554	7 св.	крестъяне	крестьяне
—	16 »	напечалалъ	напечаталъ
255	2 св.	образомъ;	образомъ:
—	6 »	*общественно—нравственнаго*	*общественно-нравственнаго*
—	10 сн.	это,	это
257	17 св.	прошедшей	прошедшей,
—	19 »	это	эту
—	20 »	Пыпипъ	Пыпинъ
259	9 »	во первыхъ	во-первыхъ,
—	10 »	во вторыхъ	во-вторыхъ,
—	9 сн.	о томъ	о томъ,
—	5 »	отъ того	отъ того,
260	4 »	organiqne	organique
262	11 св.	государственрымъ	государственнымъ
—	10 сн.	еслибъ	если бъ
272	15 »	всякаго,	всякаго

М 15

Д. 67/168 г.г.

W 1591

20

ГПБ Русский фонд
Вп. 2642 б